

И О С И Ф Д И К

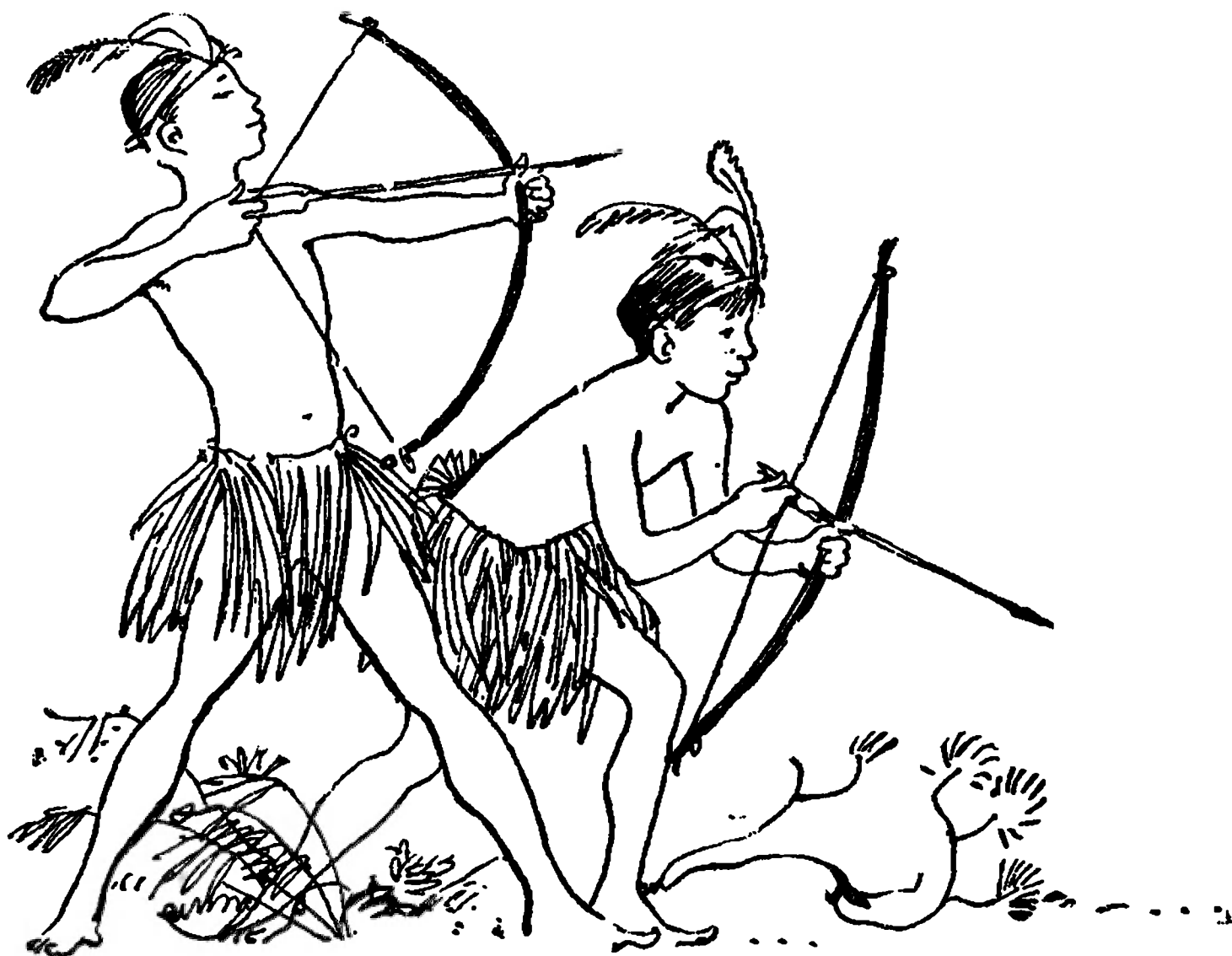
В Д Е Б Р Я Х

К А Р А - Б У М Б Ы

Иосиф Дик

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Рисунки Г. Мазурина

Издательство „Детская литература“

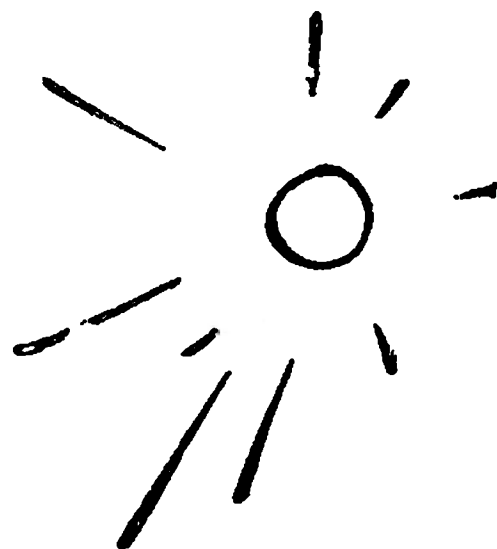
Москва 1970

Когда вы прочитаете эту книгу, побываете вместе с её героями, добрыми и смешными мальчишками и девчонками, на стройке громадного запорожского завода, попутешествуете с ними в дебрях таинственной Кара-Бумбы, погрузитесь над золотой рыбкой, которую съел злобный колдун, временно принявший облик кота Козьмы Прутковича, вы, наверно, подумаете: ну и весёлый человек этот Иосиф Дик! Вот бы с ним познакомиться! Сколько он знает, наверно, разных историй, о которых не успел ещё написать!

А мне, ребята, повезло: я знаком с Иосифом Диком давно, уже лет двадцать. Мы учились вместе с ним в Литературном институте. Это правда, Иосиф Дик на редкость весёлый человек. Пожалуй, более весёлого я не встречал в своей жизни. И знаете, что удивительно: судьба у Иосифа Дика сложилась вовсе не весело, в детстве и юности у него были очень трудные, очень печальные годы. Он рано осиротел (его отец, известный румынский революционер, погиб от рук злодеев, когда сыну было четырнадцать лет) и воспитывался в детском доме, и пошёл воевать, когда началась война, и был тяжело ранен. Так тяжело, что едва не умер. И другой бы умер на его месте если не от боли, то от горя. Но Иосиф Дик слишком весёлый человек: он победил все невзгоды и добился того, чего хотел. Раньше всех нас, студентов Литературного института, Иосиф Дик напечатал первую книжку — сборник рассказов «Золотая рыбка». На первый же гонорар он купил старенький автомобиль — чтобы ездить, смотреть и знать как можно больше. Ни одного года, ни одной весны он не мог прожить спокойно, без путешествий. Сибирь, Дальний Восток, Крым, Урал, Карпаты — вся страна. Он написал много увлекательных книг: «Огненный ручей», «В нашем классе», «На буксире», «Девчонки и мальчишки», «Коза на вертолёте» и другие, полюбившиеся ребятам, да и не только ребятам. Весёлое, доброе слово нужно всем, и взрослым тоже.

Юрий Трифонов

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

П О В Е С Т Ь

УДАР САБЛИ

Всю дорогу мы с Лёшкой ехали в тамбуре и то и дело высовывались из вагона. Мы были счастливы. На рельсовых изгибах мы с восторгом оглядывали всю нашу электричку, которая, иногда тоненько посвистывая, отчаянно неслась среди полей и мелкоколосья.

Вагон болтался из стороны в сторону, колёса без умолку тараторили, буфера звенели, и в тамбур вместе с солнечной пылью, поднятой со шпал, врывался медовый ветер. Настроение было великолепное. Свобода! Свобода от пап и мам!

— Вот здорово, что поехали! — восторгался Лёшка. — Ведь это же моё первое самостоятельное путешествие! И ты ведь тоже никуда один не ездил?

— Не ездил! — ответил я. — А кто первый тебя позвал?

— Ну ты, ты! Успокойся! Подумаешь, какой изобретатель!

— Не изобретатель, а настойчивый человек.

— Ну ладно, пусть настойчивый! Только не хвастайся!

А я и не хвастался. Мне просто очень хотелось, чтобы Лёшка по заслугам оценил мою выдумку уехать из города.

В то лето, когда все ребята с нашего двора после экзаменов разъехались по лагерям и деревням, мы с Лёшкой остались в городе. Вышло так, что у Лёшки заболел отец и слёг в больницу, а у моей мамы на дачу денег не было.

Обычно наши семьи — уж который год подряд! — уезжали за сто километров от Москвы под Коломну, в небольшую деревеньку, расположенную неподалёку от Оки, и там жили до конца августа. А в это лето нам было обидно, что мы опять не сможем поселиться в просторной избе у нашего сверстника Сашки Косого и его матери тёти Груни. Это были очень приветливые и добродушные люди, и к нам они относились, как к своим родным.

В общем, июнь и половину июля мы с Лёшкой ещё крепнулись: играли в футбол, ходили в детский парк в драмкружок, купались за парком в пруду величиной с блюдце. Но когда однажды Лёшка вытащил из пруда на своей спине две чёрные пиявки, терпение моё лопнуло.

— А знаешь, — сказал я, — а ну его ко всем собакам, этот пруд! Давай завтра махнём на Оку! Встретим Зойку, покупаемся!

— Хм!.. Махнул один такой! — безнадёжно усмехнулся Лёшка. — А кто нас отпустит одних? Мамы, да? Ой, умора! А если тебе на Зойку охота посмотреть, так бы сразу и сказал.

И тут же мой план поездки на Оку он разбил в пух и прах.

Я знал, что Лёшкина мама, Тина Львовна, никуда его одного не отпустит. Но почему бы не попробовать уговорить

её? Ведь попытка не пытка? И если мы её уговорим, значит, я скоро увижу Зойку!

Вечером у себя дома за ужином я был очень грустный, еле-еле ковырял вилкой в тарелке, смотрел на маму отсутствующим взглядом.

— Что с тобой? — наконец спросила она.

— Да так... ничего...

— Нет, а всё-таки?

— «Всё-таки, всё-таки»!.. — сказал я с горечью. — Все ребята разъехались кто куда, и Лёшка вот также завтра один на Оку уезжает, а я дома сижу...

— Его отпускают одного?! — изумилась мама.

— Да, одного! — Я сделал очень честные глаза.

— Странное дело, я вчера была у Тины, но она мне ни слова не сказала об этом. А ты хотел бы с ним поехать?

— Конечно! А что тут нам делать, в Москве? Сиди пыль глотай!

— Хотя что ж... — вдруг в раздумье сказала мама. — В деревню — это дело. На два денька, пожалуй, и можно прокатиться. И у меня котлеты на завтра есть. Вы с утра хотите ехать?

После этих слов я бросил ужин и побежал к Лёшке.

— Добрый вечер! — сказал я, заходя к нему в комнату. — Ну как, Лёшка, подготовка идёт?

— Какая подготовка? — насторожилась Тина Львовна.

— Как — какая? Меня мама отпустила на три дня к тётке Груне. У нас уже котлеты жарятся. И Лёшка хочет со мной...

— Что-о?! — Тина Львовна побледнела. — На три дня? А вот я сейчас позвоню твоей маме и проверю. И если ты солгал, ноги твоей здесь больше не будет!

Тина Львовна кинулась к телефону. Я заволновался: а вдруг всё раскроется?

— Наталья Петровна, — сказала в трубку Лёшкина мать, — это правда, что вы... Что? У вас котлеты горят? Хорошо, я попозже позвоню.

— Ну что? — сказал я победно. — Сами слышали — уже котлеты горят!..

— Мам, пусти и меня! — занял Лёшка.

— Прекрати! Прекрати! Вы что, с ума сошли — за сто километров, в глухомань! Одни!

— Ну какая же это глухомань? Три часа езды! — сказал я.— Электричество! Река рядом!

— Вот-вот, я и говорю про реку! — ответила Тина Львовна.— Не хватало, чтобы вы ещё там утонули!

— А мы можем и не купаться,— сказал Лёшка.— Вот дадим честное слово и не будем купаться!

— Знаю я ваши честные слова. Наверно, только слезете с поезда, так сразу же в речку. В общем, о чём разговор? Этого я не позволю! И что мне папа скажет? Он в больнице, его волновать нельзя. А я приду и скажу, что ты уехал? Нет, этого не будет!

В этот вечер Тина Львовна слово «нет» произнесла, наверно, раз пятьсот.

И что мы ей только не обещали! И что поедем в деревню всего лишь на два дня, и что привезём оттуда цветов, берёзовый веник, свежих ягод...

Мы говорили, что в городе можно подохнуть со скуки, что все пионеры должны быть самостоятельными, что они должны любить и понимать природу, что они должны уметь разжигать костёр... А где нам разжигать этот костёр? В комнате на полу?

Наконец мы показали Тине Львовне газету, в которой была напечатана статья о перестройке школьных программ и о связи школы с жизнью. Но Тина Львовна стояла на своём непоколебимо.

Однако чем больше она отказывала в разрешении, тем больше мы наседали. Эта баталия продолжалась часа два-три. И наконец мы взяли измором. Тина Львовна устало махнула рукой и... согласилась.

Её условия были такие: «Ладно, я вас отпускаю, но из окон поезда не высовываться, к Оке не подходить, в лес не ходить и вообще быть только около прошлогодней дачи». Может быть, она, Тина Львовна, приедет за нами.

Условия были жёсткими, но мы их приняли.

На маленькой станции после вагонного грохота нас оглу-

шила тишина. Над водонапорной башней стаями кружили ласточки. На крыше полуразрушенной церкви у самой колокольни примостилась тоненькая берёзка. Около платформы, мелко переступая ногами, паслась стреноженная лошадь.

Конечно, ни на какую прошлогоднюю дачу в деревню мы не пошли. Долой кабальные условия Тины Львовны, и да здравствует наша любимая Ока!

На песчаном пляже, на котором мы загорали в прошлом году, мы быстро разделись и бросились в воду.

Это были блаженные минуты. Мы бегали друг за другом, ныряли, кувыркались, делали стойки под водой и, сносимые течением, падали на спину.

В спокойной воде, будто в чуть потемневшем от времени зеркале, отражалась чайка. Она неслась над рекой, не двигая крыльями, и, казалось, любовалась отражением своего плавного и величавого полёта.

Маленький буксирный катеришко, весь чумазый от копоти, словно ком снега, катил перед собой пенный вал. А потом мимо нас прошла широкая баржа-самоходка, на которой стояли новенькие грузовики, и мы, лёжа на спинах, покачались на её волнах.

И вдруг, выбравшись на берег, мы увидели на песке какого-то смешного дядьку. Он сидел, по-турецки сложив ноги, перед маленьким зеркальцем и брился. У него был крупный лоб, глубоко сидящие чёрные глаза, широкий нос с большими ноздрями и длинные прямые волосы. Побрившись, он смыл с лица остатки пены и вытащил из рюкзака диковинную трубку. Она была сделана в виде человеческой головы с крючковатым носом и остренькой бородой. Серебряная чалма-крышка приподнималась, и под неё закладывался табак.

Ходил незнакомец по пляжу, словно дикарь: в набедренной повязке из двух тряпочек, спереди и сзади. На вид ему было лет двадцать пять — двадцать семь.

Мы стали на него поглядывать. Вскоре он подсел к нам.

— Ну как, сеньоры, облучаемся? — улыбнувшись, спросил он.

— Да вроде бы... — ответил я.

— А простите за любопытство, вы из Москвы или здешние?

— Из Москвы, — ответил Лёшка. — А вы откуда?

— Я здешний. У меня тут дворец, — улыбнувшись, сказал незнакомец. — Вон видите, он стоит на том берегу, окружённый олеандровыми рощами?

На той стороне реки мы увидели только одну-единственную копну сена, окружённую кустами ивняка.

— Впрочем, я шучу. Я тоже сюда только вчера приехал. А вы надолго на природу?

— Всего на два дня, — вздохнул я.

Я лежал на песке и видел, как из нашего берега, который широкими ступенями сходил к воде, вылетали ласточки. Там, видимо в песке, были гнёзда. Почти рядом с нами в смешанном леске, будто человек, вызывающий другого человека на тайную встречу, тихо и осторожно посвистывала какая-то птичка. Над нами задумчиво шелестела листьями старая черёмуха. Запахи сухого, будто пыльного, валежника, и мокрого тальника, лежащего кучами на берегу, и чёрной смородины, и татарского лука с сиреневыми цветочками, и душный запах песка, и свежий запах реки — всё это улавливалось моими ноздрями, и в душе рождалось необычайное чувство счастья. Какая здесь благодать!

— А почему же только на два дня?

— Мамы... — сказал Лёшка и развёл руками.

— М-да... Сочувствую, — понял нас незнакомец и на минуту задумался. — Тогда я считаю вот что: эти два дня у вас должны быть насыщены до предела. Хотите?

— А чем мы будем заниматься? — спросил Лёшка.

— Сначала познакомимся, а потом устроим обед. У вас какие-нибудь продукты есть?

— Есть, — кивнул я головой.

— Вот и прекрасно, я тоже кое-что найду.

Владимир Сергеевич — так звали незнакомца — работал геологом в одной из поисковых партий в Сибири. Совсем недавно он приехал в Москву в своё Геологическое управление с какими-то интересными породами и, ожидая результа-

тов лабораторных анализов, решил несколько свободных денёчков провести за городом в... копне сена.

В рюкзаке у него лежали все пожитки: брюки, тапочки, рубашка-ковбойка, садовый нож с кривым лезвием и полбуханки белого хлеба. А, кроме того, в папке много фотографий.

Вот мы и принялись их рассматривать. Владимир Сергеевич, оказывается, объездил уже всю нашу страну: был на Диксоне, на Украине, на Кавказе. Потом Владимир Сергеевич показал нам корень женьшень.

Это был маленький ветвистый корешок жёлтого цвета. Высохший и сморщенный, он умещался на ладони и был очень похож на худенького человечка с ручками и ножками.

Лёшка взял его в руки и, осмотрев со всех сторон, спросил:

— А чем он знаменит?

— А ты разве о нём ничего не слышал?

— Слышал, — ответил Лёшка. — То ли его пьют, то ли едят. В общем, не знаю...

— Ну и зря. Это ведь корень жизни по-китайски. И ценится он буквально на вес золота. Он, говорят, продлевает жизнь, прибавляет силы...

— А зачем вам женьшень? — спросил Лёшка. — Вы же молодой...

Владимир Сергеевич подкинул корешок на ладони и сказал:

— Это мой талисман. Мне подарил его один мудрый человек, и я его должен беречь всю жизнь.

— А что будет, если вы его потеряете?

— Потеряю сердце, так сказал мне мудрый человек.

Конечно, я почувствовал, это была шутка, но и мне почему-то захотелось иметь такой талисман.

Незаметно пролетел час, другой, третий. У нас уже засало под ложечкой. Мы быстро собрали тальник, разожгли костёр и, проткнув мои котлеты тонкой палкой, стали их подогревать над огнём, как на вертеле. Лёшка вытащил из авоськи свои бутерброды и варёную курицу. Но Влади-

мир Сергеевич порекомендовал оставить этот запас на аварийный случай.

Мы с Лёшкой никак не могли предположить, какая может произойти авария, и поэтому с сожалением глядели на то, как Владимир Сергеевич решительно запихнул курицу обратно в Лёшкину авоську.

Однако мы все вместе не наелись нашими котлетами и бутербродами. Тогда Владимир Сергеевич собрал в реке ворох стрелолиста и испёк в золе маленькие клубни, сорванные с корневищ. Вкус у них был, как у картошки. Потом он угостил нас корнями лопуха, и эти корни оказались ничуть не хуже сырой морковки.

Такой обед нам очень понравился.

Потом Владимир Сергеевич черпнул какой-то консервной банкой воду из реки, бросил в банку для дезинфекции два кристаллика марганцовки и поставил «чайник» на костёр. Ни чашек, ни ложек у нас не было, и поэтому, когда вода вскипела, чай мы по очереди сосали с помощью трубочек, сделанных из бузины.

Пожалуй, из всех чаёв, которые я когда-либо пивал, этот чай был самый вкусный. И Лёшка мне подмигивал— вот житуха отличная! — и осторожно своей трубочкой пытался вытащить из банки какого-то сварившегося комарика. Консервная банка была маленькой, и мы её раза три ставили на костёр.

День уходил. Нам пора уже было думать о ночлеге. Но расставаться с рекой не хотелось. Я нашёл в воде большую замшелую раковину с дюжиной налипших на неё ракушек и подумал, что это её «дети». Оторвутся они когда-нибудь от своей матери и начнут самостоятельную жизнь. А когда? Через десять дней или через месяц?

Я взял нашу консервную банку-«чайник», вложил в неё раковину и, полусасыпав её песком, поставил в воду. Зайду ещё сюда завтра, посмотрю. Если «детки» отпадут, все мои будут. Из банки не вылезут.

— Друзья, минуточку внимания! — вдруг сказал Владимир Сергеевич. — А куда вам торопиться? Ей-богу, оставайтесь ночевать у меня во дворце, а? Мы с вами проведём

волшебную ночь. Над вашими головами будет сиять Большая Медведица, я вам покажу Марс. И вообще живите тут хоть неделю!

— Значит, с вами? — спросил я.

— Со мной.

— А мамы? — спросил Лёшка. — Вдруг они приедут в деревню?

— А что мамы? Пошлём им срочную телеграмму со станции, и дело с концом!

— Я — «за»! — тут же сказал я. — Будем ночевать в копне!

Но Лёшка колебался. Я знал: он представил себе, что будет твориться с его мамой, если она узнает, что он не в деревне. Тина Львовна будет кричать: «Я не переживу! Я не переживу!» — а потом прилетит сюда на такси и даст нам жару!

— Да ладно тебе, Лёшка, ломать голову! — сказал я. — Остаёмся, и баста! Идём на станцию!

Мы долго думали, как написать нашим мамам, чтобы они поняли, что мы живы-здоровы, что добрались благополучно и что нас надо теперь искать в копне сена на Оке.

— «Ищите на Оке», — шептал Лёшка перед окном телеграфа. — «Целуем».

— Нет, не подойдёт, — говорил Владимир Сергеевич. — Твоя мама может ещё подумать: «Ищите в Оке»! Надо тут что-нибудь короткое и ясное. И чтобы приятное...

— Ну давайте: «Мы вас любим», — предлагал я.

— Это сироп, — говорил Владимир Сергеевич. — Надо по-мужски.

— «Привет от тёти Груни», — сказал Лёшка. — Они получат такое и сразу поймут, что мы в порядке.

— А лучше всего просто написать: «Ура!» — и точка! — предложил Владимир Сергеевич. — И денег меньше платить, и всё ясно! А?

Мы согласились. Телеграмма вышла короткой, как удар сабли: «Ура!»

И действительно, из этого слова можно было очень хорошо понять, что мы очень любим своих мам, которые не по-

боялись отпустить нас в дорогу, и что мы в восторге от нашей свободной жизни. Коротко и ясно!

И никто из нас в эту минуту не предполагал, что этим «сабельным ударом» мы на много дней отсекали себе дорогу в Москву.

Солнце уже заходило, когда мы вышли на перрон из маленького вокзальчика и решили перед сном пойти в деревню и навестить тётю Груню.

ЗОЙКА

В деревне на «гулянке» (перед школой играла гармошка) мы с Лёшкой сразу встретили своего старого друга: сына тёти Груни Сашку Косого.

У нас с ним в прошлом году было много весёлых событий: мы пасли коров, разводили кроликов, ходили для смеху «на приём» к деревенской бабке-знахарке, и она нас лечила «от живота» разными травами. А потом мы ей сказали, что Сашка Косой от её трав лежит в больнице при смерти, и бабка в тот же час куда-то уехала из деревни. А в престольный праздник, когда поп служил молебен, мы забежали в пионерских галстуках в церковь и стали тут играть в прятки. Нас оттуда выгнали и сказали, что пожалуются в школу. А Сашка Косой ответил:

— А вас бог за это накажет, за ябедничество!

Но первого, кого «покарал» бог,— это самого Сашку. И руками его матери. Она выпорола его за «богохульство». Но Сашка всё равно рос еретиком: воровал куличи на пасху, не здоровался с худым и длинноногим попом и крестился левой рукой. Тело у него было словно резиновое. Он мог закидывать обе ноги себе за шею и ходить в таком лягушечьем виде по избе на руках.

Здесь же на полянке я увидел и Зойку. Она была в красном платье с белым пояском.

Владимир Сергеевич сразу обратил на неё внимание. Он спросил:

— А это кто?

— Зойка. Из Москвы,— ответил я.

- А она чем занимается?
- Ещё учится в школе. А что?
- Да я просто так...

Не замечая нас, Зойка разговаривала с какими-то не известными мне парнями. Один из них был высокий блондин, широкоплечий и в распахнутой кожаной куртке с «молнией», другой — щупленький, с узкой мышинной мордочкой. Он сидел на своём велосипеде и, то и дело касаясь земли носками ног и отчаянно вертя рулём, пытался найти равновесие и сидеть на седле, не двигаясь вперёд. Видно, эти ребята были тоже, как и Зойка, дачники-москвичи.

Они разговаривали с Зойкой о чём-то весёлом, потому что Зойка всё время звонко смеялась. Высокого она называла Нарик, щуплого — Гарик.

Мы с Лёшкой несколько раз проходили в толпе мимо Зойки, но она нас не видела. А окликнуть её мне почему-то было неудобно, хотя мы с ней и были очень хорошие знакомые.

В прошлое лето наши дачи находились рядом, и Зойка частенько приходила ко мне с просьбой починить велосипед. Машина у неё была старая, и в ней через каждые пять минут портился тормоз.

Я тщательно разбирал заднюю втулку, промывал её керосином и ставил на тормоз дополнительную прокладку. Лёшка был моим помощником, а Зойка сидела перед нами на корточках и рассказывала о своих школьных делах. Она была старше нас на три года, перешла в девятый класс.

Её любимой темой разговоров было, кто и как за ней ухаживает.

«Вот в этом году, — говорила она, — мне один мальчик из десятого класса всё время записки писал, и все девчонки мне завидовали. А у него был свой мотороллер, и мы с ним по Москве катались. Он мне и мимозы дарил, и шоколадки в почтовый ящик кидал. А потом я увидела, что он мещанин, и перестала с ним дружить. Он только и делал, что хвастался: какой у него костюм, какой классический фотоаппарат, какой магнитофон с «шедевральными» вещичками. А потом я каталась на катке с Костей Иваницким из

девятого класса, и он мне прямо сказал, что влюбился в меня. Я так и села на лёд! Кто же про это говорит? И мы его даже хотели на комсомольском собрании проработывать, чтобы он получше в своих чувствах разобрался и не бросался такими словами...»

Я слушал Зойку и думал: «Ух ты какая! А если этот Костя не врал, тогда что?»

В дождливые дни мы все втроём располагались у Зойки на террасе и играли в шашки. На абсолютного чемпиона. Расплата при проигрыше была строгой — двадцать щелчков в лоб.

У Зойки были тонкие пальцы пианистки с длинными треугольными ногтями, и её щелчки были штукой чувствительной.

Особенно доставалось мне. Я почему-то часто проигрывал. Это были чистые проигрыши, но Лёшка как-то мне наедине сказал:

«Слушай, если играть так играть. И нечего тут романы закручивать. Я от Зойки ни одного щелчка не получил, а вы только и делаете, что щёлкаетесь».

«Ну и что?»

«А вот то... Можешь ей дарить там разные мимозы или шоколадки бросать, а уж если сели играть втроём, так уж надо, чтобы всем доставалось поровну. А то я сижу, как лопух, и глазами хлопаю. Для вас интерес, а для меня что? Никакого азарта!»

«И, значит, ты думаешь, что я ей специально подставляю свой лоб?»

«Да, специально!»

«А почему?»

«Потому что она... красивая!»

«Ой, дурак! — засмеялся я. — Да кто же специально будет из-за красоты свой лоб подставлять?»

«Найдутся такие, — не унимался Лёшка. — Вот ты, например!»

«Я?! Откуда ты взял?»

«А ты всегда перед ней гоголем ходишь, выкаблучиваешься! Дескать, посмотрите, какой я герой: и у меня пятёр-

ки, и я музыкой занимаюсь, и велосипед могу чинить. И вообще здравствуйте-пожалуйста! А что касается Лёшки, он — тьфу! — и растереть!»

«Значит, ты хочешь, чтобы она тебя тоже щёлкала?»

«Хочу! Только по игре».

«Пожалуйста!»

На следующий вечер Зойка очень быстро обыграла Лёшку в матче-турнире из трёх партий и вlepила ему шестьдесят щелчков, да таких, что после них Лёшка уже больше никогда не заикался о том, что у нас с Зойкой идёт нечестная игра.

Мы с Лёшкой не раз разбирали Зойку по косточкам: что в ней хорошего и что плохого. Лёшка говорил, что когда она ездит на велосипеде, то «рисуется», а я этого не находил. Потом он говорил, что она фасоня — красную ленточку вокруг головы носит. А я считал, что это ей очень идёт. Зойка была маленькая, с чёрными вьющимися волосами и быстрыми синими глазами. Когда Зойка шла по деревне, все мальчишки глядели на неё разинув рот. И мы с Лёшкой гордились дружбой с Зойкой. Одно мне только не очень-то нравилось в ней. Она любила нам, как взрослая, говорить:

«Мальчики, вы ещё ровным счётом ничего, ничего не понимаете в жизни!»

...Наконец мне надоело без толку ходить вокруг Зойки, и я, подойдя к ней сзади, дёрнул её за рукав.

— Юрка, это ты? — обернувшись ко мне, вдруг обрадованно воскликнула она. — Когда ты приехал? И ты, Лёша, здесь? Вот хорошо! А где вы сняли дачу?

— А нигде, — ответил Лёшка. — Мы в копне сена живём. Одни. Как геологи.

— Нет, честное слово?! — не поверила Зойка.

— Чтоб я подавился, — ответил Лёшка. — Нам мамы позволили!

Нарик с ухмылочкой оглядел Лёшку с ног до головы и подмигнул своему приятелю: полюбуйся на детский сад! Им мамы позволили!

— И что же вы тут хотите открывать... как геологи? — с ехидцей спросил Гарик.

— Наверно, алмазы! — сказал Нарик.

— Хотя да, да! Такие здесь водятся, — подхватил Гарик. — И про них уже написано... Как это? «Навозну кучу разрывая, петух нашёл алмазное зерно».

— Жемчужное... там написано, — сказал я.

— О-о, смотри, какие они знатоки! — сказал Гарик. —
Всю классику изучили!

— Да ладно вам, мальчики, смеяться! — нахмурилась Зойка. — Юра и Лёша — это мои хорошие друзья!

— А это мы сразу почувствовали, — сказал Нарик. — И, может быть, ты нас с ними познакомишь? Мы это очень жаждем.

— Пожалуйста, познакомьтесь!

Я протянул руку Гарику и ощутил в ладони его липкие и холодноватые пальцы. А Лёшка от сильного Нарикова пожатия даже чуть присел.

— Ну вот, — сказал Нарик, — между нами уже любовь и дружба.

Не обратив внимания на это «подкусывание», Зойка забросала нас вопросами: как мы живём, где питаемся, всё ли в порядке дома.

А потом, как бы между прочим, спросила:

— Слушайте, а что это за молодой человек, с которым вы пришли?

— Ой, хороший дядька! — сказал Лёшка. — Мы только сегодня встретились на пляже.

— Он геолог, — сказал я. — Его зовут Владимир Сергеевич.

— Геолог? — изумлённо спросила Зойка. — Как я всегда мечтала о путешествиях! А откуда он?

Мы всё ей подробно рассказали.

Но когда Зойка услышала, что послезавтра мы уже отправляемся в Москву, она вдруг заявила мне:

— Никуда вы не уедете. Будете жить у нас на даче хоть десять дней. Моя мама утром едет в Москву и сообщит вашим родителям. Будем играть в щелчки.

Я не возражал против такого предложения, но Лёшка сказал:

— Подумаем.

Тут к нам подошёл Владимир Сергеевич, и мы его познакомили с Зойкой. Нарик и Гарик молча кивнули ему.

— Ну, как отдыхаем? — непринуждённо спросил Владимир Сергеевич у Зойки.

— Великолестно! — улыбнулась она.

— А вы здешние окрестности хорошо знаете?

— Неплохо. А что?

— Да я люблю бродить, вот и спрашиваю. А вы за Окой были?

— Была. Мы в прошлом году туда с Юрой и Лёшей на лодке переплывали. Красота там, знаете, неопиcуемая. Прямо глушь! И говорят, что там даже лоси водятся. Мы целый день гуляли, орехов набрали, цветов... А вы давно уже здесь?

И Владимир Сергеевич с Зойкой разговорились, как старые знакомые.

Отойдя в сторонку, Нарик и Гарик начали шептаться между собой, а потом Нарик сказал:

— Зой, ты поедешь с нами в совхоз в кино?

— Поеду, только погодите минуточку.

— Нет, мы уже едем, а то опоздаем.

— Ну хорошо.

Зойка крепко пожала нам руки и, сев к Нарикку на раму (её велосипед, оказывается, уже окончательно сломался), сказала:

— Мальчики, только завтра вы без меня не уезжайте. Ладно?

— Ладно, — ответил Владимир Сергеевич и улыбнулся.

Зажужжала Нарикова динамка на переднем колесе, и яркие снопы света заметались по деревенской тропинке.

Было уже поздно, и мы решили не идти на реку во «дворец», а спать на сеновале у тёти Груни.

Тётя Груня нас встретила, как родных, дала нам по кружке молока и сама отнесла на сеновал за усадьбой овчинный тулуп и две подушки.

— Только не курите, — попросила она Владимира Сергеевича.

— Не беспокойтесь! — ответил он. — Нам не впервой!

В сарае было душно. От сена шёл дурманящий сладковатый запах. Когда мы легли, по телу забегали какие-то букашки, и все мы стали чесаться и долго не могли уснуть.

— Владимир Сергеевич, а вы расскажите нам что-нибудь! — попросил я.

— А о чём?

— О чём хотите.

— Я могу рассказывать долго, — сказал Владимир Сергеевич и пошутил: — Как отсюда до завтра... И про жизнь, и про работу, и про книги... Ну ладно, расскажу вам сейчас вот о чём...

И Владимир Сергеевич рассказал нам историю шагреновой кожи. Заключалась она в следующем: был кусок волшебной кожи, и достался он одному молодому человеку, который жил в Париже. Кожа исполняла любое желание хозяина. Но после каждого исполнения она уменьшалась в размере. И когда она исчезла, этот человек умер.

Рассказывал Владимир Сергеевич очень интересно, как будто по книжке читал. Он произносил названия парижских улиц по-французски, в нос. Во время разговоров героев он то повышал голос, то переходил на шёпот. А закончил он рассказ вопросом:

— Ну вот и всё. А что вы поняли?

— Ничего, — сказал Лёшка. — Просто интересно. А что тут понимать?

— Э-хе-хе... — вздохнул Владимир Сергеевич. — Хорошие вы ребята, но ещё не собеседники. А в этой истории, как и во всякой сказке, большая мысль. А вот интересно, как вы понимаете сказку о курочке рябе и о золотом яичке? Помните: жила-была курочка ряба, и снесла она яичко, не простое, а золотое? Дед бил-бил — не разбил, бабка била-била — не разбила, а пробежала мышка, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось! Кажется, сказочка чепуховая, для детей. А если поглубже в ней разобраться, то она о счастье!

— А как это — о счастье? — спросил я.

— Очень просто. Бывает, к людям приходит счастье, а они не понимают этого. И вот бьют-бьют своё счастье, а по-

том достаточно произойти какому-нибудь незначительному случаю, как смотрят, а счастье разбилось! Вот что заложено в этой сказочке. Так и в каждой книжке надо свою глубокую мысль искать...

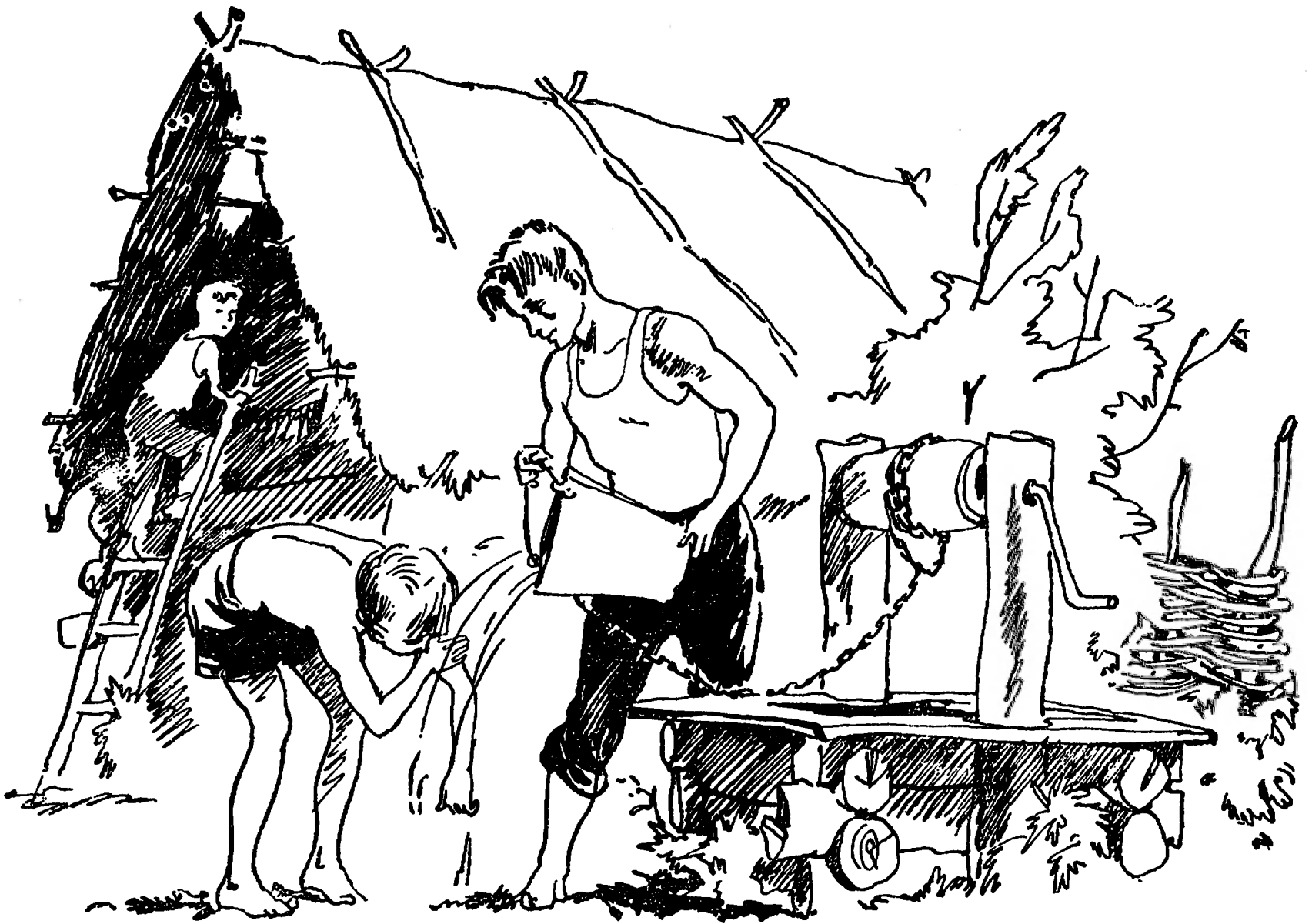
Владимир Сергеевич разговаривал с нами как со взрослыми. Он мне нравился всё больше и больше. И особенно когда разъяснял, что никакой шагреновой кожи в природе нет и всё это фантазия, а добиваться исполнения любого желания может человек только своими руками и головой.

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

Наутро я проснулся рано. Сквозь крышу пробивались ослепительные лучи, и казалось, они, как незримые столбы, поддерживали ветхое соломенное сооружение. Над головой под верхним стропилом было ласточкино гнездо, и из него то и дело сквозь чёрную дырочку выглядывали две головки любопытных птенцов. Хлопотливая мамаша прилетала к ним через каждую минуту и, совсем не касаясь гнезда, по очереди на лету закидывала в раскрытые клювики разных козявок.

Над моей головой прожужжал шмель. Он долго выбирал место, куда бы ему сесть. Я затаил дыхание. Шмель был пушистый, бархатный и важный, и летал он как будто стоймя, опустив хвост. Наконец он уселся к Лёшке на раскрытую ладонь и пополз по пальцам. Я не знал, что мне делать: а вдруг Лёшка спросонок сожмёт пальцы в кулак? Но Лёшка даже мизинчиком не пошевелил перед такой опасностью. Он спал, уткнувшись носом в плечо Владимира Сергеевича, и так крепко, что у него даже текли слюнки.

У Владимира Сергеевича было совсем юношеское лицо, с румянцем на щеках и без единой морщинки на лбу. Спал он на боку, поджав под себя ноги и подложив под щеку ладонь, как будто, задумавшись и закрыв глаза, слушал музыку. Правая рука у него была вытянута вдоль бедра, и даже во сне она была будто напряжена: на ней были вздутые жилы и твёрдые узлы мускулов.

...После ведра холодной колодезной воды, которое Владимир Сергеевич поочередно вылил нам на спины, и после бутербродов с холодной курицей мы, захватив с собой Зойку, отправились в лес.

Когда мы проходили по деревне, из-за забора одной дачи показались две головы. Нарик и Гарик нам вдогонку крикнули:

— Зоя, ты поедешь с нами на пляж?

Зойка, обернувшись, отрицательно помахала рукой.

В лесу неподвижно стоял тугой сосновый воздух, смешанный с резким запахом раздавленной бузины и папоротника. Маленькие полусозревшие ягодки земляники с белыми пупырышками то и дело похрустывали под ногами. Земляники было так много, что Лёшка решил больше не собирать её пригоршнями, а стал ползать на четвереньках от куста к кусту и губами захватывать ягоды.

Потом мы пошли в орешник за удилищами. Владимир Сергеевич шёл впереди, раздвигая кусты и задерживая в руках упругие ветви, чтобы они не хлестнули Зойку по глазам.

Гроза подошла внезапно. Гром уже давно перекатывался где-то далеко на востоке, и казалось, что непогода пройдет стороной. Но Владимир Сергеевич был иного мнения.

— А потопы нам не избежать...— сказал он.— «Будет буря — мы поспорим и поборемся мы с ней!» Кстати, в это время Илья-пророк всегда находится в отпуске, а его заместитель по проливной части немного глуховат. Вот люди и говорят: «Дождь идет не когда мы просим, а когда сено косим!»

— Интересно! — сказал Лёшка.— Надо будет записать.

— А ты уже что-нибудь тут записал? — спросил я.

— А как же!

— А что?

— Сказку о курочке рябе. Теперь я её маме расскажу, а то они всё время с папой ругаются.

Лёшка как-то раз прочитал брошюрку «Как надо собирать фольклор» и с тех пор увлёкся сказками, народными былинами и легендами. Читал он их без разбору, а потом решил сам записывать разные детские считалочки, присказки и частушки. Сам он тоже пытался сочинять фольклор, и, на мой взгляд, у него получалось неплохо. Ну, например:

Уважайте труд уборщиц! Соблюдайте чистоту!
Наведём тогда мы в школе золотую красоту!

Потом он записывал такие литературные переделки:

МУРАЗА И СТРЕКОЗЕЙ

Стрекозунья-попрыга
Цело летое всё пела,
Успенуться не оглела,
Как глама зитит в каза!

Однажды он мне предложил поехать с ним в загс, чтобы понаблюдать за свадебными церемониями. Но в загсе на Колхозной площади мы, к сожалению, никаких свадебных обрядов не обнаружили. Просто здесь стояла очередь из молодых и пожилых людей, а на столе, как в парикмахерской, лежали газеты и журналы, и все посетители их листали.

Но вот на Ваганьковском кладбище, куда мы отправи-

лись записывать похоронные причеты, было очень любопытно. Особенно нам запомнилась одна старушка в чёрном платке, которая убивалась по каждому покойнику. Нам казалось, что все умершие — это очень близкие её родственники, так она безутешно кричала: «Ой ты мой соколик, Пётр Иванович, на кого ты оставил бедную сиротинушку!» Или: «Ой родные, мои милые, посмотрите все на голубушку, на голубушку красну девицу, что в цветах лежит да лазоревых!» А затем мы увидели, что эта старушка за каждое своё причитание получала деньги от родственников усопшего, и поняли, что она специальная «плакальщица».

Лёшка мечтал купить маленький магнитофон, чтобы ходить с ним к старожилам, участникам восстаний и народным сказителям. Но денег у него не было, и он довольствовался карандашом и тетрадкой.

...В лесу вдруг потемнело, по верхушкам деревьев пробежался ветер, обламывая суки и сучья, и вслед за этим сухо и оглушительно треснул гром.

Молния ударила где-то рядом, потому что наши лица на секунду стали голубыми.

— Быстрей шалаш! — крикнул Владимир Сергеевич, выбираясь из орешника. — Полундра!

Мы кинулись врассыпную. Кто за ёлочными ветвями, кто за сухими слагами под крышу.

Работа шла лихорадочно. Шалаш рос на глазах.

От приближавшейся грозы на сердце было и весело и жутко, и тут мы уже не обращали внимания ни на колючки, ни на занозы.

И в тот момент, когда молния снова юркнула между чёрными мохнатыми тучами и разразился ливень, похожий на тропический, мы уже лежали в нашей новостройке на груде сухих листьев и очищали с пальцев смолу.

Владимир Сергеевич вытащил из кармана свою трубку, закурил — в шалаше запахло ирисками, — подумал минутку и вдруг сказал:

— Друзья! Как определили учёные, жизнь есть белковый обмен. И вот меня интересует, а где мы с вами достанем в обед эти необходимые белки для обмена? Курица, как вам

известно, уже скончалась, денег у вас и у меня — только на обратную дорогу...

— Ну, это ерунда,— весело сказала Зойка.— Мы можем все вместе пойти к нам на дачу и там пообедать. У нас сегодня холодный свекольник со сметаной, а на второе пельмени. И даже третье есть — кисель из ягод.

— А в-четвёртых,— сказал Владимир Сергеевич,— мы благодарим вас за приглашение и, как ни жалко, отказываемся.

— Ну, Владимир Сергеевич,— сказала Зойка,— вы ещё не знаете моего папу. Он всегда очень любит гостей!

— Папы — они всегда любят,— улыбнулся Владимир Сергеевич.— А вот мамы, насколько я понимаю, не очень. Да ещё на даче. Если гость понятливый, он всегда должен ехать на дачу со своими продуктами.

— Нет, я, честное слово, вас не понимаю, Владимир Сергеевич! — чуть ли не с обидой сказала Зойка. — Я же вас серьёзно приглашаю.

— Ладно, Зоенька, не сердитесь,— ответил Владимир Сергеевич,— мы придём, придём... но со временем. Только не сегодня. Ну, как-то мне, например, неудобно. Входит неизвестный человек и говорит: «Здравствуйте, дайте поесть!» А этот человек уже давным-давно самостоятельная личность, с пятнадцати лет зарплату получает.

— Ну и что?

— А вот то — пускай ваша дача будет для нас как спасательный круг для тонущего! Мы ухватимся за неё в самый нужный момент. А пока-то мы ведь ещё не тонем? И вообще я люблю как можно меньше тревожить людей своей персоной. Короче, давайте думать, где нам достать эти... белки.

— А мы можем стащить новую курицу! Подозвать её к себе: «Цыпа! Цыпа!» — а потом как трахнуть ей палкой по загривку — и вот обед! — сказал Лёшка.

— А-а... понятно,— усмехнулся Владимир Сергеевич.— Это тебя что, на уроке естествознания научили, куда бить курицу?

— Нет, я своим умом дошёл...

— Вот и видно, что ты человек высокой проходимости. Только на этом далеко не уедешь.

— Уж и пошутить нельзя! — наконец сдался Лёшка, почувствовав, что Владимир Сергеевич ведёт серьёзный разговор.

— М-да... вопрос родился сложный, — в раздумье сказал Владимир Сергеевич, а потом вдруг весело и лукаво посмотрел на нас. — Слушайте, а кто из вас может раздирать мясо руками и пить кровь из убитых буйволиц?

Этот вопрос застал всех врасплох. Мне, например, лично не приходилось в Москве заниматься таким делом. За Зойку и за Лёшку я тоже ручался.

— Я готов пить кровь, — вдруг как-то тихо сказал Лёшка. — Но на какие деньги мы будем покупать этих... как их... буйволиц и вообще где они водятся?

— Вот то-то и оно — где они водятся? — воскликнул Владимир Сергеевич. — Мы с вами живём в дебрях Кара-Бумбы, а буйволиц тут нет.

— Это ещё что за такая Кара-Бумба? — удивлённо спросил я.

— Ну, я так окрестил наш дремучий лес, — сказал Владимир Сергеевич.

— Вот этот, где мы сейчас сидим?

— Да.

— Хорошенькая Кара-Бумба! — засмеялся Лёшка. — Кара-Бумба — это, должно быть, где-нибудь у чёрта на куличках, в Средней Азии, а тут Ока, пароходы, электрички...

— А для романтики можно и Кара-Бумбой назвать, — сказала Зойка. — У тебя в школе спросят: «Ты где был летом?» А ты ответишь: «В лесу!» И не звучит. А когда скажешь: «В дебрях Кара-Бумбы!» — «О-о! — скажут ребята, и все начнут спрашивать: — Это что, пустыня или горы?» А на самом деле это под Москвой! Вот и весело! Только жалко, что здесь нет буйволиц!

— А корова не подойдёт? — спросил я у Владимира Сергеевича.

— Да кто тебе позволит раздирать корову руками? — сказал Лёшка. — Тут вмиг по шее накостыляют.

— Тише, тише, друзья! К чему весь этот шум? Я пришёл к выводу: раз в дебрях Кара-Бумбы мы не можем найти буйволиц, так, значит, я сейчас отправлюсь в... Москву. Встречусь с вашими мамами и, если хотите, попрошу у них разрешения на ваше дальнейшее житьё-бытьё в шалаше.

Такого вывода никто не ожидал, и мы с Лёшкой минуты две, поражённые, молчали. Потом я восхищённо сказал:

— Вот красота!

— Теперь дальше: мне сегодня очень нужно быть в нашем управлении. Там, может быть, уже готовы анализы. Кстати, я жду телеграммы из Красноярска. Вы останетесь здесь, в лесу, и будете охранять наше готическое сооружение, а я — три часа в Москву, три обратно. Это шесть часов. Плюс часа два на заход к вашим мамам. Да потом мне надо купить продукты. Это будет восемь часов. Следовательно, к шести-семи я вернусь назад.

— Нет, это уж дудки! — вскочил на ноги Лёшка. — Я тоже еду, и к бабушке эти... Кара-Тумбы.

— Не Кара-Тумбы, а Кара-Бумба, — вежливо поправил его Владимир Сергеевич и обратился ко мне: — А твоё мнение?

Я посмотрел на Зойку. Она сидела в уголке, притихшая, с насторожённым взглядом, направленным на Владимира Сергеевича. Над её головой, на еловых иголках, висели серебряные капли. Я знал: стоит Лёшке показаться в Москве, в этот лес он больше никогда не вернётся, а значит, и меня одного тоже не отпустят. И, следовательно, до будущего лета я больше не увижу Зойку.

В Москве я стеснялся звонить к ней по телефону. Мне, правда, много раз хотелось заехать в её школу на велосипеде, но её школа была очень далеко от нашего дома, а мама мне разрешала кататься только в пределах наших переулков. И я никуда не ездил.

— Ну и трус же ты какой, Алёшка! — вдруг сердито сказала Зойка. — Если б я жила в вашем дворе, я бы всем девочкам рассказала, какой ты человек.

— Рассказывай на здоровье! И кому хочешь! А на самом деле я не трус, а разумный человек. И все девчонки

меня поймут. А в щелчки вы с Юркой и в Москве сможете сыграть.

— Очень нужен ты девочкам, чтобы они тебя понимали!

Владимир Сергеевич зорко посмотрел на нас и сказал:

— Время для прений истекло. Всё ясно, Юрка, вот тебе карандаш и бумага, пиши маме записку, а ты, Лёшка, можешь ехать со мной.

— И ты поедешь? — спросил я Лёшку.

— Конечно, поеду, — ответил он.

— Такой стал, да?

— Такой...

— Ну ладно, езжай, езжай к мамочке! Мы ещё когда-нибудь поговорим на эту тему!

Я написал на бумажке:

«Ма! Я живу очень хорошо у Зои на даче. Ты не беспокойся. Нашему Владимиру Сергеевичу, который тебе принесёт записку, дай каких-нибудь продуктов и немножко денег. Целую тебя крепко».

— А ты, Лёшка, — сказала Зойка, — можешь в Москве поцеловаться с любым фонарным столбом. Мы тебе разрешаем.

— Кто это «мы»? — спросил Лёшка.

— Я, например, и Юра.

— Ха-ха! Тили-тили-тесто — жених и невеста!

Эти слова для меня были очень обидными, и по ним я понял, что Лёшка идёт на разрыв со мной: дескать, бог с ним, с этим Юркой! Проживу без него. А уж напоследок насолю! И мне также хотелось сказать Лёшке что-то очень обидное. Ведь не я же первый начал эту ссору!

Но пока Владимир Сергеевич доставал из рюкзака свой паспорт, пока зашнуровывал тапочки (он ходил по лесу босиком), я увидел, что на Лёшкином лице появились тяжёлые переживания: ехать ему или не ехать?

— Ну-с, до вечера! — сказал Владимир Сергеевич, пожимая мне руку. — С огнём не баловаться. Если хочешь, позволяю тебе пообедать у Зои. Встреча будет здесь, около шалаша.

— Есть! — ответил я по-военному.

Лёшка подождал, пока Владимир Сергеевич скроется в гуще, а потом, схватив бумагу и карандаш, быстро нацарапал своей маме записку и стремительно побежал за ним...

Владимир Сергеевич не приехал к нам в шалаш ни в семь, ни в восемь, ни в девять часов вечера. Мы с Лёшкой пообедали у Зойки, а поужинали у Сашки Косого. Тётя Груня дала нам по куску ржаного хлеба собственной выпечки и по два сырых яйца. Потом мы вернулись из деревни к шалашу и зажгли костёр.

Что произошло с Владимиром Сергеевичем, я никак себе не мог представить. Попал под автомобиль? Свалился с поезда?

— А может быть, он получил у наших мам продукты и удрал, а мы тут как дураки сидим в лесу и ждём? — говорил Лёшка, помешивая в костре палкой. — Ведь мы же его совсем не знаем!

— Ну, как не знаем? Знаем! — сказал я. — Фотографии смотрели, этот самый... талисман.

— А документы он тебе свои показывал?

— Не-ет...

— Ну, вот видишь, а ты говоришь, что знаем. А может быть, у него там в паспорте стоит штамп: «Жулик»?

— На жулика он не похож, — сказала Зойка.

— А по лицу трудно узнать человека, — ответил Лёшка. — Вот попробуй определи меня, какой я, хороший или плохой?

— Я-то уж тебя как облупленного знаю, — сказал я. — Ты серединка-наполовинку! У тебя семь пятниц в неделю.

— А Зойка какая?

— Зойка хорошая.

— А почему ты так говоришь? Потому, что вы знакомы с ней с прошлого года. И ты её родителей знаешь и как она учится. А с Владимиром Сергеевичем мы ведь только вчера познакомились. И что мы о нём скажем? Ничего!

— А по документам тоже нельзя судить о человеке, —

сказала Зойка.— Есть только один самый хороший способ узнавания: надо с человеком пуд соли съесть. Но сначала всё равно нужно доверять людям. И не бояться их.

— Ой какая философка нашлась! «Доверять»! Надо и проверять!

— Гадно, не волнуйся,— сказала Зойка.— Я за него ручаюсь!

Если бы не Зойка, мы с Лёшкой в лесу ни за что бы не остались. Здесь было страшно. За кустами чудились какие-то звери и бородатые люди. То тут, то там, казалось, кто-то тяжело дышал и посапывал.

Наш шалаш находился в глухом ельнике. До деревни было километра с полтора, до станции лесом — километр. Ни дороги, ни тропок поблизости не было. Лишь невдалеке от нас под пригорком возле кладбища журчал родник.

Мы просидели в лесу до десятичасовой электрички. Она прострекотала вдали, тоненько просвистела и затихла около станции.

И вдруг до нашего слуха донёсся далёкий-далёкий крик:

— Э-ге-ге-ге-ей! О-го-го-го-о!

— Владимир Сергеевич! — воскликнула Зойка.— Честное слово, это он! Слушай, Юрка, бежим встречать его! Он, может быть, что-нибудь несёт. А ты, Лёшка, подкинь в огонь хвороста!

Мы помчались по кустам к Владимиру Сергеевичу.

Да, да, это был он! Весь увешанный кульками, авоськами, бумажными свёртками. Это был он, наш Владимир Сергеевич, уставший и запылённый и — честное слово! — в эту минуту самый родной человек.

Владимир Сергеевич распределил между мной и Зойкой свои свёртки, положил себе на плечо свёрнутое одеяло с подушкой, и мы весело зашагали к шалашу.

— Ну, как вы тут прожили без меня? — спрашивал Владимир Сергеевич.— Не волновались?

— Волновались! Ещё как! — ответил я.— Мы думали: ну куда вы делись?

— А я там в Москве задержался. Малость не подрассчитал со временем. И я тоже волновался: как вы тут?

— А вы наших мам видели?

— Видел! Вот они и держали. Тут они такой надавали всякой всячины, что я еле-еле донёс. До вокзала такси пришлось брать. Я им говорю, что нам ничего особого не надо, а они: «Надо!»

— А когда они велели приехать?

— Это я потом всё подробно расскажу. Вот сядем у костра. А эта Тина Львовна, ой, смешная! «Владимир Сергеевич! Родненький, родненький! Вы Лёшу своими глазами видели, да? У меня прямо всё сердце изболелось! Зачем я его отпустила?» А я отвечаю: «А зачем вашему сердцу болеть, он парень уже взрослый, себя в обиду не даст!»

И вдруг впереди, в темноте, мы услышали отчаянный крик Лёшки:

— Караул! Спасите!

— Что за чертовщина? — удивился Владимир Сергеевич и на мгновение остановился.

— Спаси-ите! — опять завопил Лёшка.

Тут Владимир Сергеевич рванулся на голос.

Я тоже побежал за ним и летел, не чуя под собой ног. За мной неслась Зойка.

Что с Лёшкой? Режут? Убивают? Вот тебе и отдохнули на даче!

К моей великой радости, Лёшка был жив. Только он стоял около шалаша с выпученными глазами и трясся так, будто сию минуту вылез из проруби.

— Ты что орал? — подскочив к нему, спросил Владимир Сергеевич.

— Ч-чёрное и м-мохнатое... — еле выдавил из себя Лёшка.

— Что чёрное?

— М-мохнатое! — опять отвечал Лёшка. — Оно вышло и з-зарычало. А п-потом ускакало.

— Ну, медведь, что ли? — возбуждённо спросила Зойка.

— Нет, не м-медведь, но на четвереньках... А л-лица нет.

— А может быть, это тебе показалось? — спросил я.

— Честное пионерское, не вру! — поклялся Лёшка.

— Странно, что бы это могло быть? — задумался Владимир Сергеевич. — В лесу... в темноте...

И тут мы слышали неподалёку от нас какие-то звуки. Они походили то на плач ребёнка, то на гортанные человеческие вскрики. Потом где-то за шалашом — и очень ясно! — хрустнула ветка. Зойка прижалась к моему плечу. У меня отчаянно заколотилось сердце. Лёшка втянул голову в плечи и замер.

— Во-от, слышали? — еле прошептал он.

— А откуда оно пришло? — спросил Владимир Сергеевич.

— Со стороны нашей дорожки!

— И что?

— Ну, как что? Я как увидел, так сразу и завопил! У нас ведь нет оружия!

— А как оно убежало, на четвереньках?

— Нет, на дыбы, кажется, поднялось. Я не разобрал. Костёр плохо горел.

— Вот интересно было бы: приходим, а Лёшку уже медведь сожрал! — пошутил я. — Так и дали бы телеграмму: «Погиб в желудке!»

Владимир Сергеевич поднёс палец к губам — тише! — и, подобрав с земли берёзовую кору, поджёг её от костра. Кора ярко вспыхнула, и он с этим факелом пошёл за шалаш.

Мы слышали, как он минуты две лазил по кустарнику, видели колеблющийся огонёк и стояли растерянные и жалкие. Особенно мне было стыдно перед Зойкой.

А что мы с Лёшкой могли поделать? Оружия у нас никакого, кругом темнота, место вокруг нами не изведано...

Наконец Владимир Сергеевич вернулся.

— Никого нет! — сказал он. — Ни чёрного и ни мохнатого. А этот крик — филин! Но, в общем, завтра нам надо подумать о своей безопасности. Значит, ты сам, своими глазами видел, как тут кто-то стоял? — обратился он к Лёшке.

— Своими глазами...

— В общем, ладно... Наплевать и забыть! — сказал Владимир Сергеевич и дал команду укладывать продукты в шалаш.

На ужин мы сварили пшённую кашу и кофе. Настроение у нас немного улучшилось.

Владимир Сергеевич очень подробно рассказал нам о том, как он познакомился в Москве с нашими мамами и как вместе с ними ходил по магазинам.

— Да, а на обратной дороге я ехал и думал,— добавил Владимир Сергеевич.— Сколько нам тут придётся прожить, мы не знаем. Но для того чтобы в шалаше была дисциплина, надо распределить обязанности. Юрка, значит, у нас будет заведующий по продовольственной части. Лёшку я бросаю на должность истопника. А Зоя, так как у неё папа врач,— она будет медиком. А себя я ставлю на пост начальника Кара-Бумбы. Какие будут соображения?

— Мы согласны,— ответил я.

— Значит, власть утверждена! — сказал Владимир Сергеевич.— Теперь я предлагаю установить дежурства. День дежуришь, два гуляешь, так?

— А что должен делать дежурный? — спросил Лёшка.

— Вставать раньше всех, готовить еду, следить за чистотой. В этот день он является первым заместителем начальника Кара-Бумбы, и его приказы надо будет выполнять беспрекословно.

— Уж я тогда над Юрочкой поизмываюсь! — засмеялся Лёшка.— Дайте мне только добратся до этих дежурств!

В общем, мы согласились с новым порядком нашей жизни и после ужина стали готовить постель ко сну.

Зойка очень боялась одна идти в деревню через лес, и Владимир Сергеевич приказал мне её проводить.

— А может, нам с Лёшкой вдвоём пойти? — с надеждой предложил я.

— Нет,— сказал Владимир Сергеевич,— Лёшка будет здесь мне помогать.

Я взглянул на Зойку, представил себе путь до деревни и обратно к шалашу и, по-честному говоря, струхнул. Как же я один буду возвращаться назад? И вместе с тем мне очень хотелось проводить её.

Когда мы с Зойкой выбрались из лесу на просеку, мы увидели над нашими головами тёмно-синее небо с миллио-

нами звёзд. На траве лежала холодная роса, но от пыльной просёлочной дороги к нашим босым ногам шло тепло.

— Слушай, а ты в эту зиму никакого письма не получала? — тихо спросил я у Зойки.

— Нет, — ответила она. — А от кого?

— А ты не будешь сердиться?

— Нет.

Я отвернулся и сказал:

— От меня.

— А зачем ты мне писал? Ведь у меня есть телефон!

— Ну, телефон — это неинтересно. А твой дом номер шестнадцать?

— Восемнадцать.

— Значит, я ошибся. Жалко!

— Юр, — спросила Зойка, — а что там было в письме?

— Ничего особенного. Просто я тебя приглашал на день рождения... Посмотри, а вон звезда падает. Видела?

— Видела.

— Говорят, когда падает звезда, надо задумать желание, и оно исполнится.

— А ты задумал?

— Задумал. А ты?

— Я не успела. А что ты задумал?

— Об этом нельзя говорить. Если скажешь — не исполнится.

— Ну, мне-то можно сказать?

— Вот тебе-то и нельзя!

— А почему?

— Нельзя, и всё!

Это было очень интересно — разговаривать загадками и полунамёками.

Но тут же я в открытую признался, что всю зиму ходил на каток «Динамо» на Петровку и думал, что встречу там Зойку. Потом я однажды позвонил ей домой по телефону, а когда она подошла и спросила: «Кто говорит?» — я испугался и бросил трубку.

Вообще весь этот разговор и о письме и о катке я продумал ещё давным-давно. Я решил: увижу Зойку, расскажу

ей всё. Но вот сейчас я ей всё рассказываю, а она идёт и тихонько улыбается. Отчего? Пусть она старше меня почти на три года! Но я-то ведь рослый мальчишка, а она тоненькая, невысокая девочка, и можно думать, что мы ровесники. И то, что она уже проходила в школе какую-то там тригонометрию и анатомию человека, это ещё ничего не значит. Я тоже буду их проходить. Но, может быть, я Зойке кажусь совсем маленьким?

Я вкладывал в свои слова особый смысл. Но Зойка словно не замечала этого. Она только пообещала:

— А знаешь, в эту зиму я тоже могу ходить на каток «Динамо».

До настоящей зимы ещё было месяцев пять.

Мы постояли с Зойкой около дома и пошептались. Она сказала, что Нарик и Гарик всё время её зовут по вечерам танцевать к ним на веранду, а ей не хочется туда ходить. Эти ребята какие-то «лбы»: книжек не читают, ничем не интересуются. Когда они узнали от Зойки, что мы в лесу построили шалаш, то сказали, что этот шалаш они сожгут. А почему? Неизвестно.

— Да вы их не бойтесь,— добавила Зойка.— Они только хорохорятся. А пугнуть их как следует, они мигом разбегутся. Я их уже изучила. Они даже за меня как-то раз в совхозе заступиться не смогли, когда там один хулиган потащил меня за руку с ним танцевать.

Зойка влезла к себе в дом через окно. В доме уже все спали. Мы пожали друг другу руки, и я сделал вид, что пошёл в шалаш.

Но — дудки! — в шалаш я не попал. Я забрался на старый сеновал за деревней и проспал там до зари.

Возвращаться одному в шалаш через лес мне было страшно.

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Наутро мы с Лёшкой с восторгом рассматривали всё хозяйство, которое было привезено из Москвы. На землю из рюкзаков выкладывались мешочки с манной крупой и

гречкой, картонные коробки с макаронами, банки с топлёным маслом, чай, соль, ложки, чашки, колбаса, печенье, алюминиевые миски и т. д. Оказывается, Владимир Сергеевич, познакомив наших мам со своим геологическим дипломом, сумел убедить их в том, что дети в шалаше отдыхают великолепно, и единственно, что им нужно, — это продукты. И тут уж мамы постарались!

Заодно они снабдили Владимира Сергеевича и кухонным ножом с деревянной ручкой, и огромной кастрюлей, и двумя одеялами с подушкой. В один из рюкзаков были воткнуты короткая сапёрная лопатка и топорик.

Сколько всё-таки нужно вещей для того, чтобы прожить человеку!

Для продуктов мы с Лёшкой начали рыть погреб. Но Владимир Сергеевич сказал, что погреб без кирпичной обкладки — это чепуха. Он скоро обвалится, и в нём появятся мыши.

Тогда на ёлке мы выбрали здоровый сук и начали на нём подвешивать на шпагате кульки и свёртки. Получалось что-то вроде новогодней ёлки.

Под этой же толстой ёлкой из ровных стволов молоденьких осин мы без единого гвоздя соорудили четырёхугольный стол с плетёной крышкой и три скамейки. Рядом с шалашом над костром на случай дождя был поставлен густой навес из еловых веток.

Через день-другой о нашем шалаше, видно не без участия Сашки Косого, прослышали в двух соседних деревнях, и к нам, поглядеть на наше житьё-бытьё, стали приходить совершенно незнакомые люди. Молоденькие воспитательницы деревенского детского сада приводили по утрам своих малышей, и те, заглядывая к нам в шалаш, будили нас словами: «Дяденьки, вставайте!»

Пришёл как-то раз лесник, здоровенный мужчина в сиреновой заплатанной рубахе, с бородой и ружьём. Мы ему

налили кружку кофе, дали сахару и стали расспрашивать, а не водятся ли в его лесу медведи.

— Медведи, буде? — переспросил он. — Отродясь не видывал! Что касаясь лосей, то это, буде, водятся. Я сам стою на реке, гляжу, буде, переплывает какое-то дерево, да против течения прёт! Удивительно, какая новая физика, буде, думаю. Дерево, а против течения! А потом гляжу, буде, это дерево на берег на четырёх ногах вылазит...

— Вот фольклор! — восхищённо шепнул мне Лёшка. — «Буде» да «буде». — И обратился к леснику: — А вы какие-нибудь народные причеты знаете?

— Чего, буде, сказываете?

— Я говорю, ну, вы какие-нибудь сказки знаете или причитания?

— Сказками, буде, не балуюсь, — ответил лесник, — причитания не знаю. А вот бабка Кузьминична на том берегу, буде, километров за десять, — она, как хор Пятницкого, про что хошь, буде, проголосит. Она и в клубу выступала...

Лесник ещё выпил кружку кофе, церемонно поклонился и, сказав: «Ну, радуйтесь тут, люди!» — ушёл. Однако вскоре он вернулся и добавил: «Вы с огнём, буде, не того! А то я вас, буде, того!» И опять скрылся в кустах.

Зашла к нам как-то тётя Груня и, увидев, как мы уплетали за обе щеки картошку в мундире, сказала:

— А может, вам в готовке пособить, а? Вы, ребята, меня не стесняйтесь. Хотите, я вам буду готовить и вы ко мне будете приходить? Тут можно и мясца достать говяжьего али курочки. А вы небось всё всухомячку да всухомячку?

— Спасибо, тётя Груня, — сказал я, — но мы не всухомячку... У нас всё бывает: и первое, и второе, и третье.

— Ну?! — улыбнулась тётя Груня. — Как в чайной?

Наше первое приключение с «медведем», вернее, с непонятным существом, каким-то образом очутившимся вблизи нашего шалаша, забылось не скоро. Мы сделали вокруг шалаша плотную изгородь из заострённых осиновых кольев и вырезали два дубовых дына для самообороны.

И вот наступил долгожданный отдых. Наш шалаш стал

теперь крепостью, неуязвимой со всех точек зрения: продукты у нас есть, безопасность жилья гарантирована.

Первый свободный от работ день мы с утра до вечера купались, на второй день мы ходили за ягодами, на третий — делали себе луки и стрелы и стреляли, как индейцы, в цель, в Лёшкину тубетейку.

А на четвёртый я задумался: ну ладно, вот мы едим, спим, отдыхаем в лесу, а дальше что? Неужели и всё лето так пройдёт?

— А хотя бы и так, — глубокомысленно сказал мне Лёшка. — Чем плохо? Тут пташки поют, там разные букашки чирикают.

— Но ведь так же скучно — только жрать и спать!

— Ну не жри и не спи, а по мне это в самый раз... Дети должны наслаждаться своим золотым детством. Так сам Толстой сказал.

— Значит, надо баклуши бить?

— Во-первых, ты мне объясни, что такое... «баклуши», а во-вторых, если кто и бьёт их, то всё равно, значит, работает... — У Лёшки был иронический тон.

— Слушай! — сказал я. — Ну зачем мы сюда приехали? Я считаю, что мы приехали сюда для того, чтобы закалять и вырабатывать характер. Так? А характер вырабатывается в борьбе с жизненными трудностями. Теперь дальше: сейчас у нас нет жизненных трудностей, но мы их можем сразу добыть.

— А как? — спросил Лёшка.

— Очень просто. Мне сейчас в голову пришла великолепная идея: надо отказаться от всех денег, которые у нас есть, от помощи пап и мам, и надо начать самостоятельную жизнь!

— Что?! Самостоятельную? — удивился Лёшка.

— Да.

— Без пап и мам?

— Да.

— Не выдержим! — сказал Лёшка.

Этот Лёшка был настоящим маменькиным сынком! В школе все ребята собирают металлолом: таскают на пле-

чах водопроводные трубы, приносят неесть откуда битую чугунную фасонину от канализации, а Лёшка стоит в стороне и наблюдает. Ему-де нельзя таскать, у него аппендицит! Мы в школьном дворе начинаем сажать яблони: роём ямки, заливаем их навозной жижей, а Лёшка ходит вокруг нас и бормочет: «Вы, ребята, с землёй поосторожней. Проткнёте чем-нибудь палец, и будет у вас столбняк!»

«Столбняк», «аппендицит»! Вот и сейчас: «Не выдержим»... Что за странный человек!

Владимир Сергеевич при этом разговоре не присутствовал. Он ходил на станцию за свежей газетой. Но когда вернулся, вдруг спросил нас:

— Друзья, а вы знаете, что самое плохое на свете?

Мы с Лёшкой умолкли.

— Самое плохое на свете,— продолжал Владимир Сергеевич,— это безыдейное существование. Понятно?..

— А мы тут при чём? — перебил его Лёшка.

— При том, что мы с вами уже четвёртый день зазря небо коптим. Мы ничего не делаем: ни хорошего, ни плохого. А посему совещание по вопросу о смысле жизни в нашем шалаше считаю открытым. Кто хочет слова?

В предвечерней тишине леса было отчётливо слышно далёкое «ку-ку». За оврагом в пионерский горн дудел пастух. Оттуда слышалось мычание, хлопанье хлыста и крики подпасков: «Э-эй, комолая! Куда понесло?» Вероятно, стадо уже потихоньку шло к деревне. До нашего слуха долетал приятный церковный звон. Дилинь-дон! Дилинь-дон! Дилинь-дон!.. — захлёбывались многочисленные колокольчики.

— А мы с Юркой уже говорили на эту тему,— сказал Лёшка.— И он знаете что предлагает? Вот чудак! Чтобы мы отказались от всех папо-маминых продуктов и начали бы самостоятельную жизнь!

При слове «самостоятельную» Лёшка поднял указательный палец и засмеялся.

— Ого! Интересный разговор. Прямо в яблочко попали,— улыбнулся Владимир Сергеевич.— Ну, и на чём же вы порешили?

— А ни на чём. Не выдержим!

— А сколько дней будут продолжаться ваши, то есть наши, испытания? — спросил Владимир Сергеевич.

— Я предлагаю весь шалашный период.

— Весёленькая затейка! — пробурчал Лёшка. — Обалдел!

— А я стою за это испытание, — вдруг обрадованно сказал Владимир Сергеевич. — Это любопытно придумано. Итак, голосуем. Кто за самостоятельную жизнь? Кто против? Кто воздержался?

Лёшка поднял руку.

— Против нет. Воздержался один, — сказал Владимир Сергеевич. — Но так как меньшинство подчиняется большинству, то завтра мы все начинаем трудовую жизнь. На имеющиеся у нас продукты накладывается вето, что означает запрет. Кто не работает — тот не ест! Ура, товарищи!

— Подождите, а у меня вопрос, — сказал Лёшка. — А как быть с одеждой, кастрюлями, топором и другими вещами? Их что, придётся сдавать?

— Нет, сдавать не будем, — ответил Владимир Сергеевич.

— Но ведь эти вещи не наши, а пап и мам!

— А мы предположим, что мы их взяли в долг или нам, так сказать, их подарили.

— Ладно, — вдруг торжественно сказал Лёшка. — А давайте также и продукты и деньги возьмём будто в долг или предположим, что нам их подарили. Вот и весь выход из положения!

— Товарищи, — будто стоя на трибуне, официальным голосом сказал Владимир Сергеевич, — мы, кажется, этот вопрос решили, и вновь к нему возвращаться уже нет смысла.

— Но что мы будем есть на ужин? — закричал Лёшка.

— Ни-че-го, — по складам разъяснил Владимир Сергеевич. — Это даже полезно. Один врач говорил: завтрак съедай сам, обед подели с другом, а ужин отдай врагу. В общем, теперь мы с вами несчастные сироты! Но у нас есть голова, руки и ноги.

И, словно для того чтобы лишний раз показать свои ноги, Владимир Сергеевич стал затаптывать костёр.

Но в этот вечер мы всё-таки поужинали. Мы съели колбасу, привезённую из Москвы. И не оттого, что у нас не было воли отказаться от неё, а лишь для того, чтобы её не выбрасывать: к утру она могла протухнуть.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПАМПУШКИ!

Наша самостоятельная жизнь началась ранним дождливым утром, когда мы, промокшие до нитки, вылезли после ночи из шалаша и пытались разжечь костёр.

Спички и дрова были мокрыми. Единственная надежда была у нас — найти в золе хоть одну маленькую искорку.

Осторожно тоненькой палочкой мы стали разгребать глиноподобную золу, и вскоре под толстым пластом на конце обгоревшего сучка мы обнаружили маленький розовый огонёчек. Под нашими губами он то ярко разгорался, то мерк и никак не хотел переходить на сухой мох, найденный в шалаше. Мы с трепетом смотрели на огонёк, и наши сердца замирали, когда он потихоньку начинал покрываться матовым налётом.

Наконец микроскопическая искорка поползла по одной из ниточек мха и перескочила на соседнюю.

— Теперь я... один! — вдруг еле слышно скомандовал Владимир Сергеевич и, вытянув губы, стал дуть на мох.

Розовые ниточки всё больше и больше расползались по сторонам, и в руках у Владимира Сергеевича вскоре ощутилось огненное гнёздышко с выгоревшей серединкой.

— Ух, спасены! — вздохнул он и, положив «гнездо» на землю, прикрыл его новым мхом, иголками и листьями. И вдруг над всей кучкой, словно над маленьким чумом, заколебался едкий дымок.

Вскоре мы разложили большой костёр, для того чтобы обогреться, и маленький — для кастрюли с водой.

Умывшись на роднике, мы сели завтракать, то есть выпили по стакану горячей воды с брусничным листом.

У меня и у Лёшки вода в желудке свободно перелива-

лась, и эти переливы были очень хорошо слышны Владимиру Сергеевичу.

— Ну-с, товарищи романтики,— наконец спросил он,— надо завтракать, а чем? Денег и хлеба нет. Но есть желание стать полезными людьми.

— Я предлагаю на завтрак варить топор,— оптимистически сказал Лёшка.— Помните, как в одной сказочке солдат топор варил? У нас будет суп из топора, а на второе мы его обсосём, как будто сахарную косточку. Вот проблема и решена!

— Уж лучше тогда ботинки взять,— сказал я,— они из кожи. Это очень вкусно — навар из подмёток! А каблуки у нас на жаркое пойдут. С хреном съедим...

— Ну вы, дети! Развеселились! — сказал Владимир Сергеевич.— Я у вас серьёзно спрашиваю, а вы хиханьки да хаханьки!

— А знаете,— вдруг осветился Лёшка,— деньги на хлеб будут! Я думал об этом всю ночь.

— Значит, ты хлеб берёшь на себя? — спросил я.

— Беру.

— Чудесно! — сказал Владимир Сергеевич.— А мы с Юркой берём на себя другое съестное. Только, чур, деньги у Зойки не добывать!

— Ну зачем мне Зойка! — улыбнулся Лёшка и, взяв кастрюлю и стакан, пошёл по направлению к станции.

— Убежит? — спросил я Владимира Сергеевича.

— В Москву? Да нет, не думаю. А убежит — бог с ним! Нам такие люди не нужны.

— А какие нужны?

— Люди дела! Раз постановили — значит, выполняй! А то куда это годится: сегодня скажешь одно, а завтра — другое. Сам себя уважать перестанешь. А это самое страшное на свете.

По серому зеркалу Оки расходились миллионы маленьких кружков; мелкий дождик шуршал в кустах ивняка, выбивал на песке рябинки. Зелёные окрестности были

задёрнуты лёгким туманцем. В природе было что-то такое осеннее и печальное.

«А может быть, и мне поехать в Москву? — думал я. — А ну его... этот шалаш и «самостоятельную» жизнь!»

Сняв брюки, в рубашках — дул холодноватый ветер — мы с Владимиром Сергеевичем начали ловить рыбу... руками.

Я предлагал сбегать в деревню к Сашке Косому за удочками, но Владимир Сергеевич махнул рукой:

— Ладно, обойдёмся. На одном конце крючок, на другом дурачок! Рыбу можно по-всякому ловить...

— А правда, что и с помощью борной кислоты её можно ловить? — спросил я. — У неё вздувается пузырь, и она всплывает!

— Ей бы ты ещё на нос люминала насыпал.

Мы подходили в воде к ивовому кустарнику и осторожно шарили под его корнями. Владимир Сергеевич мне сказал, что в дождливую погоду рыба любит стоять в корнях или под корягами. И в подтверждение своих слов он вскоре выкинул на берег маленького окуня. Я выломал прутик с сучком на конце и продел его сквозь рыбы жабры и рот.

Я несколько раз чувствовал, как в мои ладони тюкались рыбки, но схватить мне их не удавалось.

— А ты не торопись,— медленно, без шума погрузившись по горло в воду и еле заметно подбираясь к ивняку, учил меня Владимир Сергеевич, и вдруг — цоп! — в его руке опять блестит рыбка!

За час мы наловили семь рыбок. В конце концов и я поймал одну: серебряной ёлочкой висели они у нас на прутике и тянули граммов на двести пятьдесят. Как-никак, а завтрак у нас всё-таки был.

Я то и дело выскакивал из воды и, посиневший, бегал по берегу. У Владимира Сергеевича лицо было в мурашках, и он отчаянно щёлкал зубами.

— Вот бы сейчас стаканчик горячего какао да яичницу с жареной ветчиной! — говорил он, переходя по реке с места на место.

— А может быть, лучше сосиски с пюре на молоке?

— Нет, пельмени с маслом... Эх, каналья, ушла! — горько вздыхал Владимир Сергеевич.— И здоровая была, на полкило. Вот бы поели!

Мы ещё с полчаса ходили по реке, но поймать ещё какую-нибудь дурную уклею или зазевавшегося пескаря нам не удалось.

Придя к шалашу, мы рыбу почистили, посыпали солью и уложили в кастрюлю. После чистки рыбки сделались ещё меньше, но Владимир Сергеевич не огорчился. Он то и дело подливал в кастрюлю воды.

— Одно ведро воды,— говорил он,— заменяет сто граммов мяса, а два ведра воды — два яйца. И стóит только нам вскипятить три ведра воды, как у нас будет королевский завтрак!

В кастрюле уклея догоняла уклею.

Наша «уха» бурлила долго, а Лёшки всё не было. Без него завтракать мы не могли.

Мы с Владимиром Сергеевичем лишь в порядке пробы съели по четыре ложки «ухи». И остались довольны. Мутно-серая эмульсия с костями была приятно солоноватой и имела далёкий запах рыбьего жира.

— А Лёшка, видимо, всё-таки удрал к своей мамочке, — сказал я, вдыхая парок над кастрюлей. — Уже к Казанскому вокзалу подъезжает.

— Ты прав, надо садиться за стол, — сказал Владимир Сергеевич. — Что ж, будем есть без хлеба.

— Слушайте, Владимир Сергеевич, — сказал я, — а может быть, взять нам какой-нибудь крупы и насыпать в кастрюлю? Всё-таки сытнее будет.

— А уговор?

— Да бог с ним, с этим уговором!

— А ты, брат, малодушный, — усмехнулся Владимир Сергеевич. — Говорил, надо воспитывать волю, надо закалять характер, а сам? Можешь, конечно, брать продукты. Там, кстати, на верёвочках висит и масло и сахар. Я их рюкзаком прикрыл — не промокли.

Он взял ложку и принялся хлебать нашу «уху».

Кастрюлю мы уничтожили в пять минут. Но не всю. Мы ещё надеялись, что придёт Лёшка и спросит свою порцию.

Дождь перестал. С неба уходили последние тучи, и лес ежеминутно менял своё освещение: то становился ярко-зелёным от солнечных лучей, то моментально темнел. И миллионы капелек на ветвях, на сосновых иголках, на цветах то вспыхивали, как алмазы, то угасали. И птичий щебет то умолкал, то раздавался с новой силой. Потом вдруг всё зазеленело, зацвенькало, засверкало, и к нам в лес пришло ослепительное, жаркое утро.

— Да здравствует шалаш — поел и шабаш! — воскликнул Владимир Сергеевич. — Начинаем трудовой день! Сегодня у нас разведка: где работа, какая работа. Мы можем пойти на подсобное хозяйство дома отдыха, в колхоз. А то и на Оку. Видел, там баржа с цементом пришла? Станем грузчиками! Лучше помогать от чистого сердца, чем болтаться без дела. «Все работы хороши, выбирай на вкус...»

Мы прикрыли наш шалаш «дверью», сплетённой из еловых ветвей, предварительно уложив в него всё походное имущество, и снова отправились на реку.

Маленькая баржа была причалена к деревянным жиденьким мосткам. Она была уже наполовину разгружена,

и цемент в мешках лежал под брезентом на берегу. Около баржи нас встретила женщина-сторож.

— Скажите, тётя,— обратился к ней Владимир Сергеевич,— а чья это баржа?

— Колхозная.

— А разгружать будете?

— Конечно. Тут ребята были, Мишка да Петька, а потом ушли. Говорят, мало платят.

— А сколько платят?

— Десять копеек за мешок. Вынести из баржи и уложить. А в мешке, чай, килограммов сорок.

Владимир Сергеевич, прищурив глаз, прикинул расстояние от баржи до штабеля мешков и спросил:

— А деньги когда?

— Разгрузите и сразу получите.

— Без ведомостей? — улыбнулся Владимир Сергеевич.

— Да зачем они, волынку разводить! Мне председатель дал десятку и говорит: рассчитывайся сама.

— Отличная постановка дела! — сказал Владимир Сергеевич и, сняв с себя рубаху и штаны, бросил их на траву.

Эта работа была очень тяжёлая. Помогать Владимиру Сергеевичу я не мог. Я только стоял в барже на мешках и пытался за края подцепить их и поудобнее укладывать на его спину.

Шатающиеся мостки прогибались под ногами Владимира Сергеевича, и он ежесекундно мог свалиться в воду. Его чёрная загорелая спина покрылась цементной пылью, которая смешалась с потом и струилась по ложбинке между лопаток.

Владимир Сергеевич вынес на себе двадцать мешков, а потом лёг на траву и закрыл глаза. Я сел около него и молчал. У него высоко вздымалась грудь и на шее пульсировала жилка.

Владимир Сергеевич заработал два рубля. Мы их тут же получили и пошли отмывать рабочий пот.

— Даром деньги никому не даются! — сказал Владимир Сергеевич.— Но главное, честное слово, не в деньгах, а в том, что поработал, сделал дело.

В буфете на станции мы купили батон белого хлеба, бычки в томате и свежих огурцов.

Неподалёку от шалаша, пробираясь через кусты, мы случайно забрели в малинник. Красно-фиолетовые прозрачные ягоды, ещё влажные от дождя, словно маленькие китайские фонарики, гирляндами висели на кустах, окружённых крапивой.

— Ну, вот нам и ещё дело подвернулось! — подмигнул я Владимиру Сергеевичу.

Малина была сочная, сладковатая. Я сначала, сняв ягодку с ножки, заглядывал в её беленькое бархатное нутро — нет ли там червяка, — но, не найдя во многих ягодах и намёка на его существование, отказался от предварительной проверки и пустил малину в «переработку» с удвоенной энергией.

Но вот около шалаша слышались какие-то женские голоса.

Потом мы увидели, как мимо нас с чайником к роднику пробежал... Лёшка. Вот так новость!

Нам захотелось посмотреть на незнакомых пришельцев, и мы решили подобраться к шалашу незаметно.

Первое, что мы увидели сквозь кусты, — это наш стол. На нём на развёрнутых бумажках лежали колбаса, плавленый сыр, яйца, открытая банка шпрот.

— Мама! — закричал я и бросился к маме, которая на четвереньках вылезала из шалаша. Следом за ней показалась и Тина Львовна.

Обе мамы горячо поцеловали меня, а увидев Владимира Сергеевича, протянули ему руки.

— Владимир Сергеевич, что это значит? — вдруг возмущённым голосом сказала Тина Львовна. — Выходим мы на станцию и вдруг видим — ну подумайте только! — мой мальчик на перроне. И что он делает? Торгует земляникой! Я его спросила: «Сколько стоит?» А он: «Двадцать копеек стакан!» Держит в руках кастрюлю и торгует! Я прямо заплакала: «Лёша, объясни, что это такое!» А он: «Мы так решили!» Скажите, что это значит? Что вы решили? Как вы решили?

Но Владимир Сергеевич что-то промычал в ответ и тут же, улыбаясь, пошёл в лес за дровами.

Лёшка принёс с родника чайник и повесил его над костром на толстой палке. Потом он полез в шалаш и, вытащив оттуда буханку чёрного хлеба, положил её на стол и торжественно сказал:

— Вот! Моя! А у вас что-нибудь есть?

Я показал ему пальцем на кастрюлю с «ухой».

Тина Львовна взяла кастрюлю в руки, понюхала её и брезгливо поставила на стол.

— Ты что даёшь? — спросила она меня. — Ты видел, что ты даёшь ребёнку?

— Это уха, мы тоже ею питались.

— А ты загляни в кастрюлю, загляни!

Я заглянул в кастрюлю и ахнул. В нашей «ухе» было полно еловых иголок, которые, видно, напáдали туда с шалашных веток.

— Подумаешь, иголки! — сказал я. — С ними даже вкуснее. Это витамины.

— Вот ты сам и доедай витамины, а Лёша будет питаться по-человечески, — сказала Тина Львовна и принялась делать бутерброды. — И вообще садитесь все за стол. Сначала поедим, а потом пойдём гулять.

Наши мамы в четыре проворные руки быстро вымыли стаканы, ложки, тарелки, поставили сковородку на угли и зажарили яичницу с луком и колбасой. Откуда-то у нас на столе появилась бумажная скатерть и букетик ромашек.

Моя мама то и дело гладила меня по голове. Лёшкина тоже не сводила глаз со своего чада и причитала:

— Господи, на кого он похож! Похудел, оборвался, на шее космы... Совсем в папуаса превратился...

Я наблюдал за Лёшкой. Он всё время поглядывал на стол с богатой закуской, но одновременно не сводил глаз и с нашей «ухи». Его, видно, очень интересовало: а как мы выполнили свой долг? Потом он незаметно от мамы взял в руки ложку и хлебнул нашего варева. Рыбно-хвойный экстракт, видно, был слишком крепок: Лёшка тут же выплснул его и ещё с минуту после этой процедуры ходил

с открытым ртом, часто-часто дыша и ежесекундно отплёвываясь.

— Хороша кашка, да мала чашка! — сказал он.

Пока наши мамы заканчивали приготовления к обильному обеду, мы устроили тайное совещание.

Положение было тяжёлое. С одной стороны, мы поклялись жить самостоятельно, а с другой — в этот полуголодный день у нас от снеди ломится стол. Как быть? И тем более, что Лёшка ничего не ел.

Мы с надеждой смотрели на Владимира Сергеевича: что он скажет? Мы чувствовали, что он человек твёрдый. Но неужели в этот «родительский» день он не снимет с нас клятвы?

— Вот, слушайте, ребята! — вдруг произнёс Владимир Сергеевич. — Наше слово нерушимо. Однако, если ваши мамы узнают о нашем секрете, нас будут бить. Так что да здравствует на один день колбаса и прочие пампушки!

Мы были готовы расцеловать Владимира Сергеевича и, не дожидаясь маминых приглашений, бросились к столу. После первой чашки чаю Тина Львовна вдруг подняла руку:

— А вы знаете что? Я привезла вам подарок, — сказала она и полезла в кожаную сумку. — Вернее, «вам» вообще, а в частности моему сыну. Вот смотрите...

Хотя я и недолюбливал Тину Львовну, но в этот раз она меня необычайно подкупила: в её руках я увидел новенький фотоаппарат «ФЭД».

Этот «ФЭД» принадлежал Лёшкиному отцу и всё время лежал в его столе без дела, но теперь он будет в верных руках! Мы уж тут зафиксируем для потомства всю нашу жизнь!

Ещё Тина Львовна привезла Лёшке шерстяные носки и ватные... трусики! Да, да, они были с подкладкой, и под ней лежал тонкий слой ватина.

— Ну, шедевр! — сказал Лёшка. — А ватной майки ты не привезла?

— Лёша, не смейся! — сказала Тина Львовна. — Ты ещё обо мне не раз вспомнишь! Вы спите на сырой земле, и очень

легко получить радикулит. А наденешь трусики — и тебе сразу станет тепло.

Торжественный приезд наших мам в шалаш был запечатлён на плёнке до самых мельчайших подробностей. Мы их сфотографировали и в лесу, и на реке, и спящими в шалаше.

Под конец дня, перед отъездом в Москву, они уже окончательно согласились с нашим цыганским существованием и даже перешли на восклицательные фразы: «Ах, как здесь прелестно! Ах, какой воздух! Ах, как пахнут эти цветы!»

И, слыша эти восклицания, мы были счастливы тем, что доставили нашим мамам большую радость.

ИСПЫТАНИЯ

Вероятно, все беды накликать Владимир Сергеевич. И оттого, что уж слишком хорошо он разбирался в народных приметах.

Как-то раз поутру, проснувшись и крикнув в лес своё любимое «Э-ге-гей!», он сказал:

— Дело пахнет керосином. К дождю! Хорошая слышимость звуков.

И действительно, через полчаса начался дождь, долгий и нудный. Но стоило ему иссякнуть под вечер, как Владимир Сергеевич опять сообщил:

— Ласточки летают над землёй, гоняются за низко летящими насекомыми. К дождю!

И среди ночи я проснулся оттого, что мне на нос капала вода: кап, кап, кап...

Я Владимиру Сергеевичу сказал: «Да бросьте вы каркать, честное слово!» Но он опять наутро своё: «Уж больно трава сегодня пахнет сильно и лягушки квакают. К дождю!»

Короче говоря, из-за того, что в природе, видно, началась подготовка к всемирному потопу, на нас обрушилась целая серия дождей: проливных, обложных, грибных и морозящих. Они были с молниями и без молний, с ужасными ударами грома и еле-еле слышными.

Земля и вода в реке стали холодными. Ботинки и тапочки у нас не просыхали.

Мы с Лёшкой решили подсушить наши ботинки на костре — нацепили их на палки и стали вертеть, как шашлык, над углями, — и через полчаса они у нас так скрючились, что на ногу надеть их уж было невозможно. Теперь пришлось нам ходить босиком.

В такую погоду бегать к реке и умываться нам не хотелось, и наши руки и лица от вечной возни с костром покрылись толстым слоем сажи. От дыма и грязи у нас воспалились глаза и стали слезиться.

Я стал кашлять трубным голосом, а у Лёшки так из носа потекло, что Владимир Сергеевич шутил над ним: «Нашего Лёшеньку подключили к водопроводу!»

И ко всему этому у нас болели спины и шеи, обожжённые раньше на солнце.

А вскоре к нам пришла ещё одна напасть: мы дружно начали болеть животами. И в этом виноват был я.

Однажды, когда Владимир Сергеевич и Лёшка отправились ловить рыбу, а я остался дежурить, мне пришло в голову сварить настоящий лесной обед. Может быть, я бы и не стал этого делать, но выбора не было: подмокший рис у нас протух, стал жёлтым и противно вонючим, а гречневая крупа разбухла и чуть ли не проросла.

Я всё-таки остановился на гречке. Решил сделать кашу. Но пока я ходил за хворостом, перекладинка, на которой висела кастрюля над сильным огнём, перегорела, и вся моя каша упала в костёр, и алюминиевые ручки кастрюли расплавились.

Я стоял над костром озадаченный: шутка ли сказать, какая ж в костре была температура, если стал плавиться металл? Эге, тут надо быть осторожным!

Но через час я опять оплошал. Я приготовил суп, в который бухнул всё то, что у меня находилось под ногами: грибы, крапиву, щавель, лопухи, укроп, добавил в воду три завалившиеся картошки — и стал варить это волшебное снадобье.

Сколько раз я видел на кухне, как мама готовит обед,

но так и не удосужился спросить, а как узнать, готов ли суп, сварилось ли мясо. Я видел, что мама то и дело тычет в жарящиеся котлеты вилкой, а зачем это она делает, я не спрашивал. И зря.

Я так долго варил свой суп, что он у меня... пригорел. Это было, вероятно, уникальное событие в истории поварского дела. Суп — и пригорел!

Мои друзья, вернувшись с речки, продрогшие и голодные, накинулись на еду и стали ругать меня на чём свет стоит. Но так или иначе, а есть было нечего, и мы всё-таки уничтожили мой несчастный суп.

А через час первым в кусты стрелой метнулся Лёшка.

Ночами в шалаше нам было очень холодно, и мы теснее прижимались друг к дружке.

И вот когда Лёшка вспомнил свою маму. Он ложился спать в ватных трусиках и надевал шерстяные носки. А мы с Владимиром Сергеевичем в наши носки набивали тёплую золу и засовывали ноги в рюкзаки.

По-честному говоря, нам с Лёшкой было очень тяжело. Бывало, вечером пройдёт по Оке пароход Москва — Горький, весь сияющий, весь в разноцветных огнях, с музыкой на палубе, и мы долго-долго глядим ему вслед, и нам обоим очень понятно, о чём в эту минуту думает каждый.

Но Владимир Сергеевич не унывал. Он то и дело мурлыкал себе под нос весёлую песенку:

Если ваши ноги сводит лютый холод,
Сыплется за ворот дождик или снег,
Вспомните, что где-то бродит вовсе голый,
С вами, в общем, очень схожий снежный человек!
И улыбка без сомненья
Вдруг коснётся ваших глаз...

Правда, вскоре после того как мы по предписанию Зойки начали пить отвар из черники, животы наши прошли. Перестали болеть также и спины, которые мы регулярно стали смазывать раствором крепкого чая. («В чае есть танин!» — сказала Зойка.)

Вместе с нашими хворостями улетучились и дожди.

Но тут ждали нас новые испытания.

Владимира Сергеевича свалила ангина.

Я ещё ночью в полусне, прижимаясь к его тёплому боку, почувствовал, как он сильно дрожит. Мне показалось, что это от утреннего холодка, и поэтому я уделил начальнику Кара-Бумбы кусок одеяла. Но дрожь у Владимира Сергеевича не прекратилась даже и тогда, когда в шалаш вполз удушливо-жаркий полдень.

Лицо у Владимира Сергеевича сделалось мертвенно-бледным, глаза впали.

Владимир Сергеевич вышел на самый солнцепёк. Он пил, обжигаясь, стоградусный кофе. Но температура не падала.

Мы сидели около нашего вождя опустив руки и не знали, как помочь человеку. И вообще с чего начинать день? Чем заняться?

— Это у меня частенько бывает,— сказал Владимир Сергеевич.— Проклятье!

— А может быть, достать лошадь и в деревню вас перевезти? — спросил я.

— Не надо. Пройдёт. Идите работёнку искать.

— А вы как же? — спросил Лёшка.

— Я тут один... полежу...

— А вдруг вам плохо будет? — запротестовал я.

— Хуже этого не будет, — ответил Владимир Сергеевич и добавил: — Я сейчас записку Зойке напишу. Она, наверно, уже на пляже. Отнесёт её Лёшка. Только там не купаться!

И Владимир Сергеевич написал:

«Зоя! Я вас очень прошу, достаньте немножко пенициллина. Я».

Когда мы отошли от шалаша, Лёшка спросил:

— Ну, что порешим? Его ведь нельзя одного оставлять! И вообще ничего себе положеньице: денег нет, мы голодные... Вот дураки, взвалили на себя какую-то идиотскую клятву, а теперь как медведи лапу сосём!

— А может, нам опять снять запрет с продуктов? Только для Владимира Сергеевича?

— И заодно и для нас... — Лёшка заискивающе поглядел мне в глаза. — В виде исключения, а?

— Ну что ты! С Владимиром Сергеевичем каши не сваришь! — сказал я. — В общем, пока. Я в колхоз!

— Будешь коров доить?

— Как придётся. А ты со мной?

— Нет, я сначала на пляж. К Зойке. А потом в дом отдыха. Я уже решил.

Дом отдыха стоял над рекой, на крутом взгорье. Это было красивое, ослепительно белое здание с колоннами, балюстрадами и грибовидными беседками, в которых всегда сидели старушки. В лесу мы часто встречали медленно шествующих мужчин с толстыми и лоснящимися лицами. Обычно они ковырялись во мху своими тростями: искали грибы. А те, кто был помоложе, с утра до вечера играли в теннис или лежали в голубой купальне на плоту, закрыв лицо газетной треуголкой.

По вечерам дом отдыха был освещён яркими фонарями и казался волшебным дворцом, парящим над землёй. Когда ветер дул в нашу сторону, до шалаша с танцевальной

площадки долетали звуки аргентинского танго «Не покидай меня!». Музыка то затухала, то нарастала. От грустной мелодии почему-то щемило сердце, и мне, например, в этот момент очень хотелось увидеть Зойку.

Мы лежали в темноте на хвое и очень хорошо представляли себе жёлтый блестящий паркет, сияющие люстры и молодых людей, которые танцуют с красивыми девушками.

Лёшка мне как-то таинственно сообщил, что после танцев все отдыхающие расходятся по аллеям и начинают целоваться. И тут же он спросил:

— А ты бы Зойку... поцеловал?

Я трижды смачно сплюнул на землю и передёрнулся:

— Охота была пускать слюни!

— А я бы поцеловал! — убеждённо сказал Лёшка. — Том Соьер целовался с Бекки Тэчер? Целовался! Ну, а я рыжий, что ли?..

Может быть, Лёшка и был честнее меня в своём откровении, но мне не хотелось посвящать его во все свои думы о Зойке. А я иногда даже мечтал жениться на ней. Вот вырастем большие, по утрам будем делать вместе физзарядку. Потом уедем из Москвы куда-нибудь в тайгу как геологи. Построим там шалаш. Зойка будет варить обеды, а я буду с ружьём добывать дичь. А потом мы там откроем какую-нибудь руду.

Лёшка пошёл к дому отдыха, размахивая «ФЭДом». Оставить фотоаппарат в шалаше он побоялся. «Ещё, чего доброго, заснёт Владимир Сергеевич и фотоаппарат кто-нибудь свистнет!»

Я смотрел ему вслед и долго колебался: а не пойти ли вместе с ним? Ну, приду в колхоз, ну, скажу, что мне хочется поработать. А дальше что? Там, конечно, спросят: «А что ты умеешь делать?» Я отвечу: «Ничего!» — «Ну, и до свиданья!» — скажут. И пойдёшь не солоно хлебавши...

В страшном душевном смятении я направился в правление колхоза.

Около правления — кирпичного дома с широкими окнами — стояла новенькая «Волга». Об её передний бугер тёрся

поросёнок. Над шиферной крышей дома возвышалась алюминиевая телевизионная антенна. На доске объявлений висело: «Товарищи колхозники! Организуется экскурсия на один день в Ленинград. Полёт на «ТУ-104». Записываться у Кукушкиной».

На ступеньках дома остановился. Из раскрытого окна вылетал стук счётных костяшек и чей-то голос: «Райфо! Райфо! Это Коляскин говорит! Плохо слышно!»

Над чайной, которая была по соседству с правлением, плавал запах гуляша с картошкой.

Я стоял в полном смысле слова на пороге новой жизни. За дверями была РАБОТА. Та, за которую платят деньги, и на них можно будет купить тарелку гуляша. Об этой работе говорят во всех семьях взрослые: «Ну, как ваша работа? А где вы работаете? А по душе ли нашли работу?»

Но, по-честному говоря, меня сейчас очень мало интересовали деньги. Я знал, с голоду не пропаду. У нас есть продукты. Владимиру Сергеевичу, конечно, не нужны наши заработки. Он просто хочет заставить нас заниматься делом. А помогать я буду колхозу от души, бесплатно!

Я вошёл в правление.

В светлой комнате, оклеенной зелёными обоями, за столом сидел какой-то одноглазый мужичок.

Я с ним поздоровался и спросил:

— А можно ли видеть председателя колхоза?

— А зачем он тебе? — спросил мужичок и стал оглядывать меня своим мутным и красным глазом.

Я замаялся, а потом прямо сказал, что пришёл устраиваться на работу.

— На работу-у?! — удивился мужичок и даже привстал со стула. — И как, значит, за деньги?

— Могу и бесплатно.

Мужичок вдруг хихикнул и полез в карман за кисетом. Свернув сигарку и пыхнув в меня едким дымом, он сказал:

— А губа у тебя не дура, я гляжу. Папка с мамкой тебя кормят-поят, а ты, значит, на лисипед хочешь подзаколотить?

— А я теперь сам себя кормлю.

Лицо у одноглазого вытянулось.

— А, ты сирота, что ль?

Что отвечать? О нашем уговоре — хлебнуть самостоятельную жизнь — рассказывать мне не хотелось. И я вздохнул:

— Может быть, и сирота...

— Знаешь, пацан, идит-ко ты отсюда, пока я тебе кузькину мать не показал. А к кому намедни матеря в шалаш приезжали и вы там чай распивали, а? Я всё знаю!

Красный глаз у мужичка недобро сверкнул, и я понял, что никакого председателя колхоза мне тут не видать. Мне хотелось зайти в соседнюю комнату, в которой какой-то Коляскин настойчиво вызывал по телефону райфо, но, кто знает, может быть, и там меня на смех поднимут. Ведь действительно смешно: пришёл незнакомый мальчишка и требует работу!

Я вышел из правления. Село в этот жаркий полдень было словно вымершее. Куры лежали в серой придорожной пыли. Под плетнём в тени, полузакрыв глаза и разбросав

точённые ножки, валялся жеребёнок. А из людей только одна девчонка в красном платье крутила колодезный ворот.

Где-то в поле тарахтел трактор. В кузнице звенела наковальня. Чей-то женский голос кричал: «Эй, Манька-а, идём полоть!»

Везде шла работа.

А настроение у меня было неважноецкое.

Меня уже по-настоящему стало задевать: неужели мне, мальчишке, очень трудно найти для себя настоящее дело?

И вдруг я увидел, что неподалёку от пруда строится дом. Я подошёл поближе к строительной площадке и стал смотреть на то, как двое молодых рабочих в узкой траншее в земле укладывали огромные куски белого камня и заливали их цементным раствором.

Широкоскулый парень в голубой грязной майке — его звали Петька — говорил:

— Сегодня обязательно мы должны всё забутить. А то Коляскин даст нам жару!

— Пускай людей даёт, тогда лучше будет. Взвалил такое дело на двоих и пошёл щи хлебать! — отозвался Мишка, краснолицый и небритый паренёк. — А ты что, малец, рот разинул? — вдруг рявкнул он на меня.

— Да ничего, — ответил я.

— А ты нам дёру на рубль купишь в сельпо?

— А что такое «дёр»?

— Вот подойди сюда поближе, узнаешь...

Я подошёл к Мишке, и вдруг под хохот своего приятеля он схватил меня за ухо и начал его трепать!

Я в один миг вывернулся и с размаху дал Мишке ногой под зад и отскочил в сторону.

— О, вот это мне нравится! — обрадовался Петька. — Теперь оба узнали, что такое дёр! А я тебя видел. В лесу живёшь?

Тон у Петьки был миролюбивый, и Мишка уже тоже смотрел на меня без злости, которая на секунду загорелась в его глазах после моего удачного удара. И потому я, улынувшись, ответил:

— В лесу.

— Эх, хорошая житуха: лежи и плюй себе в небо!

— Ага,— согласился я,— а оттуда всё на тебя опять летит!

— А ты что ж, недоволен? — спросил Мишка.

— Доволен. Только делать нечего.

— Ох, смехотура! «Делать нечего»! Да вот пожалуйста, бери лопату и ковыряйся с нами от зари до зари. Хочешь? — И Петька шутя протянул мне лопату.

— Спасибо,— сказал я.— А что копать?

— Ну вот хоть яму под стояк: два метра на метр.

Я подошёл к указанному месту и нажал ногой на лопату.

Парни непонимающе переглянулись.

В обед Петька и Мишка из принесённых из дому свинины и картошки сварили себе на костре гуляш. Вернее, варил его я: начистил картошки, нарезал свинины с луком и положил в кастрюлю с водой. Теперь у меня уже был опыт.

У ребят третьей ложки не оказалось, и я ел свой первый трудовой гуляш широкой щепкой с заострённым концом. Лопаточкой я подхватывал картошку, а на остриё насаживал мясо.

Петька дал мне большой ломоть хлеба, но я его разделил на две части и одну половинку спрятал под брёвна. А из трёх широких лопухов, скреплённых между собой тоненькими щепочками, я соорудил плошку, и Петька наполнил её густым гуляшем — для Владимира Сергеевича.

О нём я помнил всё время. Как он там один? Как чувствует себя?

Когда мы, сидя по-турецки вокруг кастрюли, навалились на гуляш, Мишка случайно обернулся, посмотрел вдоль улицы и прошептал:

— Кажись, моя любовь идёт! Коляскин!

— А кто он у вас тут? — спросил я.

— Председатель колхоза,— ответил Петька и стал газеткой обтирать свою ложку.

К нам подходил высокий человек в синей сатиновой рубаше, подпоясанной узким кавказским ремешком. Лицо

у него было морщинистое, чёрное от загара. Он шёл быстро и тоненькой хворостинкой охлёстывал свои пыльные сапоги.

Мишка и Петька встали. Я тоже.

Коляскин остановился около четырёхугольной траншеи и молча осмотрел её.

— Значит, на точке замерзания? — наконец сказал он.

— Нет, почему же, Иван Спиридонович... — ответил Петька. — Вон мы уж сколько заложили. Сегодня закончим забутовку, а завтра уж цоколь начнём гнать.

— Да что ты меня завтраками кормишь? — вдруг вскипел Коляскин и с силой хлестнул хворостинкой по сапогу. — По договору уже клуб должен стоять, а у вас?

— И будет стоять! — сказал Мишка. — Людей вот не хватает.

— А ты что, не знаешь, где люди? В поле! Я вас специально освободил, а вы? То у тётки Евфросиньи на крыше поджалтурили, то у Тимофея сарайку поправили...

— Ну, просит же народ... Мы ведь после работы... — опустил голову Петька.

— Я видел, как после работы. Чуть председатель в район, так они уж пошли налево! И цемент бросили из баржи разгружать?

— Да ладно тебе, Иван Спиридоныч, — попытался улыбнуться Мишка. — Сделаем — сам похвалишь за ударный труд. Вот садитесь с нами обедать.

— Не буду! — сердито сказал Коляскин.

Петька огорчённо бросил свою ложку в кастрюлю, и она черенком воткнулась в гуляш.

Председатель повернулся и быстро зашагал от нас.

— Товарищ Коляскин! Товарищ председатель! — крикнул я и побежал за ним.

Иван Спиридонович оглянулся.

— Здравствуйте, — вежливо сказал я. — Вот у вас людей не хватает, возьмите, пожалуйста, меня, а? И у меня ещё двое приятелей есть! Они тоже могут!

— А ты сам-то откуда? — прищурился глаза, спросил председатель.

— Из Москвы!

— Из дачников, что ль?

— Да вроде бы,— помялся я.— Мы... в шалаше...

— А-а... слышал. А какие документы у тебя?

— Могу привезти из дому дневник. Достаточно?

— Если паспорта нет — достаточно. А что умеешь делать? — Иван Спиридонович пощупал у меня мускулы на руке.

— Да я... куда пошлют!

Председатель усмехнулся и, вертя в воздухе хворостинкой, задумался. Потом сказал: «Идём!» — и пошёл обратно к стройплощадке.

— Вот что, вы, работяги! — обратился он к Петьке и Мишке.— Назначаю к вам ученика. Парня не обижать. Ясно? А ты, одним словом,— он повернулся ко мне,— будешь помогать им, что скажут...

Я кивнул головой.

— А на шалашное пропитание,— продолжал он,— я тебе сейчас дам записку, и ты получишь аванс. Картошку там, кислой капусты, огурцов. В общем, с голоду у меня не помрёшь. А там под конец — полный расчёт...

Когда председатель ушёл, Петька хлопнул меня по плечу:

— Вот как у нас люди растут! От горшка два вершка, а уже строительный рабочий.

У меня было очень радостно на душе. Назначение на работу произошло так быстро, словно по мановению волшебной палочки. И даже аванс уже можно получить! Так это на каждые летние каникулы можно в колхоз выезжать! И кормёжка будет! Красота!

ЛЕГЕНДА О ЛЮБВИ

Под вечер в рогожном куле, который я взял у тёти Груни, я нёс к Владимиру Сергеевичу из колхозной кладовки мой аванс.

Выдал мне его одноглазый мужичок. Мне казалось, что он в колхозе какой-то большой начальник, а на самом деле

это был простой кладовщик. И притом пьяный. Вместо полупудовой гири при взвешивании картошки он поставил на весы пудовую. А отпуская килограмм мёду, он ошибся на полкило. Потом, правда, он заметил свою ошибку и набросился на меня за то, что я его не поправил. Но мне, вошедшему со света в полусумрачную кладовую, просто не было видно ни гирь, ни чашек весов.

Выдавая мне квашеную капусту в кочанах и огурцы, он приговаривал:

— Вы небось уж сегодня дёрнете! Закус богатый. Ежели что, можете позвать. Я к вашим услугам. А чего это председатель так расщедрился: и на работу поставил, и вот уж продукты, пожалте!

— Строительных рабочих готовит, — ответил я.

Мне было противно смотреть на этого человека. И хоть неудобно было себя хвалить, я добавил:

— Он почувствовал, что человек хочет по-настоящему работать.

— А я, значит, не хочу? — насторожился одноглазый. — А ну-ка клади капусту обратно за оскорбление при служебных обязанностях!

Я выложил из мешка мокрый кочан.

— Вот так! А теперь можешь его взять обратно. И ты не раздражай мои нервы.

Как таких дураков держат на работе, не понимаю. А может быть, это он только со мной так себя ведёт, издевается?

Мне очень хотелось размахнуться мешком картошки и трахнуть этому типу по роже. И в правлении он мне помешал, и тут кочевряжится... Но я должен был терпеть. Чуть бы я взбунтовался, он мог закрыть свою кладовку и сказать: «Зайдёте завтра!» А до завтра мы ждать не могли.

По дороге к шалашу со мной произошло ещё одно событие.

На узкой тропинке, которая шла через высокую рожь, я встретил Нарика и Гарика. Они словно меня поджидали.

— А ну, постой-ка! — схватил меня за мешок длинноволосый Нарик. — Ты что несёшь?

— Картошку, — ответил я и хотел пройти мимо.

— А ты не торопись,— загородил дорогу щуплый Гарик, растопырив руки.— Положи на землю, мы сейчас проверим. На колхозном поле выкопал?

— Я в кладовой получил.

— У Филимона? — спросил Гарик и прикрыл свой левый мышинный глаз.

— У Филимона.

— А где накладная?

— Какая накладная?

— При каждом товаре должен быть документ! — сказал Нарик и дал мне затрещину.

Дело оборачивалось худо. Драться я не мог. На спине у меня лежал мешок, а в правой руке я нёс банку с мёдом.

Я втянул голову в плечи и спросил:

— Двое на одного, да?

Но они меня даже не удостоили ответом. Гарик нахально засунул указательный палец в банку и облизал его.

— Нарька! — вдруг обрадовался он.— Сплошная потрясёнка! Ей-богу, мёд!

Если бы у меня в руках был тот самый дрын, который мы изготовили для врагов в шалаше, ух и устроил бы я этим типам медовое угощение!

Пусть они вдвоём в конце концов и отдубасили бы меня — один Нарька был в два раза выше меня,— но кому-нибудь я бы всё-таки оставил на память фонарь. Я парень был отчаянный. Помирать — так с треском!

А теперь я должен был стоять и смотреть, как эти два На-Гарика (так мы их стали называть чуть позже), отняв у меня банку, макали в неё пальцы и пожирали мой труд.

Я не понимал, в чём дело. Почему они напали на меня?

И только когда они вылизали весь мёд и забросили банку в рожь, я понял.

Нарик поднёс к моему носу кулак и сказал:

— На, понюхай. Чуешь, чем пахнет? Будете Зойку к себе зазывать, сделаем из вас антрекоты с гарниром.

— И студень! — добавил Гарик и тоже поднёс кулак к моему носу.— Ультиматум предъявлен, а за остальное пеняйте на себя!

— Мы её не зазывали,— сказал я,— она сама к нам приходит.

— А кто ей пишет любовные записочки, как вы там называете... из Кара-Бумбы? — Гарик толкнул меня плечом и вынул из своего кармана записку Владимира Сергеевича: — «Зоя! Я вас очень прошу, достаньте немножко пеницилина. Я». Это не ваше послание?

Я был поражён: значит, Лёшка тоже побывал в их лапах?!

— Вам ясно наше предложение? Вы свободны!

И, получив от Нарика оплеуху, я отправился восвояси.

Владимира Сергеевича я застал у костра. Он помещивал кофе. Чёрно-бурая пена, словно лихо сдвинутый набок берет, лежала на кастрюле.

Под удивлённым взглядом Владимира Сергеевича я сбросил на землю мешок и спросил:

— Ну, как себя чувствуете?

— Немножко отпустило... Только слабость,— через силу улыбнулся Владимир Сергеевич.— А это что? — Он указал ложкой на мешок.

— Первый заработок! — сказал я.— Я тут ещё немножко гуляшу принёс. А Лёшка ещё не приходил?

— Пришёл.

— А где он?

— Твой дружок арестован! Вот такие дела,— бесстрастно сказал Владимир Сергеевич.

— Как — арестован?

У меня задрожали коленки.

— А очень просто: схвачен и брошен в кутузку! За тёмные махинации с фотоаппаратом!

— И он уже сидит?

— Сидит!

— И что теперь будет — суд?

— Сначала следствие, а потом суд.

— Надо немедленно поехать в Москву к его маме! — не на шутку всполошился я.

— Не надо! — вдруг раздался из шалаша Лёшкин голос.— Судить судите, а моей маме ничего не говорите!

— Арестованный, молчать! — приказал Владимир Сергеевич и обратился ко мне: — В нашем коллективе морально-бытовое разложение.

— А что же он натворил?

У меня уже немного отлегло от сердца.

— Да ерунда какая-то! Меня оклеветали, а вы уж тут раскудахтались! — сказал Лёшка, высунув из шалаша голову.

— Я кому сказал? — прикрикнул на него Владимир Сергеевич. — Будешь разговаривать только на следствии!

— Ха-ха! Следствие! Это беззаконие! — отозвался Лёшка. — Требую прокурора!

Владимир Сергеевич ему больше не отвечал. Он с интересом выкладывал из мешка моё добро и, подробно расспросив о том, где я его достал, радостно воскликнул:

— Вот молодец! Хвалю. Сейчас будем ужинать. И так как у нас сегодня праздник по случаю первого заработка, с нашего масла запрет я снимаю.

— Ура-а! — закричал из шалаша Лёшка.

— А ты не радуйся, это тебя не касается! — ответил Владимир Сергеевич.

— Мне сегодня из-за вас морду набили, — проворчал Лёшка, — а вы меня голодом морите! Где справедливость?

— Ты знаешь, чем этот ребёнок около дома отдыха занимался? — посмотрев на меня, сказал Владимир Сергеевич.

— Чем?

— Кустарным промыслом!

— Не понимаю.

— А тут и понимать нечего. Он фотографировал отдыхающих! И брал с них деньги. По гривеннику за карточку. Я мешки за гривенник таскал, а он карточки! Набил полные карманы денег и сказал, что завтра принесёт снимки. Ну, все были довольны, а потом один из отдыхающих хотел ему помочь вытащить кассету, раскрыл фотоаппарат, и оказалось, что в нём не двигается плёнка.

— А я знал, что у меня перемотка не работает? — закричал Лёшка. — Не знал! А раз не знал, значит, не виноват!

— Ну, когда раскрылся обман,— продолжал Владимир Сергеевич,— этот кустарь-одиночка бросился бежать. Его поймали, арестовали...

— ...велели паспорт показать! — сообщил из застенка Лёшка.

— Имей в виду: хорошо смеётся тот, кто смеётся последний! — сказал ему Владимир Сергеевич и закончил рассказ: — И вот привели сюда. Ну, что будем с ним делать?

— Это что, следствие или уже суд? — спросил Лёшка.

— Суд! — сказал я.

— Нет, погодите,— вылез Лёшка из шалаша,— дайте мне слово! Во-первых, надо установить, для кого я фотографировал. Для себя лично или для всех нас — это раз. Во-вторых, отметим: я не просто снимал, а культурно обслуживал население. А в-третьих, скажите, кто ограничивал меня? Никто! Я имел право пойти на станцию и помогать нести дачникам сумки? Я имел право показывать людям, где тут можно снять дачи? Но я не пошёл на это. А если в доме отдыха вышла осечка, то я тут ни при чём!

— У тебя в голове осечка вышла,— сказал Владимир Сергеевич.— Ты должен был найти себе общественно полезную работу, а не лёгкую халтуру, понимаешь? Мы ведь об этом уговаривались?

— А у меня голова закружилась, когда мне Нарька по шее дал около пляжа. И у меня все мысли рассыпались! — с невинными глазками сказал Лёшка.

— Ладно,— сказал Владимир Сергеевич.— Если ты упорствуешь и не признаёшь свою ошибку, знай, что к концу нашей шалашной жизни никакого диплома ты не получишь!

— Диплома?! А какого? — спросил я, удивлённый.

— Об этом только я знаю! — сказал Владимир Сергеевич.— Доживёте — увидите!

Тем временем, пока мы разговаривали, у нас уже сварилась картошка, и мы сели ужинать. Лёшка насупился и ел молча.

В лесу уже стемнело. Стал накрапывать мелкий дождь. От костра наши лица были чёрно-красными. Если бы кто-

нибудь посмотрел на нас со стороны — точь-в-точь разбойники пируют!

И в этот момент, ведя перед собой велосипед, к нам пришла Зойка! На ней был голубой плащ с капюшоном и высокие резиновые ботинки.

— Владимир Сергеевич, что с вами? — положив велосипед на землю, быстро спросила она.

— Да ангина... — слабым голосом ответил наш вождь.

— Ну, это дело поправимое. Вы знаете? Минут пятнадцать назад ко мне под окно пришли Нарик и Гарик и стали меня разыгрывать какой-то запиской. А я эту бумажку вырвала у них, захлопнула окно и всё прочла!

— Это они у меня её отняли! — сказал Лёшка. — Я шёл к тебе, а они напали...

— Это возмутительно! — сказала Зойка. — Я, честное слово, пойду к Нарькиному отцу. Он как раз сегодня приехал. Вот лоботрясы!

— Да плюньте на них! — Владимир Сергеевич пожал Зойкину руку. — Мы сами с ними рассчитаемся. Дайте только встану! А вы мне что-нибудь принесли?

— Принесла. Только пенициллин не в таблетках, а в ампулах. Подойдёт? У нас другого не было.

— А кто ж ему укол сделает? — удивился я.

— Я, — ответила Зойка. — Я тут всё привезла: стерилизованный шприц, иголку, спирт. Это у папы всегда дома есть. Вы доверитесь мне, Владимир Сергеевич?

— Пожалуйста! А иголку не поломаете?

— Не волнуйтесь, я уж не первый раз. Я бы и папу сюда привела, но он в Москве. У него сегодня операция... Только вот здесь очень мало света!

Я молча раскрыл на перочинном ноже отвёртку, снял с переднего колеса велосипедную динамку и переставил её на вилку заднего колеса. Потом я перевернул велосипед вверх ногами, установил его на седле и на руле и приказал Лёшке:

— А ну-ка, арестант, крути педали!

Из маленькой фары, которую я держал в руках, брызнул ослепительный свет.

Такой эксперимент я не раз устраивал у себя дома и даже пытался под жужжание динамки учить уроки: так было интереснее, чем при электрической лампочке. Но Зойке сейчас, видимо, показалось, что я гениальный изобретатель. Она закричала:

— Ой, какая прелесть! Юрка, ты просто золото! Как ты додумался?

«Нет, Зоя, это ты золото!» — сказал я про себя.

Зойка протёрла пинцет ваткой со спиртом и вынула из никелированной коробочки шприц. Я освещал велосипедным фонариком её пальцы. Они работали быстро и уверенно.

Вот Зойка уже перелила пенициллин из ампулы в стеклянную трубочку, просунула в кольцо на поршне большой палец и сказала:

— У меня готово!...

Укол она сделала в одно мгновение. Потом разобрала шприц и снова уложила в коробочку.

Мы дали в руки Зойке тарелку с варёной картошкой. Владимир Сергеевич позволил из неприкосновенного запаса раскрыть банку с судаком в томатном соусе, и пир на весь мир закипел.

Несмотря на то что мы съели по две тарелки картошки и выпили полную кастрюльку кофе, после ужина мы ещё стали печь картошку.

Мы вытащили из шалаша постельные принадлежности и, расположившись на них, стали смотреть в костёр.

Огня уже не было, только тлели малиновые угли да по краям очага вспыхивали сосновые иголки.

Зойка, поджав ноги и покусывая травинку, сидела рядом со мной. Мой локоть, которым я поддерживал подбородок, касался её руки.

— Вот в такие часы хорошо рассказывать легенды, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Мне часто рассказывал их тот старик, который подарил мне женьшень.

— Какой женьшень? — спросила Зойка. — Корень?

— Да, — ответил он. — Это такой у меня талисман.

— Если Владимир Сергеевич его потеряет, то потеряет своё сердце, — пояснил я.

Я сделал ударение на слове «сердце» и почувствовал, как у меня под локтем шевельнулась Зойкина рука.

— А ну их... эти легенды! — сказал Лёшка-фольклорист. — Они все про любовь! Давайте лучше анекдоты!

Но вдруг Зойка сказала:

— Мальчики, а кто меня пойдёт провожать?

Мы с Лёшкой переглянулись.

— Да посидите ещё, куда вам торопиться? — отозвался Владимир Сергеевич.

— Нет, меня уже дома ждут.

— А сегодня Владимира Сергеевича очередь! — будто шутя сказал я.

— Ну, куда ему! — Зоя махнула рукой. — А может быть, ты, Лёшка, теперь пойдёшь?

— Я не могу, я под арестом!

— Трусихи вы, вот что я вам скажу! — улыбнулась Зойка и отдернула руку от моего локтя. — А теперь слушайте: я вас нарочно проверяла. Мои родители уехали в Москву, и я остаюсь вместе с вами.

— Вот и отлично! — сказал Владимир Сергеевич, почему-то обрадовавшись. — Свистать всех наверх! Нашей Бело-снежке стелить в шалаше, а семь гномов будут спать около костра!

Зойке мы сделали постель прямо пуховую. Стелили ей при свете электрофары: сбили в одну кучу все листья в шалаше, отдали ей самую мягкую подушку и самое тёплое одеяло.

Чего греха таить, мы с Лёшкой думали: слава богу, что не пошли провожать! Куда идти: кругом темь, страшно!

И вскоре все уснули. А я лежал и думал: а почему почти все легенды только об одном — о любви? И почему, когда Зойка с нами, не только мы, мальчишки, но даже и Владимир Сергеевич какой-то другой становится? А ведь он-то старше Зойки почти на девять лет!

В предутренней мгле я, поёживаясь, чуть приоткрыл глаза и в полусне усмехнулся: «Показалось!» Я увидел, что в глубине кустарника на краю тропинки, ведущей к шалашу, будто бы стояло что-то чёрное и мохнатое.

После первой ночёвки в лесу Зойка позвонила со станции в Москву и узнала, что её родители не приедут на дачу три дня, и, следовательно, она могла жить в деревне как ей вздумается.

А вздумалось ей остаться на этот срок у нас в шалаше и ввести новый образ жизни.

По утрам мы все вместе, кроме Владимира Сергеевича, должны были делать зарядку, а потом как очумелые бежать на речку. Мы стали чистить зубы углем, а в «санитарный день» стирали своё бельё.

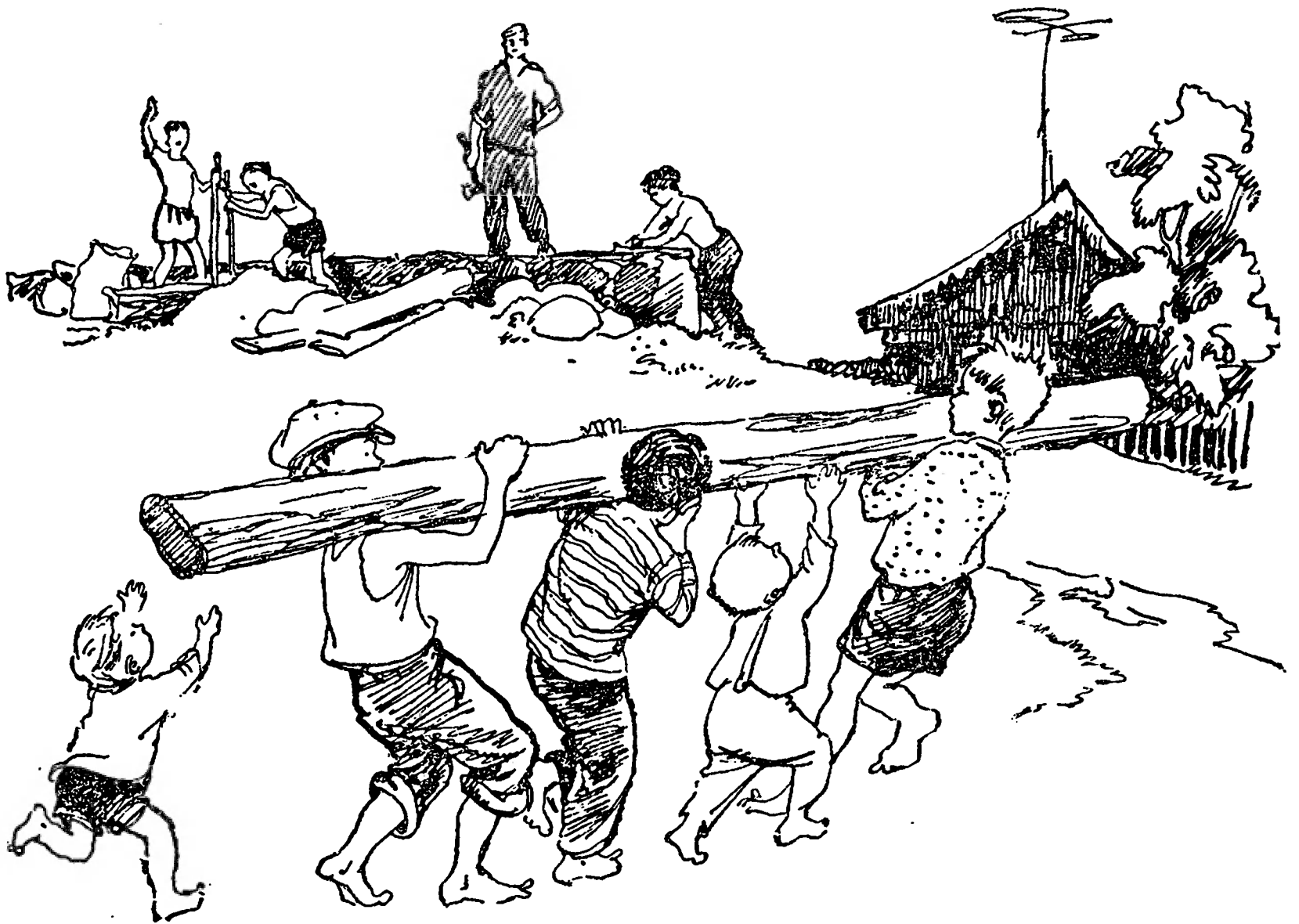
Зойка также постановила «приём пищи» производить только в определённые часы.

Раньше, до этих нововведений, мы по несколько раз в день варили себе кофе «Здоровье» и садились за еду когда хотели, а теперь нашей казацкой вольнице пришёл конец. Зойка вбила на лужайке осиновый кол и начертила лопатой по дёрну циферблат. И когда солнечные часы, например, показывали 6 утра, на столе уже дымился завтрак и мы, причёсанные и умытые, глядели на то, как Зойка раскладывала нам по тарелкам пшённую кашу.

Я затащил Лёшку на стройку колхозного клуба, и он начал свой трудовой путь с чернорабочего: подносил Петьке и Мишке песок, размешивал в ящике цементный раствор. Сам же я был допущен к более сложным работам: притирал на цементной подушечке кирпич к кирпичу и даже брал в руки мастерок.

Заметив нас с Лёшкой на стройке, к нам со всех сторон сбежались деревенские мальчишки, начиная с пятилетнего Васятки и кончая здоровенным Сашкой Косым. Ребята подтаскивали брёвна, рыли яму под заборные столбы и укладывали лаги для пола из толстого подтоварника.

Я уже многое узнал: и что такое сшивать доски внахлёстку, и как прибивать их заподлицо. Бутом назывался белый камень, очень прочный и водостойкий. Он обычно укладывается в землю. А «подтоварник» — это просто брёвна длиной шесть метров и толщиной десять—двенадцать сантиметров.

На земле возле дома была сложена обрешётка для крыши и тонкие доски для чёрного пола. Иногда я слышал, как Петька советовался со своим напарником:

— Какой раствор будем здесь делать: один к четырём или один к шести?

— А какая у нас марка в этом мешке?

— Не то «300», не то «400».

— Давай один к шести.

И Петька приказывал Лёшке насыпать в ящик для раствора шесть вёдер песку и одно ведро цемента.

А марки расшифровывались очень просто: чем выше марка цемента («200», «300», «400», «500»), тем больше песку он связывает и крепче схватывает.

Наблюдая за тем, как работают Петька и Мишка, и прислушиваясь к их рабочему разговору, я понял, что каждая профессия имеет свой словарь и свои хитрости. И мне было приятно щеголять рабочими словечками:

— Эй, Сашка, давай сюда вагу, а сам зайди с торца!

Так мы укладывали венец — нижние брёвна дома.

Однажды подошёл к нам Коляскин. Посмотрел на мальчишек, облотивших сруб, и сказал удивлённо:

— Вот архаровцы! То их сахаром сюда не заманишь, а то сами налетели как на мёд...

Мы с Лёшкой уже имели право есть мамо-папины продукты, потому что работали в поте лица. Так настояла Зойка. Владимир Сергеевич, правда, говорил, что это уже неинтересно, если мы всё-таки начинаем прибегать к чьей-то помощи. Вот Робинзон Крузо добился всего сам, так и мы должны делать.

— И глиняные горшки будем обжигать? — спросил Лёшка.

— А хотя бы и так.

— И пшеницу сеять?

— Ну, не совсем сеять, но надо знать, как её сеют.

— А чего тут знать: бросил в землю и пошёл руки в брюки. А она растёт себе.

— Вот за одни такие слова тебя и стоит отлучить от мамочкиного сахара и консервов.

— Владимир Сергеевич, вы не правы! — сказала Зойка. — Вот если бы они вообще балбесничали, как эти На-Гарики, тогда другое дело: пусть сами себе и добывают пропитание. А раз они работают, мама и папа должны их поддерживать.

— Но Лёшка-то ведь ещё не получил аванса, — возразил Владимир Сергеевич.

— А вы сами-то работали? — насупился Лёшка.

— У Владимира Сергеевича бюллетень, — сказала Зойка.

— Знаем мы этот бюллетень! — ответил Лёшка и подмигнул мне.

— А ты что ему подмигнул?

— Ничего, это у меня нервный тик.

Но этот «нервный тик» для меня лично означал многое.

Позавчера, когда мы с Лёшкой ушли на работу, Владимир Сергеевич с Зойкой остались одни. А когда мы прибежали на обед, то увидели, что Зойка с Владимиром Сергеевичем режутся в шашки и у него на лбу красное пятно.

Я догадался, что эти шашки Зойкины, и мне почему-то стало грустно. Значит, она специально ходила за ними домой.

А тут ещё Лёшка подлил масла в огонь. Когда мы пошли по грибы, он сказал мне:

— Ну, теперь пропало твоё дело, не видать вам теперь Зоечку, как уши без зеркала!

— А куда она денется? — спросил я, сделав вид, будто ничего не понимаю.

— Никуда. Но просто она теперь будет чихать на вас с пятого этажа. Нужны вы ей больно!

— С чего это ты взял?

— А ты посмотри, кого она теперь по лбу щёлкает?

Эти обидные для меня Лёшкины домыслы я решил проверить сегодня же. Вернувшись к шалашу с грибами, я предложил Зойке сыграть в шашки, но она ответила:

— Некогда, некогда! Ты видишь, что с ним!

Она заботливо укрывала Владимира Сергеевича. Он не хотел ни есть, ни пить, но Зойка говорила:

— Ну пожалуйста, я вас очень прошу! Вы увидите, вам же лучше сразу станет! — и пыталась его поить горячим кофе из кружки.

О, почему я не заболел ангиной!

А потом Владимир Сергеевич нам стал рассказывать эпизоды из своей жизни. И слушать его было необычайно интересно.

Однажды в зимнем туристском лагере он ехал с товарищем на лыжах по склону горы, и вдруг снежная лавина сбила товарища с ног и засыпала. Надо было мчаться за помощью в лагерь, но Владимир Сергеевич не бросил друга, а стал его откапывать сам. И так он разгребал снег всю ночь, пока не вытащил на склон своего полуживого товарища.

Зойка с горящими глазами смотрела на Владимира Сергеевича.

— И он, значит, живой остался?

— Живой. Что ему сделается! Сейчас тоже, как и я, геолог, — сказал Владимир Сергеевич. — А вот ещё другой случай...

Наш вождь с головы до ног был напичкан разными случаями. Каждый его герой, будь то какая-нибудь бабушка или профессор, все они имели свои голоса, свои походки, и я, например, очень зримо представлял себе худощавого охотника в рваном полушубке, в огромной волчьей шапке, на которого в тайге напал уссурийский медведь-шатун. Владимир Сергеевич пошёл с ружьём на подмогу охотнику, выстрелил в упор, но медведь всё-таки успел снять скальп с Владимира Сергеевича. И ему в больнице снова натягивали волосы на голову. Это был невероятный случай, и мы, может быть, и не поверили бы начальнику Кара-Бумбы, но он в доказательство показал нам длинный шрам под волосами на лбу.

Я слушал Владимира Сергеевича и думал о том, что за таким человеком я пошёл бы на край земли. Только зря он всё это при Зойке рассказывает!

Владимир Сергеевич лежал перед костром, и на его бледное, осунувшееся лицо спадали со лба две прядки волос, которые он то и дело закидывал пятернёй назад. Глаза его — большие, карие — были очень живыми.

Вдруг в кустах мелькнула голова какого-то мальчишки. Мелькнула и исчезла.

— Что-о такое? — приподнялся на локте Владимир Сергеевич. — А ну-ка, Лёшка, узнай, в чём дело.

Лёшка вскочил на ноги и кинулся в кусты.

Через минуту он привёл к шалашу наголо остриженного веснушчатого паренька. На нём были трусы и белая рубашка с пионерским галстуком. Ему было лет девять-десять. Он оглядел нас всех, бросил взгляд на шалаш и нерешительно сказал:

— Здравствуйте... товарищи! К вам можно?

— А-а, заходи, заходи! — будто старому приятелю, ответил Владимир Сергеевич. — Откуда пожаловали? Куда путь держите?

— Мы... я... — проговорил мальчик, не зная, с чего начать. — Мы в пионерском лагере все живём... А мне своего друга позвать можно?

— Ну что ж, зови! — сказал Владимир Сергеевич.

Мальчишка засунул два пальца в рот, оглушительно свистнул и закричал:

— Эй, Славка, иди сюда! Не бойся!

Кусты за шалашом зашуршали, и рядом с неожиданным пришельцем появился новый. Он был так же, как и первый, стриженный и в пионерском галстуке. Лицо у него было монгольское: скуластое, с узенькими щёлочками глаз и с широким облупившимся носом.

— Вот,— сказал веснушчатый,— мы вдвоём пришли. Это Славка, а я Толя. А это правда, что вы к себе в шалаш принимаете?

— Конечно, правда. Вы же пришли и видите, мы вас не гоним! — сказала Зойка.

— Нет, мы не об этом...— сказал Славка.— Ну, в свой отряд вы записываете или нет?

— А какой у нас отряд? — удивлённо спросил Владимир Сергеевич.

— Как — какой? Вы же сами знаете...— улыбнулся Толя.

Мы переглянулись.

— Мы-то всё знаем, а вот ты что скажешь? — сказал я.

— Ну, про вас говорят, что у вас тут детский партизанский отряд по борьбе за самостоятельную жизнь...

Владимир Сергеевич улыбнулся, но тут же спрятал свою улыбку и спросил:

— Ну, и с кем же мы боремся?

— Конечно, это, может быть, враки,— опустив глаза, сказал Славка,— но, говорят... с родителями!

Я хотел захохотать, но Владимир Сергеевич мне сделал знак рукой.

— А тебе кто же насолил, папаша или мамаша? — спросил вдруг Лёшка.

— Ему мачеха насолила,— ответил за друга Толя.

При слове «мачеха» у меня сжалось сердце. Я спросил:

— А она тебя бьёт или работать заставляет?

— Хуже...— ответил Славка.

— Она ему совсем дышать не даёт! — пояснил Толя.— Вот мы приехали в лагерь, а его мачеха в этой же деревне

себе дачу сняла и всё время лезет его целовать. А ему стыдно перед ребятами.

— Ясно,— сказал Владимир Сергеевич.— А у тебя, Толя, к кому претензии?

— А он разозлился на нашу пионервожатую! — сказал Славка.— Сегодня Гришка подошёл к Тольке да как плюнет на него, а Толька не растерялся и тоже в него плюнул. Ну, тут и пошло! А Галя их заметила и обоих заставила на кухне картошку чистить. А он удрал.

— Э-эх, граждане...— сказал Владимир Сергеевич.— А мне кажется, что вы сюда не по адресу попали. Во-первых, у вас не веские доводы для приёма в наше содружество. Ну, что же — мачеха? Мачеха, видно, у Славки хорошая. А во-вторых, зачем же нам такие члены, которые плюют друг на друга?

— Не примете, значит? — спросил Славка.

— Нет. Надо вам сначала ещё арифметику товарищества изучить.

— Чего-о? — удивился Толя.

— Арифметику! — наставительно сказал Лёшка.— Как надо относиться друг к другу. А потом уже к нам приходите на... высшую математику.

— А как же мы будем арифметику изучать? — спросил Толя.

— А это уж я не знаю,— развёл руками Владимир Сергеевич.— Это дело вашей Гали.

— А она сама ничего не умеет делать,— вдруг сказал Славка.— Мы её попросили морской узел завязать, а она не умеет.

— И не знает, как в лесу без солнца найти восток или запад,— добавил Толя.

— Лёшка, верёвку! — скомандовал Владимир Сергеевич.

И когда Лёшка принёс пеньковую бечеву, Владимир Сергеевич, не задумываясь, разрезал её на две части, а потом быстро связал витиеватым морским узлом и протянул её пионерам.

— Прошу, на память! А насчёт востока и запада, так это легче лёгкого: вон, видите, на ёлке ветки растут? Так

запомните: их всегда больше на южной стороне. И тут уж сами определяйте, где восток или север.

В это время около шалаша, к нашему изумлению, появился сам председатель колхоза Коляскин. Он шёл, как всегда, с хворостинкой в руке.

Владимир Сергеевич никогда не видел его в лицо, и поэтому его глаза насторожились.

— Добрый вечер! — просто сказал председатель. — Ну, как поживаете, разбойнички? — И, протягивая руку Владимиру Сергеевичу, добавил: — Я — Коляскин.

— А-а, слышал, — улыбнулся Владимир Сергеевич. — Наш поилец и кормилец! Присаживайтесь к огоньку. А кстати, насчёт разбойничков. Это у вас в колхозе одноглазый Соловей-разбойник живёт? Чуть вот у Юрки весь вкус к работе не отбил.

— Этот может! Мрачноватый тип. За хулиганство сидел. Мы взяли его всем колхозом на поруки прямо из суда. Может быть, человеком сделаем!

Коляскин сел на самодельную скамейку, снял картуз, будто зашёл в комнату, и положил его рядом с собой.

— А я к вам по делу...

— По какому? — спросил Владимир Сергеевич и поглядел на меня и на Лёшку: уж не набедокурили мы чего-нибудь в деревне?

— Да оно не очень сложное, но и не очень простое. Вы, кажется, геолог?

— Да.

— А в воде разбираетесь?

— Да, кажется, разбираюсь... Вообще-то у меня другая специальность — я поисковик... А что у вас с водой?

— Понимаете, нам артезианский колодец надо. Бурить хотим. Не поможете, а?

— Одну секунду, — сказал Владимир Сергеевич. — Вот я сейчас отпущу этих двух ходоков, — он кивнул на пионеров, — и мы займёмся с вами. Ну как, граждане, вам ясно?

— Ясно, — ответил Толя и, толкнув в плечо своего приятеля, побежал по тропинке в лес.

За ним, подскочив на месте, побежал Славка.

— Хм... Тоже мне обиженные! — усмехнулся им вслед Владимир Сергеевич.—И придумают же: детский партизанский отряд!..

Коляскин достал пачку «Беломора» и закурил.

— Так вот,— начал он,— мы хотим расширить молочную ферму, а вода у нас не очень чистая, и её не хватает.

— Верховодку только используете?

— Да, из колодца берём. Ну, и полчаса назад мы на правлении решили поискать воду получше и бурить землю около фермы. А потом я подумал, что могу сразу проконсультироваться у вас, и пришёл к своим колхозничкам.— Он взглянул на меня и на Лёшку.— Это от них я узнал, что вы геолог.

— Вообще, что я могу сказать? — ответил Владимир Сергеевич.— Конечно, я могу заняться этим делом — дать предварительный прогноз, но всё равно вам придётся приглашать мастеров. Надо ведь буровой станок привезти, трубы, фильтр, насос...

— Это я всё знаю,— сказал Коляскин.— Мы достанем. Но пока там приедет человек из Москвы, а вы уже тут, под боком. Может быть, возьмётесь? А мы уж оплатим.

— Да какая там оплата! — улыбнулся Владимир Сергеевич.— Всё равно мы отдыхаем. И дело-то не сложное: съездить в Москву, в Геологическое управление, и достать материал по вашему району. Кстати, там у меня и друг есть, он поможет.

— Вот и спасибо! — сказал Коляскин.— А ваших мальчишек я с завтрашнего дня на новый объект перебрасываю. Надо будет крышу на школе починить. Пусть приходят завтра в правление, там Михей Николаевич, кровельщик, будет их ждать.

Когда Коляскин ушёл, Владимир Сергеевич сказал:

— Вот вам и шалаш! Видали? Вот они, костры наших душ! О вас уже легенда идёт: отряд! Вас уже на работу приглашают! Человек нигде не пропадёт, только бы у него руки были. А давайте споём песню, а?

Настроение у нас у всех было отличное, и мы запели нашу любимую «Взвейтесь кострами...».

Я пел эту песню и чувствовал, как у меня по спине мурашки ползут от её таких сильных, мужественных и призывных слов.

ЛЁШКА И МОХНАТОЕ

Однажды утром Владимир Сергеевич оторвал нас с Лёшкой от костра, на котором мы пытались обжечь самодельную глиняную вазу, и позвал в орешник. Здесь мы присели на корточки, и Владимир Сергеевич ткнул пальцем в большую паутину.

— Посмотрите,— почти шёпотом сказал он,— это ведь целый мир!

Похожая на большую шестиугольную антенну, паутина серебрилась на солнце. Сам хозяин этого мощного сооружения — толстый паук, видимо отдыхая от жары, сидел в тени под листиком.

Паутина была выткана необыкновенно искусно. Большой шестиугольник имел внутри себя ещё пятьдесят шестиугольничков, и каждая грань была точно параллельна другой. А всё это держалось на двух основных нитях, растянутых между сучками.

В середине сетки болталась высохшая оса, рядом с ней, свернув набок головку, висела пойманная за шею муха, а мёртвый комар был словно распят за ножки.

Но один комарик был ещё живым. Он зацепился за паутину тоненькой ножкой и висел вниз головой. Он ожесточённо махал крыльями, бился о паутину так, что она вся дрожала, подтягивался на зацепившейся ножке, и всё было бесполезно. У комара, вероятно, уже иссякали силы, потому что он всё реже и реже пытался выпутаться.

И вот, почувствовав добычу, из-под листочка на свет вылез паук и, медленно переставляя ноги, двинулся к своей жертве.

— Сейчас ему тут каюк! — сказал я о комаре.

— А мы не позволим,— ответил Владимир Сергеевич и, подняв с земли травинку, толкнул комара.

Тот сразу упал на листочек, покрытый росой, вскочил на

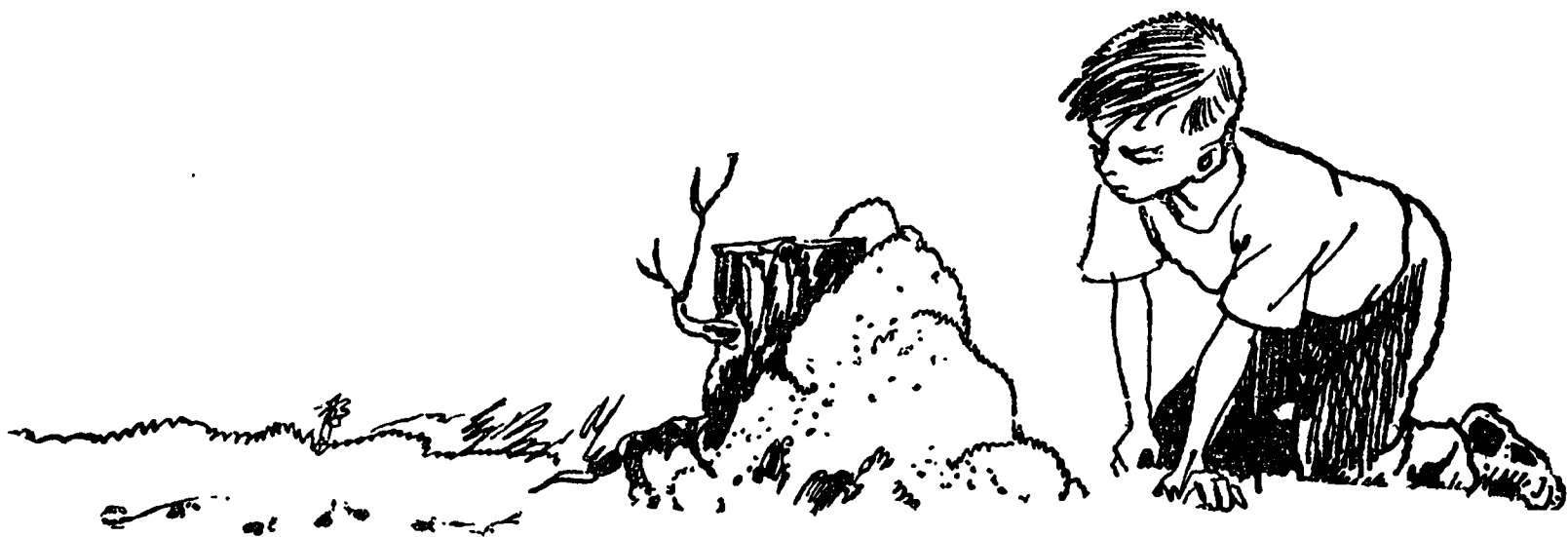
ножки и в недоумении, вероятно обдумывая, а что же, собственно, с ним произошло, застыл на месте.

— Спасся, бедняга! — засмеялся Лёшка, а потом, весело воскликнув: — «Весь мир насилья мы разрушим», — ударил ногой по паутине.

Пребывая в лесу, мы с Лёшкой совсем не замечали, что вокруг нас идёт кипучая жизнь. Но стоило только Владимиру Сергеевичу показать нам паутину, как мы уже сами захотели делать натуралистические открытия. Я взялся за научные исследования муравейника, а Лёшка стал вскрывать кротовые норки для того, чтобы «изучить пути движения этих животных» и из добытых кротовых шкурок сшить себе шапку.

Я сидел над муравейником почти каждый день. Мне казалось, муравьиная куча — это огромный город со своими домами, улицами и площадями. Муравьи двигались стройными цепочками, и можно было заметить, что одни цепочки тянутся из «домов» в лес, а другие, наоборот, из леса в «дом». И те, кто направлялся в «дом», обязательно волочили с собой или сосновую иголку, или муху, или гусеницу. Иногда на перекрёстке дорог встречались два муравья и, останавливаясь друг перед другом, словно разговаривали между собой: «Ну, как, брат, живёшь?» — «Да ничего, спасибо. А ты?» — «Вот, видишь, тружусь. Сухую былинку раздобыл, жена говорит, что потолок надо поправить!» — «Ну, передавай ей привет. Я пошёл!» И, поговорив, они озабоченно торопились каждый своей дорогой.

В куче можно было заметить и старых и молодых муравьёв. Старые были толстенькие и чёрные, молодые —

худенькие, светло-коричневые и юркие. Эти мчались вперёд напролом, по головам и по телам своих родичей.

Некоторые пожилые, обиженные такой непочтительностью, тут же догоняли молодых нахалов и делали им внушение — видимо, кусали. После такой экзекуции молодые уже шли в лес, еле-еле передвигая ноги.

Я видел не раз, как муравьи втроём тащили одну палочку. Видел, как двое дрались из-за какого-то кусочка коры и их разнимали «прохожие».

А однажды Лёшка засунул палку в муравейник, пошевелил ею и закричал:

— Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!

Ух, что тут поднялось! Весь муравейник пришёл в движение. Побросав свои былинки, из леса на спасение кучи бежали рабочие муравьи. Из «домов» выскакивали муравьи-женщины и, будто спелёнатых детишек, тащили на себе белые яички. Вскоре вся куча покрылась белыми движущимися точечками.

— Как война началась...— вдруг тихо сказал Лёшка и выдернул из кучи свою палку.

Кстати сказать, мечты о кротовой шапке он вскоре оставил. Он изрыл почти всю лесную округу, но ни одного крота не нашёл. И после такой неудачи он решил переметнуться от животного мира к растительному. Тут ничего копать не надо, а слушай, что Зойка рассказывает, и всё.

А Зойкины познания были просто удивительными. Мы, например, каждую секунду встречали самую обыкновенную берёзу, но никто из нас никогда и не думал, что название её рода происходит от латинского глагола *batuere*, что в переводе означает «бить» или «сечь». Оказывается, эта берёза в древнеримские времена была отличным учебным пособием для школьников.

— Вот здорово! — удивлялся Лёшка.— Теперь мне ясно, откуда пошло выражение «дать берёзовой каши»!

Как-то раз, забравшись в малинник, Лёшка очень сильно обжёгся крапивой и принялся с ожесточением расчёсывать ноги. А Зойка — наш врач,— вместо того чтобы помочь его страданиям, начала читать лекцию.

— А ты, Лёша, можешь не чесать,— поясняла она.— Жгучие волосики крапивы содержат муравьиную кислоту. Крапива — хорошее кровоостанавливающее средство при лёгочных и других кровотечениях.

— Вот тебе бы по языку этими жгучими волосками,— с гримасой на лице отвечал Лёшка,— ты бы по-другому бы его зачесала!

— Но, честное слово, я не вру! — смеялась Зойка.— А ты потерпи, и пройдёт.

— У вас отличные познания! — восхищался Зойкой наш начальник Кара-Бумбы.— Всё это действительно верно! Но откуда вы набрались таких премудростей?

— А мне папа об этом рассказывает,— улыбалась Зойка, и её синие глаза лучились необыкновенно светло и радостно.

И вообще мы с Лёшкой заметили, что за последнее время, избавившись от ангины, Владимир Сергеевич уж больно часто восхищается Зойкой. Что она ни сделает, он всегда скажет: «Мудро!» или: «Вы у меня прелесть!» А почему это «у меня»?!

С нами Владимир Сергеевич разговаривал на «ты», а с Зойкой обращался только на «вы». Зойка всегда очень хорошо выполняла то, что скажет ей Владимир Сергеевич. Но не просто выполняла точь-в-точь, а в заданную работу привносила и что-то своё.

— У Зои великое качество! — говорил нам без неё Владимир Сергеевич.— Творческий подход к делу!

Нередко, сидя у костра, они заводили философские разговоры о жизни, о нашей стране, о литературе.

— Владимир Сергеевич, а вот для чего жить на белом свете? — вдруг спросит Зойка.— Мы с девчонками спорили, спорили в классе, но так ни к чему и не пришли. Одни говорят одно, другие — другое, а главного так никто и не знает. Ну, вот рождается человек на белый свет, трудится, трудится, а потом умирает. И всё. А в чём соль жизни? Ну вот моей или вашей? До нас Земля вертелась миллионы лет и после нас ещё будет вертеться миллионы миллионов. А где наше место?

— Хм, это сложный вопрос! — отвечает Владимир Сергеевич. — Над ним все мудрые люди думали и думают. Ну, а я — не знаю, правильно ли это или неправильно, — я его решаю поэтически: природа создала человека, ну, как свои глаза! Для того чтобы он любовался, радовался и наслаждался самой природой. Ведь есть же на белом свете что-то истинно красивое? Есть! Это всё живое: поля, леса, звери, птицы. А есть что-то некрасивое? Тоже есть. Это всё мёртвое: пустыни, ледники, непроходимые болота. Вот природа и видит нашими глазами свои недоделки. Ведь человек-то всегда стремится к красоте?

— Стремится, — кивает головой Зойка.

— А для того чтобы вся земля была живой и красивой, надо её переделывать, надо трудиться. Но одному человеку, например, не под силу озеленить пустыню Сахару? Не под силу. А если нам собраться всем вместе, провести там каналы, посадить деревья, то пустыня сразу зацветёт. Но тут возникает другой вопрос. Один человек говорит: «Да, если мы её озеленим, то у нас будет больше хлеба и продуктов, пустыня станет красивой. Там появится жизнь, и мы будем радоваться ей!» А другой отвечает: «Нет, а на кой чёрт мне озеленять какую-то там пустыню, я и так проживу свой короткий век!» Вот теперь и решайте, кто прав — первый человек или второй?

— Конечно, первый! — отвечает Зойка.

— Правильно! Ну, а теперь: какая же цель стоит перед каждым человеком, который появляется на белый свет? — продолжает Владимир Сергеевич. — И на этот вопрос очень легко ответить. Он должен, во-первых, озеленить какую-то маленькую, но свою пустыню или высушить какое-то маленькое, но своё болото, то есть сделать что-то полезное! А во-вторых, он должен ещё переделать каждого человека, который хочет прожить на земле только сам для себя. Ведь должен же какой-то след остаться после каждого человека на земле? А этот след и будет в конце концов красота земли и счастье всех людей! Вот и весь прекрасный смысл нашей жизни.

— А я знаю, о чём Владимир Сергеевич говорит, — серь-

ёзно замечает Лёшка.— Первый человек — это коммунист, а второй человек — индивидуалист. Это тоже недоделка природы.

— Ну хорошо, а как же я лично должна жить? — допытывается Зойка.— Ну где мне найти место, чем заняться?

— Вы, Зоя, мне кажетесь очень способным человеком. Вот вы немножко знаете медицину, немного ботанику. А к чему вас больше всего тянет?

— Пожалуй, к медицине.

— Вот и займитесь ею.

— А если я не попаду в институт?

— Поступайте в больницу, в медсёстры. Но всё-таки бейте в одну точку. А там подучитесь — и, глядишь, вы уже врач! Только надо быть настойчивым.

— А если меня никуда не тянет, тогда что? — интересуется Лёшка.

— Тогда иди куда хочешь: на завод, в колхоз, на фабрику. Там со временем поймёшь жизнь, может быть, полюбишь свою работу...

— А если не полюбишь, как тогда?

— К тому времени ты, Лёшка, уже умнее станешь и уж сам будешь решать, что тебе делать. Мне сейчас трудно загадывать. Но, главное, не бояться никакой работы! Жизнь — она наука мудрая! Она сама тебя поставит на своё место. А лучше всего к чему-нибудь с детства пристраститься и шагать по одной дорожке. Так сказать, выбрать себе своё жизненное суворовское училище и вступить в него прямо с первого класса. Хотите, могу вас поднатаскать по геологии? Будете путешествовать, открывать нефть, разные руды...

— Ура! — кричим мы с Лёшкой.— Давай!

— И вы сможете нас взять в это лето в экспедицию? — перебивает его Лёшка.

— Нет, вас ещё брать рановато, а вот Зоя уже могла бы поехать в пле. Я бы её немножко подучил как будущего коллектора — и к нам в партию! Взяли бы, не задумываясь!

Но Зойка только вздыхает:

— Мечты, мечты, где ваша сладость?.. Папа! Мама! Разве они отпустят?

— А ты убеги! С Владимиром Сергеевичем не пропадёшь! — советует Лёшка, и мне хочется ему стукнуть по загривку за такие слова.

Зойку я уже не провожал по вечерам из лесу домой. Её провожал Владимир Сергеевич. Он даже познакомился с её папой и мамой и, бывало, попивал у них чай из самовара.

Я-то к ним заходил домой запросто, но они со мной обращались, как с мальчишкой: спрашивали, как я учусь в школе, занимаюсь ли я музыкой и хороший ли у меня педагог. А вот с Владимиром Сергеевичем они вели разговор о политике, о его специальности и расспрашивали, какой у геологов заработок.

Я прекрасно понимал, что Зойка уже отошла от нашего прошлогоднего дачного детства, и мне было очень жалко, что мне ещё так мало лет. Сначала я сердился на Владимира Сергеевича, но потом решил, что мне с ним не стоит портить хорошую мужскую дружбу.

До свидания, Зойка! И если я ещё когда-нибудь встречу девчонку, то мне очень хочется, чтобы она была такая, как ты.

Однажды поздно вечером я поехал с деревенскими ребятами в ночное. Мы взнуздали лошадей, положили к ним на круп лёгкие подстилки и поскакали на Макарьев луг. Перед выездом наша кавалькада, состоящая из пятнадцати лошадей, долго ожидала Сашку Косого, который почему-то не мог вырваться из дому. И так, не дождавшись, мы поехали без него.

Лёшку я с собой в ночное не взял. Он не мог сам вскакивать на лошадь, его надо было поддерживать за ногу, а потом он боялся быстрой езды и всё время вопил: «Ой, ребята, не гоните! Я себе весь зад отбил! Ой, сейчас упаду!..»

Вечер был холодный, и деревенские ребята поехали на луг кто в зимних шубейках, а кто и в валенках на босу ногу. Я был в тоненькой рубашке.

На лугу мы спутали лошадей и сняли с них уздечки. Потом разожгли костёр.

И вдруг я увидел, что к костру подходит что-то чёрное и лохматое!

У меня прямо сердце в пятки ушло.

И это неизвестное животное придвигалось к нам на четвереньках. Ну точно так же, как я видел около шалаша сквозь сон!

— Ой! — тихо ойкнули ребята, и от ужаса все окаменели. А потом все бросились врассыпную.

И я тоже удрал в кусты.

А это неизвестное животное вдруг встало на дыбы и дико захохотало.

— Ребята! Это же я! — закричал Сашка Косой и свалился от смеха на траву.

На нём оказался вывороченный наизнанку мохнатый овчинный тулуп.

Придя в себя, я сразу же спросил Сашку:

— Слушай, а ты ещё кому-нибудь давал этот тулуп?

— Давал, — ответил Сашка, — а что?

— А кому давал?

— Ну, Нарьке с Гарькой давал. Они у меня на сеновале, бывает, спят. А тебе что, холодно в рубашке?

— Холодно.

— Ну и бери его. А завтра отдашь.

Я накинул на себя тулуп, и все мы, весело обсуждая, кто как испугался «медведя», тронулись в деревню.

«Так, — думал я, — теперь ясно, кто к нам ходит по ночам. И ясно, почему ходит... Ну, ходи, ходи... Ты, Нарька, своё заработаешь!»

Подойдя к нашему шалашу, я вывернул шубу наизнанку, накинул на голову широкий воротник и встал на четвереньки. Я видел, что около костра сидит Лёшка, а Владимира Сергеевича не было. Он, видно, пошёл провожать Зойку.

И тут я, продвинувшись к шалашу на несколько шагов, тихонько завыл:

— У-у-ы-а!

— Кто там? — спросил Лёшка, загородившись ладонью от костра.

— Э-ы-ы-у-у!

Я думал, что сейчас Лёшка завопит: «Караул! Спасите!» — но дальнейшее произошло в одно мгновение. Та-

кой прыти я от Лёшки не ожидал. Он схватил наш тяжёлый дрын, подскочил ко мне и поднял его над головой.

Я едва успел произнести: «Это я, Лёшка!» — и юркнуть в кусты, как Лёшка с размаху хряпнул дрыном по земле, по тому месту, где я только что находился.

Не увернись я вовремя, эта шутка могла бы кончиться очень печально.

И всё из-за того, что я предполагал, что Лёшка остался прежним.

КОРЕНЬ ЖЕНЬШЕНЬ

Как внезапно началось наше житьё-бытьё в шалаше, так оно внезапно и кончилось.

Однажды Владимир Сергеевич уехал с утра в Москву, в Геологическое управление, за прогнозом для артезианской скважины, и вдруг, вернувшись оттуда раньше времени, он вынул из кармана телеграмму и вслух прочитал:

— «Из Красноярска. Через десять дней уходим тайгу. Ждём». — И добавил: — Вот и конец, друзья-приятели! Ну, что скажете?

— Уже, значит, уезжаете? — всё ещё не веря только что услышанному, спросил я.

— Как видите.

— А... мы куда? — растерянно сказал Лёшка.

— На кудыкину гору... — вздохнул Владимир Сергеевич. — Да, не ожидал я таких быстрых событий. Надо уезжать в Москву.

— И это обязательно сегодня? — спросил я.

— Только сегодня! Я ещё должен кое-что купить, собраться в дорогу, написать письмо родителям. Значит, так. — Голос Владимира Сергеевича стал деловым. — Сейчас Лёшка начнёт собирать вещи, а мы с Юркой пойдём к Коляскину. Я ему сделал прогноз. Но жалко, что не успел составить проект скважины.

Я чувствовал, что Владимиру Сергеевичу уже не до нас. У него был озабоченный вид, и мне казалось, что между нами и им уже легла какая-то невидимая черта. Он — уже

занятой человек, а мы — мы что? Мальчишки! Он уезжает в большой мир поисков и строительства, а мы остаёмся под крылышками своих родителей. Но вот что интересно: если бы раньше, до нашего приезда на Оку, Владимир Сергеевич встретил бы меня на улице и сказал: «А знаешь что? По-едем со мной в тайгу!» — я бы, конечно, ни за что не по-ехал. Одно слово «тайга» звучало для меня пугающе. Но сегодня я бы махнул рукой на дом, на родителей, на город и своих друзей, но только бы остаться с Владимиром Сергее-вичем и поехать с ним в тайгу.

Наш визит в деревню был неудачным. Мы там не заста-ли ни Коляскина, ни Зойки. Коляскин уехал в район, а Зой-ка отправилась на пляж.

В правлении Владимир Сергеевич оставил записку: «То-варищ председатель! Вода у вас будет хорошего качества, дебита, то есть количества воды, хватит на тысячу лет! А возьмёте вы воду с глубины 70—80 метров. Это удоволь-ствие будет не слишком дорогое. Желаю успеха!»

Мы пошли на Оку.

Владимир Сергеевич то говорил, что времени у него в обрез, а то теперь полетел зачем-то на пляж.

Мне было очень горько, что вот так быстро пронеслась наша золотая привольная жизнь, и мне хотелось помечтать о таком же житье-бытье на будущий год, а он... Он думал о Зойке! Сегодня вечером мы уже будем в Москве, и кто зна-ет, когда нам доведётся опять встретиться? И никто не от-пустит нас без Владимира Сергеевича в шалаш.

Когда мы подошли к реке, то увидели, что Зойка сидит на песке, а поодаль, метрах в пятидесяти от неё, резвятся На-Гарики. Нарик пытался сделать стойку на руках, а Га-рик хватал его за ноги. Они не замечали нас из-за ивовых кустов.

Владимир Сергеевич замедлил шаг, посмотрел на меня огорчёнными глазами и спросил:

— Ну, будем к ней подходить?

— Конечно, будем,— сказал я.— Ведь надо же с ней попрощаться! И этих бы за шкуру потрясти!

— Идём! — решительно сказал Владимир Сергеевич.

Зойка была в синем шерстяном купальном костюме и красной резиновой шапочке.

— О, здравствуйте! — радостно сказала она, вскочив с песка. — А я, Владимир Сергеевич, сейчас к вам заходила в шалаш. И мне Лёшка сказал, что у вас какая-то новость... Давайте купаться!

— А у нас уже времени нет, — сказал я. — Мы прощаться пришли. Мы сегодня уезжаем. Владимир Сергеевич получил телеграмму.

— Как — уезжаете?! — Зойка отступила на шаг, и я увидел, что у неё дрогнули губы.

— Очень просто, — улыбнулся Владимир Сергеевич, — я — в тайгу, а они — домой. Скажите, Зоя, а это мыло ваше?

Зойка подняла с песка кусок туалетного мыла, завёрнутого в газетку:

— Моё! Пожалуйста!

Владимир Сергеевич кивнул мне на мыло: «Разверни!» — а потом подошёл к Нарикку и без всякого предупреждения известным приёмом схватил его за руку на излом.

— Ой! — закричал Нарикк. — Что вы делаете?

— А мы рассчитываться пришли! За шубу, за мёд! И ты, Гарька, иди сюда.

Но щупленького Гарьку точно ветром сдуло. Он умчался в деревню.

Нарикк было попытался вырваться, но Владимир Сергеевич чуть-чуть нажал ему на руку, и тот почувствовал, что сопротивляться бесполезно.

— Ну, гадюка, — подошёл я к Нарикку, — ты что тогда надо мной во ржи измывался, а? — И я его схватил двумя пальцами за нос.

— Уйди... — прогнусавил мой враг.

Я хотел Нарьку хлопнуть по щеке, но, взглянув на Зойку, постеснялся.

Владимир Сергеевич завёл Нарьку в воду и приказал мне намылить ему голову. Я думал, что мы этому типу таких шишек-банок надаём, что он век будет помнить. Но Владимир Сергеевич казнил его остроумнее: я, как за-

ботливая мать, намыливал ему голову, а на берегу отчаянно смеялась Зойка.

Потом Владимир Сергеевич со словами: «Теперь смывайся!» — дал пинка Нарьке, и тот бултыхнулся в воду.

— А может, ему ещё добавить? — сказал я.

— Хватит! — сказал Владимир Сергеевич. — Неохота больше руки марать... — И крикнул: — Ну, Зоя, пойдёмте к нам!

На пляже я нашёл то место, где оставил около берега в воде консервную банку с большой замшелой раковиной и налипшей на неё дюжиной ракушек. Чуть о ней не забыл!

Банка была полузанесена песком. И когда я её перевернул, на берег упала большая тяжёлая раковина, а за нею все малюсенькие ракушата. Они уже отвалились от «матери».

Я собрал всё это семейство в горсть и бросил его на середину реки. Пусть живут себе в глубине и на быстром течении!

А в шалаше Лёшка уже собрал два узла нехитрых наших пожитков.

Мы в последний раз разожгли костёр, вскипятили кофе и выпили его по кружке.

И тут, лукаво оглядев нас, Владимир Сергеевич вдруг вынул из кармана две бумажки с каким-то машинописным текстом, напечатанным, видимо, ещё в Москве, и торжественно сказал:

— Товарищи! Митинг по случаю вручения двух трудовых дипломов воспитанникам Кара-Бумбской школы жизни считаю открытым! Маэстро, туш!

И сам же оратор замахал, как дирижёр, руками и заиграл на губах туш. Мы ему дружно подтянули.

— Первый диплом, — продолжал Владимир Сергеевич, — вручается Юрию Попову! — Оратор развернул бумажку и возвысил голос: — «Настоящим подтверждается то, что Юрий Иванович Попов прошёл полный курс шалашной жизни первой ступени. Им освоены следующие предметы: приготовление пищи, отгонка лошадей в ночное, помощь

в строительстве домов, научно-исследовательская работа в области муравьиных куч, рыбная ловля руками. Товарища Попова необходимо считать человеком, пригодным для самостоятельного существования. Начальник Кара-Бумбы Владимир Карпенко». Ура, товарищи!

Мы закричали: «Ура!»

— Теперь следующий. «Настоящим подтверждается то, что Алексей Демьянович Кузькин за время шалашной жизни прошёл школу торгово-ягодного ученичества и кустарно-фотографического промысла и показал себя человеком изворотливым...»

— А я не согласен! — вдруг с обидой сказал Лёшка. — Вы Юрке серьёзную бумажку написали, а мне какую-то такую... Ну зачем вы написали про ягоды или про то, что я какой-то там ловчила?.. Не это главное!

— А что главное? — спросил Владимир Сергеевич.

— Уж будто вы сами не знаете... — сказал Лёшка. — Надо мне тоже отметить, что я умею варить картошку, что я был чернорабочим. Ну и вообще, что сначала орал «караул», а потом чуть Юрке хребтину не поломал. И что я тоже теперь не пропаду!

— Ну как, ему можно выдать такой диплом? — спросил нас Владимир Сергеевич.

— Мне кажется, можно! — кивнула головой Зойка.

И Владимиру Сергеевичу пришлось уже от руки, карандашом, написать Лёшке новый трудовой диплом.

В конце каждого диплома, потерев карандашом о герб на пятнадцатикопеечной монете, он приложил графитные печати.

Подхватив два узла, мы пошли на станцию. Нам было очень грустно покидать наше обжитое место, на котором мы пережили столько весёлого и незабываемого. Перед уходом мы присели на дорожку и помолчали. И у каждого из нас в душе родились какие-то свои особые думы и о пролетевших днях, и о том, что нас ожидает впереди.

Лёшка сидел передо мной загоревший и поздоровевший. И я чувствовал, что ему тоже не хочется уезжать отсюда.

Я вспомнил, как Владимир Сергеевич на первой ночёвке

на сеновале рассказывал нам о шагреневой коже и о том, что никаких чудес на свете не существует и что человек только сам может добиться своего счастья. Я вспомнил, как Зойка не раз нам говорила, что мы ничего не понимаем в жизни. А теперь она этого не скажет!

Да, пройдёт всего лишь каких-нибудь два-три года, и эта полянка перед шалашом зарастёт молодыми берёзками и ёлочками, опутается буйным орешником, и ничто уже не напомним о том, что некогда здесь жили-были мы, мальчишки, которые захотели поскорее войти в жизнь.

Через несколько дней мы провожали Владимира Сергеевича из Москвы с Ярославского вокзала. Мы приехали сюда на такси.

Владимир Сергеевич сбросил в вагоне свой рюкзак и вышел на перрон. Мы с Лёшкой обняли его и поцеловали. А Зойка подала ему руку. Но он взял её за обе руки и молча поглядел ей в глаза.

Так они и постояли секунду — высокий красивый парень в красной ковбойке с распахнутым воротником и хрупкая девчонка в школьном платье с беленькими кружевами.

Поезд незаметно тронулся, и Владимир Сергеевич уже на ходу вскочил в вагон. Мы пошли рядом с ним. А потом побежали за вагоном. Но догнать Владимира Сергеевича мы уже не могли.

И когда в темноте исчез красный фонарик последнего вагона и мы пошли на выход в город, Зойка вдруг остановилась под ярким фонарём и сказала:

— Мальчики, смотрите!

Она разжала кулачок, и на её маленькой ладони — нет, мы не поверили своим глазам! — мы увидели талисман Владимира Сергеевича: корень женьшень, который был очень похож на маленького человечка с ручками и ножками.

РАССКАЗЫ

Первый взлёт

Когда Вову Морковкина на сборе решили назначить главным голубеводом класса, больше всех протестовал Пашка Туманов.

— Долой Морковкина! — вопил он, размахивая руками. — У него ничего не выйдет!

— А почему не выйдет? — кричали ребята, предложившие Вовкину кандидатуру.

— А потому, что он свистеть не умеет! И мама у него всех голубей перережет...

— Нет, она не перережет, — чуть не плача, говорил Вова. — Она крови боится.

— А они у вас в комнате всю посуду перебьют!

— А я посуду уберу, — не сдавался Вова, — и голубятню сделаю!

Ему очень хотелось оправдать доверие класса. Это было первое общественное поручение.

В общем, так или иначе, а кандидатуру Морковкина класс всё же отстоял. Вова должен был первым начать гонять голубей, приобрести в этом деле опыт, а затем этот опыт распространить среди своих соучеников.

На следующий день на покупку «опытной пары» голубей в классе было собрано с каждого по десяти копеек, и Вова, громыхая карманами, набитыми мелочью, пошёл после уроков к себе домой осваивать новый вид спорта.

Для начала Вова решил узнать, а почему обыкновенный голубь называется голубем мира. Он залез в папин шкаф с книгами и в энциклопедии нашёл удивительное объяснение. Когда древний бог войны Марс однажды отправился в поход, он не мог надеть свой шлем, потому что голубка свила в нём гнездо.

Подведя теоретическую базу на случай атак со стороны мамы, Вова перевёл всю денежную мелочь в бумажные знаки, а затем принялся учиться настоящему свисту. Он засовывал четыре пальца в рот и рывками выдувал из себя воздух. Однако изо рта вырывалось гусиное шипение. Тогда Вова перешёл на два пальца и стал то закладывать между зубов язык, то вытягивать губы. Но и тут ничего не получалось. Оставалось одно: свистеть через выбитый зуб. Но, к сожалению, такого во рту не оказалось.

Впрочем, однажды в воскресенье, промучившись целое утро, Вова так оглушительно свистнул в два пальца, что из кухни прибежала мама.

— Вова, что ты делаешь? — закричала она. — Это безобразие!

— Нет, это не безобразие, — радостно ответил Вова, — а общественное задание! — и ещё раз свистнул.

— Общественное задание? — удивилась мама. — А может быть, ты ещё и голубей будешь гонять?

— Вот то-то и оно! — сказал Вова. — Мне надо завести самца и самочку.

— Боже, что он говорит! — воскликнула мама и позвала из другой комнаты папу.

Когда в столовой появился папа, мама буквально засыпала его словами.

— Вот посмотри — плоды твоего воспитания! Вчера он красками стал красить рояль, а сегодня он уже о голубях думает! Ты слышал, как он свистит?

— Слышал, — ответил папа.

— И не обратил внимания?

— А что же тут такого? Все мальчишки умеют свистеть.

— Но ведь он же себе губы разрывает! Посмотри на его рот — весь красный! А теперь он ещё хочет купить голубей...

— Подожди, Верочка, не шуми, — сказал папа. — Ну и пускай покупает. Голубь благородная птица...

— Когда Марс, бог войны, отправился в поход, — начал объяснять Вова, — то он...

— При чём тут марсиане! — перебила его мама. — Никаких голубей! Вова, ты понял меня? Никаких голубей! Не хватало, чтобы ты ещё шею сломал!

— Мам, я не упаду с крыши, — заныл Вова. — И я себе свистульку куплю — вместо пальцев.

Он посмотрел с мольбой на папу — дескать, спасай. Но тот, видно, чтобы не подрывать мамин авторитет, махнул рукой и вышел.

У Вовы от горя разрывалось сердце. Если мама и папа против голубей, значит, придётся с голубями расстаться. Но как же быть? Ведь Вова не о себе заботится, а обо всём классе. И что же выходит? Значит, Пашка прав, когда кричал: «Долой Морковкина»? Дудки ему — прав!

И тут Вова решил сесть на трамвай и поехать на птичий рынок.

...Рынок начинался ещё задолго до входа на большую асфальтированную площадь с крытыми прилавками. Здесь были сотни людей с голубями, щенками, котятами, кроликами, гусями. Щенки и котята выглядывали из-под воротников рубашек, пальто, телогреек. Гуси крякали в мешках. Кролики сидели в корзинках.

Какой-то дядька водил за собой на верёвочке здорового серебристого петуха, который время от времени с криком «ку-ка-ре-ку» кидался на прохожих. Те со смехом разбегались по сторонам.

— Ребя-а! — радостно стонал кто-то. — Меня жареный петух клюнул!

Вова разевал рот от удивления. Он не знал, никогда не думал, что в Москве живёт столько любителей птиц, рыб и животных.

В ряду кормов для рыб продавались сушёная дафния и циклопы. В больших консервных банках копошились красные червячки длиной с граммофонную иголку. На развёрнутых газетках в чёрной земле копошились белые червячки. Продавец брал их щепотками и укладывал в специальную мерку — пустой спичечный коробок.

— Бери за гривенник, — предложил продавец Вова червей. — Самая что ни на есть ихняя еда, вроде ветчины. Вот, положим, тебе хочется чего-нибудь солёненького куснуть али сырка, так и рыбе — надо разнообразное меню...

— Кому элодею и папоротник! Кому элодею и папоротник! — басом говорил высокий гражданин, держа в одной руке банку с зелёными растениями, а в другой — медицинский пинцет.

За стеклянной банкой в воде растения казались большими, широколиственными, а вынимали их оттуда — они становились тощими и жалкими.

Тут же, за прилавками, лежали и речной песок цвета яичного желтка, и надутые футбольные камеры, служащие для вдувания воздуха в аквариум, и электрический воздушный компрессор.

А в птичьем ряду верещали щеглы, синицы, канарейки, ярко-голубые, с зелёными переливами попугайчики.

Вова думал, что они заморские, откуда-нибудь из Чили или с Суматры, но оказалось, что их выводят в Москве.

Под клеткой с канарейкой сидела какая-то бабка и держала в руках бутылку с бумажной этикеткой: «Кислота из хвоста муравьёв».

— Можешь отпить глоточек, — сказала она Вова. — Эта кислота вроде как лимон. Мы в деревне с ней даже чай пьём. А так — она от ревматизму.

То тут, то там раздавались голоса:

— Щегол поёт с гарантией!

— А к кенарю надо сажать синицу, тогда они друг друга поддержат — ну, как хор Пятницкого!

— У кого есть соловей? Куплю соловья!

— Клетка плохая? Да вы очки снимите! Она же ведь из рояля сделана. Одни проволочки что стоят! Сюда хоть гориллу сажай — не выскочит!

Но самым большим рядом был голубиный. Продавцы держали голубей и в плетёных корзинах, и в металлических клетках, которые могли складываться в чемоданы. Сидели голуби целыми стаями. «Дутыши», «пегарьки», «воротникастые», «немцы», «почтари» всех цветов, раскрасок и оттенков спокойно ворковали и поклёвывали зерно. Покупатели для чего-то расправляли им крылья, дули под хвост, раскрывали клювики.

Вова с интересом прислушивался к «учёным» разговорам. Оказалось, что голубь ценится по головке и «платью», то есть по оперению. Лучший голубь — это «немец», и стоит он до трёх рублей. «Немцы» появились у нас после войны. Их привезли солдаты из Германии. Эти голуби летают со скоростью экспресса и безошибочно находят свой дом. А турманы — это такие голуби, которые могут кувыркаться в воздухе через голову.

Рябоватый парень, у которого голуби торчали из всех карманов, из-за пазухи и голенищ широких сапог, уговорил Вову купить за два рубля «понятых» — самца и самочку.

— Мечта, а не птица! — сказал он. — Купишь — весь век благодарить будешь. Они тебе в месяц по два яичка приносить будут. Ты их что — для продажи будешь разводить?

— Нет, — ответил Вова. — Как птицу дружбы...

— А-а, ясно... для политики, значит!.. Во-во! Они самые подходящие... Ну, бери тогда с корзинкой. Отдаю бесплатно!

Когда Вова подъехал на трамвае к дому, в квартиру к себе он идти побоялся. Там опять будет скандал!

Но куда же их всё-таки девать? Во дворе сараев нет — в их доме паровое отопление. В подвал отнести — не годится: голубям нужен свет. А что, если на чердак?

И Вова с корзинкой, осторожно переставляя её со ступеньки на ступеньку, полез по пожарной лестнице наверх.

— Эй, Морковкин, ты куда? — услышал он голос Пашки Туманова. — Лунатиком заделался?

— Сам ты лунатик! — усмехнулся Вова. — Я голубей купил!

Пашка, как обезьяна, в один миг влез на крышу и раскрыл корзинку. От солнечного света голуби вдруг стали такими ослепительно белыми, что Пашка невольно зажмурился.

— Ой, какая красота! — восхищённо сказал он.

— Это «понятые», — наставительно сказал Вова. — То есть семья. И у них детёныши будут...

Пашка с усердием на лице взял в руки корзинку и внёс её через слуховое окно на чердак.

Здесь под железной крышей Вова вынул голубей и подвинул их — улететь они никуда не могли. Птицы, задевая крыльями толстые пыльные балки, разлетелись по сторонам и вдруг доверчиво уселись к Вова на плечо.

— Ого! Они тебя уже знают! — изумился Пашка. — А давай их на воздухе погоняем!

— Улетят... — нерешительно сказал Вова.

По-честному говоря, ему очень хотелось запустить свою попку в воздух. А вдруг она какая-нибудь бракованная? Но кто знает, можно ли их уже выпускать или надо ещё недельку подождать. Впрочем, может быть, они уже привыкли к дому? У них в голове после поездки на трамвае, должно быть, всё перемешалось.

— Да смотри, они ведь уже привыкли! — убеждённо сказал Пашка. — Полетают, полетают, и вот увидишь, опять прилетят!

И, схватив голубей, он полез обратно через окно на крышу.

«Ну, была не была!» — подумал Вова.

Белая парочка взмыла над крышей и, видно обрадовавшись простору, стала ходить кругами. Потом голуби поднялись к перламутровому облаку и... стремительно скрылись из глаз!

Вова долго глядел им вслед, ждал, ждал — и вдруг заплакал.

— М-да... осечка, кажется, вышла.... — почесал затылок Пашка. — Но я думаю, что они просто попить захотели и сейчас вернутся.

— Дурак, не вернутся! — с горечью сказал Вова. — Что же я теперь в классе скажу? Ведь на меня надеялись.

— А то и скажешь, что опыт не удался. Ведь это же была «опытная пара»?

— Опытная.

— Ну, и горевать тут нечего!..

Наутро Пашка с большими подробностями рассказал всему классу о том, как Вова умело гонял у них во дворе голубей, и как эти голуби садились к Вовке на плечо, и как они поднялись к самому облаку и «сами» улетели. И Пашка очень просил, чтобы класс Вову не ругал.

Откровенно говоря, многие ребята очень смеялись над незадачливым Вовой.

Но когда на большой перемене в класс пришла Вовина мама и сказала пионервожатому, что её сына надо снять с должности главного голубевода, весь класс постановил: не снимать! Во что бы то ни стало уговорить маму! Вова уже знал, как надо обращаться с голубями. У Вовы был уже опыт. А опытных людей, как известно, надо ценить!

Про Вову Тарелкина

жил-был в одной школе Вова Тарелкин. В общем, это был неплохой мальчишка, однако и не совсем хороший. Дело в том, что Вова страшно любил ругаться. И ругался он через каждое слово. Такие слова, как «псих ненормальный», «дурошлёр», «индюк», летали вокруг Вовы, как осы, и очень больно жалили его

друзей. А на днях к Вовину языку прикрепилось новое словечко: «чёрт».

Бабушка не раз говорила: «И что ты, Вовка, болтаешь! Знай: ведь мягкое слово кость ломает, твёрдое — гнев возбуждает!» Но Вова на эти уговоры не обращал никакого внимания.

И вот однажды вечером бабушка постелила внуку постель и велела сейчас же ложиться. А Вова сказал:

— А ну её к чёрту, эту кровать! Всё спать, спать, а когда же телевизор смотреть?

— Всему своё время,— ответила бабушка.— А вот будешь чёрта поминать, он возьмёт к тебе и явится. Хлопот тогда не оберёшься!

Но, забравшись в кровать, Вова только расхохотался.

— Эх ты, бабка, бабка... темнота! — сказал он.— Вспомнила про чертей, а они сейчас отменены. Это ведь всё пережитки капитализма!

Но только он произнёс слово «чёрт», вдруг слышит за спиной дребезжащий голосок:

— Здравствуйте! А кто меня звал?

Вова обернулся и ахнул: перед ним стоял самый настоящий чёрт — маленький, чёрный, будто в саже, с крысиным хвостиком и стоячими ушами, как у немецкой овчарки. Глаза у него были юркие и хитрые, а на голове — круглая лысинка.

— Э-здравствуйте,— заикаясь, вежливо сказал Вова и протёр глаза.

— А вы зря, молодой человек, глаза трёте,— сказал удивительный гость,— я теперь от вас никуда не денусь. Я знаете чем питаюсь? Мне ни хлеба, ни сарделек не требуется, а надо только чтобы моё имя поминали...

— А что же я с вами буду делать? — растерянно спросил Вова.

— А что вам угодно!

«Как бы от него отделаться?» — подумал Вова и спросил:

— Ну, а во двор вы сейчас можете со мной пойти?

— Пожалуйста! Хоть во двор, хоть в коридор!..

— Вот это хорошо! — обрадовался Вова. — Ну и устрою же я там потеху! Пошли!

— Спасибо за доверие! — сказал чёрт и, вскарабкавшись, как обезьяна, по Вовиной ноге, забрался под пиджак.

Дело было в воскресенье, и ребят во дворе было много. Они играли в футбол.

— Эй, вы! — закричал Вова с крыльца. — Идите все сюда! Я вам сейчас чёрта лысого покажу!

— Чего? — удивился Мишка Чугунов, пробегая мимо Вовы с мячом. — Я те покажу чёрта лысого! — и с ходу шлёпнул Вовку по затылку.

Вова потёр макушку, а чёрт захихикал:

— Хе-хе! Скушал затрецинку? Хорошие у тебя друзья! А хочешь, я тебя со всеми чертями познакомлю?

«Куда б его деть? — подумал Вова о новом знакомом и быстро-быстро пошёл со двора. — Вот навязался на мою голову! Кажется, жил себе тихо, а тут нате вам — чёрт! — И вдруг Вова решил: — А пойду-ка я в кино! Там в темноте кому-нибудь подсуну этого чертяку — и до свиданья!»

В кинотеатре «Вулкан» шёл фильм «Встреча с дьяволом», и чёрт, увидев рекламу, закричал: «Уй, вот красота! Своих ребят увижу! Давай бери быстрее билет!»

Вова чинно стал в очередь, но перед самым окошком кассы нетерпеливый чёрт вдруг высунул из-под пиджака свою лохматую руку и попытался вырвать у какого-то мальчика билеты.

— Держите его! — закричал мальчик и схватил Вову за шиворот.

А чёрт почувствовал, что их дело плохо, и укусил мальчика за палец.

— Ой! — закричал мальчик. — Ты ещё кусаешься?!

— Нет, это не я! — сказал Вова.

— Вы будете брать билеты? Мы на сеанс опаздываем! — заволновались стоявшие в очереди. — Гоните его вон!

К Вова подошёл милиционер.

— Ты как себя ведёшь? — строго сказал он. — Ты что, не читал постановление горсовета о поведении подростков на улице?

— Читал, читал! — подсказал из-за пазухи чёрт. — С ним лучше не связывайся.

— Не читал! — назло чёрту сказал Вова.

— А раз не читал, — сказал милиционер, — пойди домой, изучи этот документ, а потом уж приходи, — и выгнал Вову на улицу.

«А что, если его в урну выбросить?» — решил Вова и, подойдя к урне, схватил чёрта за ножку и вытянул его на свет. Чёрт упал на дно урны, и вдруг из урны фонтаном забили пустые спичечные коробки, папиросные окурки, мятая бумага.

Вова бросился бежать по улице, но его остановили прохожие и велели подобрать за собой мусор.

Делать было нечего. Вова опять вернулся к урне, и тут чёрт опять к нему забрался под пиджак!

— Да что ты, Вовочка, на меня сердишься! — заюлил чёрт. — Ей-богу, я не виноват! Просто тут люди несознательные — и в кино и на улице! Ну, куда мы ещё пойдём веселиться?

«Пойду в Дом пионеров и сдам его в антирелигиозный уголок, — подумал Вова и обрадовался: — Вот это правильно! Лучшего места не найдёшь!»

Но в Доме пионеров шёл концерт, и туда пускали только по пригласительным билетам. А у Вовы его не было.

— Не бойся, со мной не пропадёшь! Я сам хочу концертик посмотреть! — вдруг шепнул чёрт. — Я тебя могу через свой вход провести.

— А как? — удивился Вова.

— Мы можем пробраться через печную трубу. Это мой служебный вход.

— Ну, это очень сложно! — вздохнул Вова. — А потом, мы ведь измажемся как черти!

— Спасибо за угощение! — облизнулся чёрт. — Как будто мармеладку съел! А если измажемся, так мне не привыкать, а тебя я своим хвостом обмету. Ну, полезем?

«Как бы там Маринку не встретить! — подумал Вова об одной своей голубоглазой однокласснице. — А может быть, она сейчас дома?» — и сказал:

— Полезем!

По пожарной лестнице они взобрались на крышу, залезли в трубу и через пять минут выскочили из старинного камина в фойе.

В это время начался антракт, и пионеры в белых рубашках стали заполнять фойе. Они с недоумением окружили чумазого Вову. У него была сажа и на руках и на носу, а от пиджака она прямо отлетала хлопьями.

— Ой, Вовка, что с тобой? — вдруг подскочила к Вове Маринка. — Ты что, из печки вылез?

— Ага, — ответил Вова. — Это чёрт меня туда занёс.

— Да ты скажи толком!

— А я и говорю толком! — обиделся Вова. — Чёрт попутал...

— Да ты что, с ума сошёл — в таком виде являться сюда! — сказала Маринка и принялась отряхивать Вову.

А вокруг них поднялась пыль столбом. Маринка закашлялась. А чёрт захихикал:

— Вот потеха! Вот представление! Как в аду!

— Его отсюда надо вывести! — вдруг закричали окружившие Вову ребята.

— Ну вы поймите, честное слово, чёрт попутал... — начал оправдываться Вова. — Он у меня тут, под пиджаком, сидит. Честное слово! Вот он! — И Вова распахнул пиджак.

Но чёрт в одну секунду забрался в боковой карман и закрыл его на пуговицу.

Ребята с удивлением заглянули под пиджак, но никого там не нашли и тут же выставили Вову из Дома пионеров.

«Ну что делать? Что делать? — думал Вова. — Вот несчастный день!»

— Слушай, — предложил чёрт, — я вижу, у тебя плохое настроение. Давай сейчас заберёмся в какую-нибудь котельную и ну начнём шуровать! А? Там жарко! Дым столбом! Красотища!

— Никуда я больше с тобой не пойду! — сказал Вова. — И не приставай!

Вова вышел в скверик, сел на скамейку и горько задумался.

И вдруг Вова услышал за пазухой храп с присвистом.

Чёрт, свернувшись комочком, уже спал.

Вова толкнул его в бок:

— Ты что, спишь?

— А почему бы мне не спать? Я сегодня здорово повеселился! — открыл чёрт глаза. — А потом, ты меня сегодня хорошо накормил. Ну, а после обеда что всегда полагается? Мёртвый час. Вот и спокойной ночи! — И чёрт снова захрапел.

«Он спит себе, а я тут мучаюсь!» — подумал Вова и вздохнул...

Когда чёрт проснулся за пазухой, то начал щипать Вову и говорить, что он голоден и что ему надо хоть одно ругательное словечко! Но Вова молчал.

Тогда чёрт ударил Вову кулаком в ребро и выскочил из-под пиджака. Но не тут-то было. Вова схватил его за хвост, подбежал к мусорному ящику, бросил в него чёрта и с силой захлопнул крышку и ещё накинул замочный язык на ушко. И тут он кинулся бежать домой.

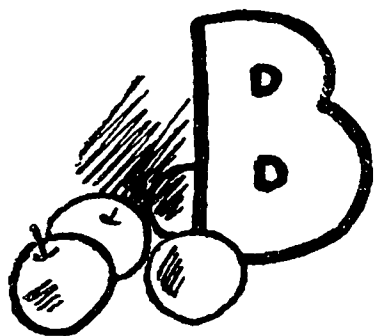
А чёрт закричал:

— Давай назад! Давай назад!

Тут Вова... проснулся в поту.

И услышал, что за окном урчит мусороуборочная машина и дворник Фёдор Иванович командует шофёру:

— Давай ещё назад! Давай назад! Стоп! Сейчас будем нагружать!

Красные яблоки

алерка и Сёвка сидели на подоконнике и закатывались от смеха. Под ними, на противоположной стороне улицы, происходило прямо цирковое представление.

По тротуару шагали люди, и вдруг, дойдя до белого, будто лакированного асфальта, они становились похожими на годовалых детей — начинали балансировать руками и мелко-мелко семенить ногами. И вдруг... хлоп один! Хлоп второй! Хлоп третий!

Это было очень смешно смотреть, как прохожие падали на лёд, а потом на четвереньках выбирались на более надёжное место.

А вокруг них валялись и батоны хлеба, и бутылки с молоком, и консервные банки, выпавшие из авосек.

К упавшим прохожим тут же подбегали незнакомые граждане. Они помогали им встать на ноги и отряхнуться. И это тоже было очень смешно, потому что один дяденька помог какой-то тёте встать, а потом сам поскользнулся и снова сбил её с ног.

— А давай так,— вдруг предложил Валерка,— будем загадывать: если кто упадёт, значит, ты проиграл, а не упадёт — выиграл!

— Давай,— согласился Севка и сказал: — Ну, а как ты думаешь, во-он та старушка в платочке брякнется?

— Брякнется,— усмехнулся Валерка.

— А я говорю: нет. Ну, посмотрим, чья возьмёт! — ответил Севка.

И ребята буквально впились глазами в маленькую старушку, подходившую к злополучному месту.

Старушка остановилась перед широкой наледью. Она понимала, что ещё шаг — и ей несдобровать. Но обходить наледь было далеко.

Вчера в водопроводном колодце сорвало вентиль, и вода долго была из-под чугунной крышки, лежащей на асфальте. Неисправность вскоре устранили, но на улице, сияя на солнце, застыло хрустальное озерцо.

Старушка с минуту стояла, беспомощно оглядываясь по сторонам, а потом подошла к маленькому заборчику, тянувшемуся вдоль тротуара, и, держась за него руками, перешла опасное место.

— Э-э, хитрая старушенция попалась! — сказал Валерка.— Один — ноль в твою пользу. А теперь во-он видишь,

толстый дядька с портфелем бежит. Вот посмотришь — сейчас поцелуется!

— А я говорю, не поцелуется! — засмеялся Севка.

Но «выиграл» Валерка.

Толстый дядька, видимо, торопился на автобусную остановку и с размаху влетел на лёд. Здесь он всплеснул руками, потом высоко вскинул левую ногу и, широко взмахнув портфелем, хлопнулся об лёд. Но он тут же вскочил на ноги, подобрал шапку и, потирая ушибленный бок, побежал дальше.

— Молодец! Вот это физкультурник! Один — один, ничья! — сказал Валерка. — А теперь видишь вон ту, в красной шапочке? Упадёт или не упадёт?

— Хо, а это не твоя ли мамаша?

— Моя мама?! — встрепенулся Валерка.

— Да! — Севка взгляделся в подходившую ко льду женщину, но через секунду уже уверенно сказал: — Нет, не твоя. Твоя повыше!

И вдруг женщина упала. Она взмахнула руками и, сбросав вокруг себя по снегу красные яблоки, завалилась на бок. Упала и больше не встала. Вокруг неё тотчас же собралась толпа.

Валерка и Севка увидели, как какой-то человек выскочил из толпы и подбежал к будке телефона-автомата. Потом эту женщину занесли в парадное.

Валерке почему-то очень захотелось увидеть её лицо, но он так и не смог — загоразживали прохожие. Но вот приехала «скорая помощь», и женщину увезли.

Валерка был уверен, что эта женщина не его мама, и всё-таки не совсем. У неё ведь тоже была такая же походка, как и у мамы, и пальто такое же. И, главное, вот сейчас, в обеденный перерыв, мама должна была прийти с фабрики и накормить Валерку, а её нет!

— Ну, давай ещё загадаем!.. Во-он на ту девчонку. Проедется ли она носом или нет? — как ни в чём не бывало сказал Севка и уткнулся в окно.

— А у тебя голова, честное слово, трухой набита! — вдруг сердито сказал Валерка.

— А ты чего это разъярился?

— Ничего! Думай, что говоришь!

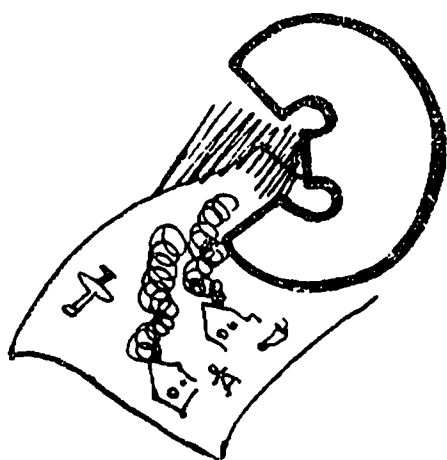
— Я и думаю! А не хочешь играть — я пошёл! —
И Севка, обиженный, ушёл.

«Ну куда же мама задевалась? — думал Валерка и почувствовал, что ему становится страшно. — Она это была или не она? И почему я не выскочил на улицу?»

И вдруг в коридоре раздался звонок. Валерка подбежал к двери и распахнул ее.

На пороге стояла мама — румяная с морозца, улыбающаяся!

Валерка бросился к ней и суетливо стал помогать снимать пальто, чего раньше никогда не делал.

Ванькин папа и война

то было давно. В первые дни Великой Отечественной войны. В одной семье вместе с папой и мамой жили брат и сестра — Ваня и Галя. Они были ещё маленькими, но чем могли помогали маме по хозяйству. А в основном они играли друг с другом и пели песни.

Вечером в доме на лестнице иногда не горел свет, и ребятам казалось, что на чёрном ходу сидит медведь. Возвращаясь с улицы домой, они, бывало, проносились мимо этого чёрного хода как угорелые. А вот их папа мимо чёрного хода никогда не бегал.

Он даже не испугался, когда и война началась. Мама заплакала, а он сказал:

— Ничего, разобьём фашистов! — и пошёл в военкомат записываться добровольцем на фронт.

Но никто его на фронт не отправил, а ему дали бронь — оставили работать на своём заводе.

Ваня с Галей очень огорчились, что их папа не поехал на фронт, но всем ребятам во дворе они сказали, что папа будет воевать в тылу и у него под рубашкой самая настоящая броня.

И вот так папа три года на заводе работал — выпускал танки. А потом как-то раз пришёл домой и сказал:

— Ну, ребятки, я всё-таки добился своего! На фронт еду! — и стал собирать вещи.

Ваня ему тоже помогал. А когда мама вышла из комнаты, он попросил:

— Пап, возьми и меня на войну, а?

— Нельзя, — покачал папа головой. — Ты здесь за Галюшкой следить должен.

«И ведь правда, — подумал Ваня, — Галя-то у меня ещё маленькая. А вдруг её кто тронет?»

На прощание папа поцеловал ребят и сказал, чтобы они не баловались. Мама опять заплакала, а ребята нет. Чего плакать? Ведь папа разобьёт фашистов и опять приедет!

И Ваня с Галей висели у папы на ремнях. Повиснешь, а они не рвутся, скрипят и новыми ботинками пахнут.

Потом папа надел пилотку, оглядел комнату и сказал:

— Ну, пора идти...

— Ваньк, а что, наш папа — лётчик? — спросила Галя у брата.

— Нет, — ответил Ваня. — Он танкист.

— Не обманывай, — сказала Галя, — у танкистов пилоток не бывает. У них танкетки!

Ваня засмеялся. Ну чего она в Красной Армии понимает? Ничего.

Только тут, правда, и он сам немножко ошибся. Папа сказал:

— Я служу в пехоте.

И уехал.

Скучно стало без него. И на лестнице страшнее. Галя дня через два прибегает к Ване и говорит:

— Ты знаешь, на чёрном ходу не медведь, а сам фашист сидит. Он такой лохматый, с красными руками, а нос у него синий-синий.

Ваня разозлился на Галю. Зачем она такую ерунду говорит? Кто фашиста к ним на чёрный ход пустит?

Мама часто плакала, а Ваня держался. Мало ли почему от папы не было писем. На войне ведь всё бывает. А всё же иногда и ему страшно становилось: а вдруг папу уже убили?

Но он Гале об этом ничего не говорил. Пусть себе играет.

Так много месяцев они жили втроём. Наступила весна 1945 года.

И вот как-то раз в комнате зазвонил телефон. Ваня снял трубку и сказал, что мамы нет, а когда придёт, он не знает.

А в трубке какой-то дяденька засмеялся:

— Ванька, да это же я, папа твой!

— Папа! — закричал Ваня и от радости трубку повесил.

А когда опять снял — только гудок гудел.

Ух и перепугался же он тогда!

Но тут телефон опять зазвонил, и Ваня услышал папин голос.

— Ванечка, скажи маме, что я в госпитале, приходите ко мне завтра.

— Обязательно! — закричал Ваня. — Как мы тебя все любим!

Галя тоже влезла в разговор.

— Папа, а ты жив? — спросила она и сразу же отдала Ване трубку, захлопала в ладоши и стала прыгать на диване.

Под конец разговора папа поцеловал ребят и сказал:

— Ну, до завтра!

Теперь Ване нужно было маме на работу позвонить. Он позвонил, но не сразу всё сказал, а сначала спросил:

— Мама, а ты знаешь что?

А мама в ответ:

— Я ведь просила тебя не звонить так часто!

— Ну ладно, не буду, — сказал Ваня. — А наш папа знаешь где? В госпитале, вот где!

Вдруг в трубке что-то зазвенело, какие-то голоса слышались:

— Дайте воды! Валерьянку!

Ваня зовёт маму, а она не подходит.

Потом какой-то человек подошёл:

— Ничего, мальчик, всё в порядке. Маму начальник позвал.

Смешной какой-то был человек. Будто Ваня ничего не понял. А Ваня всё понял, и не нужно было его успокаивать.

Назавтра ребята пошли в госпиталь. Встали рано-рано, а на улицу вышли поздно. Это мама была виновата. Это она Галю хотела красивой сделать. Бант ей на голову привязывала, ботинки чистила. А Ване она сказала, чтобы он надел курточку. Таковую, с белым платочком.

Да и сама мама тоже долго одевалась во всё новое. А когда она надела красную кофточку с голубыми цветами, Галя прошептала:

— Ой, мама-то у нас какая хорошая! И вся в салютах! Они вышли на улицу.

Ваня нёс для папы подарок. В коробке лежали плитка шоколада и Галины рисунки. Там были нарисованы только люди и домики в дыму, и Галя говорила, что это война.

Когда к остановке подъехал трамвай, вагоновожатая не хотела впустить ребят через переднюю площадку.

— Народу полно! — сказала она. — Сидели бы дома!

Но Галя уже стояла на подножке.

— А мы к папе едем, в госпиталь. И нам даже без очереди можно! — сказала она и вошла в вагон.

Вышли ребята не скоро. Они приехали на окраину города.

Когда они шли по госпитальной лестнице, мама очень волновалась и всё спрашивала у Вани с Галей:

— Какой он будет, какой он будет?

А откуда им знать, какой папа будет? Такой, наверное, как и раньше: фокусы показывать будет, в кино с ними ходить будет.

И Ваня с Галей перескакивали через две ступеньки.

Но к папе сразу не пропустили.

— Ваш муж в шестой палате,— сказал доктор,— он вас ждёт. Только халат наденьте.

Мама надела халат и тоже стала похожа на доктора. А на ребят халатов не было, и они надели взрослые ночные рубашки. В них ни рук, ни ног не видно.

— А для чего так? — спросила Галя.

— Это потому, что ты заразная,— шутя сказал Ваня.

И они пошли по коридору. Тут ходили перевязанные бойцы. А один был с палочкой, и у него на глазах тряпочка висела. Как в жмурки играл.

Галя открыла рот и стала смотреть на него. А Ваня ей сказал:

— Не смотри! Он не видит.

И ему было очень жалко раненого бойца.

И вдруг Ваню сзади кто-то подхватил и подкинул к потолку. Глядит — и Галя тоже уже под потолком руками машет!

— Папа! — узнал Ваня сразу.

— Папа! Папа! — закричала Галя.

И ребята стали его целовать в лицо, в нос, в уши. А он — их.

Сначала долго целовались, потом пошли в палату.

Папа усадил ребят на постель, а сам полез в тумбочку. Оттуда запахло чем-то вкусным.

Ваня тоже туда заглянул. А там были конфеты, и яблоки, и кисель в стакане.

Но Ваня у папы ни крошки не попросил. Папе поправляться надо. А ребята сами по своим детским карточкам всё получают.

— Ну, братцы-кролики, ешьте, я для вас сберёг,— вдруг сказал папа и высыпал конфеты на постель.

Ваня их сначала сосал понемножку, потом стал есть целыми. А потом даже две штуки в карман положил.

И Галя тоже ела.

А папа всё с мамой говорил. Мама ему рассказывала, как обувала ребят, как кормила, как они его ждали.

Потом папа рану показывал на ноге.

Ваня думал, что это будет какая-нибудь дырка от пули и через неё смотреть можно будет, а это была просто красная кожа. И крови даже не было.

— Поджила,— сказал папа и завязал ногу.— Теперь уж скоро войне конец.

— Ой, папа! — вспомнил Ваня.— Мы тебе подарок принесли!

Он вынул из коробки шоколад и Галины рисунки. Он думал, что папа сразу же шоколад съест, но ему понравились только непонятные рисунки.

— Вот молодец! — удивлялся папа и целовал Галю.

Долго ребята сидели у папы, чуть ли не до самой ночи. Ему и градусник ставили, и пилюли давали, а они всё сидели.

Потом Галя сказала:

— Я хочу спать!

И все стали прощаться.

Папа проводил ребят до ворот госпиталя.

И вдруг они увидели, как все люди стали выскакивать из домов на улицу, потому что на площади заговорило радио:

— Товарищи! Враг капитулировал! Мы победили!

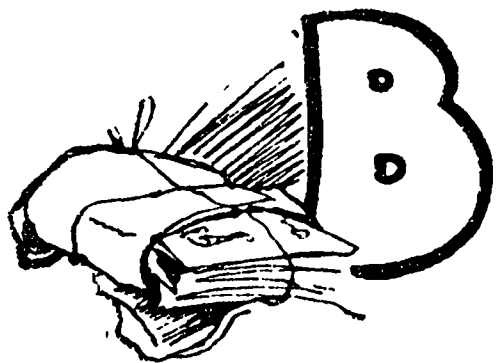
И что тут поднялось! Все люди стали обниматься и целоваться друг с другом. А потом какие-то мужчины подхватили папу на руки и стали его качать. Папа взлетал к небу и махал руками. А мама кричала:

— Осторожно! Осторожно!

И тут же прямо в больничном халате папа решил поехать домой. Мама сказала, что, наверное, врачи будут ругаться, но папа ответил:

— Ничего не будут! В такой день можно!..

И вот ребята пришли к себе в комнату и в один голос закричали, что как хорошо, что нет войны, и как хорошо, что снова можно жить вместе с папой и мамой!

Витя шёл по бульвару удивительными зигзагами... Не обращая внимания на прохожих, он устраивал... взрывы. Подойдёт к одной куче листьев, и по ней ногой — трах! Подойдёт к другой и снова — трах! А листья, как из пушки, — вверх! И долго летают в воздухе.

Витя — белобрысый мальчик с бледненьким лицом и синими большими глазами. На нём кепка козырьком на затылок, через плечо на верёвочке висит портфель, от которого пахнет скипидаром. Для того чтобы портфель выглядел новым, Витя чистит его ваксой.

Мальчику хочется есть. Сегодня мама дала ему на завтрак пятнадцать копеек, но Витя потратил деньги не по назначению. Он купил себе бумажные пистоны и забавлялся ими во время школьных перемен. Пистоны оглушительно стреляли, когда по ним били каблуком, и все ребята завидовали Вите.

Но вот Витя погнался по бульвару какой-то упругий газетный комок, который выскочил из кучи. Витя бил по нему и с разбегу, и с места, и «через ножку». Наконец, подогнав комок к выходу с бульвара — здесь уже проходила трамвайная линия, — Витя положил его на блестящий, будто отникелированный рельс и топнул по нему ногой.

Вдруг перевязанный верёвочкой комок развернулся, и Витя увидел под ногами... деньги. Это были пятирублёвки, лежавшие на рельсах, словно синий веер.

— Клад! — прошептал Витя и, моментально схватив деньги, прижал их к груди и что есть силы понёсся домой.

Ему всё время казалось, что за ним кто-то бежит.

«Фу! Даже не верится! — подумал Витя, взлетев к себе на третий этаж. — Вот бывает же: шёл, шёл и нашёл».

Он быстренько сосчитал пятирублёвки. Их было ровно двенадцать, новеньких, хрустящих.

«Обалдеть можно! Шестьдесят рублей!»

У Вити вдруг отчаянно заколотилось сердце и что-то сжа-

лось в животе. Ему было и радостно и страшно. Нет, этого никогда не может быть, чтобы на улице просто так деньги лежали. Их, наверное, кто-нибудь специально положил — проверить людскую честность. Но всё-таки, кто же будет бросать специально такие деньги на землю? Видно, они кем-то потеряны! И, значит, их можно тратить!

Дома Витя незаметно от мамы спрятал в тёмный чуланчик деньги. Там лежали старые галоши, газеты, утюги, бутылочки из-под лекарств, и туда редко кто заглядывал.

За столом он сидел молча, уткнувшись в тарелку. Запах картофельного супа приятно щекотал ноздри, но зачем наедаться супом, когда можно пойти в магазин и взять двадцать пирожных, даже тридцать?! А что, если правда купить тридцать пирожных, угостить маму, всех соседей и самому наесться на целый год?

А ещё можно накрыть во дворе стол и поставить на него всяких яблок и печений, а потом позвать всех ребят. «Что за праздник у вас?» — будут спрашивать прохожие. А ребята хором ответят: «Это Витя Горчаков угощает! Он добрый». Но, конечно, всё это глупости. Яблоки и пирожные съешь, а завтра всё равно опять их захочется. Надо что-нибудь из вещей купить, чтобы надолго хватило. Но что? Ботинки? Шапку? Пальто?

Витя почувствовал, что голова у него пошла кругом. Ему так спокойно жилось, а теперь прямо места себе не найдёшь. Маме деньги показать — начнёт спрашивать, откуда взял, и ещё, чего доброго, отнимет. Надо, скажет, найти хозяина... А где его найдёшь? А ребятам показать — позавидуют или скажут: «Давай тратить на всех»... А жалко их без толку тратить...

После обеда Витя решил пойти на улицу, чтобы прикинуть, на что можно потратить деньги с толком. Шагать по проспекту с деньгами было очень приятно. Первым делом он выпил стакан газированной воды за четыре копейки и разменял первую бумажку. Потом он зашёл в рыбный магазин и съел пирожок с вязигой и бутерброд с красной икрой. Вязига от обыкновенного риса отличалась лишь тем, что пахла рыбой.

И Витя понял, что потратил деньги без толку. А может быть, и с толком, потому что в следующий раз он никогда не купит такого пирожка.

Есть больше не хотелось, и тогда Витя поехал в мебельный магазин. То, что он задумал, было просто невероятно. Он решил купить шкаф, погрузить его на такси и привезти домой. Мама ахнет: «Откуда это?» Но вернуть истраченные Витей деньги она уже не сможет: «Купленный товар обратно не принимается».

Но в мебельном магазине была толкучка: привезли алюминиевые кровати-раскладушки, и Вите расхотелось покупать шкаф. Он решил поехать в Зоопарк.

В центре парка на маленьких ослах и пони по кругу катались ребяташки. Витя сначала прокатился на осле, потом на пони, а в другом месте Зоопарка залез на верблюда. По бокам верблюда висели две корзиночки, и справа от Вити вдруг очутилась какая-то девочка. У неё были длинный нос и светлые волосы, а на макушке висел голубой бант, который развязался. К Витиному верблюду за хвост был привязан другой верблюд, и, когда караван под предводительством старика с кожаной сумкой и билетиками, как у кондуктора, тронулся, девочка схватила Витю за руку. Витя хотел отдернуть руку и сказать: «Чего хватаешься?» — но, увидев, что девочка побледнела, успокоил её:

— Это ещё ничего, а других вот тошнит.

Караван медленно двигался по аллеям. Справа и слева в высоких клетках рычали тигры, выли шакалы и летали попугаи. А в огромном котловане с каменным барьером по серым скалам ходил белый медведь.

Свою спутницу по каравану Витя потерял в толпе в ту же минуту, когда девочка вылезла из корзинки на деревянный помост. Потом он её увидел с мамой около газетного киоска. Но подойти к ней не решился. И стало Вите почему-то грустно. Нет, надо было бы взять с собой кого-нибудь из знакомых мальчишек.

Побродив ещё немного по аллеям и съев три эскимо, Витя отправился домой.

И хотя мама всегда говорит, что деньги летят очень

быстро, при подсчёте оказалось, что за целый день было истрачено всего-навсего рубль.

В чуланчике Витя начал заворачивать в чистую газету своё богатство и вдруг обнаружил в старом бумажном комке записку. Как он раньше не обратил на неё внимания?

«Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с днём рождения. Целую. Алёша».

Витя вздохнул. Вот не было печали — хозяин нашёлся! Шёл, наверное, к маме и потерял. Но нет ли адреса ещё на бумажке? Нет? И, значит, этих денег всё же Витя хозяин! А почему теперь Витя хозяин?

Витя вдруг представил себе незнакомую «мамочку». Она почему-то походила на Пелагею Павловну, жившую под Витиной квартирой. Маленькая, морщинистая старушка в чёрном платке. У неё был только один зуб, впереди. Витина мама в праздники всегда угощает Пелагею Павловну пирогами. Старушка тоже имела где-то взрослого сына, но в каком городе он жил, Витя не знал.

Вечером, когда Витя лёг спать, в животе у него что-то урчало. Наверное, переел мороженого. Вите захотелось сразу уснуть, и он стал считать слонов... Раз слон... два слона. Но вдруг Вите показалось, что вместо слонов он считает свои деньги. Да, да, у него в руках деньги, как синий веер. И даже больше — он стоит в магазине и покупает велосипед и два пирожка. А затем к нему подходит верблюд и по-человечьи говорит: «Ага, попался! Теперь я скажу старушке!» И Пелагея Павловна хочет укусить Витю своим единственным зубом.

Витя проснулся в шесть часов утра. «Что же делать? — думал он. — Ну хорошо, положим, я деньги как-нибудь верну хозяину. Но ведь это благородный поступок! А кто о нём узнает? Может быть, сходить с этими деньгами в «Пионерскую правду»? Главный редактор, конечно, сразу распорядится, чтобы Витю сфотографировали и написали о нём такую заметку: «Вчера ученик 4-го класса «Б» Витя Горчаков нашёл крупную сумму. Не истратив ни копейки, Витя решил вернуть деньги пострадавшему. Пионер просит пострадавшего зайти по адресу: 4-й Колобовский, дом № 27, квартира

№ 8. С часу дня до шести вечера. На снимке: Витя Горчаков с деньгами».

Но этот план Витя отклонил сразу. Ну, положим, что редактор напечатает такую заметку. Её все прочтут, и тогда любой человек сможет прибежать в редакцию и сказать: «Отдайте! Это я потерял!» А как его проверишь? Но, конечно, для этой проверки можно будет отвести специальный кабинет, и Витя будет сидеть за большим столом. Теперь пускай кто хочет идёт. А он каждого будет спрашивать: «А как вас зовут?» Вот тут-то он их и поймает! Но нет, наверное, никто не придёт за чужими деньгами.

В общем, после долгих размышлений Витя решил, что, как бы он ни хотел вернуть хозяину деньги, вернуть он их едва ли сможет: не найдёшь человека. И, следовательно, эти шестьдесят рублей он может тратить с лёгкой душой.

С этого дня у Вити началась весёлая неделя. Он почти каждый день ходил в кино. Покупал себе шоколадные конфеты, пирожные, приобрёл в спортивном магазине ручной силомер, купил на подставке рыбий скелет. В магазине ДОСААФа, увидев старый, ржавый телеграфный аппарат, тоже его купил. Зачем ему были нужны силомер, рыбий скелет, телеграфный аппарат, он и сам не знал, но всё-таки обладать такими вещами было очень приятно. Витя спрятал их в чуланчике и иногда сжимал в кулаке силомер и рассматривал устройство рыбьей головы. А телеграфный аппарат он разобрал и превратил в кучу интересных деталей.

На последний гривенник Витя купил себе «уйди-уйди» — смешную пищалку с резиновым чёртиком на конце.

Деньги пролетели быстро, незаметно, и теперь без них Вите было как-то легче; не надо ходить по магазинам, не надо бояться, что про деньги узнает мама и будет ругать Витю за утайку.

А в субботу папа принёс с завода получку — пятьдесят рублей за полмесяца. Они взяли с мамой в руки карандаши и стали распределять деньги на питание, на оплату квартиры, телефона, газа, на трамвайные расходы, на папиросы папе, на парикмахерскую.

Папа был серьёзен. Он сокращал то «папиросную» статью, то «киношную».

— М-да! — говорил он. — Тут надо бы выкроить что-нибудь Витюшке или на ботинки, или на зимнюю шапку, а то замёрзнет скоро паренёк.

— Ну, давай выкраивать, — отвечала мама.

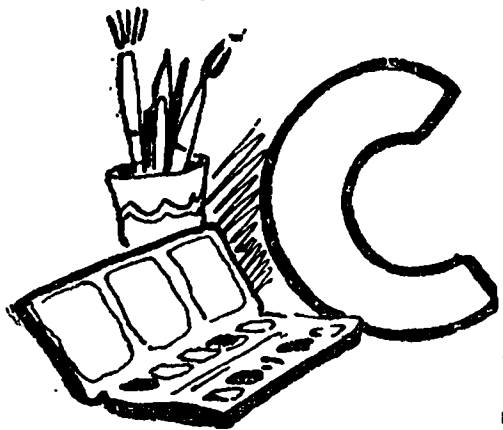
И они снова писали на бумажке цифры.

Перед ужином папа торжественно сообщил, что зимняя шапка уже «выкроена» и надо завтра же пойти за ней в магазин. А иначе деньги можно распустить по мелочам, и тогда будущий помощник — Витя — простудится, останется «без головы».

— А пальто, брат, мы тебе ещё через месяц соорудим. Вот я на сверхурочную работу останусь, — улыбнулся папа.

— Ладно, я подожду, — сказал Витя и подумал, что если бы он не истратил те шестьдесят рублей, то пальто можно было бы купить хоть сегодня. Но постойте, на каком основании он мог на эти деньги покупать пальто? Он что, заработал их? Нет! Это были чужие деньги! И, может быть, незнакомый Алёша вот так же, как и папа, сидел и «выкраивал» на обеды, на одежду для своей матери. А Витя-ка взял и махнул их в два счёта! Не понёс в милицию, не настаивал на розыске хозяина, а потихоньку, как жадный человек, проел их, потратил. Ведь, честное слово, можно было в милицию отнести! И, может быть, нашёлся бы этот самый Алёша. Вот бы обрадовался! Полмесяца не зря работал!..

У отца было усталое лицо. В тонких, упругих пальцах с вьёвшейся в них металлической пылью карандаш еле заметно дрожал. У отца всегда пальцы чуть-чуть дрожали, когда он приходил с работы, — это Витя заметил давно. Но сегодня ему особенно больно было это видеть. Ему почему-то казалось, что и у неизвестного для него Алёши были такие же руки.

Ответственный редактор

разу после ужина Боря развил бурную деятельность. Он аккуратно расставил стулья вокруг стола, налил в графин свежей воды, выключил телефон и разложил на скатерти листы чистой бумаги.

Ровно в восемь часов к нему пришли Игорь и Ромка.

— Боря, вытаскивай свой альбомчик! Я тут хорошие марки принёс — поменяемся? — ещё не сняв пальто, воскликнул в коридоре Ромка.

Но, к его удивлению, Боря вдруг сухо ответил:

— Никаких альбомчиков. Сейчас же начинаем работать. Прошу к столу.

Усевшись на стуле, Боря налил в стакан воды, отпил немножко и сказал:

— Заседание редколлегии считаю открытым. Какие у нас задачи? Нам надо написать передовицу — это раз! — Боря согнул один палец. — Надо собрать материал — это два! — Он нажал на второй палец. — И художественно оформить — это три! Я, как ответственный редактор, беру на себя передовицу и оформление, а тебе, Игорь, я поручаю ошибочный отдел.

— Как это — ошибочный?! — вытаращил Игорь глаза.

— Не бойся, не бойся. Будешь только ошибки в газете исправлять, ты же ведь хорошо диктанты пишешь. А Ромка будет заведомом писем...

— А бухгалтер кто? — спросил Ромка. — Если Борька ставит дело с разными заведующими, так нам нужен и бухгалтер.

— Ты не смейся! — сказал Боря. — У нас дело пойдёт по-серьёзному и без бухгалтера.

Игорь и Ромка впервые видели Борю таким деловитым. Ромка смотрел на него, и несколько раз ему хотелось сказать Борьке: «А что ты из себя начальника строишь? Только вчера выбрали, а ты уж и рад командовать!» Но, когда

Боря дал ему ещё одно задание — принести из дома пишущую машинку, — Ромка неожиданно для себя тоже налил в стакан воды и сказал:

— Машинка будет!

С этого вечера у Бори началась новая жизнь. Он завёл небольшой коленкоровый портфельчик, на котором печатными буквами было написано «Портфель редакции», и складывал туда ребячьи заметки. По несколько раз в день он таинственно шептался с Игорем и Ромкой об оформлении, обсуждал с ними карикатуры. Выпуск этого номера газеты был необычным — газета шла на конкурс, объявленный между пятью классами.

Всё шло хорошо, но вот, когда Боря решил уже приступить к основной работе с клеем и красками, на одной из перемен в своей парте он нашёл заметку за подписью: «Красный глаз». В ней говорилось о том, что Ромка Кузнецов очень увлекается марками и забывает об уроках. Статьйка называлась «О низком качестве географических знаний».

Весь день Боря не решался сказать Ромке об этой заметке. Но вечером, когда редколлегия вновь собралась на Бориной квартире — это было последнее заседание, утром стенгазета должна была выйти в свет, — Боря, как бы между прочим, протянул Ромке сложенный вчетверо листок.

— Возьми-ка вот, прочитай! — сказал он.

Чем дальше Ромка читал, тем больше мрачнел.

— Ерунда! — наконец сказал он и усмехнулся. — Тоже мне Красный глаз! Если я один раз про какой-то Иртыш не знал, так об этом сразу в газете печатать?

— А почему же не печатать? — сказал Игорь. — Не увлекайся марками чересчур.

— Наоборот, они мне помогают! Вот скажите, где находится Сальвадор?

— И скажем, — ответил Боря, нахмурившись, — в Центральной Америке. Сальвадор знаешь, а Иртыша-то не нашёл!

Ромка исподлобья взглянул на Борю:

— Значит, ты будешь её печатать?

Секунду Боря колебался. Может быть, действительно

не стоит задевать Ромкино имя? Ведь Ромка, в сущности, неплохой мальчишка и к тому же друг. Но потом Боря сказал:

— Если пишут правду, я должен её печатать.

— «Пишут правду»! — усмехнулся Ромка. — Откуда ты знаешь, что это правда? А может быть, я совсем и не из-за своих марок пострадал, а по уважительной причине. Материал надо сначала проверить, а потом уже печатать.

— А из-за чего же ты не выучил урока? — спросил Игорь.

— Как — из-за чего? — Этот вопрос застал Ромку врасплох. — Ну, я... занят был...

— И чего ты, Ромка, тут выкручиваешься? — вдруг сказал Боря. — Ведь я очень хорошо помню тот день, когда ты по географии отвечал. Ты тогда перед уроками в филателистический магазин ходил. Было? Было! Вот материал и проверен.

— Пожалуйста, печатайте! — сказал Ромка. — Только от руки много не напечатаете.

— Ты не дашь машинку?! — спросил Игорь побледнев.

— А что ж ты думаешь, что я на своей машинке да про себя заметку буду писать? Жди! — Ромка схватил пальто и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

— Эх, может быть, не нужно было ссориться! — минут через пять вздохнул Игорь, потому что Боря выложил перед ним штук пятнадцать заметок, которые надо было теперь переписывать от руки.

— Ничего, — сказал Боря. — Нам такие члены редколлегии не нужны.

Он положил на пол белоснежный ватманский лист и быстро набросал контуры заголовка. Стенгазета называлась «Пионерский горн». Акварельная краска ложилась ровно и мягко. Игорь и Боря то и дело вставали на ноги, чтобы издали оглядеть свою работу.

И вдруг в тот момент, когда заголовок был уже написан, Игорь, поднимаясь с колен, задел рукой блюдечко с красно-бурой водой и опрокинул его на ватманский лист. Длинный ручеек наискось пересек газету.

— Тьфу! — мрачно плюнул Боря. — Вот не везёт! И машинки нет, и кляксу посадили!

— Какой-то рок преследует! — сказал Игорь. — А может, на завтра отложим? Завтра и Ромку уговорим, и на свежую голову что-нибудь придумаем.

— Да чего там откладывать! Надо закончить сегодня, и всё! — сказал Боря. — Но что только делать? Заклеить, что ли?

Он полез в свой стол и начал рыться в журналах, ища какой-нибудь рисунок. Но ничего такого подходящего к газете не нашёл.

И вдруг Боря вытащил из ящика печатный лагерный плакат. На фоне палаток стоял розовощёкий горнист. А внизу было написано: «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья!»

— Эврика! — закричал Боря. — Мы спасены!

Он положил этот плакат на ватманский лист и острым концом деревянной кисточки стал обводить пионера с горном. На газете оставался еле заметный след. Потом Боря провёл карандашом по этому следу, и на ватмане улеглась точная копия горниста.

— Игорь, разводи краски! — сказал Боря и смущённо улыбнулся. — Правда, этого пионера мы должны были бы сами нарисовать, но, может быть, примут, а?

Горнисту ребята подрумянили щёки, глаза сделали чёрными, а горн посыпали золотой блёсткой...

Вдруг поздно вечером явился Ромка. Он жил в соседнем доме и прибежал без пальто, держа под мышкой пишущую машинку в футляре.

— Давайте, что печатать! — сказал он скороговоркой. — Я с папой говорил. Его тоже однажды критиковали в стенгазете...

— А заметку про себя отпечатаешь? — спросил Игорь.

— Конечно, — сказал Ромка. — Могу хоть в двух экземплярах! Мне не жалко...

Стенгазета вышла яркой и радостной. Боря повесил её на стену для просушки, и в комнате словно сразу стало светлее...

А на следующий день после уроков жюри конкурса, куда входили пионервожатая Аня и учитель рисования Юрий Осипович, начало рассматривать стенные газеты.

Вскоре ответственные редакторы со своими членами редколлегии были приглашены в пионерскую комнату. Боря вошёл последним. Он увидел свою газету, приколотую кнопками к стене, и уже не мог оторвать взгляда от пионера с золотым горном. Ему казалось, что все смотрят на этого пионера и понимают, что его нарисовал не Боря, а настоящий художник.

Редакторы, как на пионерской линейке, выстроились шеренгой, и вожатая Аня объявила результаты конкурса.

— Первую премию, — сказала она, — большую коробку акварельных красок, мы выдаём газете «Пионерский горн»!

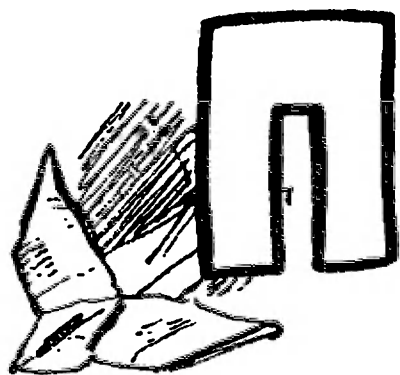
Боря подошёл к Ане и под аплодисменты присутствующих получил награду.

— Спасибо за краски, — тихо сказал он Ане. — Но этого пионера с горном не мы рисовали. Он был на плакате напечатан.

Боря ожидал, что сейчас ребята закричат: «А-а, на чужой счёт живёте!» — но, к его удивлению, ничего этого не произошло.

— Правда? — спросила Аня. — Хорошо, вы его перевели, но мы даём вам премию не только за рисунок... У вас принципиальная газета.

И она, чуть-чуть улыбаясь, посмотрела на Ромку.

Бумажный голубь

После уроков, когда учительница зоологии Марья Алексеевна вышла из класса, на парту вскочил Юра Иванов:

— Эй, вы! Смотрите! Голубь новой конструкции!

Ребята, которые, весело разговаривая, распахивали по сумкам учебники и тетрадки, на секунду умолкли. Юра подкинул голубя к потолку. Ударившись о потолок, голубь камнем пошёл вниз, но над самыми партами вдруг круто взмыл и, зачерпывая крыльями воздух, поплыл в угол класса.

Все восхищённо следили за ним. Кто-то шепнул: «Вот здорово!» Юра слыл в классе за первого мастера по голубям, и многие ему завидовали.

— А я лучше сделаю! — вдруг воскликнул Миша Вознесенский.

Он выхватил из сумки первый попавшийся под руку учебник, вырвал из середины три листа и разложил их на парте. Приходивший недавно к папе в гости знакомый показал Мише, как надо делать голубя — да какого голубя, классического! Правда, он делал его из толстой ватманской бумаги, но и эти листы были подходящими.

— Что же ты из учебника вырвал? — заметил сосед по парте.

— А, неважно, — отмахнулся Миша.

Первый лист пошёл на крылья, но только не на плоские, как обычно делают, а на дутые, угловатые, похожие на крылья стрижа. Из второго листа Миша сложил фюзеляж. А из третьего получилось красивое хвостовое оперение, как у бомбардировщика.

Миша быстро скрепил все три части, поправил погнувшиеся крылья и закричал:

— А ну, Юрка, давай кто кого!

— Что вы в классе сражаетесь? Пошли лучше на улицу, — предложил Вадик Поляков.

— Пошли! — согласились остальные.

Схватив сумки, они выскочили из класса и с пиканьем понеслись по коридору. Впереди с голубями в руках бежали Юра и Миша. Уборщица тётя Фрося, которую они чуть не сбили с ног, закричала им вслед:

— Вот угорелые! Весна, что ль, на вас влияет?

На улице стояла чудесная майская погода. Голубое бездонное небо было чисто. Свежие, словно омытые недавними

дождями, солнечные лучи, отражаясь в лужах школьного двора, били в глаза. В воздухе чувствовался сладковатый запах распускающихся молоденьких лип. На ветвях, важно надув грудки, сидели воробьи и деловито чирикали.

— Кидай первый! — сказал Миша. — У кого больше секунд пролетит, тот и победил. Ладно?

— Ладно! — согласился Юра и с размаху швырнул голубя в воздух. Он взлетел высоко.

— Раз, два, три... — считали ребята затаив дыхание, — пять... семь...

Голубь, покачиваясь, летел к луже.

— Упал!

— Значит, у тебя семь! — сказал Миша. — А теперь мой.

Он дунул для счастья в крылья, поплевал на острый носик, а затем, словно гранату, как-то из-за головы бросил своего голубя.

— Затяжной полёт в стратосферу! — скороговоркой произнёс он и начал считать.

Голубь, взлетев выше первого этажа, тюкнулся в кирпичное здание школы и поплыл дальше.

— Пять... семь... восемь... — считали ребята.

Голубь шёл к земле. Вдруг его подхватила какая-то невидимая рука, и он опять взмыл. Он летел на воробьёв. Прервав деловитое чириканье, они испуганно взлетели. Зацепившись за ветви, голубь пошёл вниз и, описав дугу, сел на асфальт.

— Пятнадцать! — гордо воскликнул Миша. — Наша взяла! Пятнадцать секунд! — и побежал за голубем.

Он поднял его и, сдув пыль, осторожно засунул в сумку.

А Юра своего голубя, намокшего в луже, презрительно растоптал ногами. Ему, конечно, было обидно, что теперь мастером по голубям будет считаться другой.

Размахивая сумками и оживлённо болтая, ребята вышли со двора.

Дома Миша, заглянув на кухню, бросил:

— Мам, дай поесть! — и пошёл в комнату.

На своём письменном столике он выложил из сумки все

учебники, а затем осторожно вынул голубя. Обмакнув перо, он аккуратно написал на нём: «Мой рекордсмен! 15 секунд!» — и положил в средний ящик. Здесь у него в одном углу хранилась «Пионерская правда» с интересными фотографиями и загадками, а в другом углу лежали ненужные номера. Так, на всякий случай.

— Мам, а чья это? — спросил Миша, заметив на столе широкополую соломенную шляпу.

— Папина, в командировку. Купила сегодня случайно, — ответила мама, расставляя на столе тарелки.

Миша надел шляпу и подошёл к зеркалу. Шляпа была велика и упала ему на нос. Откинув её на затылок, Миша подмигнул сам себе: дескать, ну, брат, не подкачай! Ему захотелось, чтобы немедленно, завтра же, начались экзамены. Ему казалось, что он не вынесет этих пятнадцати дней, оставшихся до экзаменов.

Но экзамены подошли совсем незаметно. Хотя Миша сдавал их уже в третий раз, но эти для него были особенными. Папа летом должен был ехать на Кавказ и обещал Мишу взять с собой, если он хорошо сдаст экзамены.

На Кавказе Миша ни разу не был. В его воображении рисовались огромные скалы, покрытые ледниками. У подножия скал росли тропические деревья, а на них прыгали мартышки. По ночам, совсем как в джунглях (Миша читал о них в книжке «Маугли»), рычали тигры и плакали шакалы. И ещё Миша слышал, что на Кавказе всюду растёт бамбук и его можно срезать задаром. А ему как раз нужен бамбук на удочки и на лыжные палки. Но главное был не бамбук. Бананы! — вот что интересовало Мишу больше всего. Он уже не раз представлял себе, как залезет на дерево, увешанное жёлтыми, похожими на огурцы бананами, и, усевшись на суку, будет чистить их и отправлять в рот пахучую мякоть. Мише говорили, что на Кавказе бананы не плодоносят, а впрочем, он не возражал и против яблок и винограда. Эх, вот если бы сдать все экзамены!..

Первый экзамен — диктант — он выдержал на четвёрку. Учительница нашла у него две ошибки. Вместо «соловей» он написал «саловей», а вместо «чернила» — «черни-

лы». Больше ошибок не было. Папа, слегка пожурив его за ошибки, ещё раз повторил своё обещание.

Диктант Миша писал в понедельник, а уже в четверг надо было сдавать зоологию. Миша зоологию не то чтобы уж очень любил, но раз сдавать, так надо сдавать как следует. А вдруг папа скажет: «Э-э, братец, подкачал ты. Уговора у нас насчёт троек не было...» Миша ходил в школьный живой уголок, рассматривал там разных черепах, юрких ящериц и разноцветных бабочек, приколотых под стеклом.

Нужно было знать и о медузах, и о раках, и об обезьянах, которые были нарисованы в книжке висящими на хвостах. Учебник Миша прочёл два раза. Ему всё было ясно: и деление насекомых на низшие и высшие подклассы, и кто такие земноводные, и кто относится к млекопитающим. Но Миша не удовлетворился этим. Он стал читать книгу ещё раз и вот тут-то обнаружил, что в середине учебника вырваны три листа. По оглавлению в конце учебника Миша узнал, что на этих страницах рассказывается про раков. Он просмотрел весь учебник, думая, что вырванные листы лежат где-нибудь не на своём месте. Он трогал корешки пропавших страниц и злился на того, кто вырвал их. Книга была из школьной библиотеки, побывала во многих руках, но вот какому-то болвану (Миша так и говорил — болвану) зачем-то понадобились страницы о раках.

«Авось пронесёт!» — подумал Миша вечером перед экзаменом и юркнул в постель. Заснул он сразу. Ему снились джунгли, по которым ползал огромный таракан, а представитель класса пресмыкающихся, ящерица прыткая, как бешеная гонялась за тигром...

Наутро мама нажарила сладких пирожков. Но Миша ел их, почти не чувствуя вкуса. Он ещё раз просматривал учебник. Конечно, он всё знал, но всё же где-то внутри копошился страх.

— Миша, торопись! — сказала мама. — Я у тебя из стола бумаги немного возьму. Пирожков захватишь с собой.

— Ладно! — буркнул Миша и, не допив чая, вылез из-за стола.

Положив завтрак и учебник в сумку, он спустился вниз.

Ах, как хорошо было на улице! Миша шёл, весело поглядывая по сторонам, и совсем не боялся, что какая-нибудь кошка, выскочив из подворотни, перебежит ему дорогу.

Он смеялся над одной маминой знакомой, которая однажды сказала ему об этой нехорошей примете, и даже, словно назло примете, сам заглядывал в подворотни.

Пришёл он в класс к звонку. Ребята волновались. На столах и на подоконниках стояли стеклянные баночки, в которых играло солнце, освещая заспиртованных лягушек и головастика.

Кроме Марьи Алексеевны, в класс вошёл ещё и директор школы. «Начинается!» — кто-то взволнованно вздохнул на последней парте, и в классе сразу стало тихо. Было слышно, как под матовым колпаком на потолке, будто испугавшись наступившей тишины, звонко забила муха.

Лица у ребят вытянулись, стали серьёзными. Со школьного двора через распахнутые окна доносились весёлые голоса каких-то мальчишек, игравших в лапту.

— Ну, кто первый? — улыбаясь, спросила Марья Алексеевна. — Кто посмелее?

«Подожду пока, — думал Миша. — Может, что полегче достанется».

Смелых оказалось много. Ребята выходили к столу, брали билеты и один за другим — одни бойко, другие медленно — отвечали.

«Жалко, медуза не моя — уж я бы про неё ответил! Черви? Пустяк!» — уже сожалея, что не пошёл отвечать первым, думал Миша, когда кто-нибудь из ребят отвечал на вопросы.

— Миша Вознесенский! — вдруг услышал он. — Пожалуйста билет!

Заложив палец за палец на счастье, как это делали все ребята, и держа руку за спиной, он подошёл к столу.

«Какой взять? Какой? — быстро соображал он, рассматривая билеты. — Около меня лежит — это, наверно, про муравьёв, — не возьму. А на конце, наверно, про акул — тоже не возьму».

Он взял из середины. Вдруг у него зарябило в глазах. Первый вопрос был нетрудный — об эвглене зелёной, а второй...

«Влопался!..» — подумал Миша. Вторым вопросом был такой: «Речной рак — представитель ракообразных».

Чтобы оттянуть время, Миша долго рисовал на доске рака. Он выводил по памяти каждый его суставчик, и так, словно должен был сдавать свою картину в Третьяковскую галерею.

— Что-то ты, Миша, уж больно долго рисуешь! — сказала Марья Алексеевна. — Отвечай!

Когда Миша говорил об эвглене зелёной, Марья Алексеевна одобрительно кивала головой. Миша готов был рассказывать об эвглене зелёной чуть ли не весь день, только бы не спрашивали у него второго вопроса.

— Ну, а что ты скажешь нам о раках? — перебила его Марья Алексеевна, почувствовав, что Миша что-то уж чересчур расписывает эвглени.

— О раках? — тоскливо переспросил Миша.

Он посмотрел на свою картину. Но там рак был как рак, и все его внутренности прикрывал добротный панцирь, тщательно выписанный.

— Ну... — медленно начал он. — Раки водятся в реках, их под камнями можно ловить. Я вот тоже на даче с мальчишками ловил. Только они больно здорово кусаются передними ногами.

Миша указал на клешни рака.

— А как они называются? — спросила Марья Алексеевна.

— Ноги... — ответил Миша. — А как же ещё?

— Надо знать. Это ного-челюсти. Ими рак поддерживает возле рта пищу. Так, дальше!

— Ну, раки очень вкусные, их варят и едят...

— Это ты говоришь о промышленном значении?

— Ну да. Их на рынке продают.

Ребята засмеялись. И вдруг Миша ободрился. Его словно подхватило и понесло, понесло. Он выкладывал всё, что знал о раках:

— Ну, раки ползают задом наперёд. А ещё они умеют свистеть, только свистят раз в сто лет, и поэтому такая поговорка образовалась: «Жди, когда рак свистнет». И Пушкин в стихотворении про утопленника говорит:

Всё в нём страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки чёрные впились.

Учительница нахмурилась.

— Ерунда! А больше ты ничего не можешь рассказать?

— Больше... ничего... — прошептал Миша, поняв, что всё бесполезно.

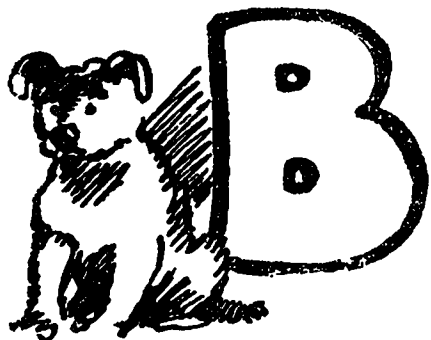
— Ну, так вот, — сказала Марья Алексеевна. — Ставлю тебе двойку. Во-первых, за то, что ты не всё выучил, во-вторых, за то, что пустословие пытался выдать за ответ. И хороший рассказ об эвглене тебе не поможет. Правильно я говорю, Виктор Андреевич?

Директор школы кивнул головой.

Миша вышел из класса. На душе было как-то нехорошо, и хотелось плакать. Теперь упрашивай не упрашивай, а папа всё равно не возьмёт на Кавказ. Он твёрдый. Да и вообще влетит.

В коридоре, безнадежно бросив на подоконник сумку, он облокотился на неё и подпёр кулаками подбородок. Под локтем был какой-то мягкий бугор. Миша вытащил из сумки завтрак. «Съесть его, что ли, с горя?» — подумал он и принялся развёртывать пирожки. Вдруг Миша остолбенел. В середине промаслившейся, ровно обрезанной бумаги был нарисован разрез рака. Над каждым внутренним органом стояла цифра. Под рисунком давалось объяснение. Во втором листе говорилось о жизни ракообразных. А внизу Миша вдруг прочёл:

«Мой рекордсмен! 15 секунд!»

один из осенних дней, когда на улице шёл дождь и мама не пускала гулять, Алёшу вызвал в коридор соседский мальчик Гога. Бархатная курточка у него была вздута на животе, и под ней что-то вздрагивало и шевелилось.

— Щенка хочешь? — шёпотом спросил Гога.

— Хочу! — обрадовался Алёша, а потом спросил: — Живого?

— Что ж я тебе,дохлого притащу? — обиделся Гога. — Конечно, живой. И лает как настоящий. Я его за десять копеек продаю.

— Дорого, — вздохнул Алёша. — У меня только пять копеек.

— Ну, как хочешь, — равнодушно сказал Гога и заглянул к себе за пазуху.

Алёше тоже очень хотелось заглянуть, но Гога не позволил:

— Чего зря смотреть! Покупай!

— Ну ладно, подожди тут, — согласился Алёша и побежал в комнату. — Варька, — сказал он сестре, которая, завернув куклу в одеяльце, укладывала её спать, — что ты с тряпками возишься? У тебя пять копеек есть?

— Есть. А зачем тебе? — спросила Варя, продолжая укладывать куклу.

— Гога щенка продаёт, он лает как настоящий.

Алёша думал, что Варя тоже обрадуется и сразу даст пять копеек, но она сказала:

— Да ну его! Он кусаться будет.

— Вот чудная! — рассердился Алёша. — Да он же маленький. В кукольную кроватку поместится.

Варя насторожилась.

— А спать его можно укладывать?

— Ой, сколько хочешь! — сказал Алёша, заметив, что Варя соглашается. — Давай пять копеек.

Варя вынула из кармана ключик и открыла свою копилку...

За дверью Гога деловито пересчитал деньги, а потом, сунув Алёше в руки тёпленький комочек, убежал к себе.

В комнате щенок повёл себя как давнишний житель. Он облазил все углы и чихнул два раза под Вариной кроватью.

— Ой, чихает! — рассмеялись ребята и стали за ним бегать.

Потом Варя сказала:

— Хватит бегать. Ему уже надо спать.

— Ну вот ещё — спать, — возразил Алёша. — Пускай бегаёт. И ты за него не беспокойся. Ведь он мой.

— И мой, — сказала Варя, — я тебе пять копеек давала.

— Ну и что ж? — ответил Алёша. — А тот главный, кто покупал. И твои деньги я верну.

— Не надо мне денег. Я щенка хочу, — плаксиво сказала Варя.

В комнату вошла мама.

— Варюшка, ты чего надулась? — спросила она. — Алёша обидел?

— Я её не трогал. Это она сама! — крикнул Алёша, запихивая щенка под диван.

Но Варя уже не выдержала и заплакала, уткнувшись в мамин передник.

— Мама, Алёшка щенка принёс и сказал, что будет общим, а сам один играет.

— Какого щенка? — удивилась мама. — Алёша, где щенок?

Сказав про себя, что Варю не добровольно, Алёша вытащил щенка.

Он был светло-коричневый, и только носик и глазки были чёрными.

Попав из-под дивана снова на свет, щенок радостно помахивал хвостиком.

— Ты откуда взял? — спросила мама нахмурившись.

— Гога дал.

— А кто тебе позволил принести его в комнату?

Алёша уставился в пол. Эх, и до чего же обидно! Сейчас мама велит отнести щенка обратно. Она всегда так говорит, когда чего-нибудь без спросу приносишь в комнату. Конечно, насчёт щенка можно было спросить и до покупки, но кто знает, позволила ли бы она покупать!

— Не хочешь отвечать? — помолчав, сказала мама. — Ну так вот: немедленно отнеси его обратно.

Алёша взял щенка и, погрозив Варе кулаком, пошёл к Гоге.

— Гога, — сказал он, когда тот выглянул из своей комнаты, — отдавай десять копеек. Щенок мне не нравится. Тут у него какое-то белое пятно на спинке.

— Не возьму, — сказал Гога. — Мне тоже это пятно не нравится.

— А куда ж я его дену? Ведь на улице дождь.

— К другим соседям подкинь, — посоветовал Гога и, захлопывая дверь, добавил: — А денег твоих у меня уже нет.

Тут Алёша заплакал, потому что ему и десять копеек было жалко, и щенка.

«Куда б его деть?» — думал он, стоя в коридоре. И вдруг решил, что лучше всего выпустить щенка в кухню, а там кто-нибудь его подберёт.

На кухне стояла Гогина мама и, что-то напевая, чистила ножи и ложки.

Алёша незаметно подошёл к баку с грязным бельём и сунул туда щенка. Закрывая крышку, он оставил маленькую щёлку и твёрдо решил после ужина принести ему покушать.

На ужин мама сделала блинчики с вареньем.

— Варька, — шепнул Алёшка за столом, — не ешь блинчики.

— Тебе дать, да? — громко спросила Варя.

— Ну, как хочешь, — шепнул он снова, — а я не буду есть. Щенку отнесу.

— Щенку? — спросила Варя, задерживая во рту последний блин.

— Что за разговоры за столом? — строго сказал папа. — Варя, доедай блин.

— Не хочу, я наелась.

— Я тоже наелся,— сказал Алёша и вылез из-за стола.

Папа очень удивился и пошёл спать, потому что устал после работы.

Вскоре мама уложила ребят спать и сама тоже пошла.

Алёша так и знал, что Варя уснёт! Когда папа и мама умолкли у себя в комнате, он разбудил Варю. Она боялась идти в тёмный коридор, но Алёша, сунув ей тарелку с блинчиками, повёл её за руку.

На кухне горел свет и никого не было. Щенок, свернувшись клубком, крепко спал.

— Давай его не будить,— шёпотом сказала Варя,— а просто положим и уйдём. А?

— Давай,— согласился Алёша.

Варя опрокинула тарелку, и на бельё упали три блинчика и натекло немножко вишнёвого варенья.

Наутро был выходной день, и папа на работу не пошёл. Он лежал в постели и читал книжку.

— Папа,— сказал Алёша, подойдя к нему,— когда я вырасту большой, ты мне фотоаппарат купишь?

— Куплю,— сказал папа.

— А давай так,— предложил Алёша,— ты мне тогда не покупай, а лучше сейчас разреши со щенком играть. И Варька хочет.

— Да, да,— подтвердила Варя.— Он такой хорошенький. И пахнет, как твоя шуба.

Отложив книгу на столик, папа засмеялся и сказал, что Варя ещё ничего не понимает и поэтому очень смешная. Алёше он этого не сказал.

Тогда Алёша схватил книгу и, отойдя от кровати, сказал:

— Папа, если ты разрешишь нам играть со щенком, то мы тебе отдадим книгу, а не разрешишь — не отдадим.

Вдруг в комнату вошла мама. В одной руке она держала за шиворот щенка, а в другой папину шёлковую рубашку, на которой было большое вишнёвое пятно.

Алёша с Варей сразу поняли, что произошло, и, быстро вспрыгнув к папе на постель, залезли под одеяло.

— Ах вы разбойники! — слышали ребята мамин голос. — Я вас всё равно найду и отшлёпаю.

— Я их тоже отшлёпаю, когда найду! — воскликнул папа, а сам щёлкнул Алёшу, чтобы тот не шевелился под одеялом.

Потом ребята одобрительно похлопали папу по ноге, потому что услышали, как он шепнул маме всего лишь два слова:

— Оставь щенка!

Щенка поместили в передней. В тёмном углу между шкафом и сундуком положили старое Алёшино пальто и покрыли его ковриком. Постелька вышла мягкая и тёплая. По Вариной просьбе мама сделала маленькую ватную подушку. Но щенок, видимо, не очень-то уважал её. Обычно на подушке он укладывал свои задние лапы.

Возле постели стояла эмалированная мисочка, и, хотя после каждого собачьего обеда она была дочиستا вылизана, ребята по очереди споласкивали её под краном.

Щенка прозвали Кутькой. Кормили его ребята почти всем тем, что ели сами. И мандаринами, и селёдкой, и конфетами.

Щенок жирел, толстел, а однажды, услышав за окном собачий лай, так громко впервые залаял и заметался по комнате, что ребята испуганно подумали, не взбесился ли он.

Но Кутька не стал на них бросаться. Кончив лаять, он зевнул и покатился к своей мисочке доедать суп.

— Это он уже умеет по-собачкиному говорить? — спросила Варя.

— Ага. Он большой стал, — сказал Алёша и покрошил Кутьке в суп ещё кусок хлеба.

Как-то рано придя с работы, папа надел на Кутьку ошейник и ушёл с ним. Ребята так и заснули без Кутьки.

Под утро Алёшу разбудила Варя. Она дёргала его за нос, пока он не открыл глаза.

— Алёшка, — сказала она, — ты знаешь, кто у нас Кутька?

— Кто?

— Немецкая овечка. Вот кто. Я сама слыхала, как папа маме говорил. Гога нам овечку продал.

— Какая же Кутька овечка? — засмеялся Алёша. — Совсем ты глухая стала. Папа, наверно, про немецкую овчарку говорил. Это такая собачья порода.

За завтраком папа уже сам рассказал, что Кутьку он водил в собачий питомник. Собаку там осматривали ветеринары. Её взвешивали на весах, измеряли рост и заглядывали в пасть, ощупывая зубы. В питомнике породистых собак дрессируют для военных целей. А летом Кутьку, может быть, возьмут на манёвры в часть.

— И он в сапогах будет ходить? — удивилась Варя.

— Зачем же в сапогах? — усмехнулся папа. — Ему и так не холодно. Смотри, какая шерсть! — И он погладил Кутьку.

Вообще папа часто гладил Кутьку, потому что блох у собаки не было. Но кто мыл собаку, папа не знал.

Купаясь в ванне, ребята всегда играли в «море». Пустят на воду резиновых слонов и уток и «поднимают бурю».

Однажды, когда они сидели в ванне, а мама в комнате натирала щёткой паркетный пол, Алёша сказал:

— Надо бы Кутьку искупать.

— Что ты! Нельзя собак в ванну! — испугалась Варя. — И мама сердиться будет.

— Один раз за всю жизнь можно, — сказал Алёша, — а мама не увидит, — и втащил в ванну Кутьку.

Вымыли его с мочалкой и туалетным мылом. Он сделался тоненьким и некрасивым.

— Ну какой! Испортил собаку! — сказала Варя. — Ты всегда любишь игрушки ломать.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Алёша, вытирая Кутьку мохнатым полотенцем. — Он высохнет и станет лучше.

Кутька встряхнулся и убежал. И вскоре они его не узнали. Повалявшись на паркетном полу, из светло-коричневой собаки он превратился в огненно-рыжую. Особенно красными были уши, будто Кутьку отодрали за какую-то провинность.

— Бедный ты мой, бедный! — вздыхала Варя, вертя в руках собачье ухо. — Что же теперь с тобой делать?

— Давай снова купать! — шёпотом сказал Алёша. — Теперь уже мама позволит.

Но купать Кутьку в ванне и мама и папа запретили в один голос.

— Глупая выдумка! — строго сказал папа. — Вы бы его ещё с собой спать положили. Раз и навсегда запрещаю это делать. А потом, не всё ли равно, какого цвета собака. Кутьку я и рыжим буду любить. Был бы только умным.

Папа говорил правду. Он очень любил Кутьку.

Когда он приходил с работы, Кутька прыгал вокруг него, визжал, а потом ложился на спину.

— Ах ты негодяй такой, ах ты собака! — говорил папа и, приседая на корточки, почёсывал ему рукой живот.

Во время обеда Кутька глядел папе в рот и тихонько по-визгивал. Папа незаметно с вилки кидал ему под стол кусочки мяса. А потом он попался. Варя кинула Кутьке целую котлету.

— Безобразие! — сказала мама, услышав сочный шлепок под столом. — Кутька во время обеда больше не будет сидеть в комнате. Я натираю пол, чтобы на нём не было никаких пятен, а ты мне его снова пачкаешь.

— Да, — сказала Варя, — папе можно, а нам нельзя?

— Нет, я не кидаю, — замахал папа руками. — У меня только один раз кусочек мяса сорвался...

— Я тоже видел, как он не кидает, — заступился Алёша за папу.

Но мама ему не поверила.

С этого дня во время обеда Кутька сидел в коридоре. Он жалобно скулил, а переставая скулить, шумно принюхивался к дверным щёлкам, сквозь которые до него доходили сытные запахи жирного борща...

Началась война.

Папа днями и ночами был на работе. Мама тоже надолго уходила в магазин. Алёша с Варей оставаться одни не боялись: с ними был Кутька — рослая собака с басистым лаем.

Ребята запирали дверь на ключ и начинали играть в войну.

Кутька был за фашиста. Привязанный к ножке письменного стола и прикрытый для маскировки цветным ковриком, он сидел в папиной комнате.

В другой комнате храбрые разведчики — Алёша и Варя — отправлялись в поход за «языком». Им нужно было преодолеть много препятствий: проползти бесшумно по дивану, чтобы ни одна пружина не зазвенела, пролезть под обеденным столом и между ножками стульев и, наконец, перед решительной схваткой притаиться за шкафом.

Кутька рычал, когда они набрасывались на него и кричали:

— Сдавайся, руки вверх!

В первую игру Варя пыталась раскрыть Кутькину пасть и схватить его за язык.

— Что ты делаешь?! — закричал Алёша. — Язык на войне — это не настоящий язык, а просто фашистский солдат. Фашиста ловят и допрашивают, где его часть. Вот как!..

Вскоре играть стали по-другому.

В носок домашней тапочки Алёша закинул кусок хлеба и поднёс её Кутьке. У того потекли слюни, но достать он хлеб не мог. Тогда он зубами схватил тапочку и стал сильно крутить головой. Кусочек хлеба выпал, и он съел его.

Ребятам стало смешно, и они решили играть в тапочку каждый день.

Однажды мама пришла из магазина усталая и в дверях сказала:

— Варя, принеси мне тапочки.

Варя побежала в другую комнату. Вдруг, сорвавшись с места, Кутька обогнал её и, вытащив из-под дивана тапочку, понёс её к маме.

— Понимает! — удивился Алёша. — Вот умный!

А ещё они делали так: поплюют на палочку, дадут понюхать Кутьке и спрячут её под шкаф.

— Ищи, Кутька, ищи!

Кутька ходит, ходит по комнатам, принюхивается, а подойдя к шкафу, как залает, как заскребёт лапами.

— Нашёл! Молодец! — радовались ребята, а Кутька так подмигивал им глазами, словно говорил: «Я и сам знаю, что я хороший».

Но так продолжалось недолго. Почтальон принёс поестку. Папа прочёл её и дрогнувшим голосом сказал:

— Прощайтесь, детки, с Кутькой. Его забирают в армию.

— Кутька, милый, дорогой! — заплакала Варя. — Как же без тебя мы жить будем?

— Не плачь, Варька, — сказал Алёша, — он ведь фашистов кусать поедет.

На прощание Кутьку так накормили, что он еле-еле ходил и не мог лаять.

Папа надел на него ошейник и повёл. Забравшись на подоконник, ребята смотрели на Кутьку, как он в последний раз проходил по двору.

— До свиданья, Кутенька! — крикнул Алёша через форточку. — До свиданья!

А он повилял хвостом и вышел со двора.

Долго Кутька снился Алёше. Собака лизала ему руки и лицо, словно просила почесать ей за ухом.

И Варе он тоже снился. Она рассказывала:

— Знаешь, Алёшка, я сегодня ему во сне всю свою манную кашу отдала. Весь свой хлеб.

И Алёша ей верил.

А мисочку, из которой ел Кутька, они вымыли и спрятали в Варины игрушки.

Ребятам очень хотелось узнать о Кутьке, где он и что с ним, и они упрашивали маму сходить в собачий питомник.

И вот как-то под вечер — на улице шёл дождь — мама пришла уставшая и вся мокрая. Дома её не было почти с самого утра. С прядки волос на лбу скатывались мутные капельки, руки у неё посинели от холода, но глаза её, ставшие печальными за последнее время, теперь почему-то весело блестели.

— Мамочка, ты вся продрогла! — закричали ребята.

— Раздевайся быстрее!

Но она, не снимая пальто, достала из своей сумочки какую-то бумажку.

— Ну, угадайте, где я была!

— В очереди, наверно,— предположил Алёша.

— Не угадал,— улыбнулась мама.— Я на поезде в собачий питомник съездила. Кутька уже на фронте. Вот его адрес — полевая почта.

— Кутька нашёлся?! — обрадовалась Варя.— Мама, давай ему письмо напишем, а?

— Ну вот ещё, письмо,— сказал Алёша.— Собакам не пишут. У них фамилии нет.

— Ничего,— сказала мама,— мы напишем командиру части, а он сообщит нам про Кутьку. Хорошо?

Попив чаю, они сели за стол.

Через полмесяца пришёл ответ. И в нём вот что было написано:

«Дорогие Алёша и Варя!

Это пишу вам я — Кутька. Получил ваше письмо и так обрадовался, что прыгал всем бойцам на грудь и лизал их щёки. Сейчас вечер. Я лежу в землянке перед печкой и греюсь.

Хорошо отдохнуть после работы! Сегодня я нашёл в снегу десять раненых, и мы спасли их. А ещё на поле боя пять бойцов из санитарной сумочки, которая висит у меня на животе, брали бинты и вату.

Меня все любят и за хвост не таскают. Особенно я подружился с командиром части, дядей Васей. По утрам я бужу его лаем и приношу ему сапоги. Он очень удивляется, откуда у меня такие способности.

Ну, кончаю, а то уже зеваётся. Пишите чаще. Письма ваши мне читает дядя Вася. А чтоб вы поверили, что это пишу я, ставлю вместо подписи свою лапу».

Ребята долго рассматривали чернильный отпечаток Кутькиной лапы.

— Похожа,— сказала Варя.— На снегу такая же была.

— Ага,— согласился Алёша.— Теперь надо ответ писать. Мама, напиши нам.

Письмо вышло недлинное, но хорошее.

Ребята просили Кутьку побольше спасти раненых и не простужаться.

Варя расписываться не умела и поставила крестик. Алёша всё же вывел внизу большими буквами: «Алёша».

А Кутькино письмо папа зачем-то положил в свой портфель, и в то отделение, где у него лежала фотография Алёши и Вари...

И вот однажды в квартире зазвенел звонок. Мама куда-то ушла, и ребята боялись открывать дверь.

Потом Алёша спросил:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста! — сказал мужской голос.

Ребята испуганно переглянулись. Голос был чужой и грубоватый.

— А кто вы? — робко переспросил Алёша.

— Ну, я... — медленно, как бы раздумывая, откуда он, отвечал мужчина, — ну, я от Кутьки.

— От Кутьки! От Кутьки! — радостно запрыгала Варя. — Открывай, Алёшка, быстрее!

На пороге, с мешком на плече и с пистолетом на ремне, стоял высокий военный.

«Ого, капитан к нам пришёл!» — гордо подумал Алёша. Он уже давно понимал военные знаки различия.

— Здравствуйте! — сказал капитан, заходя в коридор. — Это вы, наверно, Алёша и Варя?

— Правильно! Угадали! — сказал Алёша и похлопал рукой по кобуре капитана. — А вы, наверно, дядя Вася и письмо от Кутьки привезли?

— Вот и познакомились! — улыбнулся дядя Вася. — Только вот, ребятки...

— Чего? — насторожился Алёша.

— Ну... от Кутьки я привёз только один ошейник. Кутьку убили.

— И он не шевелится? — спросила Варя.

— Не шевелится, — обнял ребят дядя Вася. — И как-то всё нескладно получилось. В одной деревеньке фашисты от нас побежали, а Кутька видит, что кто-то бежит, да и раз — вдогонку. Я кричу: «Назад!» — не послушался.

Схватил одного за штаны и давай рвать. А тот вытащил нож, ну и... Вот, значит, как...

Дядя Вася достал из кармана ошейник и отдал его Алёше.

Вечером пришёл папа, и все уселись ужинать.

Папа, видно, был усталый и ел молча. Мама ни о чём его не спрашивала. Она тихо разговаривала с дядей Васей, подливала ему в чашку чаю. Дядя Вася утирал платком пот со лба и изредка говорил:

— Ух, как хорошо! Давненько дома не бывал!

— Папа, а для чего идёт дождь? — вдруг громко спросила Варя.

Алёша толкнул её локтем.

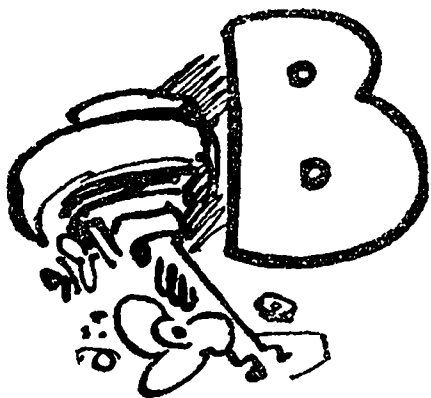
Варя оглядела всех и вдруг заплакала. Алёше тоже очень хотелось заплакать, но он сдержался.

— Не плачь, — сказал он Варе, — мы достанем новую собаку и подарим ей Кутькин ошейник. Хочешь?

— Хо-чу!.. — всхлипнула Варя.

И опять все утихли.

А папа подцепил вилкой картошку, оглядел её со всех сторон, потом посмотрел под стол и, грустно улыбнувшись, снова положил её на тарелку.

Лодочный мотор

воскресные дни мальчишкой-первоклассником я очень любил гулять со своим дядей по Москве. Дядя Сима работал в каком-то статистическом управлении и частенько говорил, что ему по ночам снятся цифры. Он был невысоким, полным и толстой шеей и бритой головой походил на борца.

Я замечал, что у дяди левое ухо было маленькое, а правое — побольше, но ему об этом не говорил. А это, вероят-

но, произошло оттого, что он всё время дёргал себя за правое ухо.

Зимой ли это было или весной, мы выходили из дому часов в одиннадцать и первым делом направлялись в маленькое кафе. Здесь дядя брал для меня пирожное и чай, а сам выпивал бутылку пива.

— Ну как, увеличил баланс? — спрашивал он меня, когда я, оканчивая завтрак, пытался ложечкой подцепить со дна стакана нерастаявший сахар. — А теперь куда пойдём? За Можай или ближе?

Довольный, отдуваясь, я хлопал себя по животу и тут же отвечал:

— Давай за Можай!

Дядя вытирал платком мой нос и, напевая военный марш — я вёл на губах партию барабана, — выходил из кафе.

Шагали мы с ним куда ноги приведут. Шли на Пушкинскую площадь, где в огромных окнах редакции газеты «Известия» красовались любопытные фотографии. Отправлялись в Сокольники на собачью выставку, где однажды видели самую настоящую охоту. Там в деревянную нору была посажена лиса, а на неё натравливали фокстерьера. Заглядывали мы также в окна какого-то завода, за которыми бухал паровой молот, рассматривали в витринах комиссионных магазинов различные фарфоровые сервизы с портретами каких-то графов, курительные трубки и стройные парусные корабли из слоновой кости с сигнальными фонарями на мачтах.

А однажды в тёплый майский денёк мы поехали на Коптевский рынок.

Народу здесь было полно. В одном ряду продавались автомобили. Они были всех видов: приземистые и узкие, чёрные и оранжевые, с откидным тентом и без тента, с разбитыми фарами и хромированными буферами. Тут же можно было купить и покрышку, и камеру, и бидон для бензина, и аккумулятор — короче говоря, весь автомобиль в разобранном виде.

Над другим рядом раздавался оглушительный рёв: там

продавались мотоциклы. И покупатели и продавцы не щадили товар.

И вдруг среди мотоциклов мы увидели лодочный мотор. Он был похож на вертящийся круглый табурет, который ставят к роялю. Прокопчённый и замасленный, он лежал на газетке, и ржавые его лопасти врезались в землю. Продавала его какая-то женщина. Дядя поставил мотор на подвернувшийся кирпич и начал осматривать.

— Работает? — спросил он.

— За милую душу тарахтит, — отозвалась женщина.

— Сколько весит?

— Да кто его знает... Муж говорил, килограммов двадцать.

— А как его попробовать?

— Накинь верёвочку вот на этот кружок и дёрни за неё! — И женщина сама обмотала шнурком магнето.

В бензиновом баке плескалось горючее. Дядя дёрнул за верёвочку, и тут же мотор взревел. Нас заволокло белёсым дымом, оглушило треском и осыпало пылью, которая взмыла от вертящихся лопастей. Дядя, державший мотор, завибрировал всем телом.

— Как его остановить?! — прокричал он, еле-еле сохраняя вертикальное положение.

— Да тут какую-то кнопку надоть нажать! — забегала женщина. — Эх, как его раскрутило!

— Товарищи! — крикнул дядя мотоциклистам. — Остановите!

Наконец с помощью какого-то человека в кожаных штанах спасительная кнопка была найдена, и мотор, чихнув два раза, будто недовольный, заглох.

— Кто ж его без воды пробует? — укоризненно покачал головой наш спаситель. — Эдак его и запороть недолго. — И он пошёл дальше, перекинув через плечо, как солдатскую скатку, мотоциклетную крышку.

— Ну и штучка, хороша! — сказал дядя и обернулся ко мне: — Покупаем, а? Поедем на дачу, рыбку будем ловить, в поход отправимся!..

— Конечно, покупаем! — ответил я, потому что сразу

себе представил путешествие на лодке по бурным волнам, разные штормы и громы и открытие неизведанных островов. С дядей, я знал, не пропадёшь.

Домой мотор мы везли на такси, и дядя и я запачкали маслом себе брюки. А потом на дядю, когда он взял попку на плечо, потёк из бака бензин. Но это, конечно, была не беда, если не считать того, что дядя дома боялся закурить.

Мы соорудили над ванной деревянный помост — это я принёс из сарая доски — и привернули к нему, как мясорубку, специальными винтами мотор. Потом стали напускать в ванну воду. Вскоре «озеро» было готово. Я позвал всех соседей и тётю Машу, дядину жену.

Дядя начал запуск. Дёрнул за шнурок раз — мотор не завёлся. Дёрнул два — только фыркнул. Дёрнул ещё — не помогло.

Тётя Маша похлопала дядю по лбу и ушла в комнату.

— Дай-ка теперь я! — сказал токарь Павел Артемьевич и так рванул за верёвку, что всё сооружение с досками и мотором упало в ванну.

Через минуту всё опять было восстановлено.

— А что, если горячей воды в ванну налить? — вдруг предложил токарь. — Ей-богу, заведётся!

— Идея! — согласился дядя.

Мы зажгли газовую колонку.

Когда кипяток заполнил ванну, дядя плюнул себе в ладонь.

— Расходись! — решительно сказал он. — Пан или пропал!

И тут свершилось чудо. Мотор завёлся! Вода бешено забурлила и бросилась через край ванны. Горячие брызги полетели в нас. Этого никто не ожидал.

Мы выскочили в коридор. Из ванной повалил чёрный дым, на паркет хлынула вода с облаком молочного пара, и в коридор ворвался оглушительный треск.

— Маша! — радостно закричал дядя. — Смотри, работает!

Тётя на секунду приоткрыла дверь своей комнаты:

— Ты совсем тронулся! Тут ведь пожар будет!

Но такое обстоятельство дядю не очень огорчило. Его подбадривала наша поддержка. Я кричал и хлопал в ладоши. Токарь говорил:

— Покупка законная! Теперь в самый раз её обмыть!..

После этого вечера, помнится мне, дяде ни разу не удалось запустить мотор в холодной ванне. Тётка над ним смеялась:

— А кто же тебе реку будет подогревать?

Дядя стал приглашать к себе по воскресеньям разных мастеров, и поэтому на время наши прогулки прекратились. Но всё равно я к нему приходил в выходные дни. Мастера собирали и разбирали мотор, меняли состав смеси бензина с маслом, регулировали магнето, дёргали за верёвку бесчисленное количество раз — и всё было впустую!

Из тёткиных разговоров получалось, что из-за мотора дядя совсем забросил работу и семья уже начала влачить жалкое существование. Оказывается, дядя эгоист и не хочет уюта. Он любит грязь и бензиновую вонь и стал водиться с какими-то типами, которые его обдуривают. У других мужья — солидные люди, а дядя теряет уважение всех знакомых: ходит весь в пятнах на шляпе и на пальто.

Но я с такими разговорами тёти Маши никак не мог согласиться. Наоборот, дядю за последнее время я куда больше полюбил. У него в доме появились разные гаечные ключи и плоскогубцы, он ходил по дому в промасленных и лоснящихся, как кожа, штанах, а руки он мыл уже не мылом, а керосином и вытирал их какой-то рваной тряпкой. Я готов был пойти к нему в сыновья, и, если бы не моя собака Стёпка, которую не любила тётя Маша, но с которой я не мог расстаться, я давно бы ушёл к нему.

Но вот однажды в воскресенье, когда я пришёл к дяде, тётя Маша, открывая мне дверь, радостно сказала:

— Слава богу, отыгрался твой дядька! Забросил свою игрушку! И ты иди-ка лучше домой.

В полутёмном коридоре я заметил в углу сиротливо стоявший лодочный мотор. Лопасти и бак с него были сняты. Видно, кто-то пытался его опять разобрать, да потом раздумал.

А вскоре в Москве началась жара. Мои папа и мама уехали в санаторий на Волгу, а меня отправили к тётё Маше на дачу.

Наш домик с толевой крышей и кособоким крыльцом стоял в трёх километрах от Икшинского водохранилища.

С утра до вечера я вертелся на лодочной пристани. Смотрел на рыбаков, которые привозили с того берега вёдра живой рыбы, помогал рыболовам устанавливать на лодках «подъёмники» и, главное, нырял с мальчишками без счёта прямо с пристани в канал.

Тётя Маша мне сказала: «Ты смотри не утони, а то я отвечать за тебя буду», и, получив ответ: «Честное слово, не утону», моими речными делами больше не интересовалась. И это было кстати.

Тут у меня на берегу завёлся друг Толяй, сын заведующего лодочной станцией, худощавый, загорелый мальчишка с выбитым передним зубом. Ему было лет двенадцать, и делали мы с ним что хотели: прицеплялись за движущиеся баржи, варили уху из рыбёшки, позаимствованной у рыбаков, «топили» девчонок.

Как-то раз дядя привёз на дачу мотор. Я знал, что он его уже трижды относил на рынок и предлагал в комиссионный магазин, но его почему-то никто не брал.

Наутро, положив (потихоньку от тётти Маши!) на правое плечо подушку, а на неё мотор, дядя отправился со мной на водохранилище. По дороге он несколько раз останавливался, опускал мотор на землю и подолгу осматривал его. Я предлагал свою помощь, но дядя, сказав, что «он» лёгкий, дал мне нести только верёвочку. Пот с дяди тёк ручьями, но он весело мне подмигивал и говорил:

— Любишь кататься — люби и саночки возить! Сегодня мы его обязательно запустим. Поедем отсюда к чёрту на кулички, вылезем на берег и будем бегать, как Робинзон и Пятница. Хочешь? Я даже хлеба в карман захватил. А знаешь, я ещё мальчишкой мечтал о таком моторе. Особенно хотелось мне рулить...

Ну как дядя угадывал мои желания! Мне тоже думалось: вот сядем сейчас в лодку, запустим мотор, а потом

я — за руль! Повороты буду делать, зигзаги и к какому берегу захочу, к такому пристану.

Взяв на лодочной станции однопарную шлюпку, мы укрепили на ней мотор, и я выгреб на середину разлива. Дёргали мы с дядей за верёвку часа полтора. Мотор даже не чихнул. Наконец дядя снял с себя рубашку и лёг на дно лодки.

— Чёрт с ним! — сказал он. — Всё равно приятно, что у нас мотор. Суши вёсла!

Мимо нас проплыл белоснежный пароход. Какой-то пассажир помахал нам соломенной шляпой: дескать, хорошо на моторке!

Вода в заливах, окаймлённых дремучим лесом, была словно чёрная тушь. На красных пузатых бакенах сидели чайки и удивлённо поглядывали на автоматически зажигающиеся лампочки. А справа и слева от водохранилища, похожего на огромное озеро, лежали зелёные луга, перелески и снова луга. Вдали, на возвышенностях, стояли речные маяки, словно трёхногие марсиане с глобусными головками.

Потом я опять взялся за вёсла, и мы подъехали к берегу. Он был пустынный. Мы развели костёр и на тоненьких прутиках поджарили свой хлеб. В лесу я нашёл землянику, собрал полную пригоршню и сказал дяде:

— Закрой глаза, открой рот!

Он жевал землянику и не открывал глаз до тех пор, пока не проглотил её всю.

В этот день мы объездили два залива, причаливали к затопленным деревьям и забирались на их макушки.

Домой дядя снова тащил три километра на подушке свой мотор и приговаривал:

— Нет, а здорово мы с тобой отдохнули, а?

У калитки нас встретила тётя Маша.

— Опять за старое, Серафим?! — сказала она. — Меня не слушаешь, так хоть бы людей постыдился. На кого похож: брюки подвернул, босой, шея в саже. Смотреть даже противно! А ведь ты начальник отдела...

И тётя почему-то стукнула меня по спине.

Вскоре тётя Маша уехала на целый день в Москву, а я на даче остался один. Я пригласил к себе в гости Толяя — он приехал на велосипеде — и показал ему мотор.

— Не работает? — спросил он.

— Нет.

— Чепуха! — заявил Толяй. — У меня заработает.

Он, оказывается, уж однажды возился у себя на лодочной станции с таким мотором.

Мы привязали мотор к велосипедному багажнику и повезли на водохранилище.

Толяй жил неподалёку от лодочной станции. Он принёс бутылку чистого авиационного бензина, и мы установили мотор на лёгкую шлюпку. Я отгрёб подальше от берега, и Толяй дёрнул за верёвку. Мотор так рванул вперёд, что мы чуть-чуть не выпали из лодки! Под носом зашумела вода.

— Хватай за руль! — закричал я и кинулся к Толяю.

В этот момент тонкая, а может быть, и подгнившая доска на корме, к которой был прикреплён мотор, разломилась надвое, и наш мотор бухнулся в воду.

— Ты что сделал?! — закричал я и схватил Толяя за воротник. — Прыгай за ним!

— Отпусти, — сказал Толяй. — А то банок заработаешь... Что же делать? Здесь глубина — семь метров!

Проплыл быстроходный катер, большая волна отнесла нас в сторону, и через минуту мы уже не могли точно сами себе указать, в каком месте были погребены три лошадиные силы.

Ехать на велосипеде с водохранилища Толяю было легко. Но мне тяжело: душа у меня разрывалась от горя. Дядька, я чувствовал, меня, пожалуй, убьёт за такую потерю. Да и от тётки влетит. Хоть она и была против мотора, но всё-таки это вещь и денег стоит. Провались пропадом вся эта дача и всё это водохранилище! И надо же было сегодня туда поехать! Да и от мамы попадёт: она ведь должна будет заплатить деньги за мотор...

На даче за столом сидели уже приехавшие из города дядя Сима, тётя Маша и с ними какой-то человек в галстук и в очках.

— А-а... племяшек, купался? — сказал дядя. — Вот познакомься, инженер Соломон Моисеевич, самый что ни на есть конструктор этих лодочных моторов. Готовь наш аппарат. Он его живо наладит. И сегодня же мы отправляемся в ночной поход.

Тётя Маша опять постучала рукой себя по лбу и принялась разливать чай.

— А чего его готовить? — тихо сказал я. — Он уже... готов.

— Что же, ты его уже отнёс на канал? — поинтересовался дядя.

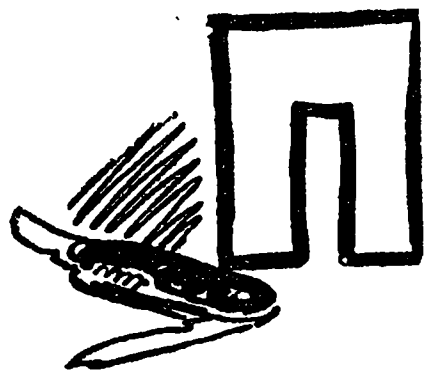
— Да.

— И где ты его оставил?

— На дне, — ответил я в открытую. — Мы стали запускать, а он... он потонул.

— Утонул?! — обрадованно спросила тётя и, подскочив ко мне, поцеловала меня. — Вот умник! Вот спасибо! Честное слово, утонул?!

А дядя ни слова мне не сказал. Он задумчиво подпёр кулаком подбородок и стал смотреть в окно, за которым искрилась полоска водохранилища и виднелся высокий серебряный маяк, похожий на марсианина.

Острое лезвие

Петя чуть не плакал. У Пети тряслись колени. Петя чувствовал, что сейчас произойдёт с ним что-то непоправимое, но помочь себе он уже ничем не мог...

На дворе стоял точильщик, и ножик — блестящий Петин ножик! — находился у него в руках.

И кто просил этого точильщика зайти во двор? Прошёл бы себе мимо, да нет, завернул.

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править! Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править!

И снял с плеча свой станок.

И сразу из всех дверей выскочили хозяйки. Кто нёс лёгкие и красивые столовые ножи, кто поварские — неуклюжие и почерневшие. Какой-то дедушка в валенках притащил и бритву и топор.

Точильщик втыкал ножи за ремешок на станке, зашивал себе за широкий пояс на живот, на бока и за спину.

Нажимая ногою на перекладину внизу станка, он работал, словно пританцовывая.

На оси вертелось штук восемь камней, начиная от тонкого и большого и кончая пузатым и маленьким. Пузатый камень, казалось, вертелся быстрее остальных.

С воткнутыми за пояс ножами точильщик был похож одновременно и на разбойника и на фокусника. На нём был серый загрязнённый фартук и сдвинутый набекрень помятый картуз.

Наточив один из ножей, он, вскидывая бородку, подслеповато глядел на него из-под очков. Потом выдёргивал из головы волос и, положив эту еле заметную паутинку на лезвие, дул на неё губами, сложенными свистком. Паутинка разлеталась на две части.

И вдруг Петя вспомнил, что у него тоже есть нож! Вернее, он не вспомнил, а очень хорошо знал, что в кармане лежит перочинный ножичек. Петя сжимал его в кулаке — гладенький почти что скользкий — и всё не решался отдавать в точку.

Ножик был и без точки хорош, резал всё что ни попало.

Приятель Сёмка совсем было замучил Петю. Гуляя во дворе, он то и дело подносил или стебель лопуха, или какую-нибудь веточку.

— А вот не разрезать тебе одним махом!

— Тоже мне нашёл! — раскрывал Петя ножик. — Он и потолще возьмёт!

И вдруг по веточке — раз!

— Видал? — насмешливо говорил Петя, аккуратно обтирая лезвие специальной тряпочкой.

— Видал...— Сёмка следил за сверкающим лезвием как замороженный.

Когда Петя случайно на стадионе «Динамо» нашёл этот ножичек, он, придя домой, сразу привязал его накрепко верёвочкой к своему пояску.

Ножичек был с перламутровыми боками, которые на солнце переливались то розовыми, то зелёными, то синими огоньками. Он вмещал в себе шесть приборов. Кроме двух ножей — маленького и большого, — в нём были ножницы, ногтечистка, штопор и, наконец, резец для консервов.

Нужно это было или не нужно, Петя всюду появлялся со своим ножичком. Он помогал бабушке чистить картошку, колол лучинки, хотя печку не топили. Он ходил по соседям вспарывать консервные банки, а продавщице в ларьке на улице открывал бутылки с лимонадом. За работу причитался стакан шипучки, но Петя вежливо отказывался от него.

Петя стал чистоплотным. Ногти у него были срезаны и тщательно подпилены. Сёмке тоже очень хотелось подпилить ногти, но попросить у товарища ножичек он не решался. Видно, боялся, что не хватит духу держать такую штучку в руках.

Сёмка всюду ходил за Петей как тень. Он придерживал консервные банки и после вскрытия банок незаметно пальцем снимал какую-нибудь томатную приправу, выступившую по краям. Он деловито советовал, как лучше ввинчивать штопор в пробку, и, закрывая глаза, маленькими глотками выпивал за Петю стакан шипучки.

Один раз, как-то днём, угостив Петю сырой морковкой, вынесенной из дому, Сёмка осмелел.

— Петя, — сказал он, — дай-ка мне на секундочку твой ножик.

— А зачем?

— Я срежу вон там тоненький-тоненький прутик. — И Сёмка указал на куст акации.

— Я бы тебе дал, — хрустя морковкой, сказал Петя, — да, вот видишь, он к пояску привязан.

— А ты ведь его отвязывал позавчера.

— Ну тогда отвязывал, а сейчас нельзя.

— Пожалел... — вздохнул Сёмка. — Ну ладно. Я вот тоже скоро куплю. Уж тридцать копеек насобирал. Куплю — даже посмотреть не дам.

— Купишь, когда Северный полюс растает, — засмеялся Петя. — Такого ножичка нигде не достать. Он, смотри, из нержавеющей стали сделан.

Петя дохнул на лезвие. Оно помутнело, как зеркало, и вдруг опять стало блестящим.

— Здорово! — загорелся Сёмка. — Воды, значит, не боится? А ну-ка дыхни ещё.

— Сто раз одно и то же не показывают!

Сложив ножичек, Петя поставил его ребром на ладонь — он был похож на крохотную подводную лодку; довольный, Петя щёлкнул языком и засунул ножик в карман.

На следующий день друзья уже забыли об этой маленькой ссоре. Они по-прежнему бегали по двору, запуская хвостатого змея; а из дров, которые штабелями лежали на дворе, складывали себе пещеру.

Всё шло по-прежнему — и вот:

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править!

Петя вылез из дровяной пещеры, где они с Сёмкой из какого-то разломанного ящика сколачивали стол.

— Я не пойду, — сказал Сёмка, — мне точить нечего!

И остался.

Тысячи искр вылетали из-под ножей! Они летели раскалённые, стремительные, и все они попадали к Пете в ладонь!

Искры ладонь не обжигали. Да и сами их удары были словно укусы каких-то комариков.

Петя вертелся около точильщика, пока тот не выточил все ножи и не стал заворачивать сигарку.

— Дядя, — сказал Петя, — а за сколько возьмёте поточить этот ножичек?

Точильщик приподнял картуз и поскрёб пальцем лысину.

«Все волосы на пробу ножей повыдергал», — подумал Петя.

— За этот махонький? — взглянул точильщик из-под

очков на Петину гордость.— Двадцать копеек. Только я у тебя не возьму. Наточу, а ты ещё пальцы себе порежешь.

— Возьмите, дяденька! — застонал Петя.— Ни одного порезика не будет, хоть проверяйте каждый день.

— Нет, не возьму. Да у тебя, наверно, и денег нет.

— Что вы, дяденька, я их сейчас у бабушки достану.

— Вот загорелось! — улыбнулся точильщик.— Ну ладно, беги к бабушке. Гляди не обмани.

— Никогда не обманывал,— обиженно сказал Петя.— Сами увидите. А обману — ножичек себе возьмёте.

Отвязав от пояска ножичек и протянув его точильщику, Петя побежал домой. За спиной запел камень: ж-ж-ж....

«Теперь не нож, а совсем красота будет!» — подумал Петя, взбегая к себе на этаж.

Он застучал в дверь.

Сейчас должно было слышаться шлёпанье бабушкиных туфель и старческое кряхтение. Но за дверью никто не кряхтел.

«Заснула она, что ли?» Петя затарабанил что есть силы. Бабушка не открывала.

«Ушла, наверно, на базар!»

Петя кинулся к соседней квартире. Но и она была заперта. Петя заметался на лестнице. К кому идти? На первом этаже живут новые люди. Они только недавно переехали.

К маме на работу бежать? Далеко. И всего двадцать копеек! Двадцать копеек нужно!

И вдруг Петя, радостно подпрыгнув, быстро спустился во двор.

Точильщик увидел Петю и помахал ножичком. Лезвие заманчиво сверкнуло.

— Я сейчас! — крикнул Петя и побежал в дровяную пещеру.

— Сёмка,— задыхаясь, сказал он,— одолжи двадцать копеек.

— А зачем тебе?

«Сказать, что ножичек точу,— не даст»,— подумал Петя.

— Для одного дела. Мне очень нужно. Бабушка придёт, я тебе верну.

— А-а... вот и попался! — засмеялся Сёмка. — Ты мне тогда ножичек не давал, и я тебе сейчас не дам. Деньги у меня тоже к карману привязаны.

— Как — не дашь? — побледнел Петя.

— Очень просто. Возьму да и не дам.

— Дай, Сёмочка! — взмолился Петя. — Я тебе всё, что захочешь...

— Не дам! — отрезал Сёмка. — Как ты мне, так и я тебе.

Всё было кончено. Ножик пропал. Точильщик сейчас уйдёт. Не ждать же ему бабушкиного прихода!

Выйдя из пещеры, Петя помахал точильщику — дескать, ещё секундочку! — и снова взбежал на крыльцо дома. Здесь он спрятался за дверь и с тоской стал смотреть через щёлку на точильщика.

У Пети тряслись коленки. Он чувствовал, что сейчас произойдёт что-то непоправимое...

Ножичек был готов. Точильщик раскрывал его на обе стороны и ухмылялся.

Ножичек, видно, ему понравился.

Вот он сложил его и сунул в карман фартука. Глядит по сторонам. Солнце поблёскивает в его очках. Утирает ладонью пот с лица.

Опять смотрит по сторонам. Что делать? Ведь уйдёт сейчас.

А вот и Сёмка идёт, заложив руки в карманы. Ух, жадина, погоди!.. Не такое увидишь!

— Мальчик, поди сюда! — кричит Сёмке точильщик.

Сёмка стоит спиной к крыльцу. О чём-то говорит и пожимает плечами. Вытаскивает руку из кармана, шевелит ею. Видимо, он крутнул камни на станке. Рука дёргается.

— Та-ачить ножи-ножницы, бритвы править! — кричит точильщик и поднимает на плечо станок.

Ножичек! Ножичек уходит! Штопор, ножницы — эх!..

Пете хочется броситься за точильщиком, догнать его и закричать:

«Отдайте, дяденька, милый, отдайте!»

Но — всё! Сёмка идёт к крыльцу, заложив руки в карманы. Посвистывает...

Петя еле сдерживал рыдания. Он взбежал к себе на этаж и почувствовал, что больше не может не плакать...

Если бы не пришла бабушка, Петя просидел бы на лестнице весь день и всю ночь. Ему нечего было делать ни в комнате, ни во дворе. Правда, он должен был готовить уроки: подходила к концу последняя четверть, за ней — каникулы, но разве можно спокойно сидеть за книгой, когда нет больше в кармане любимого ножичка?...

За что бы ни брался Петя, всё у него выпадало из рук. Даже бабушка заметила:

— Что ты, Петенька, кислый какой-то, как молоко?

«Кислый какой-то! А ведь всё из-за тебя да из-за Сёмки, — горестно думал Петя. — Тут не только скиснуть — свернуться можно».

Как Петя дожил до вечера, он и сам не помнит.

Он лежал на диване, закрыв ладонями глаза. Он ясно видел, как из-под вертящихся камней летели искры, как точилицы любовались ножичком. Потом всё это исчезло, и откуда-то из темноты вдруг снова выплывал ножичек, похожий на подводную лодку.

«Зачем я отдал?! Зачем я отдал?!» — думал Петя. Иногда ему казалось, что в кармане лежит что-то тяжёленькое, и он тщательно ощупывал карман...

Было уже часов восемь вечера, когда в двери застучали. «Мама пришла», — подумал Петя и, вздохнув, слез с дивана.

В дверь колотил Сёмка.

— Уйди! — сказал Петя и хотел захлопнуть дверь.

Но Сёмка, подставив ногу, задержал её.

— Бабушка пришла? Давай двадцать копеек!

Он вынул из кармана уже раскрытый Петин ножичек, выдернул из головы два волоска, положил их на лезвие и дунул. Волоски разлетелись на две части.

тром Петя проснулся от осторожного постукивания в окно. Перед домом, в саду, густо заросшем кустарником, стоял Лёвка. Босые ноги у него блестели от росы.

— Мать дома? — воровато обернувшись, спросил Лёва.

— Нету. На базар уехала, — зевнул Петя и ожесточённо стал протирать кулаками глаза. Вчера он допоздна читал книгу о войне, и теперь всё тело было тяжёлым и вялым.

— Дело есть, — сказал Лёвка. — Тут недалеко пройтись. Пойдём?

— Неохота, — отмахнулся Петя, — посплю ещё.

— Давай, давай одевайся! — настаивал Лёва.

Лёва жил от Пети через два дома, и встречаться по своим мальчишеским делам они могли каждый день, иногда даже ночью, если уговаривались идти на рыбалку. Но на сегодня никакого уговора не было, а Лёвка пришёл чуть свет.

«Что это за дело у него?»

Село просыпалось. Был воскресный день.

Хлопая калитками, из палисадников выходили приодетые колхозницы, в белых платках, в вышитых кофточках. Шлёпая босыми ногами по пыльной дороге, они несли на базар бидоны с молоком, корзины с яблоками и помидорами, яйца, сметану. Могучие волы, запряжённые парой, безразлично тянули скрипучие повозки. На них стояли корзины с овощами.

А на том месте, где раньше была недавно сгоревшая изба, уже белел низкий сруб. На нём верхом сидел дядя Матвей и топором отваливал от бревна щепу.

За село ребята выбежали быстро и весело, с ходу слетели в овраг. Место было знакомое. Здесь они не раз пекли в золе картошку. Овраг был в рост человека. С одной стороны обрывистый, с другой — пологий. Во время войны по нему проходила оборона фашистов. Сейчас где-то в кустах свистела пичужка. Стояла приятная тень, пахло сыростью.

Лёва шёл, раздвигая заросли орешника. Петя, идя за ним, остерегался, чтобы оттянутые ветки не выхлестнули глаза. Под ногами, пробившись сквозь листву, двигались солнечные пятна. От этого рябило в глазах и казалось, что земля шатается.

— Ну чего ты меня сюда завёл? — уже несколько раз спрашивал Петя.

— погоди, погоди, — отвечал однообразно Лёва, — увидишь — ахнешь.

Наконец над грудой свежесорванных листьев он остановился и сказал:

— Смотри!

Листья, шурша, отвалились к Петиним ногам. Два небольших снаряда с зеленоватой окисью на корпусах и позеленевший от времени запал от гранаты тускло поблёскивали на солнце.

— Ну? — вскинул сияющие глаза Лёва. — А ты не хотел идти. Это же самые настоящие снаряды.

Лёва, как маленького ребёнка, любовно подхватил снаряд и положил на руки.

— Ты смотри сюда. Вот эта часть — головка. Она как стучается об землю, так взрывается. А эта часть — гильза. В ней порох запрятан. Он такой разноцветный, как конфеты. Мне его один военный показывал. Мы их сейчас домой возьмём и там раскупорим. Головки выкинем, а порох пригодится.

Дрожащими руками Петя поднял с земли снаряд. Если бы не Лёва, он вообще бы побоялся к нему подойти — ещё, чего доброго, взорвётся! Но при Лёвке бояться нельзя. Он ребятам может рассказать, что Петя трус. А Петя не трус. Он просто не хочет баловаться со снарядом. Вот в соседней деревне мальчишки нашли мину, стали играть с ней и добаловались! Одному палец оторвало, другому осколок в бок попал...

— Пошли, потом рассматривать будем! — сказал Лёва, запихивая в карман запал от гранаты. — Да ты не бойся — снаряды в руках не взрываются. Их и кидать можно. Во как!

Лёва невысоко подкинул снаряд и поймал его. Петя, осмелев, тоже легонько подкинул свой.

Шагал Петя быстро. Ему приходили в голову всякие смелые мысли.

«Во-первых, — думал он, — снаряд можно на ходу перекидывать из рук в руки, потом можно его покатить по земле, как брёвнышко, а ещё интересно бы положить его на плечо и нести возле самого уха».

После таких мыслей он почувствовал себя и впрямь бесстрашным человеком.

— Сейчас пойдём ко мне, — говорил Лёва. — У меня тоже все ушли. Возьмём молоток и — чик-чик — разом всё обделаем. А из запала свисток милицейский сделаем...

Припекало. Солнце поднялось уже высоко, и ни одно облачко не закрывало его спокойного сияния. Стояло погожее бабье лето. На сжатых полях стрекотали мириады кузнечиков. В голубом небе, курлыкая, учительской галочкой летели журавли.

Входя в село, ребята засунули снаряды под рубашки. Около нового сруба их окликнул дядя Матвей:

— Эй, что несёте? Огурцы чужие?

— Не! — задорно улыбнулся Лёва. — Не угадали, дядя Матвей.

Когда вошли во двор и заперли за собой калитку, Петя устало присел на скамейку.

— Искупаться бы сходить.

Интерес к снаряду у него уже немного остыл. Всё оказалось простым и обычным. Так можно нести и любой кусок железа.

Лёва тоже порядком устал. До оврага было с километр ходу, а снаряды весили кило по три каждый.

— Пойдём окунёмся, — согласился он. — Только я сначала эти штуки за сарайкой зарюю, а ты, хочешь, почисти пылью запал. Блестеть будет...

Зажав между большим пальцем и мизинцем трубочку запала, Петя стал прстирать её пылью. После нескольких движений трубочка из ярко-зелёной превратилась в серо-зелёную, потом этот цвет поблёк, и вскоре за оставшимся

сизым налётом уже стали проступать жёлтые блестящие царапины. Запал был сделан из латуни.

«А что, если трубочку разрезать ножом и посмотреть, как там устроено», — подумал Петя и вытащил из кармана самодельный складной нож. Положив трубочку на скамейку, он надавил ножом на кончик запала. Трубочка смялась. Петя нажал сильнее, и вдруг что-то огненное, что-то очень страшное ударило ему в лицо, в рот, в уши, разбросало руки и опрокинуло на спину.

Очнулся он через минуту. Боли никакой не было. Только на груди лежал тяжёлый камень и мешал дышать. «Умираю...» — подумал Петя и дико закричал. И сразу кто-то сильный подхватил его, положил на мягкое. Пахнуло сеном, и снова в нос ударил тошнотный запах крови. Издалека донёсся чей-то голос, очень похожий на голос дяди Матвея:

— Ах, сорванцы, что наделали!

Петя ясно различил эти слова, понял, что дядя Матвей подхватил его на руки, но всё это как-то проходило мимо сознания. И только один, вдруг неизвестно откуда надвинувшийся женский голос не давал ему покоя. Этот голос выкрикивал одно и то же:

— Петенька, боже ты мой!.. Петенька!..

— Мальчик, проснись! Уже завтрак!

Тёплая женская рука осторожно поглаживала по плечу. Петя сладко потянулся, выпячивая грудь, поднял веки и... ничего не увидел. Испуганно схватился за глаза и, почувствовав на них повязку, сразу вспомнил вчерашнее.

— Где я? — чуть слышно спросил он.

— В больнице, в больнице! — торопливо ответила женщина. — Не волнуйся. Сейчас завтракать будем.

Петька помолчал. Потом, чётко выговаривая каждое слово, медленно спросил:

— А как же я есть буду? Я же не вижу!

«Не вижу!» У Пети внутри похолодело. Ему нестерпимо захотелось сорвать все повязки и выскочить из этой жуткой темноты. Но руки не повиновались. Он почувствовал,

что от ощущения какого-то нарастающего страха у него начинают путаться мысли.

Скорей, скорей заговорить о чём-нибудь. Но вдруг горло сжала спазма. Петя всхлипнул.

— Ну вот, здравствуйте пожалуйста! — с мягкой укоризной сказала женщина. — Лучше раскрывай-ка рот.

Пете в зубы ткнулась ложка. Каша обожгла губы. Петя отдёргнулся и поморщился.

Женщина подула на ложку.

— И что плакать? — сказала она. — Приедет профессор, посмотрит, и тогда станет ясно: плакать или не плакать.

И Петя услышал, как несколько мужских голосов около него ответило:

— Верно! Верно!

Пете стало веселее. Значит, не он один такой. После завтрака санитарка Фрося взбила подушку, поправила одеяло и вышла. Петя разговорился с соседями по палате. Их было двое: один — Борис Фёдорович, бывший лейтенант (он Пете понравился сразу), другой — старшина Афанасий Дмитриевич. Они были ранены ещё во время войны, но до сих пор не могли избавиться от разных осложнений. Свет они видели, но плохо. Еле-еле различали предметы.

— Ох и лежать же надоело! — как взрослому, признался Пете лейтенант. — Лежишь себе и думаешь: провались бы оно всё пропадом — тоска зелёная. И только одно утешает: не зря пострадал.

— Вам-то что, — вздохнул старшина, — вы-то будете хорошо видеть, а мне-то как придётся — не знаю. Но тоже не робею. Слепой, а жизнь дороже.

Старшина громыхнул спичечным коробком.

— А ты, хлопчик, как пострадал?

Петя почувствовал, как под повязкой вспотели щёки. Ему стало стыдно.

— У меня запал взорвался, — тихо признался он. — Я его ножом разрезал.

— Что, что?! — приподнялся на постели старшина. Под ним зазвенели пружины. — Запал взорвался?!

Голос старшины был злой, нехороший. Петя сжался в ко-

мок. Ему показалось, что старшина встаёт с постели и направляется к нему. Он готов был закричать: «Я не виноват! Это меня Лёвка научил!» — но тут в палате скрипнула дверь и Фрося позвала:

— Мальчик, к профессору, на осмотр!

Петя был рад приходу санитарки. Она такая добрая и ни о чём не спрашивает.

Пособив надеть халат, Фрося осторожно вывела Петю в коридор. Он впервые шёл вслепую. Он старался представить себе, что играет в жмурки и ничего тут страшного нет, но всё же инстинктивно ступал по-кошачьи, словно перед каждым шагом ожидала яма. В голове вертелся один вопрос: что скажет профессор?

Он не видел, как вошёл в полутёмную комнату с занавешенным окном. Не видел, что его окружили врачи, а перед ним уселся профессор в белой шапочке и в очках, вырезанных в форме полумесяца.

С головы начали снимать повязку. Женский голос докладывал:

— Хлопов Пётр. Одиннадцать лет. Ранен при взрыве запала. Попытка разрезать его ножом. Лёгкий ожог рук и помутнение хрусталика на обоих глазах.

— Ну-с, голубчик, держи голову так.

Петя слышал старческий голос и почувствовал, как мягкие пальцы приподнимают его за подбородок.

В руках профессора поблёскивал офтальмоскоп — круглое зеркальце на палочке. Жёлтый зайчик, отражённый зеркальцем от маленькой, но яркой лампочки, поплясал у Пети на лице и скатился на правый глаз. Петя зажмурился. Он увидел свет. Правда, он был похож на свет далёкого фонаря в ночи. Фонарь будто под ветром раскачивался из стороны в сторону.

— Замечаешь?

— Замечаю.

— Хорошо видно?

— Нет, мутно.

Профессор долго не отпускал Петю. Он просил то поднять глаза кверху, то опустить вниз, то смотреть в стороны.

Потом, положив руку на плечо, сказал:

— Ну-с, голубчик, будем лечить.

После обеда к Пете пришла мама. Она сидела на краешке постели и гладила его по волосам. Большой кусок пирога Петя жевал молча. Он чувствовал, что между ним и матерью встала какая-то преграда. И эта преграда — он сам, его баловство с запалом. Мама одевала его, кормила, отдавала самые лучшие куски (Петя замечал это!), если он болел — просиживала с ним целые ночи. Да что только не делала мама, чтобы Петя рос красивым и здоровым! А он? А он взял и в одну секунду поломал мамины труды. Ну куда он теперь годен — слепой? Как он сможет помогать маме под старость?..

С матерью Петя простился холодно, хотя ему до слёз было жалко её. Но побороть себя он не мог.

Вечером после отбоя Борис Фёдорович рассказывал сказку. Сказка была про Ивана-царевича и Василису Прекрасную. Лейтенант очень здорово умел менять голоса. Царь Берендей, и Кощей Бессмертный, и Василиса Прекрасная говорили у него по-разному.

Старшина то и дело с азартом перебивал:

— Ну, а дальше что?

В палатной тишине Пете ясно представлялось подземное царство Кощея, такое страшное, с ведьмами, чертями и бушующим огнём. А сам Кощей был просто-напросто скелетом. Такой скелет Петя видел в биологическом кабинете школы. И почти как наяву Петя увидел погоню за Иваном-царевичем. Засыпая, он подумал: «Вот чудно́ как! Взрослые люди, а рассказывают детские сказки!..»

Сентябрьские погожие дни сменились непрерывными дождями. Каждое утро Пете закапывали что-то в глаза и шприцем кололи руку. После укола Петя хватался рукой за лоб и, посасывая сквозь зубы воздух, взад-вперёд молча ходил по перевязочной — терпел. Повязка с головы у него была уже снята, но как он ни пытался, поднося к глазу, рассматривать какой-нибудь предмет, увидеть всё равно ничего не мог. А солнце, которое иногда проглядывало сквозь тучи, казалось ему тусклым и расплывшимся.

Между завтраком и обедом, если не крапал дождь, Петя обычно выходил во двор с Борисом Фёдоровичем. Гулять с ним было интересно. Он угощал семечками и часто рассказывал о фронтовой жизни. А ещё они подходили к барану, который щипал траву. Петя со смехом крутил его за рога, а потом давал обнюхивать руки. Мокрый нос барана доверчиво тыкался в ладони.

За эти дни Петя передумал о многом. Его мысли часто останавливались на Лёвке. К нему была лёгкая зависть. Вот он сейчас гуляет на свободе, ходит, учится, а Петя лежит. И вместе с этим Петя очень волновался за товарища. Как бы Лёвке не вздумалось разбивать молотком снаряды.

Он хотел было о Лёвкином житье-бытье порасспросить у мамы, но, чувствуя, что она зла на Лёвку, расспрашивать не решился.

Но однажды, к Петькиному удивлению, мама сказала: — Это тебе от Лёвки,— и сунула в руки большой пахучий шар.

Петя оставил яблоко до вечера. После ужина, оторвав зубами большой кусок сладкой мякоти, Петя вдруг обнаружил в яблоке записку. Она была свёрнута трубочкой. Такой способ передачи для Пети был не нов. Яблоко протыкается гвоздём, а потом в дырку запихивается записка. Но в больнице это была большая радость. Прочесть записку Петя не мог, а показывать никому не стал. Мало ли что может Лёвка там написать. Так непрочитанную и запрятал в тумбочку.

Петя ждал операции. Об этом ему не раз говаривали и врачи и профессор. И даже, как у большого, спрашивали разрешения. Петя согласился. Он знал, что с операцией к нему должны прийти и школа, и товарищи, и санки, и многое другое, по чему он уже успел соскучиться. А без каких-то там хрусталиков, которые удалят, как сказал профессор, он обойдётся. Их вполне заменяют очки.

И вот однажды утром Петьке не подали завтрака. У Пети началась неприятная внутренняя дрожь. Он предчувствовал, что сегодня с ним произойдёт нечто особенное.

Действительно, вскоре в палату вошла сестра.

— Петя, на операцию,— сказала она весело и взяла его за локоть.

Пете стало не до смеха.

В большой операционной пахло спиртом. Петю положили на стол. Руки ему привязали к столу бинтами, а на ноги навалилась сестра. Сердце стучало так часто и сильно, что казалось, вот-вот выпрыгнет из грудной клетки. Петьке дали выпить какой-то порошок. Сердце мало-помалу успокоилось.

— Ну-с, голубчик, сейчас мы тебе подарим свет,— слышал Петька то удаляющийся, то приближающийся голос профессора.— Только не бойся, больно не будет.

Запах спирта ударил Пете в нос. Что-то кольнуло в правый глаз, и Петька почувствовал, как вслед за этим по глазу начали чем-то скрести. Боли не было. И вдруг — свет! Обыкновенный свет электролампочки ударил в глаз. Над глазом двигались чьи-то руки.

— Вижу! Вижу! — закричал Петя.— Я вас вижу!

— Ну и смотри на здоровье! — отозвался профессор.

Он был бородатый и усатый.

Нервы у Пети были напряжены. Больше сдерживаться он не смог и заплакал...

В свою палату Петя плыл на носилках. Ночью он не спал. Боялся, что, заснув, резким движением может случайно повредить глазам. Глаза болели. Лёжа на спине, он с завистью слушал лёгкий храп Бориса Фёдоровича и тоненькое посвистывание старшины. Петя думал о том, что глаза — самое основное в жизни. Правда, это была не его мысль, а мысль старшины, но почувствовал её Петя очень ясно только сейчас, в первые часы своего прозрения. Раньше он об этом не задумывался, как вообще не думал о своём здоровье. Шёл дождь, и мама велела надевать галоши. Стоял на улице мороз, и мама завязывала горло шарфом. А Петя злился на неё. «Кутает, как маменькиного сыночка,— думал он,— всё равно выйду на улицу и сниму». Теперь же ему очень хотелось, чтобы сейчас на постели сидела мама. Петька никогда-никогда не покинет маму, когда вырастет большой.

Под утро он заснул.

... Зрение увеличивалось быстро. На пятый день врачи позволили повязку снять, и Петя уже самостоятельно мог ходить по больничным коридорам. Предметы и люди виделись ему ещё как в тумане или как в речной воде. Петя подходил к столу и с тихой радостью говорил: «Это стол!» Точно так же он узнавал и стулья, и шкафы, и кровати. Такая же радость была и в первом классе, когда Петька впервые из слогов научился составлять слова.

Он замечал, что надпись в коридоре «Не курить» с каждым днём вырисовывается всё лучше и лучше.

За день до выписки Петю вызвали в перевязочную. Врач усадил его перед таблицей, на которой были напечатаны буквы уменьшающегося размера, и стал подбирать очки.

— Ну, как видно? Ясно? — спрашивал он, вставляя в специальную оправу выпуклые стёкла.

— Не... не очень, — отвечал Петя. — Всё расплывается.

— А ну-ка попробуем вот это стёклышко. Прочитайте пятую строчку.

— Лучше. Ой, здорово как! Н, К, М, Б, Ы, Ш!

Петя прочитал и последнюю строчку. Шрифт её был совсем мелкий.

— Молодец ты у меня, — сказал врач, — в очках будешь на сто процентов видеть!

«Четырёхглазый буду! — подумал Петя. — Ребята задразнят. А вдруг и Лёвка заступаться не будет?»

Но очки, которые сидели на носу, он снимать не собирался. Смотреть через них было удивительно приятно. Особенно за окно. Там уже лежал снег. Под солнцем он сверкал и слепил глаза. От больницы уходила санная дорога. Она была прямой и тянулась к лесу. Если идти по этой дороге, то можно прийти к своему дому. Иней лежал на стёклах, и Петя очень чётко различал причудливые его узоры.

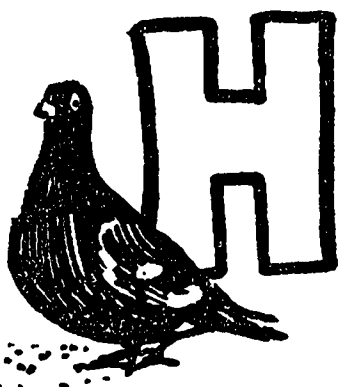
Из перевязочной Петя побежал к себе в палату. Борис Фёдорович нашёл, что Пете очки к лицу. И даже сам примеривал их. Чтобы рассмотреть Петю в очках, он приближался к нему вплотную, нос к носу. Потом Петя присел возле тумбочки. На второй полочке, за коробкой зубного порошка, лежала записка от Лёвки.

Петя развернул её. Теперь он сможет её прочитать. «Петя, здорово! — писал Лёвка. — Мне трудно тебе писать, потому что во всём виноват я. Мы с тобой были большие дураки. А снаряды, закопанные за сараем, я отдал дяде Матвею. Он вlepил мне затрещину. Приходи быстрее, будем учиться вместе. Я тебе во всём помогу».

Петя разорвал записку. На сердце у него стало хорошо. И какой он всё-таки хороший друг: «Я тебе помогу».

Петя задумался. Вот он видит — пусть без очков еле-еле, но видит, а ведь могло быть и так, что... нет, об этом даже трудно подумать.

И, чтобы развлечь себя, Петя вслух стал читать журнал «Огонёк», который лежал на тумбочке. Лейтенант и старшина попросили читать громче. Читал Петя до вечера. Он никак не мог оторваться от этих чудесных мелких строчек и разноцветных картинок.

Свой турман

Новая жизнь у Миши началась в тот день, когда он, возвращаясь из школы, увидел в Петровском переулке необычную картину. Под липами стояла какая-то женщина с мешочком в руках и, отмеривая стаканчиком ячмень, продавала его прохожим. Мужчины и женщины охотно покупали зерно и тут же веером рассыпали его по переулку. А на асфальте пировало целое голубиное царство. Серые, чёрно-белые, си-не-жёлтые, малиновые — короче говоря, всех цветов и оттенков голуби весело толкались, как на базаре, и моментально склёвывали всё, что им бросали. В сторонке от них сидел воробышек и незаметно потюкивал не принадлежащее ему зерно. Машины в переулке замедляли ход. Зобатые птицы степенно, вперевалку расходились по сторонам.

Миша тоже купил себе стаканчик за пять копеек и, чтобы продлить удовольствие, бросал ячмень по щепотке. Голуби окружили его, вертелись у самых ног, и Миша мог схватить одного и засунуть под курточку — ведь голуби были дикие, — но вокруг толпились люди, и неизвестно, как бы они отнеслись к этому.

С этого дня Миша решил сделать у себя кормушку. За окном на железном карнизе он насыпал хлебных крошек и стал ждать. Первый гость явился тут же. Это был воробей.

Он поглядел на Мишу одним глазком — дескать, не тронешь, а? — и, схватив крошку, бросился наутёк.

Потом Миша вместе со своим приятелем Борькой устроил сетчатую ловушку. Чуть дёрнешь за верёвочку, ловушка хлоп — и птичка наша!

Сядясь к подоконнику читать книжку или делать уроки, Миша обязательно к своей ноге привязывал верёвку от ловушки. Но, конечно, он всегда отпускал пойманных птиц. Подержит, подержит в руках, покажет маме, соседям на кухне и выпустит.

Однажды на карниз уселся голубь. Не глядя на крошки, он важно прошёлся, словно капитан по капитанскому мостику. Ноги у него были четырёхпалые, нос — короткий, вздутый, с двумя чёрными щёлочками. Он был надменный, с умной шаровидной головкой и с крыльями цвета воронёной стали. Их синева отливала жемчужными красками. Но главное было другое: лапку голубя обматывала — хм, вот любопытно! — какая-то бумажка.

Миша вовремя дёрнул ногой.

Рыжеволосый Борька ворвался в комнату как по боевой тревоге. Когда ему по телефону сообщили о таинственном голубе, он притащил из дома увеличительное стекло и медицинский пинцет.

Борька осторожно пинцетом разорвал белую нитку, накрученную вокруг пушистой лапки, и развернул бумажку. Почерк в ней был аккуратный и круглый, будто принадлежал какому-нибудь отличнику учёбы. Только буква «П» была написана как печатная.

Борька долго и так и сяк вертел бумажку в руках и пристально, через лупу, изучал единственную в ней строчку:

«Прошу сообщить, кто кормит этого голубя, кроме меня».

— М-да... — наконец промолвил он. — По моим данным, это письмо загадочное. И тут, видно, дело нечистое.

— Почему? — опешив, спросил Миша.

— Видишь ли, у бумажки неровные края, и, следовательно, когда её вырывали — торопились. Значит, кто-то взывает о помощи...

Таким заявлением Миша совсем был сбит с толку.

— Подожди, — сказал он. — Эта бумажка из тетради в клеточку, и почерк тут как у школьника. Значит...

— Ваше наблюдение верное, — вдруг почему-то переходя на «вы», сказал Борька. — Но меня интересует сейчас другое: кому и зачем понадобились такие сведения о голубе? А голубь — известно ли это вам? — штука военная... А? Что скажете?

Борька прищурил свой жёлтый глаз и бросил лупу на стол.

— Нам нужны доказательства, — твёрдо сказал он.

У Миши совсем опустились руки.

— Какие доказательства? — упавшим голосом спросил он.

— Ну как — какие? Такие... — загадочно ответил Борька. — Сам должен понимать... И надо нам сейчас такой ответ написать, чтобы этого человека не вспугнуть. Ответ должен быть очень тонкий и вежливый. Пиши!

Миша взял бумажку.

— «Милостивый государь! Вашего пернатого друга кормит один ваш покорный слуга. Сообщите ваши координаты»...

— А как пишется «координаты» — два «о» или два «т»? — спросил Миша.

— Пиши два «т», а впрочем, это неважно. Это как раз и будет тонкостью в нашем письме. Мы сразу сможем установить образование этого человека.

— А может, не надо — «Милостивый государь!»?

— Нет, надо, — убеждённо ответил Борька. — Он сразу

поймёт, что имеет дело с интеллигентными людьми... Понял?

Через день Борька был снова вызван по боевой тревоге. Миша прижимал к груди знакомого голубя.

— Опять прилетел, чертяка? — изумился Борька.

— Прилетел! И бумажка опять...

— И что он повадился сюда, непонятно! А ну-ка, что тут написано?

Борька через лупу осмотрел ножку и установил, что сейчас нитка была уже не белой, а чёрной, а бумажка уже не тетрадная, а клочок газеты. Текст был странный:

«Благодарю ваше сиятельство зпт ждите дальнейших указаний тчк Координаты через два «о» сообщить пока не могу тчк».

— Ну, Мишка, дела-а! — присвистнул Борька. — Он за каких-то графов нас принял. И, видно, тут будет крупная перестрелка.

В перестрелке Мише участвовать почему-то не очень хотелось, и он решил себя подбодрить:

— Да брось ты, Борька, выдумывать. Тоже мне догадался: раз чёрная нитка — значит, перестрелка.

— Ну хорошо. А что же это, по-твоему, тогда значит «ждите дальнейших указаний» или вот эти буквы: «зпт» и «тчк»?

— По-телеграфному: запятая и точка.

— Ерунда! Телеграфом в этой записке и не пахнет. ЗПТ — это шифр и означает что-то вроде: «Запрячьте подалее тело» или: «Зайдите, пожалуйста, тотчас», а ТЧК можно так расшифровать: «Тайные чемоданы киньте».

— Уж нагородил, нагородил: и про чемоданы, и про тело! Чепуха какая-то! — решительно сказал Миша. — А вот насчёт «Зайдите, пожалуйста, тотчас» — это, может быть, и правильно. И зайти мы сможем.

— А как адрес узнать?

— Очень просто...

В этот вечер голубь не получил ни зерна, ни хлебной крошки. Миша посадил его на антресоли и поставил рядом с ним блюдечко с водой.

На следующий день с театральным биноклем — его Борька достал у мамы — друзья полезли на крышу своего пятиэтажного дома. У Миши из-за расстёгнутого воротника рубашки выглядывала голубиная головка.

Когда Борька около кирпичной трубы поднял к глазам бинокль и скомандовал: «Воздух!» — Миша подбросил голубя вверх.

Расчёт действительно был очень простой. Голубь за ночь проголодался, и, так как Мишина кормушка пуста, он полетит к неизвестному «милостивому государю».

Голубь сразу пошёл в небо, сделал крутой вираж и вдруг исчез за Мишиным домом.

— Тьфу, собака! — сказал Борька. — Он, наверно, опять к тебе сел?

— Что же делать? — спросил Миша. — В комнату побежать?

— Не надо, мы его отсюда пугнём. Ползи за мной на животе.

— Смотри, как бы нам отсюда, с пятого этажа, не закурлыкать.

— Ничего, пострахуем друг друга за ноги. Хватайся за пятку.

Друзья подползли по-пластунски по наклонной кровле к самому краю и стали отчаянно свистеть. Но голубь на них не обращал никакого внимания.

— Эй, ты! — кричал Борька. — Кому говорят!

— Давай отчаливай! — вторил Миша. — Тебе говорят или нет?

— Не сходит, гадюка, — вздохнул Борька. — Чем бы пугнуть, Мишка? А ну-ка брось в него фуражкой!

— Фуражкой? Ты что?! Она у меня новая.

— Пожалел, да?

— Конечно, пожалел. Только вчера купили.

— Ладно. А мне для дела ничего не жалко, — сказал Борька и, сняв с ноги ботинок, метнул его вниз.

Ботинок пролетел мимо голубя и хлопнулся в двух метрах от тележки с газированной водой.

— Не вышло, — вздохнул Борька и вдруг завопил: —

Эй, дядя, это мой ботинок! Куда потащил? Он у меня случайно упал!

Прохожий покачал головой и бросил ботинок к водосточной трубе.

— Теперь твоя очередь, — сказал Борька.

Миша снял с головы фуражку, оглядел её, новенькую, с лакированным козырьком, и швырнул.

Фуражка сбила голубя, он вспорхнул и всё круче и круче стал забираться в небо. Он летел над лесом телевизионных антенн, над разноцветным скопищем крыш и, казалось, не спеша выглядывал знакомое местечко. Но вот он превратился в точку, и эта точка опустилась за бульваром, за серым десятиэтажным домом.

Миша должен был одновременно смотреть и за голубем, и за валявшимся в переулке фуражкой и ботинком и поэтому самый момент голубиной посадки прозевал. Но Борька уверенно сказал: «Идём, я засек!» — и, громыхая по железной крыше, побежал к пожарной лестнице.

За десятиэтажным домом стоял дом поменьше — шестиэтажный, и когда ребята вошли во двор, они сразу увидели на четвёртом этаже на карнизе широкого окна голубиную кормушку. И в ней ходил их голубь!

— Тихо, — сказал Борька, — делай вид, что зашёл сюда случайно, и больше не смотри туда. Какое примем решение?

— Пойдём на четвёртый этаж и узнаем, кто там живёт, — отвернувшись от дома, сказал Миша.

— А если сначала повести наблюдение?

— Что ж, весь день тут будем торчать?

— И поторчим, если для дела надо. ТЧК не просто так пишется....

Однако Миша двинулся к парадному.

С затаённым дыханием они стали подниматься по лестнице. Один раз даже прижались к стене — в чьей-то квартире раздался телефонный звонок.

На четвёртом этаже на дверях, обитых чёрной клеёнкой, были наклеены заголовки газет: «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Вечерняя Москва», а слева под звонком висела табличка:

<p>Туманян — 1 звонок Гершензон — 2 звонка Сизов — 3 звонка</p>

— Кто же из них голубей гоняет? — задумчиво прошептал Миша. — Туманян или Гершензон?

— Наверно, всё-таки Сизов, — отозвался Борька. — Сизов, Сизарь, Почтарь... Понял?

В это время за дверью кто-то прошёлся и кашлянул, и ребят как ветром сдуло.

Но всё-таки уходить со двора, когда уже был найден ключ к разгадке, им не хотелось. Они уселись на деревянную оградку, окружавшую клумбу, и сделали вид, что на песке решают какую-то геометрическую задачу.

К парадному подкатил сверкающий полированными боками автомобиль, и из него в чёрных чулках вышла, видно, домработница с авоськой, набитой яблоками. Потом во дворе появился старьёвщик с мешком.

— Старьё берём! — гортанно крикнул он и, тоскливо осмотрев окна, снова повторил: — Старьё берём!

И вдруг из парадного, держа за ошейник овчарку, выскочила... девчонка. Она была в лыжных брюках и в красном свитере с белой спартаковской перекладиной на груди. Лицо у неё было худенькое, скуластое, глаза — большие и синие. Она отцепила овчарку и, заложив два пальца в рот, пронзительно свистнула вдогонку и побежала через ворота на сквер.

— Джек! Джек! — кричала она.

Мишка с Борькой переглянулись.

— Видел?! — вырвалось у Миши. — Вот кто! Помнишь листок из тетради?

И тут же все Борькины загадки, разгадки, перестрелки пошли побоку. Мише стало ясно — и как он, дурак, раньше не догадался! — что он переписывается с этой девчонкой! Она свистит в два пальца — значит, гоняет голубей!

Борька был спокоен. Он прошептал:

— Это ещё не установлено. Будущее покажет.

Но что бы ни показало будущее, Миша теперь всё понял.

Это она, вот эта стриженная под мальчишку девчонка, специально послала ему с голубем письмо.

Мише уже давно хотелось дружить с девочкой, и он представлял, что она будет как Бекки Тэчер из «Тома Сойера» — в пелеринке, в белом платье с широкой юбкой, с голубыми глазами и золотыми волосами. Но и эта, впрочем, подходила. И у неё мировая овчарка! Пусть она похожа на мальчишку, но зато спортсменка. И Борька ещё позабывает!

— Дальше здесь оставаться бесполезно. Темнеет, — заявил Борька. — Наблюдение откладывается на завтра...

Вечером Миша мечтал. Она, конечно, однажды увидела Мишу на улице и захотела с ним познакомиться. А так как на улице неудобно подходить к людям и говорить: «Давайте дружить», то она, выследив Мишу и заметив на его окне кормушку, решила начать издалека — подослать голубя. Ну что ж, это Мише очень нравится. А этот Борька — лопух. «Запрячьте подальше тело!» Придумал тоже. Татка давно уже на него поглядывает и даже в классе зовёт при всех: «Рыжик!» — а ему хоть кол на голове теши. «Будет перестрелка»!

И вдруг Миша решил написать письмо.

«Здравствуйте, — начал он. — Я знаю тебя, кто ты. Вчера ты гуляла с собакой, а я ходил рядом. Её зовут Джек, а как тебя? Ты думала, что я тебя не найду, а я нашёл. Пиши. С пионерским приветом! Миша».

Нового прилёта голубя Миша ждал уже как манны небесной. Он теперь стал по утрам гладить пионерский галстук, смачивал волосы водой и аккуратно — волос к волосу — зачёсывал их назад. А спал он, повязав голову косынкой.

И своего он добился. На уроке Татка как-то сказала, что Миша очень изменился внешне, и в лучшую сторону. Значит, и та, с овчаркой, могла бы заметить то же самое.

Миша не раз думал о том, а как всё-таки зовут эту девчонку: Катя, Соня или Вера? Ему почему-то хотелось, чтобы её звали Катя. А вот бы здорово было, если бы ехал автомобиль и с него упал бы ящик с конфетами! Миша обя-

зательно подарил бы его Кате. Ешь, не жалко... И вообще, если в вашей квартире что-нибудь испортилось... зовите меня. Я всё сделаю. Или, если хотите, дров нарублю...

Почта пришла через неделю. И как раз в тот момент, когда у Миши находился Борька. Мише не хотелось распечатывать при Борьке письмо, потому что оно было адресовано только одному ему, но Борька бесцеремонно схватил голубя за лапку, перевернул его кверху ногами и сорвал нитку.

— «Уезжаю сегодня на Кавказ тчк Убедительно прошу ваше сиятельство обязательно кормите турмана тчк», — прочёл Борька и воскликнул: — Опять эти ТЧК! Этот человек, наверно, замечает следы! Что же делать?

— А вдруг... а вдруг... она ещё не уехала? — сказал Миша. — Ведь написано: «сегодня», а сегодня-то ещё продолжается.

Борька понял друга, хотя слово «она» пропустил мимо ушей.

Когда Миша бежал к шестиэтажному дому, он сожалел только об одном: почему он раньше не послал ей своё письмо...

Двор был пустой, никто здесь с собакой не гулял. В воздухе одиноко кружил жёлтый тополиный листок.

И снова, пока ребята сидели на деревянной оградке, к парадному подкатила машина и из неё вылезла домработница в чёрных чулках. Вместо старьевщика по двору прошёлся человек в кепке — видно, водопроводчик. На плече он нёс батарею парового отопления. Всё было здесь по-старому. Разве только — к дому подкатило такси с красной крышей и в него сел какой-то смешной старик с чёрным треугольником бровей и в каракулевой кубанке. Он вынул из кармана платок, и оттуда посыпались какие-то крошки, оглядел свой дом с балконами и вот этой голубой кормушкой, взглянул на чистое небо и, высморкавшись, уселся рядом с шофёром.

Борька понял всё сразу: вот этот старик и есть тот самый «милостивый государь», который переписывался с ребятами.

А Миша подумал о своём: «Не успели!» И как узнать, надолго ли уехала Катя? Когда она вернётся? А может быть, на Кавказе она и совсем останется? И видно, никогда-никогда она уже не узнает, что Миша её всё-таки открыл, нашёл, несмотря ни на какие эти ЗПТ. И не только нашёл, но и увидел её — в лыжных брюках, и узнал, что она умеет свистеть.

Мише было очень и очень грустно. Вот познакомился с девчонкой, а она и уехала. И только голубя своего оставила...

Но тут Миша с Борькой вздрогнули от раскатистого собачьего лая. На них прыжками неслась знакомая овчарка.

— Мишка, тикай! — крикнул Борька и метнулся в парадное.

Но Мишка застыл на месте.

— Джек! Назад! — услышал он в подворотне «Катин» голос и тут же радостно поддержал её:

— Джек! Джек! Свои!

Джек действительно обнюхал Мишу как своего и кинулся к парадному, где за стеклянной дверью торчало испуганное Борькино лицо. Потом это лицо исчезло, и Миша подумал, что Борька уже несётся по лестнице на шестой этаж.

— Здравствуйте, — улыбаясь, сказал Миша проходящей мимо него девочке. — А это вы здорово придумали с голубем!

— С каким голубем? — остановилась девочка.

— Ну, с тем... который с письмами...

У девочки в недоумении вытянулось лицо.

— Ты что, с луны свалился? — улыбаясь, спросила она. — Голубями дядя Миша занимается: вот он сейчас на курорт уехал — видел? А я — нет...

— А что лучше — голуби или собаки? — вдруг, не растерявшись, спросил Миша.

— Не знаю. Я, например, люблю собак, а кошек ненавижу.

— Я тоже их ненавижу, — сказал Миша. — А ваш Джек лапу даёт? — И, не дожидаясь ответа, Миша присел на корточки со словами: — А ну-ка, Джек, дай лапу!

Джек, высунув розовый и мокрый язык, послушно подал правую лапу.

Борька, стоявший за дверью парадного, немел от удивления. Он не понимал, что происходит во дворе.

Янтарный мундштук

Родителей дома не было. Папа ещё утром ушёл на работу, а мама совсем недавно. Она ушла в библиотеку и пробудет там, наверно, долго.

Пока мама одевалась в передней, Серёжа делал вид, что усиленно занимается уроками. Он то морщил лоб, то поднимал глаза к потолку и что-то бормотал про себя, то вдруг, хлопнув рукой по лбу, облегчённо вздыхал и усердно скрипел пером.

Но только захлопнулась наружная дверь, Серёжа бросил ручку и потянулся.

Наконец-то ушла. Дома никого. Делай что хочешь!

Но Серёжа знает, что именно он будет делать. Он полезет в папин шкаф. Ух, сколько там интересных вещей! Но только почему папа не даёт посмотреть, например, на пишущую машинку? Ведь она не поломаётся. А зато как здорово выходит: ударишь пальцем по клавишу, а там буква выскакивает. И звонок есть! Как валик сильно отойдёт в сторону, так он дзинь! — нельзя дальше! И Серёжа двигает его обратно. А однажды валик застрял. Ну и пришлось же тогда помучиться! Без футляра машинку в шкаф не положишь, а футляр не надевается: валик мешает.

У Серёжи пот выступил на лбу. И нажать посильнее на валик страшно — вдруг что-нибудь там согнётся! А тут ещё телефон зазвенел.

— Серёжа, чем ты занимаешься? — спросил папа.

— Уроки делаю, — хотел было бодро сказать Серёжа, да

вышло, видно, как-то неубедительно, потому что папа снова спросил:

— А почему у тебя голос дрожит?

Но всё-таки валик на место встал.

И ничего хитрого там не было: просто нужно было на одну кнопку нажать.

А ещё у папы в шкафу спрятаны цветные карандаши и краски. Краски лучше карандашей. Они лежат в деревянной лакированной коробочке. Когда открываешь крышку, из коробки на двухэтажных полочках поднимаются все краски. Серёжа уже не раз слюнявил палец и тёр им по краскам. Палец делался или синим, или красным и смешными узорчиками отпечатывался на бумаге. Эти краски подарят Серёже, когда ему исполнится тринадцать лет.

Вот радость — три года ждать! Как будто сейчас рисовать не хочется.

Вообще папа только обещает. А чтоб сразу подарить — жалеет. Говорит, поломаешь.

А что Серёжа — маленький, что ли? Вот не поломался же бритвенный прибор, когда на него посмотрели? Не поломался. А приборчик совсем новенький и весь блестит как зеркало. Даже смотреться можно. Лицо какое-то чудное становится — длинное и тонкое, как у лошади. И машинка для точки бритв тоже Серёжина будет. Она жужжит, когда её крутишь.

Ещё папа обещал, что через десять лет подарит мундштук. Он, наверно, думает, что Серёжа курить будет. Только он ошибается.

Серёже не нравится этот горький дым. От него чихать хочется и голова болит.

Мундштук достался папе от дедушки. Серёжин дедушка был кавалеристом. В русско-японскую войну он однажды с командиром своего эскадрона выехал на разведку. По дороге они наткнулись на японцев. Их было больше, и они тоже были на конях.

Размахивая саблями и стреляя на ходу, они погнались за русскими разведчиками.

Под командиром эскадрона убило лошадь. Она с раз-

маху упала на землю и придавила командиру ногу. Японцы приближались, но дедушка не растерялся. Он помог командиру выбраться из-под убитой лошади, посадил к себе на лошадь, за спину, и рванул поводья.

Вечером на привале к костру, где сидел дедушка, подошёл командир. Он обнял дедушку, поцеловал его в губы и сказал:

— Вот, возьми на память мой мундштук. За смелость дарю.

С тех пор дедушка берёт этот мундштук, потом своему сыну, то есть Серёжиному папе, подарил. И тоже велел беречь. И совсем не обязательно из него курить. Он может и просто так лежать. Но зато у кого он будет храниться, тот всегда должен быть смелым.

Ведь не зря папа про мундштук говорил, что он ему очень дорог. А посмотреть — так чего ж тут дорогого! Был бы из золота, тогда дело другое. А то из камня, из янтаря, но всё же очень красивый, а если посмотреть на свет — такой жёлтый-жёлтый.

У толстого конца его, куда папироса вставляется, вырезаны чудные животные — не то олени, не то быки — и какая-то женщина с рыбьим хвостом, а около тоненького конца — серебряное колечко. На колечке какие-то закорючки нарисованы, а может, что и написано.

Только одна закорючка на букву «Ж» похожа, а другие, как ни читай, всё равно не разберёшь.

А всё же, наверно, приятно из него курить!

Папа вставляет в него папиросу только после обеда и когда гости приходят. Остальное время мундштук лежит в чёрненьком футлярчике в шкафу и ещё под замком. Вот как берегут его!

У папы два ордена, он с фашистами воевал. И он как-то рассказывал, что даже на войне берёт драгоценный мундштук, боялся, чтобы он как-нибудь не выпал из кармана.

Серёжа вертит в руках мундштук. Смотрит через него в окно. Красивый какой! И во рту приятно подержать, как барбариску. Барбариска с дырочкой, и мундштук с дыроч-

кой. Только он чересчур табаком пахнет, и даже на языке горечь.

Серёжа сплёвывает на пол.

Что случилось? Серёжа не верит своим глазам. Как это произошло? Он взял мундштук в рот. Во рту стало горько. Серёжа сплюнул, и... мундштук лежит на полу. Он лежит, освещённый солнцем, такой красивый, но уже короткий.

Кончика нет? Да вот он, кончик!

Серёжа тупо смотрит на мундштук, приставляет к нему кончик. Тот легко входит в серебряное колечко, но там уже не держится.

Что делать? Может быть, самому починить можно, как тогда машинку починил? Склеить его, что ли? Клея нет. Да простой клей, наверно, всё равно янтарь не возьмёт. Тут нужно особенным, а где его взять? И ведь только секунду назад всё так было хорошо. Зачем он полез в шкаф? А папа тоже хорош: раз прячет ключ от шкафа, так надо прятать, чтоб его никто не нашёл. А то положил под бумагу на письменном столе...

Что делать? Позвонить папе на работу? Маме рассказать? Ох и влетит!

Но Серёже уже не страшно, что ему попадёт. Он готов даже к тому, что его убьют. Но ему жалко до слёз янтарного мундштука.

Он вспомнил, как берёг его папа, как прочищал его ваткой, как в спирту обмывал. А ещё жалко, что в двадцать лет у него уже не будет такого подарка. Мундштук дедушка передал папе, папа в боях с ним бывал, и он не разбивался, а теперь?

«Папочка, милый, что делать? Я больше не буду лазить к тебе в шкаф!»

Дрожащими пальцами Серёжа складывает мундштук с отбитым кончиком в чёрненький футлярчик и запирает шкаф.

Солнечного апрельского дня для него больше не существовало. Он плохо обедал и всё время молчал. Мама тоже ни о чём не спрашивала. Но Серёже казалось, что она уже всё знает о разбитом мундштуке и ждёт, пока он сам

расскажет. А он не может рассказывать. Не может! И что тут говорить, если он папу расстроит? А может, лучше рассказать обо всём? Надо быть смелым, как дедушка. Вот сейчас подойти к маме и сказать: «Делайте со мной что хотите — мундштук разбил я». Пойти или не пойти?

Серёжа до вечера не находил себе места. Ребята звали играть в футбол, но он не пошёл.

А когда за окном зажглись фонари, он лёг в постель. Болела голова.

Мама положила ему на голову холодный компресс, но Серёжа снял мокрую тряпку.

Пусть болит, так и надо...

Проснулся он ночью.

Мама ходила вокруг стола и, потирая пальцами виски, взволнованно шептала:

— Не брала я мундштука, не трогала. Пойми же, кому из нас вдруг понадобился этот мундштук? Серёже? Серёжа в шкаф не полезет. Я за него ручаюсь. А если бы он заглянул туда, то сказал бы.

Нарочно поворачиваясь к стенке, Серёжа ещё раз на секунду приоткрыл глаза.

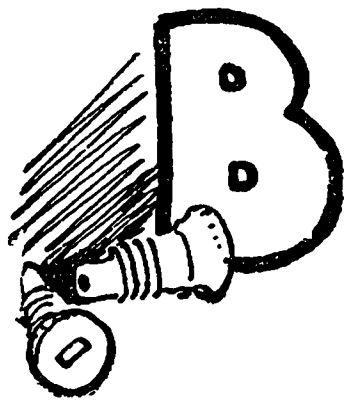
Папа сидел за столом и держал в руках разбитый мундштук.

— Да я ни на кого не сержусь,— грустно говорил он,— мундштук ведь у меня ещё на фронте разбился. Его осколком задело. В каком-то, уж не помню, городе я отдал его в мастерскую. Там на склеенное место вот это серебряное колечко положили. Только не понимаю, когда он успел опять расклеиться? Видимо, я как-нибудь неосторожно положил.

Тёплые слёзы медленно покатались у Серёжи по щекам. Он тяжело вздохнул и тихонько всхлипнул.

А мама сказала папе:

— Тише! — И, приложив палец к губам, кивнула на Серёжу: — Не разбудить бы...

Вася летел из школы на всех парах. Он бежал по зелёному бульвару, лавируя между детьми, игравшими в песочек, и десятками разноцветных колясок.

«Сдал! Сдал!» — радостно билось сердце. Вася то подскакивал, то переходил на шаг, то снова пускался вскачь. «Ух и хорошо как! Теперь денёк отдохнём, в футбол погоняем, а потом опять готовиться. Ну, литературу я не боюсь... Лермонтов родился в 1814 году, а Пушкина не любил граф Воронцов. А здорово я сегодня отвечал — даже сам не ожидал».

Вася так погрузился в приятные воспоминания о сегодняшнем экзамене, что чуть не наткнулся на водяную струю. Дворник, положив палец на шланг, поливал клумбы.

— Эй, эй, осторожней! — крикнул он. — Ты что, взбесился?

— Экзамен сдал, — ответил Вася. — Тороплюсь!

Вбежав в комнату, он бросил портфель на диван и пошёл на кухню.

— Бабушка! — громко сказал он. — Четвёрку получил!

На кухне, кроме бабушки, были и Марья Ивановна — портниха, толстая женщина в очках, и Тимофей Петрович — старый пенсионер, и Клеопатра Сергеевна — медицинская сестра, — все соседи по квартире.

— Цельную четвёрку получил! — всплеснула бабушка руками. — Да как же это ты, милый ты мой?! — Глаза у неё увлажнились и покраснели. — Отец же два раза звонил, спрашивал, как у тебя дела. Он ещё позвонит. Вот утешись его, вот порадуешь...

— Ну, бабушка, кто прав?! — сказала Марья Ивановна. — Я ведь вам говорила — не волнуйтесь, Вася не подведёт.

— Прекрасная голова! — сказала Клеопатра Сергеевна, взглянув на Васю. — Хочешь, Вася, блинчика на диетических яйцах?

Тимофей Петрович вынул ложку из кастрюли, подул на неё, что-то попробовал, потом сказал:

— А ну-ка, покажи дневник!

— Дневников ещё не давали,— сказал Вася.— Их после экзаменов дадут. А не верите, вот честное слово, четвёрка!

— А какие вопросы попались? — Тимофей Петрович взял в руки картошку и кончиком ножа начал с хрустом вырезать из неё чёрные точки.

— Трудные, по электричеству,— вздохнул Вася.— Колька Чугунов завалился бы на них. Он и на свои-то еле-еле на тройку ответил. А за мои вопросы мне пятёрку надо было бы поставить. Но это уж Алексей Фёдорович... придрался... Подумаешь, я ему там на приборе лампочки параллельно не включил. А я это электричество назубок знаю. Хотите, спрашивайте вот!

— Ну что ты,— сказал Тимофей Петрович.— Нешто я всю теорию помню? Учил когда-то, а теперь забыл. Вот пробки или твоей бабушке, например, утюг починить — она мне сегодня говорила — это починю, а насчёт теории, так сказать, слаб... — Он щёлкнул Васю по голове.— А ты молодец, нечего сказать, молодец...

После обеда Вася хотел пойти погулять, но, взглянув в окно, увидел, что на дворе никого не было. Видно, все ребята готовились к экзаменам.

Эх, экзамены, кто их придумал! Кругом весна, тепло, а тут сиди готовься день и ночь и дрожи от страха. А надо бы так — на честность действовать. Вот вызывает, например, тебя учитель к доске и только одно спрашивает: «Знаешь предмет?» А ты по-честному должен ответить: «Знаю!» А потом учитель снова спрашивает: «А на сколько знаешь?» И ты сам себе должен подсказать отметку: тройку, четвёрку или пятёрку. Только по-честному. А кто не знает предмета, тот не приходит на экзамен. Вот и весь разговор. Хорошо и просто.

Посидев на подоконнике, пока не смерклось, Вася зажжёт в комнате свет и сел читать.

— Бабушка,— вдруг сказал он, отрываясь от книги,— давай я тебе утюг починю.

— Да что ты, не надо,— сказала бабушка.— Тимофей Петрович сделает. Испортишь ещё...

— Кто? Я испорчу?! Что ты, бабушка, понимаешь? Утюг починить — раз чихнуть! Мы его на уроке разбирали...

Вася говорил правду. На уроке физики учитель Алексей Фёдорович однажды показывал ребятам, как надо разбирать и чинить электроприборы. Помнится, у него на столе стояли утюг, чайник и электрочудо для выпечки пирогов. Ребята окружили Алексея Фёдоровича, а Вася с Колей Чугуновым сели себе потихоньку в уголок и начали рассказывать друг другу страшные истории. Правда, Алексей Фёдорович тогда заметил: «Вася, лучше всё-таки, если бы вы к столу подошли, посмотрели бы, как что надо делать. Пригодится в жизни», — но у ребят были свои соображения: стоило ли смотреть на электроприборы, когда про них в книжке всё написано?

Вася включил утюг, чтобы ещё раз проверить, действительно ли он не нагревается, потом начал разбирать.

— Ты бы уж не трогал его,— взволнованно ходила бабушка вокруг стола.— А то как шибанёт электричеством...

— Не шибанёт. А шибанёт — не страшно,— говорил Вася, снимая с утюга крышку.— Тут напряжение всего сто двадцать семь вольт. Вот видишь, эта проволочка называется сопротивлением. Она-то и нагревает утюг. А количество теплоты, выделенное током, пропорционально квадрату силы тока, сопротивлению проводника и времени. Это закон Джоуля — Ленца... Так... посмотрим дальше...

Утюг внутри был в полной исправности. Вася навинтил крышку и задумался. Отчего бы это он не нагревается?

И вдруг, осматривая фарфоровые чашечки, он заметил, что в одной из них слабо держался провод. Он потянул за него, и провод выскочил из чашечки.

— Видишь,— сказал Вася,— контакт плохой...

И второй конец провода, когда потянули за него, выскочил из чашечки.

— Подержи-ка,— сказал Вася бабушке и протянул ей два провода.— Не бойся, сейчас сделаем.

Бабушка взялась за два провода и вдруг, закатив глаза, побледнела и затряслась. Шнур выпал из рук.

— Что ты со мной, чертёнок, делаешь? — еле слышно проговорила бабушка.

— Ну зачем же ты берёшься за оголённое место? — сказал Вася, глядя на бабушку, которая держалась за сердце. — Вот тут надо брать...

Он смело взял два провода, и вдруг — треск! В руках у него что-то ослепительно вспыхнуло, и в комнате потух свет.

Секунду спустя бабушка тихо спросила:

— Васенька, жив, голубчик?

— Жив, жив, — прохрипел Вася. — Это ерунда, короткое замыкание. Я вилку позабыл из штепселя выдернуть.

И сразу в коридоре захлопали двери, послышались голоса.

— У вас тоже погасло? — спросила Марья Ивановна.

— Погасло, — ответила Клеопатра Сергеевна. — Постучите Тимофею Петровичу...

Послышался стук в соседнюю комнату, а за ним шёпот:

— Тимофей Петрович, а Тимофей Петрович, погасло...

Никто не откликнулся.

— Спит, — сказала Марья Ивановна. — Надо электро-монтёра.

— Подождите, — вдруг сказала Клеопатра Сергеевна. — Зачем электро-монтёра? У нас ведь Вася электричество сдал. — И громко позвала: — Вася, иди сюда!

На лестничной площадке свет тоже не горел. Расставив деревянную стремянку, Вася со свечой в руках стал осматривать пробки. Собственно говоря, он не знал, что тут надо было делать. А что-то делать всё-таки надо было. Стремянку поддерживали бабушка, Клеопатра Сергеевна и Марья Ивановна.

— Предохранитель баббитовый сгорел, — сказал Вася, вспомнив, что о таких предохранителях писалось в книжке по физике.

— Предохранитель сгорел, — пояснила бабушка соседям.

— Контакт отсутствует, — сообщил Вася. — Переменного тока нет.

— Контакта нет,— опять пояснила бабушка.— Он у меня всё понимает. И про закон какой-то говорил, и чуть не убил...

Долго возился Вася с пробками. Он их то вывинчивал, то ввинчивал обратно — на распределительном щитке пробок было много,— а свет в квартире не зажигался. Наконец, когда с четвёртого этажа кто-то закричал: «Кто там, чёрт вас дерит, с пробками балуется?» — Вася слез со стремянки.

— Тут, наверно, что-нибудь с трансформаторной будкой не в порядке,— сказал он.— Я бы посмотрел её, да не имею права. Надо электромонтёра звать. Я схожу.

Электромонтёра дома не оказалось. Жена сказала, что он придёт часов в двенадцать ночи.

«Вот опозорился,— подумал про себя Вася,— и целый вечер в темноте сидеть».

Но когда Вася вошёл к себе в подъезд, на лестнице уже горел свет. Вася кинулся наверх. Кто бы это мог починить?

На площадке перед квартирой никого не было, и также не было деревянной стремянки. Вася влетел в комнату:

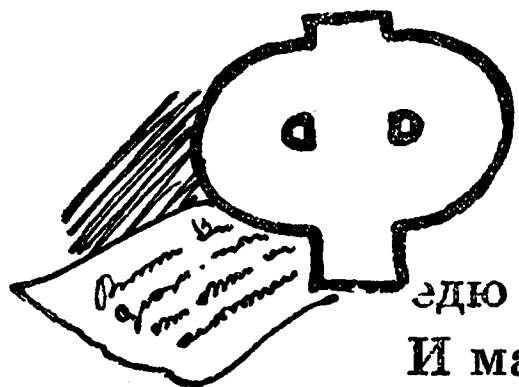
— Бабушка, кто починил?

— Да кто, кто... Тимофей Петрович, вот кто,— ответила бабушка хмуро.— Он, оказывается, и не спал, хотел посмотреть, как ты справишься, а ты...— И бабушка махнула рукой.

В это время позвонил по телефону папа:

— Вася, что по физике получил?

— Четвёрку! — сказал Вася, но прежней радости в его голосе уже не было.

Записка

Клудю Зайцева с позором выгнали с урока. И мало того — выгнали, Клавдия Сергеевна ещё написала записку отцу: «Уважаемый товарищ Зайцев, прошу обратить внимание на поведение Вашего сына.

За последнее время Федя очень разболтался: на уроках подсказывает, много разговаривает со своей соседкой, а сегодня пытался кукарекать из-под парты».

— Покажешь эту записку папе,— сказала Клавдия Сергеевна,— и пускай он на ней распишется. Понял?

— Понял,— угрюмо ответил Федя и стал собирать книжки. «Ох и вредная у нас учительница!» — подумал он.

Но кто его дёрнул кукарекать? Сидел бы себе спокойно, и от отца бы не влетело. А теперь пойдешь ему со страшной запиской. Отец такой выговор закатит — не обрадуешься. И во всём виновата Софка. Это она всё подбивала: «А ну-ка, Федя, кукарекни! Все мальчишки должны быть смелыми». Ну, Федя и показал себя. Софка-то осталась в классе, а он... ох и жизнь пошла!

Вообще эта Софка была какая-то странная девчонка. Федя сидел на задней парте один, а Софка взяла переложилась к нему свой портфель и заявила: «Мне отсюда лучше на доску смотреть. Я дальноркая. Теперь будем вместе».

Федя хотел было взбунтоваться, но, увидев, что у Софки на руке настоящие часы, смирился. С часами хорошо сидеть, можно в любое время узнать, сколько минут остаётся до конца урока.

Ну и с тех пор у них и пошло: что ни урок — то сплошные разговоры с Софкой и сплошные замечания от учителей.

Отец у Феди работал мастером на заводе. Человек он был строгий, молчаливый. А если уж скажет слово, как топором отрубит. Всё будет по-отцовскому. Например, запретил он Феде два дня выходить на улицу за то, что Федя сказал бабушке, что она разбирается в пионерских делах, как свинья в апельсине,— и Федя сидел дома как миленький. Или вот другой случай: Федя взял на своём велосипеде да и стал выделывать разные фокусы: управлять ногами, ездить задом наперёд, и врезался в дерево. На колесе образовалась «восьмёрка», руль был свёрнут, а рама поцарапана. Отец посмотрел на велосипед и сказал: «Хватит! Раз не умеешь беречь вещь, не будешь кататься целый месяц». И всё было, как сказал: Федя не катался ровно тридцать один день.

А какое наказание отец теперь выдумает — неизвестно.

Да, впрочем, не так было страшно для Феди наказание, как мысль о том, что отец опять разволнуется и у него будет болеть сердце. Ему врачи давно запретили волноваться, и дома, например, мама всегда создаёт для него покой. И Федя отца бережёт: не топает ногами в комнате, не поёт, а Вовку-соседа бьёт только на улице. А сегодня он не удержался — сорвался.

Федя бродил по улице после школы и долго раздумывал, идти ли домой или не идти. Может быть, сесть на какой-нибудь поезд и уехать на целинные земли? Или вот неплохо было бы, если бы его легонько сбил автобус. Ударил бы крылом не сильно, и Федя пролежал бы дома дней десять, и всё бы забылось: и его кукареканье и записка. А к нему могла бы приходиться Софа с конфетами и печеньем, каким она всегда его угощала на уроках.

Но когда уже начало смеркаться, Федя решил, что лучше всё-таки не сталкиваться с автобусом, и пошёл к своему переулку.

Дома мамы не было, и Федя, съев холодный обед — это его пускай девчонки разогревают, а он не хозяйка! — уселся за телевизор. Но мысли о записке не давали ему покоя. Показать ли её папе или не показать? А вдруг отец разволнуется, с ним опять плохо будет?

«Ну, Софка, погоди, я тебе тоже что-нибудь подстрою!»

А что, если пойти и отлупить Софку? Раз с ним произошло такое несчастье, пускай она тоже поплачет.

Сказано — сделано. Федя быстро оделся. Девочка жила через переулок. Он поднялся к ней на второй этаж и позвонил.

— Федя, это ты? — сказала Софина мама, маленькая черноволосая женщина, открывая дверь. — А Софы нет дома. Что ей передать?

— Скажите, что я приходил... по делам.

— А может быть, ты её в комнате подождёшь, если что-нибудь важное?..

— Нет, спасибо, — ответил Федя, а сам решил, что дожждётся Софку у парадного.

Он вышел на улицу и вдруг увидел, что навстречу идёт Софка. Она шла, размахивая чёрной папкой с ногами, и гнала, как мячик, перед собой консервную банку.

— Софка, стой! — Федя схватил её за рукав и наступил на банку ногой. — Ты что меня подговаривала, чтобы я кукарекал?

— Ничего, отдай банку.

— Банку... А вот как я тебе дам сейчас, тогда будешь знать.

— Ха, подумаешь, какой храбрец нашёлся: на девчонках силу пробовать! Да мало ли что я тебе скажу! Вот бросься с десятого этажа — ты бросишься, да?

— С десятого не прыгну, а со второго могу.

— Ну вот прыгни!

— Ты мне зубы не заговаривай! Нашла дурачка, я пойду прыгать, а ты — домой?

И Федя что есть силы дёрнул её за рукав. Потом он хотел стукнуть Софку по голове, размахнулся, но тут она вывернулась, и Федя, стоявший одной ногой на банке, чуть-чуть не шлёпнулся на землю. Девочка понеслась к дому. Федя растерялся, а когда сообразил, что надо догонять её, Софка уже была у своей двери.

Дела были совсем плохи. Теперь Софка со зла разболтает, что он получил записку, а её мама возьмёт да и позвонит Фединой маме — и тогда каюк!

Федя побежал к себе домой в надежде, что его мама не пришла с работы и он сможет выключить телефон. Но когда он подошёл к своей двери, он почувствовал, что на их лестничной площадке пахнет чем-то жареным.

Мама хлопотала на кухне. Увидев Федю, она его поцеловала, потрепала волосы и весело спросила:

— Ну, как дела?

— Ничего! — нарочито бодрым голосом ответил Федя, а про себя добавил: «Ничего хорошего!»

С горя он пошёл в чуланчик и принялся проявлять собственные фотографии. Вчера было воскресенье, и Федя снимал папу и маму на фоне стоявшей в переулке чужой «Волги».

Но в чуланчике также не повезло. Федя засветил плёнку и облил себя проявителем. На белой рубашке появились коричневые пятна. Федя опять разозлился на Софку. Она во всём виновата! Но тут пришёл контролёр из газовой конторы и попросил маму расписаться в своей книжке.

— Федя, у тебя есть карандаш? — спросила мама.

— Есть! — крикнул Федя из чулана. — Возьми в моём портфеле!

Мама расписалась. Но как только контролёр ушёл, она немедленно позвала сына в комнату.

— Что это значит? — спросила она. В руках у неё была записка от Клавдии Сергеевны.

Вот чёрт дёрнул Федю сказать, что у него есть карандаш в портфеле!

— Да так... — сказал Федя, — нам всем такие написали.

Мама прочла записку один раз, потом второй и вдруг тихо сказала:

— И ты считаешь это — ничего особенного?

— Ну, мама, ведь сама-то учительница не ругает меня, а просто сообщает о моём поведении. Так что ж тут такого!..

— Это безобразие, Фёдор! — повысила мама голос. — Мы с папой вдвоём трудимся, ничего для тебя не жалеем, а ты?! Ну погоди, придёт папа...

— Мама, — тихо сказал Федя, — я тебя очень прошу — не говори папе.

— А ты почему себя так ведёшь? Почему?

У Феди тряслись коленки — вот докукарекался!

Мама ещё долго кричала, а потом хлопнула дверью — ушла на кухню.

И вскоре пришёл отец. Федя слышал, как он, моя руки на кухне, разговаривал с мамой. Но она о записке пока не говорила. «Наверно, скажет после обеда, чтобы аппетита не портить», — подумал Федя. Он принялся за уроки. Но, конечно, ни одна задачка ему не шла в голову. Он всё время ловил обрывки разговоров отца с матерью. Однако мать ни слова о записке.

И вдруг раздался телефонный звонок. Папа подошёл к аппарату.

— Да, это я,— сказал он.— А что такое, Софа? Я тебя слушаю.

Федя быстро-быстро побежал в переднюю и хотел улизнуть на улицу, но здесь его задержала мама.

— Куда пошёл — гулять? Сиди дома! — строго сказала она.

— Не может быть! — продолжал свой разговор папа с Софой.— И его выгнали?!

Расплата приближалась. И как Федя эту Софу ещё раньше не пристукнул?!

Отец, закончив разговор, положил трубку и хмуро посмотрел на Федю:

— Где записка?

Федя принёс свой «камень». Отец прочитал записку, вынул из верхнего кармана пиджака тонко очиненный карандаш и быстро расписался на ней. Потом он медленно погладил себя рукой по сердцу.

— Ну что? — тихо спросил он.— Взгреть?

— Как хочешь,— ответил Федя, отводя взгляд в сторону.

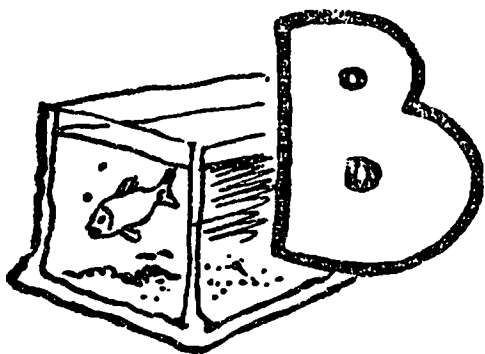
— Ты сегодня приходил к Софе?

— Приходил.

— И вы действительно договорились о том, что с завтрашнего дня будете хорошо себя вести? Был такой разговор?

Федя хотел сказать: «Был», но потом, решив быть до конца честным, сказал:

— Нет, папа... Но завтра будет!

Золотая рыбка

детстве я частенько слышал, как мама говорила отцу:

— И что ты за человек! Ну ладно, я понимаю — ты занят, ни в кино, ни в театр не ходишь. Но хоть бы один раз

догадался принести мне что-нибудь хорошее: ну, духи, что ли. Мне и самой нетрудно купить, но так хочется, чтобы ты подарил...

Отец преподавал в педагогическом институте географию. Дома, как мне казалось, он читал всегда одну и ту же толстую книгу. Он поднимал широкое доброе лицо, хватался за курчавые чёрные волосы и, глядя перед собой, шептал:

— Ой, убегу когда-нибудь на Мадагаскар! Убегу!

— Ну и беги,— отвечала мама.— Может быть, ты там перевоспитаешься.

Но однажды он пришёл домой сияющий и довольный.

— Ну-с, теперь, кажется, в точку попал. Вынимай! — сказал он и протянул маме портфель.— Ленты, кружева, ботинки — что угодно для души...

Мама радостно поцеловала отца, зачем-то подняла меня на руки и, покружив на месте, нараспев сказала:

— Посмотрим! Посмотрим, что наш папка принёс!

Она осторожно положила портфель на стол и раскрыла его.

— И зачем ты это принёс? — ужаснулась мама.— На что мне тройной одеколон? Бреюсь я, что ли? Ребёнок какой-то...

В глазах у неё заблестели слёзы, пузатая бутылка тройного одеколona дрожала в её руках и жалобно булькала.

Мне стало очень жалко маму.

Тогда я понял, что мы с отцом найдём общий язык. Он ребёнок, как сказала мама, и я ребёнок. И я стал к нему приставать:

— Пап, купи мне золотую рыбку, а? Мне уже не хочется с Козьмой Прутковичем играть. Он царапается...

Пушистый толстый кот Козьма Пруткович, как его называл отец, был игривый и хитрый. Садись завтракать — он первый вспрыгивал на стул и лапкой пытался зацепить бутерброд. На угрозы шипел как змея и опять тянулся. И вообще он казался мне таинственным. В тёмных углах под кроватями и шкафами у него были какие-то свои дела, он настороженно заглядывал в щёлки и мяукал, будто вызывал кого-то из-под пола.

Однажды я собственным ключиком открыл буфет и попробовал немного печенья и конфет. Но вечером мама подошла прямо ко мне:

— Слушай, ты опять съел полкило конфет? Неужели мне придётся ставить французский замок?!

— Я не лазил в буфет,— ответил я.— Кто тебе сказал?

— Ах ты лгунишка! — возмутилась мама.— И тебе не стыдно отпираться? Мне кот об этом сказал!

— Кто-о?! — удивился я.

— Твой приятель — вот кто!

И тут я вспомнил, что кот действительно тёрся около ног и даже выпросил одну половинку, когда я сосал конфеты. Как он разговаривает по-челсвечьи, я не слыхал ни разу, но тогда подумал: а не злой ли это колдун, превратившийся в кота? Глаза у него в темноте горели холодным зелёным пламенем, и он, не выходя на улицу, мог часами сидеть в форточке на тоненькой перекладинке.

Кроме царапин на лице и руках, особенных неприятностей, как колдун, он мне не делал, и я на него не обижался. Но, попросив о рыбке, я задумал другое.

Из сказок Пушкина, которые читала мама, мне больше всего нравилась «Сказка о рыбаке и рыбке». И особенно то место, где рыбка вдруг начинает разговаривать:

Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь...

Я знал, что золотая рыбка — не простая рыбка. И появившись она в комнате, и будь я её хозяином, мама бы каждый день получала подарки.

— Рыбку купить? Это ещё что за новости! — удивлённо спрашивал отец.— Мать просит, сын просит — куда мне деваться? А вдруг я тебе щуку или судака принесу?

— Не...— говорил я, щёлкая языком,— мне золотую надо.

— Ну что ж, как-нибудь куплю,— наконец согласился он.— Только зачем она тебе?

— Пригодится...— ответил я уклончиво.— И даже ты обрадуешься.

Отец всегда обещал мне многое: и сходить со мной в Планетарий, и покатать на лодке в парке, и показать своего приятеля с пятью орденами. Наступал выходной день, отец завтракал и, ни слова мне не говоря, уходил в свою комнату. Когда я напоминал о его обещаниях, он отвечал: «Я сейчас... Мы уже идём» — и снова продолжал сидеть часов до четырёх. Потом за окном темнело, и идти куда-нибудь было уже поздно. Через щёлку дверей я видел, как он что-то писал или читал толстую книгу.

Я очень расстраивался, иногда плакал. Мама успокаивала:

— Ты бы уж лучше его не тревожил. Отец трудится над диссертацией, а ты ему можешь помешать.

Тут я думал, что и мама меня обманывает.

Я вспоминал слова одного доктора: «Три раза в день по десертной ложке...» — и мне было совсем непонятно, зачем вдруг отцу понадобилось изобретать какую-то новую ложку.

— «Трудится»! Всё сидит с утра до ночи,— недовольно говорил я маме.— Так и в Планетарий никогда не сходишь.

Но из-за того, что мне нестерпимо захотелось иметь золотую рыбку, я настойчиво мешал отцу читать. И вот в один из ближайших выходных дней, захватив стеклянную банку, он пошёл со мной в зоомагазин.

Сначала мы осмотрели зоомагазин. В высоких полукруглых клетках, вделанных прямо в стену, порхали синицы, чижи, канарейки. Продавщица в синем халате, принимая чек, серьёзно спрашивала:

— Вам какой сорт птицы — второй или первый?

И сачком, как для бабочек, всунувшись наполовину в клетку, ловила попку. Если у покупателей не было клетки, они зажимали птичку в кулак — из кулака торчала головка, очень похожая на человечью,— и, поднеся её ко рту, почему-то обязательно поили слюною. Потом засовывали птичку в карман и уходили.

Кудахтали куры... В одной из нижних клеток, будто после сытного обеда, важно крякала утка.

Мы с отцом подошли к ней. Крякать она почему-то перестала. Глядела на нас чёрными бусинками и красной лапкой, похожей на кленовый лист, почёсывала голову и молчала.

Тогда мы стали крякать, чтобы вызвать её на ответный разговор. И крякали, наверно, с полчаса, пока утка не повернулась к нам хвостом.

Рыбы в магазине почти все были золотыми. Высокая стена до самого потолка ступенями была уставлена широкими аквариумами с гранями из выпуклых ракушек. Вода в них была зелёной. От невидимых лампочек она искрилась, и со дна — так было устроено, — как жемчужины, всплывали пузырьки воздуха. Водоросли около них медленно шевелились.

Домой я торжественно нёс маленький, грубо выкрашенный аквариум. У отца в руках была стеклянная банка с золотой рыбкой. Из банки выплёскивалась вода, и отец плотно прикрыл её ладонью. Я боялся, что рыбка может задохнуться.

— Ну и представления же у тебя! — качал головой отец. — Она на воздухе жить не может, а в воде она... как рыба в воде.

Дома мы насыпали в аквариум песку и налили тёплой воды.

Целыми днями я сидел на подоконнике и наблюдал за рыбкой.

В своей стеклянной комнате, то всплывая за кормом, то плавниками взбивая песок, она чувствовала себя как в Си-нем море. Освещённая осенним солнцем, она казалась мне живым золотом, и, как ни тянуло похвастаться, я боялся показать её своим приятелям.

Мы дружили с рыбкой. В аквариум я спустил деревянный домик. Иногда она вплывала туда через дверь, а выплывала через окно.

Я рисовал в уме, что там уже живут рыбы дети и за маленьким столом на крошечных тарелочках они едят то, что

им приносит мать. А гулять она их не пускает, потому что на улице холодно.

Когда я стучал пальцами по стеклу, как меня научил отец, рыбка, виляя хвостом, подплывала и часто разевала рот. Казалось, что хотела открыть мне какую-то великую тайну. А что это была за тайна, я уже догадывался.

Однажды, когда дома никого не было, я осторожно вытащил рыбку из воды. Скользя и холодненькая, она затрепетала в кулаке и начала часто-часто раскрывать ротик.

«Говорит!» — обрадовался я и поднёс её к уху. Тут я услышал звук, будто лопались пузырьки воздуха, а за ним тихие, но разборчивые слова: «Проси у меня что хочешь! Всё тебе будет!»

— Ладно, давай! — шепнул я рыбке и отпустил её.

В воде она быстро заметалась из стороны в сторону, и я был уверен, что это она радовалась происшедшему разговору. До этого дня я ни о чём не просил её, потому что ждал, когда она перетянет из магазина всех своих волшебных помощников.

Вечером отец сидел за столом и, отхлёбывая из стакана чай, просматривал газету. Тоненькая ложечка в стакане изредка вздрагивала и звенела. Мамы дома не было. Она понесла больной соседке жареные гренки. Я подошёл к аквариуму и, осторожно постучав рыбке, тихо сказал:

— Рыбка, рыбка, подари маме настоящие духи! Только, чур, не подводить!

И лёг спать.

На следующий день шёл снег. Отец вернулся с работы весь облепленный снегом, и мама в передней помогала ему снять пальто. Она встряхнула его и, услышав, как что-то звякнуло, засунула руку в карман.

— Что это такое? — изумлённо спросила она, извлекая маленький флакончик.

— «Крымская роза»! — торжественно улыбнулся отец. — Тебе принёс!

— Кому? — переспросила мама.

— Тебе!

— Честное слово?! А почему сразу не сказал?

— Ну что за разговоры... — чуть не обиделся отец.

— Тебе, тебе! — поддержал я отца. — Ещё и не то будет!

На мои слова она не обратила никакого внимания. Прищурившись, ещё раз посмотрела на отца, потом рассмеялась и поставила флакончик на свой столик. Духи приятно пахли, и запах чем-то напоминал мне зелёную полянку на даче. Я несколько раз с гордостью подходил их нюхать, пока не запретила мама. Видно, боялась, что разобью.

Проходя вечером мимо аквариума, я заметил, что к нему была прикреплена какая-то бумажка. На ней было что-то написано. «Письмо от рыбки!» — догадался я и, незаметно сняв его, отправился к больной соседке. Тётя Феня мне прочла:

— «Шатар-бахар-кужуй. Слушайся маму и во всём ей помогай. Трудись!» Что это значит? — спросила она, отдавая мне письмо.

— А ничего... такого... — равнодушно ответил я, боясь, чтобы тётя Феня не запомнила волшебное слово.

Я вернулся домой и стал стряхивать со стола хлебные крошки, потом отнёс на кухню две глубокие тарелки. Перед сном я сам постелил постель и впервые без маминой помощи умылся. Надев ночную рубашку, я снова постучал рыбке:

— Шатар-бахар-кужуй. Рыбка, купи мне велосипед, такой, как у Лёвки! А за маму тебе спасибо!

Просыпался я поздно, часов в десять утра. Протирал глаза, вспоминал сны и обдумывал своё будущее. Отец уже был на работе, мама на кухне варила обед.

В то утро я особенно долго тёр глаза и даже дёргал себя за волосы: возле моей кровати стоял блестящий трёхколёсный велосипед!

«И как получается здорово: не успеешь сказать, а она уже и — готово! — приносит, — раздумывал я, ощупывая никелированный звонок. — Вот так чудеса! Только, видно, надо трудиться!»

На велосипеде, отчаянно теребя звонок, я катался до полудня. А пришло время кормить рыбку, я ей высыпал почти весь корм.

— Откуда у тебя велосипед? — спрашивала мама.

— Ха-ха! — отвечал я, поглядывая на аквариум. — Ещё и не то будет!

После ужина я было опять полез на подоконник, но тут меня отозвал отец и шёпотом сказал:

— Ты опять к рыбке? Не надо, не проси у неё пока ничего. Пускай она немножко отдохнёт.

И я послушался отца. Действительно, такой маленькой рыбке, наверно, очень трудно было нести из магазина велосипед.

Я подолгу гулял на дворе: катался на лыжах, лепил снежную бабу. Рыбка без меня явно скучала, и я решил познакомиться её с Козьмой Прутковичем. Кот и раньше вспрыгивал на подоконник, но, получив однажды хороший нагоняй от отца, только издали любовался сверкающей в аквариуме золотой рыбкой.

Новым знакомством, как мне показалось, кот остался доволен. Когда я посадил его около аквариума, глаза его сделались большими, как у куклы, он мяукнул и нетерпеливо переступил с лапки на лапку.

С тех пор стоило мне остаться дома одному, кот без опаски лез на подоконник.

Однажды я вернулся и не увидел в аквариуме золотой рыбки. На полу спиной ко мне сидел Козьма Пруткович и, потряхивая головой, что-то жадно жевал. Я испуганно подскочил к нему и схватил за шиворот: изо рта его торчал золотой хвостик.

Я ударил кота и, дрожа от волнения, сунул руку в аквариум. Может, там что-нибудь осталось?

Но в деревянном домике не оказалось ни маленького столика, ни рыбьих деток...

И прямо в пальто, не развязывая шарфа, не снимая шапки, я упал на пол и заплакал.

Злой колдун! Злой колдун! А я хотел попросить, чтобы рыбка свезла нас на Синее море, чтобы Лёвка не отнимал у меня лыжи... Мне хотелось ружьё, самолёт для будущих геройских подвигов. А теперь всё это было съедено!

В это время, красный с мороза, в комнату вошёл отец.

— Папа! — закричал я и показал на ладони золотой хвостик.— Рыбка моя... кот... убей колдуна! Пожалуйста!
Отбросив портфель, отец взволнованно присел около меня.

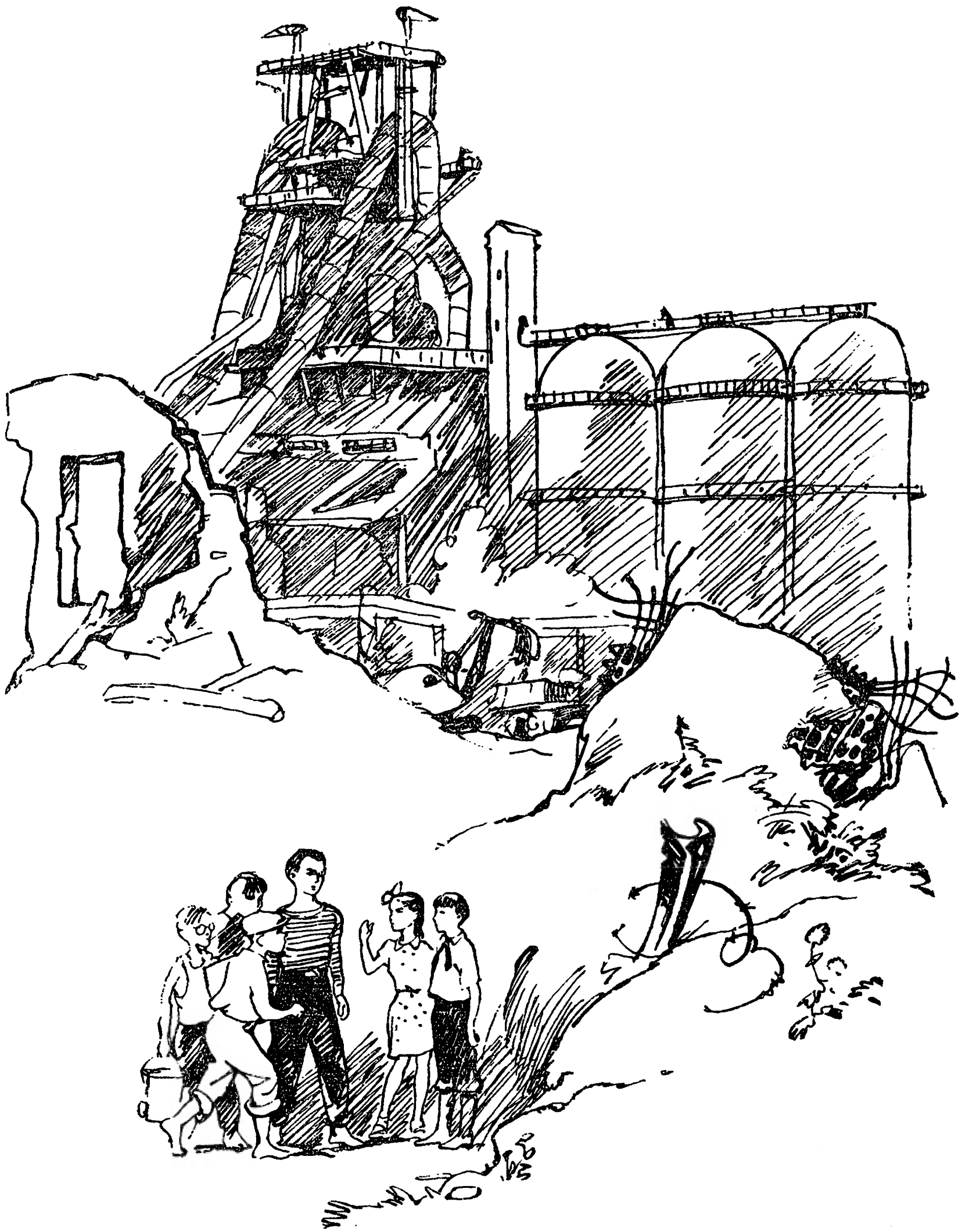
— Ну что ты, маленький? Перестань, ведь это пустяки...

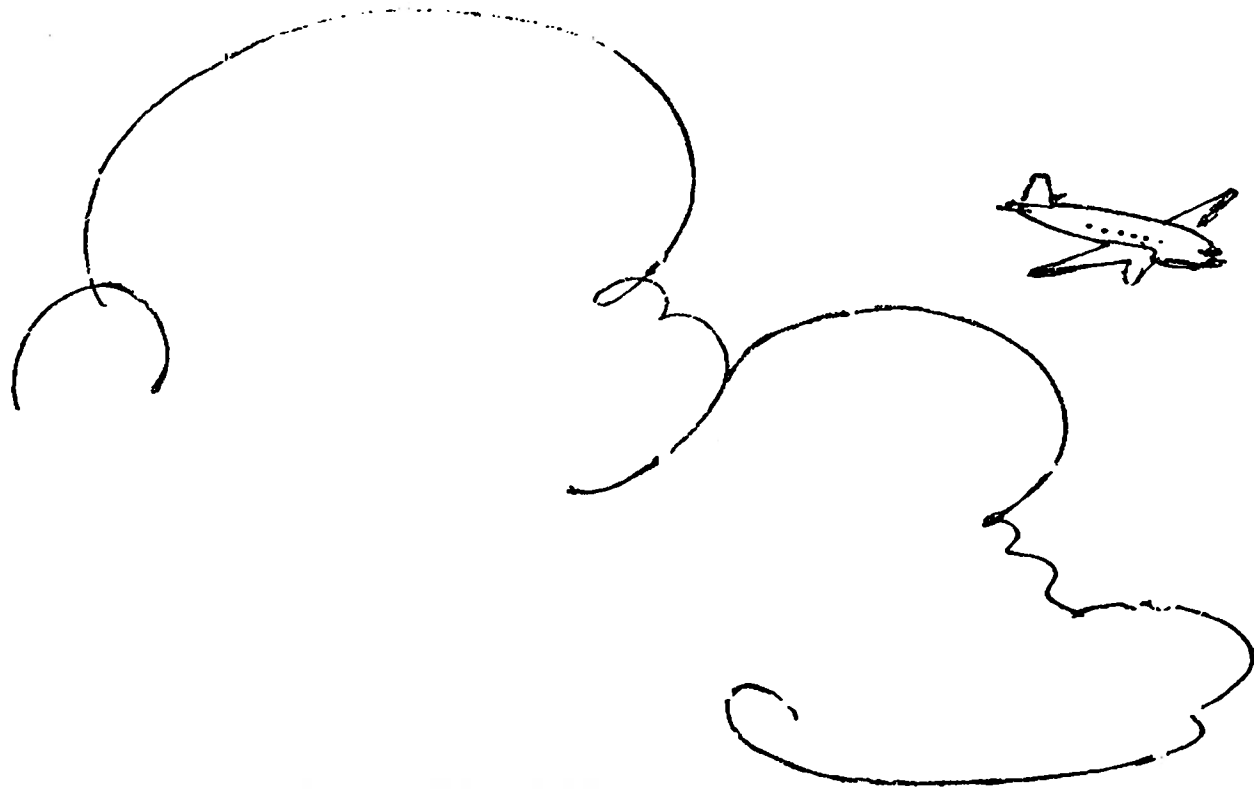
— На Синее море хотел...— всхлипывал я.— Ружьё... подарков...

— Ах, ты вот о чём! — Отец закусил губу, глаза его сделались задумчивыми.— Да, братец, это, конечно, большая потеря. Сочувствую. Но, знаешь, мне думается, что и этот золотой хвостик может тебе кое в чём помочь...

Отец не ошибся. Золотой хвостик, несмотря на то что мы его выкинули, продолжал приносить мне подарки ко дню рождения и устраивать ёлки. А однажды летом мы поехали на Синее море. Там, выходя на пляж, я долго кликал золотую рыбку, но она не подплывала ко мне...

И только много-много лет спустя я понял, что золотой рыбкой был отец — его любовь, его труд.

ОГНЕННЫЙ РУЧЕЙ

П О В Е С Т Ъ

Глава I

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СООБЩЕНИЕ

Андрюша прибежал к Серёже часов в семь вечера. Козырёк кепки у него был свёрнут на ухо, клетчатая рубашка выбивалась из штанов, а воротник был застёгнут не на ту пуговицу. У Андрюши бегали глаза, он тяжело дышал. На лбу, покрытом спутавшимися чёрными волосами, и на носу блестели капельки пота.

Когда он бежал, то очень волновался: дома ли Серёжка? В эту минуту его приятель был необходим как никогда. Они всё делили пополам: и радости и горести. И, пожалуй, Серёжа, как никто из друзей, мог для Андрюши найти то верное слово, после которого на сердце становится очень светло и радостно. Бывало, Андрюшу выгоняли с урока в коридор, — Серёжка просил учителя выгнать и его, потому что и он виноват в разговорах. Когда Андрюша, поспорившись дома с мамой, убегал от её веника, то первым делом он всегда мчался к Серёжке — прятаться в тёмный

чулан. И Серёжка в ответ на мамин вопрос: «Где мой сын?» — умел очень хорошо строить невинные глазки.

Открыв дверь, Серёжа растерялся. За Андрюшкой, вероятно, была погоня, или дома с ним стряслось что-то необыкновенное.

— Ты что? Бегут за тобой, да? — испуганно спросил Серёжа и поспешно захлопнул входную дверь.

— Нет... не бегут... — задыхаясь, ответил Андрюша. — А ты что делаешь?

— Мясорубку на кухне кручу. Мама попросила. А что?

— Дело есть... Я...

Не успел Андрюша и слова дальше сказать, как Серёжа, поглядев в коридор — не слышит ли кто, — потащил его за рукав в ванную комнату. Здесь он быстро запер дверь на крючок и отвернул кран. В ванну с шумом хлынула вода.

— Ну, говори. Нас не услышат.

— Подожди... Да что ты меня сюда затащил? — сказал Андрюша, утирая пот с лица. — Ух, бежал здорово! Еле вырвался. Я знаешь зачем к тебе прибежал?

— Зачем?

— Прощаться, вот зачем!

Лицо у Серёжи вытянулось.

— Ты что, заговариваешься? Утром по телефону ничего не говорил, червей собирались завтра для рыбалки копать, а сейчас — прощаться?

— Прощаться, — мотнул головой Андрюша. — Вот честное пионерское! Папа утром ушёл на работу, а потом — бац! — обратно приходит. «Беги, говорит, в магазин, я завтра на завод вылетаю...»

Серёжа быстро закрутил кран. В ванной комнате сразу стало тихо. Из крана продолжали падать только редкие звонкие капли.

При слове «вылетаю» у него сладко заныло сердце. Он завидовал всем людям: и тем, которые уже летели над его головой на маленьких и больших самолётах, и тем, кто ещё только собирался лететь. Он думал о том, что когда станет взрослым, то единственным средством его передвижения бу-

дет самолёт. И на дачу из Москвы в Перловку он будет только летать. И в школу из дома — летать! И в булочную — летать! Андрюша знал об этой страсти своего приятеля и даже вместе с ним на листе ватманской бумаги проектировал моторчик с пропеллером, который мог устанавливаться на голове каждого человека и тянуть его вверх. Но потом друзья догадались, что такие моторы могут срывать головы, и поэтому прекратили научные работы в области воздухоплавания.

— На самолёте?! — с тайной завистью произнёс Серёжка. — А куда?

— На Украину, на завод «Жигачёвсталь». Его немцы разрушили, а мы восстанавливаем. Теперь там с какой-то домной неполадки, ну и папу главным начальником назначили.

— Главным начальником?

— А кем же ещё! Его и в Цека уже утвердили, как с сильной волей. Этот завод очень важный. Там стальные листы для автомобилей делаются. А я обрадовался и тоже попросился.

— Молодец! — восхитился Серёжа. — Я бы тоже туда поехал!

— Ха! Поехал один такой! — усмехнулся Андрюша. — Ты думаешь, он меня сразу взял? Я его два часа уговаривал! Он мне говорит, чтоб я ехал в Звенигород, к бабушке. А я говорю: «Не пседу». Он говорит: «Там питание, отдохнёшь». А я: «А чем же на Украине не отдых? Не буду же я на заводе торчать!.. Я же отдыхать от учёбы еду!»

— Конечно, отдыхать, — сказал Серёжа, — чего тебе на заводе делать!.. А река там какая?

— Сам Днепр! Там костры можно жечь, на лодке за рыбой ездить...

— Ты подумай! — пришёл в восторг Серёжа. — Совсем красота! А на Украине фруктов, знаешь: ешь — не хочу!

— Да, он, значит, меня не берёт, — продолжал Андрюша. — А потом я взял да и заревел.

— Подействовало? — подмигнул Серёжа.

— Самый верный способ! — засмеялся Андрюша. — Он

у меня добрый. «Ну ладно, говорит, собирайся». Тут и пошёл ералаш! Мама-то наша в санатории, вызывать мы её не хотим, а где чего лежит, не знаем. Все шкафы перерыли. Только недавно чемоданы упаковали...

Серёжа не мигая смотрел на товарища. Щёки у него покраснели, словно не Андрюша, а он только что ворочал чемоданы, затыгивая их ремнями.

— Слушай,— взмолился он,— а ты меня не можешь взять с собой? Я у тебя там хоть адъютантом буду, хоть помощником — в общем, только возьми. Вдвоём же будет интереснее!

— Можно взять! — вдруг вырвалось у Андрюши.— Ты знаешь, как мы там заживём! Утром будем вставать — делать физзарядку. Потом будем дневники писать...

— Ты про меня, а я про тебя... — вставил Серёжка.— Это будет очень здорово, когда мы осенью будем на уроке их читать...

— Да, а потом мы поедem в Запорожскую Сечь, разные шлемы собирать и мечи. Может быть, какой-нибудь курган разроем с казацкими саблями... Отец говорил, что Сечь будет совсем рядом.

— Ага, и мы будем на рапирах драться! — воскликнул Серёжка.— Ну, я уже собираюсь!

— Э-э, подожди! — вдруг сказал Андрюша.— Я ещё должен с отцом поговорить. Но тут надо — знаешь как? — дипломатически действовать. Вот, положим, он придёт сегодня с работы, а я ему и скажи: «Пап, а мне там очень скучно будет на заводе одному, давай Серёжку за компанию возьмём, а?» Ну, отец подумает, подумает: действительно, там ребят нет, и возьмёт тебя. Договорились? А ты тут своих родителей уламывай!

Серёжа взволнованно прошёлся по комнате:

— И что у меня за родители — никуда их не посылают с работы! Вот и живи, мясорубку крути...

И вдруг, вспомнив про мамино задание, Серёжа зло ударил ногой в дверь:

— Пойдём, Андрюшка, на кухню!

Мясорубку крутили по очереди. На кухне, кроме ребят,

никого не было. На газовой плите колыхался один голубой венчик. Тихо журчала вода в водопроводных трубах.

Серёжа кидал кусочки мяса в чавкающее горлышко машинки и молчал. Потом горестно вздохнул:

— Э-эх, Андрюшка! Никто мне не разрешит туда поехать... А письма-то будешь писать?

— Буду. Обязательно.

Андрюше тоже было жалко расставаться. Так, если бы он не улетал завтра, глядишь — ещё бы погуляли вместе. В Политехнический музей сходили, сделали бы из папиросной бумаги воздушный шар. А теперь... теперь придётся встретиться только в сентябре.

Андрюша вышел на улицу со свёртком в руках. В газетку были завернуты старенький рюкзак и лётные очки с выбитыми стёклами — Серёжин подарок.

Стоял тёплый июньский вечер. Из цветочного ларька пахло сиренью. На улице былолюдно. В одном из распахнутых окон играла радиола. Лилась лёгкая, радостная музыка.

Андрюша шёл по тротуару и думал о том, что вот завтра в Москве будет точно такой же вечер, а его уже здесь не будет. От этой мысли ему почему-то было и грустно, и в то же время весело.

По дороге он зашёл к Галке Ершовой и будто мимоходом сказал, что летит на строительство и к нему туда приедет Серёжка.

— А куда — в Сибирь? — спросила Галка.

— Не, на Украину...

— Ну, на Украину неинтересно! — махнула рукой Галка. — Вот Сибирь — это да!

— Дура! — рассердился Андрюша. — Я проститься пришёл, а ты — «неинтересно»! Не всё ли равно, где строить?!

— Конечно, не всё равно. Там медведи, а у тебя что?!

— У меня — степь и... — Тут Андрюша задумался: какие же звери водятся на Украине? Но, вспомнив, что будто бы в заповеднике Аскания-Нова водятся лоси, добавил: — Антилопы и страусы.

— А крокодилов нет? — усмехнулась Галка. — В общем, не завирай. Вот уж если я куда поеду, то только в Сибирь или на Дальний Восток!

— А кому ты там нужна? — желая отомстить Галке за холодный приём, сказал Андрюша.

— И очень нужна! — сказала Галка. — И, пожалуйста, не хвастай, что едешь...

Андрюша сразу всё понял. Галка ему просто завидует, но она гордая и не хочет этого показать.

Андрюша после визита к Галке собирался зайти ещё к двум-трём приятелям, но, выйдя на улицу, решил: не зайдёт. Он знал, что им всем тоже очень бы хотелось поехать куда-нибудь в путешествие, но у одного отец — инвалид войны, у другого мама больная, а третий должен ухаживать за сестрёнкой, пока все взрослые на работе. И, короче, все были прикованы к своим домам. И лучше их не тревожить.

Андрюша мысленно прощался со своей улицей. Как ему всё знакомо здесь! Вот кино «Новости дня», куда он мог ходить хоть по четыре раза в день, потому что Серёжина мама работала в нём кассиршей. Вот книжный магазин, где возле прилавка можно часами рассматривать разные книжки. А вот и школа. Какая она тёмная и тихая! Все разъехались...

«А всё-таки как бывает здорово, — ликовал про себя Андрюша, — думал, что к бабушке поеду, а вышло — на Украину! Туда бы каждый обрадовался поехать: арбузов вдоволь, рядышком Днепр. Чем не жизнь?.. А где-нибудь на берегу можно будет построить шалаш. Наваришь каши гречневой — и наблюдай за природой, как она развивается. А ночью придётся костры жечь, чтобы звери не подходили... Эх, жалко, фотоаппарата нет, а то бы уже пофотографировал вдоволь! И в школьную фотовитрину эти бы карточки поместили... Ура! Завтра улетаю! Вот повезло мне!..»

Андрюша, как и всякий мальчишка, был очень любопытным человеком. Он любил читать книжки про войну и про шпионов, про открытие неизведанных земель, и когда он читал эти книжки, то первым героем среди героев видел се-

бя. Особенно он любил читать про великих изобретателей и учёных. Ему самому очень хотелось сидеть ночами напролёт над ретортами с кипящими химическими веществами, мучиться над изобретением паровой машины и среди своих врагов, восходя на костёр, восклицать, например, как Галилей: «А всё-таки она вертится!» И он очень сожалел, что вокруг него всё уже изобретено. Радио — есть, телевидение — есть, реактивные самолёты — есть, автомобили — есть. И куда ещё можно приложить свои силы?! Андрюша пытался сделать электрическую мухобойку: муха садится на медный провод, обмазанный мёдом, и её парализует током, но, кроме того, что током два раза потрянуло его самого, он ничего не достиг.

Кто знает... может быть, теперь, после перелёта на новое место, Андрюша и найдёт не исследованный наукой какой-нибудь вопрос, и его имя загремит на весь мир.

И только почти у самого дома он забеспокоился: а вдруг отец раздумал брать его с собой? Что делать? Нет-нет, он не раздумал. Обещал — сделает. А вдруг он на поезде захочет ехать?..

Впрочем, из-за последнего вопроса волноваться совсем нечего. Андрюша видел сам: дома на отцовском письменном столе лежали два картонных билетика, похожие на железнодорожные. На них было написано: «Аэрофлот».

Глава II В ОБЛАКАХ

Хороша утренняя Москва! Высокие узорчатые фонари с белыми колпаками ровным рядом тянутся вдоль тротуаров. Вот у подъезда серого дома, положив на лапы голову, сладко спит каменный лев. По песчаным дорожкам зелёных скверов прыгают стайки воробьёв. Кругом на клумбах цветы: красные, синие, белые... А висящий над Москвой-рекой серебряный Крымский мост такой просторный и красивый, что, когда въезжаешь на него, так и кажется — ты уже в будущем.

Андрюша, в белой рубашке и красном галстуке, сидел рядом с шофёром и жалел, что никто из его друзей не видит, как он едет в машине. Семён Петрович, Андрюшин отец, сидел сзади. В ногах у него стояли три чемодана.

Автомобиль нёсся по Садовому кольцу, разделённому надвое белой пунктирной линией. В переулках на месте бывших трамвайных путей тяжёлые катки подминали под себя ещё дымящийся, привезённый с завода асфальт.

Солнце ещё не всходило, но было уже светло.

Пустынный проспект лежал в сиреневой дымке. Заспанные дворники в белых фартуках широкими взмахами метлы подметали тротуары. Посередине улицы, распутив водяные, прозрачные крылья, медленно плыла поливальная машина. За нею издалека тянулась чёрная, глянцевиная полоса. То тут, то там, одиноко прижимаясь к домам, голубели тележки из-под газированной воды.

Сколько раз проходил Андрюша по этим улицам и не замечал их красоты, а теперь, покидая Москву, он вдруг впервые как-то особенно почувствовал, до чего он любит свой город...

На Крымской площади машину остановил милиционер.

— Почему на жёлтый сигнал едете? — спросил он, хотя улица была пустынна.

— Простите, не рассчитали, — сказал шофёр. — На аэродром торопимся.

— На аэродром? — Милиционер строго посмотрел на шофёра и, захлопывая дверцу, откозырнул: — Тогда поезжайте!

— Спасибо! — ответил Андрюша. А когда тронулись, подмигнул шофёру: — Чуть не попались!

Отец щёлкнул Андрюшу в затылок:

— Рад, что едешь?

— Очень! — улыбнулся Андрюша. — Пап, а мы не могли бы взять с собой Серёжку?

— Ну и что бы я с вами там делал?

— Ничего! Жили бы все вместе, и всё. Мне бы веселее было!

— Хорошенькая причина! Ты скажи спасибо, что я тебя

одного беру, а ты ещё и Серёжу тянешь! По знакомству хочешь его пристроить?

— Он меня очень просил...

— Пусть не горюет... На его век ещё хватит и строительных и путешествий.

— Но ведь с детства лучше начинать.

— Это верно... Но не обязательно... Можно и в своём дворе дело найти.

Дорога за городом была широкой и гладкой. Под автомобилем звенели шины. Стрелка на спидометре колебалась между цифрами «60» и «70». В открытое окошечко врывался упругий ветерок, приятно пахнувший свежей травой. На поворотах и перекрёстках шоссе стояли столбики с условными знаками. Вздёрнутые полосатые шлагбаумы целились, как зенитки, в бледно-голубое небо. Шофёр, завидя их, притормаживал.

В аэропорте, в высоком светлом зале с мраморными стенами, Семён Петрович, усадив Андрюшу на скамейку, понёс с носильщиком чемоданы на взвешивание.

Оставшись один, Андрюша огляделся. Аэропорт походил на самый обыкновенный вокзал. Тут сновали носильщики с медными бляхами на груди. При выходе на лётное поле висела надпись: «Выход на посадку». А у кассы можно было прочитать расписание самолётов и поглядеть на карту авиационных линий: Москва — Владивосток, Москва — Прага, Москва — Берлин... Только пассажиры здесь были немножко задумчивее и тише, чем на железной дороге.

Пока Андрюша ожидал отца, мимо него несколько раз пробежали какие-то люди с киноаппаратами.

— Давайте микрофоны! — командовал невысокий человек в зелёном костюме. — Пускай наша машина прямо заезжает на поле!

Андрюша не усидел и побежал за человеком в зелёном костюме. К аэровокзалу, урча моторами, подкатил самолёт-гигант, на котором латинскими буквами было написано «Эйр Франс». «Кто-нибудь из Франции», — подумал Андрюша и не ошибся. В Советский Союз прилетела французская рабочая делегация. Её встречало много людей. Как только

из самолёта показался первый человек в чёрном берете и на костылях, все встречающие зааплодировали. Когда французы сошли на землю, к человеку на костылях поднесли микрофон, и он начал говорить. После каждой фразы он опускал голову вниз, словно разглядывая костыли, и ждал, когда переводчик закончит перевод. Француз говорил:

— Дорогие русские братья! Над нашими головами только что пронёсся ураган войны. Я хотел бы бросить костыли и радостно шагать по зелёной земле, но фашисты мне сломали позвоночник. Потом мы — и русские, и французы, и англичане — сломали хребет фашизму, но наши раны ещё болят. Так соединим же свои усилия для построения новой, счастливой жизни!

Русские рабочие поднесли французам цветы.

Андрюша побежал в вокзал.

Вернулся отец, держа в руках какие-то квитанции.

«Внимание! Производится посадка на самолёт Москва — Жигачёв — Симферополь! — загредел по залу голос диктора. — Вылет в шесть утра!»

— Это наш, — сказал Семён Петрович, — идём.

«Сейчас полетим! — восторженно подумал Андрюша. — Хорошо бы повыше подняться, километров на пять!»

Двухмоторный самолёт со стеклянным лбом, раскинув строгие крылья, стоял почти у самого здания. Сначала он был похож на гигантскую стрекозу, потом показалось, что это не просто самолёт, а межпланетный корабль. К нему на тележке подвезли вещи и начали их грузить. Какой-то человек в синей фуражке, заглядывая в листок, выкликал фамилии пассажиров.

Андрюша подошёл к хвосту самолёта, дотронулся пальцами до холодного, покрытого росой металла. На нём остался еле заметный след, как на запотевшем стекле. Тогда Андрюша вывел на хвосте: «С-е-р-ё-ж-а».

— Мальчик, не трогай, пожалуйста! — вдруг услышал он чей-то голос и обернулся.

Перед ним стояла тонконогая девочка в белых носочках и в коротеньком коричневом платье с пояском. У неё были гладкие чёрные волосы, заплетённые в одну косичку. Карие

глаза смотрели на Андрюшу не то насмешливо, не то серьёзно.

Эта девочка была чем-то похожа на Галку Ершову. Вероятно, своим независимым видом. И так как Галка вчера немного обидела Андрюшу, то сейчас он смотрел на незнакомку надменно и строго. Может быть, эта тоже колючая, и надо тут держать ухо востро. А вообще девочка даже была красивая. Щёки у неё были нежно-розового цвета, над правым ухом голубой бантик с распустившейся ленточкой.

— А ты мне что за указ? — хмуро ответил Андрюша. — Тебе-то какое дело?

— Вот и дело! Не трогай, пожалуйста, — настойчиво повторила девочка, теребя кончик своего пионерского галстука. — Отвинтишь ещё чего-нибудь, а нам разбиваться?

— Разбиваться будем — не разобьёмся. На парашютах спрыгнем, — ответил Андрюша, а сам посмотрел на хвост самолёта: уж действительно не отвинтил ли чего-нибудь?

— Нам не будут давать парашюты. Мой папа уже узнавал, — сказала девочка. — Вот как! А ты, мальчик, тоже летишь или провожаешь?

— Лечу! — гордо ответил Андрюша. — И ничего тут страшного нет, что без парашюта. На самолёте — это всё равно что на поезде, только быстрее.

— Говорят, что болтать будет и в воздушную яму мы можем свалиться. Это неприятно, или ты не знаешь? — спросила девочка, почему-то улыбнувшись. — А я ещё ни разу не летала.

— Болтанка? Это ерунда. А воздушных ям никаких нет. Кто же их там наделает? Я летал уже. Проверил. И в пургу попадал, и в грозу... — Андрюша увидел, как у девочки расширились глаза, и добавил: — Нас однажды так швыряло, что ой-ой-ой!.. Вверх тормашками все были. Лётчик уже по радио просил: спасите наши души.

— Души — уши... — вдруг задумчиво сказала девочка и прищурилась, словно что-то прикидывала в уме.

— Какие уши? — не понял Андрюша, но расспросить не успел: девочку кто-то окликнул и она убежала к пассажирам.

Поглядев ей вслед, Андрюша задумался: кто она такая? Откуда едет? Куда летит? Вот хорошо бы — они попали в один город и подружились! Может быть, эта девочка лучше, чем Галка. Андрюша много раз фотографировал Галку, дарил ей марки с красивыми цейлонскими пейзажами, два раза ходил с ней в кино на детский утренник и там угощал её клюквенной водой, но Галка даже не позвала его на день рождения, хотя Серёжку пригласила. А почему? Непонятно. Может быть, потому, что их во дворе дразнили: «Тили-тили-тесто — жених и невеста»?

К самолёту подошёл высокий, бравого вида человек в плоской, будто капитанской, фуражке с лакированным козырьком. Он снял с хвоста самолёта колёдки, погрозил миролюбиво Андрюше пальцем — дескать, не крутись тут — и полез в машину.

Началась посадка.

Самолёт был транспортный, без мягких кресел. Пассажиры рассаживались на алюминиевых с выемками скамейках. Они тянулись по обеим сторонам борта. В конце кабины лежали чемоданы и какие-то тюки с голубыми этикетками.

Андрюша уселся с отцом у пожелтевшего глухого окошечка. Девочка в коричневом платье сидела напротив и, видимо, тоже с отцом. Глаза у неё стали серьёзными и даже насторожёнными. Она держала отца за руку, а он, усатый, широкоплечий, в вышитой косоворотке и с широким шрамом на лице, сипловатым голосом говорил:

— Ну, не бойся! Чего трусишь? Смотри, как этот парень сидит.

— А он говорил, что он уже летал, а я ещё не летала!

— Ты уже с ним познакомилась?

— Мы просто разговорились...— Девочка изредка бросала на Андрюшу взгляды, но он делал вид, что не замечает их.

— А как его зовут?

— Не знаю.

— Что же ты его не спросила? Обычно везде свой носик суёшь, а тут сплеховала...

Отец девочки улыбнулся. Андрюша чувствовал, что он разговаривал с ней специально, чтобы ей не было боязно перед полётом. Ему было приятно, что на него указывают как на храброго, и он, беспечно поглядывая кругом, даже тихонько засвистел: «Потому, потому что мы пилоты...»

С самого утра Семён Петрович был задумчив, мало разговаривал. Андрюша чувствовал, что он думает о своей новой работе. Сегодня ночью он говорил с министром по телефону. Министр, видно, что-то объяснял, потому что папа всё время отвечал: «Понятно», «Задача ясна» или «Сделаем», а потом, после звонка, ещё долго не ложился спать, всё ходил по комнате.

Семён Петрович сидел в самолёте в своём полувоенном костюме, положив ногу на ногу, и смотрел перед собой. Его светло-каштановые курчавые волосы были откинута назад, тонкие губы плотно сжаты.

Услыхав свист, Семён Петрович повернул голову и строго сказал:

— А ну-ка прекрати!

Андрюша не обиделся на отца. Кто, как не отец, выучил его свистеть! Он даже показывал, как свистеть в один палец, и в два, и по-кондукторски, и с переливами. Однажды дома поднялся такой свист — Андрюша учился, а отец показывал, — что в квартиру прибежал домоуправ. Мама сердилась: «Чему ребёнка учишь?» — а отец смеялся.

И вообще он был весёлый, разные случаи из жизни любил рассказывать, а если сегодня такой, то...

Взревели моторы, сначала один, потом другой, и сразу заложило уши. Самолёт задрожал как в лихорадке.

Пассажиры начали зябко поёживаться, хотя машина ещё стояла на месте. Девочка закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Ну, попутного ветра... — натянуто улыбнулся соседям отец девочки и дёрнул себя за усы.

— Сейчас полетим, — ободряюще сказал Семён Петрович, обнимая Андрюшу. — Через четыре часа будем там. Ты скажи, если холодно станет.

У Андрюши часто-часто и гулко застучало сердце и но-

ги почему-то стали слабыми. «Трясучка какая-то! — подумал он. — А на поезде бы, наверное, лучше было...»

Самолёт незаметно тронулся и побежал, побежал... Вот уже нельзя различить стоящие в ряду на зелёном аэродроме маленькие самолёты. Вот — чирк! чирк! — колёса два раза коснулись земли, и тряски уже нет.

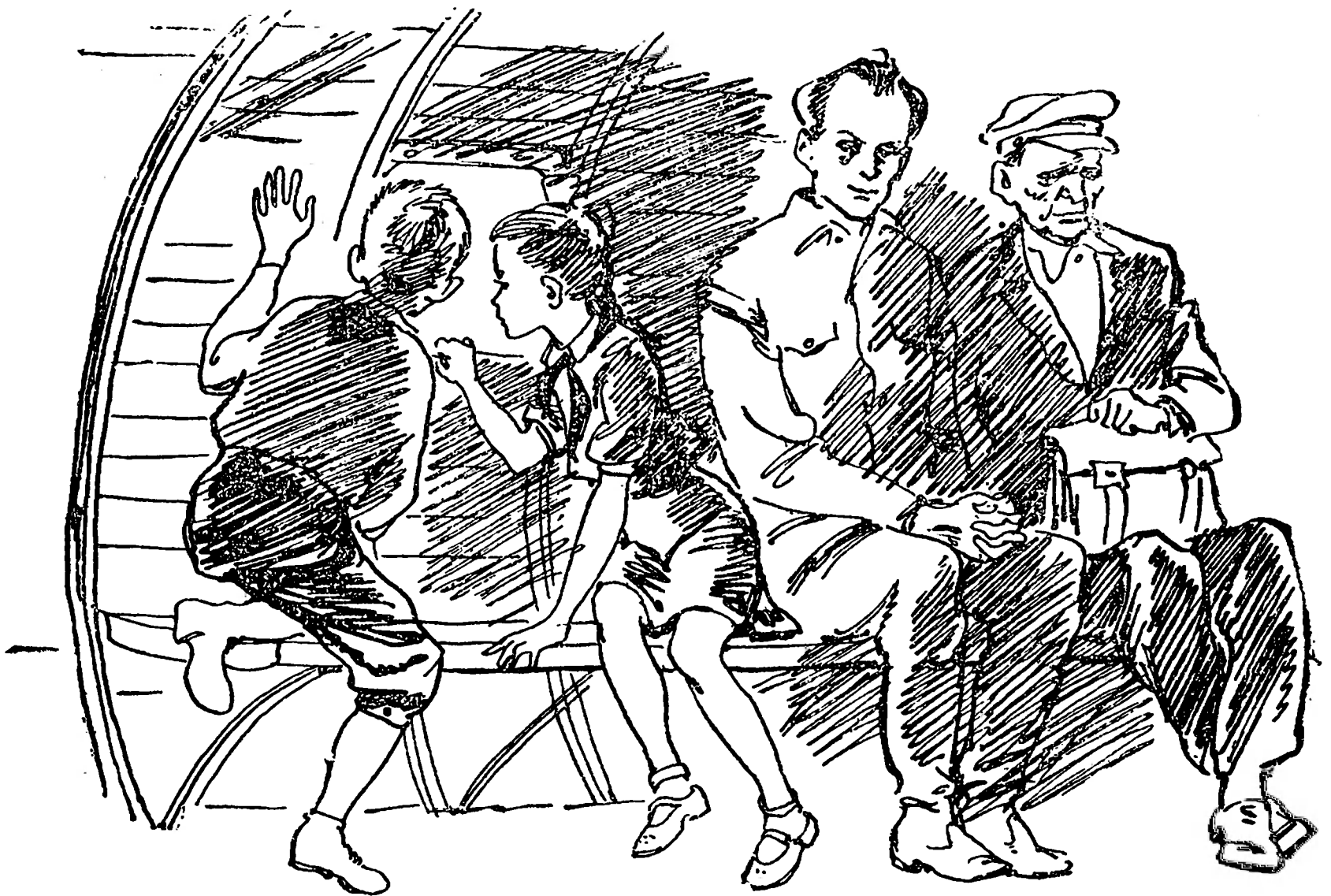
Пассажиры как-то прижались друг к другу и стали вроде бы родственниками.

В кабине было уже уютнее, а выступающие алюминиевые рёбра не казались такими грубыми и некрасивыми. Наоборот, было приятно глядеть на них — на толстые и крепкие.

«Ну, теперь уж папа не высадит меня! — радостно подумал Андрюша. — Как прилечу — сразу на Днепр! А какая красота в воздухе!»

Андрюше теперь только не хватало штурвала, шлема, наушников и... фотографа, который смог бы сделать Андрюшин портрет в этом виде. Он себе представлял, как зашумел бы их класс, если бы он принёс такой снимок в школу. Ребята сразу бы назначили пионерский сбор, на котором стоял бы один вопрос: «Отчёт Андрея Марецкого о полёте в воздухе». И Андрюша бы отчитывался со всей научной основательностью и выводами. Дескать, на большой высоте очень свежий и чистый воздух и, следовательно, нужно сделать летающие санатории, как бывают плавучие дома отдыха. В этих санаториях можно создать открытые кабины, чтобы купаться в облаках. Андрюша только не мог определить, как лучше купаться в этих облаках: в костюме или в трусиках?..

Земля на земле была какой-то неприбранной, а сверху она казалась аккуратной, похожей на географическую карту. Её разрезали тоненькие змейки железных дорог и шоссе, по которым, как муравьи, ползли автомобили и лошади с телегами. Ровные квадраты полей были покрыты яркой зеленью. Узенькие реки и серебряные блюдечки озёр показывали своё дно. У берегов они были жёлтыми — значит, здесь мелко; к середине — чёрными: глубоко. А леса были похожи на разостланные медвежьи шкуры.

Самолёт, казалось, висел в воздухе, и земля не спеша поворачивалась под ним. Внизу медленно проплывали и леса, и деревни, и городишки. Иногда на окраинах деревень виднелись пёстрые пятнышки — стада, как сказал отец.

Полёт был спокойным. Из пассажиров кто читал газету, кто сидел просто так, нахохлившись.

Знакомая девочка, видно, тоже привыкла к полёту. Она уже не была такой бледной, улыбалась и разговаривала со своим отцом. Потом встала и начала ходить по самолёту, рассматривая его рёбра.

«Наверное, тоже в пятый класс перешла», — подумал Андрюша про девочку.

Вдруг она остановилась перед Андрюшей:

— Мальчик, а ты что в окно не смотришь?

— Уже всё разглядел.

— А хочешь, вдвоём будем смотреть?

«Вот чудная! Незнакомая совсем, а говорит, как знакомая», — подумал Андрюша и сказал:

— Давай.

Семён Петрович чуть пододвинулся на сиденье, и ребята уткнулись лбами в окошечко.

— А вон фабрика работает, видишь? — сказала девочка. — Дым-то из трубы, как из паровоза.

— А вон трактор едет и сеялку какую-то за собой тянет, — ткнул пальцем в окошечко Андрюша.

— Вижу, вижу! — радостно говорила девочка. — И все такие маленькие, игрушечные, а мы — как Гулливеры, да? — И вдруг она продекламовала:

Сан-Франциско далеко,
Если ехать низко.
Если ехать высоко,
Сан-Франциско близко...

— Это чьи стихи? — спросил Андрюша.

— Пушкина, — лукаво улыбнулась девочка.

— Думаешь, поймала? Пушкин про самолёты не сочинял...

— А вот интересно: вдруг пришёл бы к нам Пушкин и оглянулся — кругом автомобили, самолёты, радиоприёмники, электричество! А при нём всего этого не было. Вот, наверное, удивился бы!

— Конечно, — сказал Андрюша. — Они тогда только на лошадях ездили и при свечах жили.

— И даже у самого царя автомобиля не было?

— Не было!

— А паровозы тогда были?

— Не знаю... Пап, — спросил Андрюша, — а при Пушкине паровозы были?

— Были, — улыбнулся папа. — Один паровоз на всю Россию!..

— А теперь, говорят, — сказала девочка, — люди скоро на Луну полетят.

— Я тоже слышал об этом. И даже на Марс...

На подлёте к Жигачёву самолёт залез в облака, и его начало бросать.

В кабине потемнело.

Лица у всех посерели, стали какими-то выжидающими. Один побледневший пассажир, в шляпе и галстукe, быстро свернул кулёк из газеты и поднёс его ко рту. Так он и летел,

заглядывая в кулёк и делая вид, что читает газету. А на самом деле его, наверное, поташнивало.

Облака были густые и белые, как молоко. Пропеллер врезался в них — мимо окон проносились белёсые струи, — и самолёт взлетал вверх. Потом проваливался.

И земли не было видно, и неба. Летели как будто на авось.

Вскоре на окнах заблестели капельки дождя. Капельки падали на стекло, но, вместо того чтобы срываться с него, они почему-то ползли вверх.

Андрюша никак не мог определить своё состояние. Его не тошнило, нет. Когда самолёт взлетал вверх — на плечи наваливалась какая-то тяжесть и в ушах звенело; падал вниз — тело становилось лёгким-лёгким, словно его совсем не было, и что-то внутри сладко ёкало.

— Мозжит в голове, — наконец нашёл он нужное слово. — А у тебя тоже или нет?

Девочка рассмеялась:

— У тебя мозжит, а я Майка Можжухина. А ты кто?

— Андрей.

— Андрей — не гоняй голубей, да?

— А что ты всё время стихами говоришь? — спросил Андрюша. — Тогда сказала про уши, а сейчас про голубей.

— А я стихи умею писать...

— Честное слово?! — не поверил Андрей.

— Честное...

— А ну-ка, прочитай какое-нибудь своё.

— А про что — про природу или про жизнь?

— Давай про жизнь.

И Майка вдруг прочла:

Петя с Колей начал драться,
Чтобы ногти тот не грыз.
Ну, а нам куда деваться?
Мы подняли женский визг!

— Смешные стихи, — сказал Андрюша, — хоть в «Пионерскую правду» посылай. А теперь давай про природу.

— Пожалуйста.— Майка задумчиво подняла глаза вверх, пошептала неслышно и прочла:

Хорошо нам, пионерам,
По тропинке в лес шагать!
Мы хотим все дружно, вместе,
Где тут уголь, отгадать!

Семён Петрович, до сих пор только прислушивавшийся к ребячьему разговору, вдруг взглянул на девочку:

— Твоя фамилия Можжухина?

— Да.

— Твой отец доменщик?

— Доменщик. А вы откуда знаете?

Семён Петрович улыбнулся:

— Мы с твоим папой на один завод едем.—И он, протянув руку, шагнул к Майкиному отцу, который сидел напротив.

Взрослые тут же разговорились. Работая в разных городах, но на заводах одного министерства, они, оказывается, знали друг друга по фамилиям. В их беседе замелькали слова «домна», «козёл», «каупер». Они нашли много общих знакомых и то и дело восклицали: «Слушайте, а как Гордей Васильич?» — «Он в Кузнецке!» — «А где Вакуленко?» — «Это какой Вакуленко?» — «Ну, помните — он сначала в Магнитогорске начальником цеха был, а потом в Москве...» — «А-а, припоминаю! Фёдор Фомич, кажется? Такой краснолицый? Так он, кажется, на фронте без вести пропал». — «Эх, жалко! Чудесный человек!»

Из пилотского отделения вышел лётчик.

— Город Жигачёв. Сейчас посадка,— сказал он.

И самолёт начал заваливаться на правое крыло.

Пол в фюзеляже поехал в сторону, горизонт в окне перекосялся, и на секунду всем стало страшно.

«Что он делает?! — с ужасом подумал Андрюша про лётчика.— Ведь надо тормозить! Так погибнем!»

Он весь напрягся, упёрся ногами в пол, будто хотел задержать падение самолёта, но страшная сила неотвратимо несла его к земле.

Завод «Жигачёвсталь», заложенный в 1930 году на берегу Днепра, за две пятилетки вырос в гигантский металлургический комбинат. На растрескавшейся, морщинистой земле, на которой суховей гонял перекасти-поле и шевелил метёлками горькой полыни, возник красавец завод и задышал в небо жёлто-бурыми клубами дыма трёх доменных и десяти мартеновских печей. Будто огромные парниковые теплицы со стеклянными крышами, полные воздуха и солнечного света, растянулись в степи длинные цехи. Если бы раскатать на земле рулоны тонкого стального листа, которые они вырабатывали за день, то длина этой дорожки перевалила бы за добрый десяток километров. Лист шёл на строительство автомобилей, пароходов и самолётов.

Вокруг «Жигачёвстали» зазеленели сады и парки, заперели цветники. Территорию завода и рабочие посёлки разрезали асфальтовые дороги.

А в шести километрах от завода по Днепру раскинулся молодой город.

В нём было всё: и клубы, похожие на дворцы, и библиотеки с широкими окнами и мягкими диванами, и богатые магазины, и великолепный стадион, обнесённый чугунной узорчатой оградой с каменными трибунами. Когда на стадионе в выходные дни шёл футбольный матч, то о забитом голе сразу же узнавал весь город — такой стоял крик болельщиков.

Но вот 18 августа 1941 года первый фашистский снаряд попадает в городской Дом пионеров, где идёт в это время экстренное заседание комсомольского актива, а вслед за ним артиллерийский и миномётный ураган обрушивается на «Жигачёвсталь». В домнах ещё кипел чугун, в мартеновском цехе разливочный ковш наполнял формы огненной сталью.

Сорок пять дней советские войска обороняли «Жигачёвсталь», и все эти сорок пять дней и сорок пять ночей металлурги поднимали завод на колёса.

Беспрерывно, под обстрелом, разбирались и грузились контрольно-измерительная аппаратура, тяжёлое прокатное оборудование, многотонные валы и моторы. В день уходило на Урал по пятьсот вагонов. Люди работали с таким самозабвением и ожесточением, что казалось, будь приказ погрузить на платформы и домны и коробки цехов, они и это сделают.

В ночь на 4 октября на «Жигачёвсталь» вступил враг. Два года хозяйничали фашисты. Они собирались снова пустить завод и привезли из Германии своих инженеров. Но у них не заработал ни один цех — они не нашли ни рабочих, ни оборудования.

Четырнадцатого октября 1943 года войсками советской пехоты во взаимодействии с танками и артиллерийскими соединениями «Жигачёвсталь» была освобождена. В числе трофеев были захвачены бронепоезд, четырнадцать тягачей, три дальнобойных орудия и директор завода — интендантский генерал Фридрих фон Зуппенпифке...

Дождь ударил сразу. Не успели пассажиры вбежать в одноэтажный домик аэропорта, как он уже зачернил сухую, бестравную землю аэродрома и пошёл, пошёл, перекошенный ветром. Синие, набухшие тучи плотно обложили небо, и в них не было ни одного просвета. Порывистый ветер подкинул белую курицу, гулявшую возле домика, и бросил на землю. Испуганно кудахтая и прихрамывая, она опрометью кинулась под соломенный навес.

Андрюша стоял у окна и смотрел на ровное, блестящее от дождя шоссе, уходящее за аэродром. Оно было пустынным. Прошло уже полчаса, как Семён Петрович звонил в гараж и просил выслать машину — до «Жигачёвстали» было пятнадцать километров, — а машина всё не приходила.

Да, не таким, совсем не таким представлялся Андрюше прилёт. Ему почему-то казалось, что самолёт должна встречать толпа ликующих людей. Как-никак, а пассажиры совершили подвиг. Их обязательно нужно снимать для кино, поздравлять и удивляться их смелости: «Смотрите, все живы! И мальчик даже прилетел. Вот молодец!»

Впрочем, Андрюша примирился с тем, что самолёт никто

не встречал, но зачем идёт этот дождь? И всего лишь четыре часа назад в Москве светило солнце и было очень празднично, а тут... слякоть какая-то, и совсем не видно Украины.

Андрюша вздохнул и отвернулся от окна.

Настроение у него было очень плохое. Знал бы, как тут придётся, поехал бы к бабушке в Звенигород. Главное — полёт окончился, а что дальше будет — неинтересно. Эка невидаль — завод! Пыль, дым, грохот... И ни одной знакомой души. Впрочем, побыть здесь можно, но недолго, а потом написать: «Мама! Приезжай за мной и увози!» И она обязательно приедет. Пусть только путёвка в санаторий кончится...

Андрюша мысленно представил себе обратный полёт и улыбнулся. Это приятное занятие — летать туда и обратно. Как очень важный человек...

В зале ожидания, где сидели прилетевшие пассажиры, на выбеленных бревенчатых стенах висели плакаты с картинками — как надо стричь овец и как доить коров. В буфете под стеклом лежали бутерброды с колбасой, папиросы, спички и стоял стакан фиолетового киселя.

Майка сидела на чемоданах и, водя пальцем по странице, читала книжку.

Семён Петрович с Иваном Васильевичем, Майкиным отцом, сидели за круглым столиком и курили.

— А один раз, знаете ли, я даже бесплатно летел... — услышал Андрюша около себя вкрадчивый голос.

Рядом с полной женщиной в пенсне, у окна, сидел тот самый человек в шляпе и галстук, который в полёте свернул себе газетный кулёк. Он говорил:

— В такое положение в Одессе попал, что думал — уж не выкручусь. Отдыхаю я в санатории, и вдруг от жены телеграмма: «Срочно вылетаю с экспедицией на Дальний Восток». Она у меня специалист по рыбам. Что мне делать? Чтобы её застать и попрощаться, мне тоже надо на самолёте в Москву лететь, а денег у меня, признаться, уже мало-вато. На билет не хватает. Вот я и пошёл к начальнику аэропорта: нельзя ли как-нибудь подкинуть? А он радушный такой, приветливый. «Пожалуйста, говорит, поможем».

А как узнал, что я хочу лететь бесплатно, уставился на меня и не мигает. «Вы что, говорит, гражданин? Самолёт-то вам баржа, что ли?» Короче говоря, выхожу я от него и думаю: что делать? Потом решил прямо к лётчикам пойти. И что же? Взяли сразу! Такие хорошие попались. «Садитесь, говорят, подкинем». Ну, только мы поднялись метров на сто, как пошло нас...

— Андрюшка, ты что это загрустил? — вдруг позвал отец. — Иди-ка к нам сюда!

Андрюша подошёл к столу, за которым сидели взрослые.

— Ну как летел? Понравилось? — спросил у него Иван Васильевич.

— Понравилось. Только мало... Я люблю разные приключения.

— Ничего, — сказал Иван Васильевич, — на первый раз достаточно. Меня наизнанку чуть не вывернуло, когда мы садились... А ты когда-нибудь бывал на металлургическом заводе?

— Нет, ему ещё не приходилось, — улыбнулся Семён Петрович. — Впервые приехал. И то я его не хотел брать. А потом решил — пускай к самостоятельной жизни привыкает.

— Под маменькиным крылом всё время был?

— Да.

— А поживёт один — поймёт, почём стоит фунт лиха... Это хорошо. Мальчишка должен быть закалённым с детства. Мало ли что в жизни будет...

— Вот я тоже так думаю. А то он у меня ещё консервную банку не может открыть.

— Ну?! — удивился Майкин отец. — А Майка у меня — раз-раз, и готово! Что ж ты, молодой человек, ручки бережешь?

Андрюша покраснел. А чем он виноват, если у него консервный нож выпадает из рук и сил не хватает жечь пробить?

— А ты доменное производство видел?

— Нет, — ответил Андрюша.

— А моя Майка всю эту металлургию вдоль и поперёк

знает! — не без гордости отметил Иван Васильевич. — Мы уж с ней где только не бывали: и в Магнитогорске, и в Кузнецке, и в Гуле... Она Андрюше всю эту механику в два счёта объяснит... Правда, Майка?

— Чего? — оторвалась Майка от книги.

— Рассказать Андрюше про завод сможешь?

— Сейчас?

— Ну хоть сейчас. А то он нос повесил...

— Что, Андрюшенька, не весел, что ты голову повесил? — улыбнулась Майка. — Садись рядом — книжку прочитаем.

— Не хочу, — хмуро ответил Андрюша.

— А что хочешь? К маме?

Эта Майка задела самое больное место. И взрослые только что говсрили о том, что он «свои ручки бережёт», и Майка считает, что он маменькин сынок. И нужно же — с подковыркой сказала: «К маме хочешь?» Да, я хочу к маме, в Москву, к своим друзьям. А что ж тут особенного! Совсем законное желание. И это не обязательно, чтобы дети присутствовали на строительствах заводов. Дети должны отдыхать и веселиться, а строить должны взрослые...

За окном, урча и громыкая бортами, подъезжала грузовая машина. На ней мелом было написано: «Жигачёв-сталь».

— Наша! Наша! — радостно закричала Майка и побежала к дверям.

Встречать Семёна Петровича и Ивана Васильевича приехал парторг завода — высокий мужчина с загорелым лицом и седыми волосами. Протянув Семёну Петровичу руку, он, улыбаясь, сказал, что его зовут Матвей Никитич Рубцов и что он очень рад приезду Семёна Петровича. И хотя взрослые нигде до этого не встречались, они как-то сразу разговорились, словно были старыми друзьями. Потом Матвей Никитич весело щёлкнул Андрюшу по макушке: «Сынишка, да?» — и подхватил чемоданы.

Пока взрослые расправляли в кузове брезент, чтобы им накрыться в дороге, Андрюша сквозь щёлку в капоте раз-

глядывал мотор автомобиля. Потом подошёл к шофёру, небритому парню в безрукавке:

— Дядь, можно я с вами поеду?

— Залазь...— добродушно сказал шофёр, кивнув на сиденье.— Испачкаешься только: у меня масло кругом... Легковых машин ещё не получили. Ждём.

И тут же в кабинку, склонившись через борт, заглянула Майка.

— Андрюша, ты здесь хочешь ехать? — удивлённо спросила она.— Ишь какой! А ну давай-ка разыграем — кому где, чтоб не было обидно.

В кабину влезли два мокрых кулака.

— Кто соломинку найдёт, тому сидеть с шофёром, ладно?

«Вот хитрая девчонка! — подумал Андрюша.— Шофёра уговаривал я, а ехать хочет она».

И он стукнул по правому кулаку.

— Выиграл! — засмеялся Андрюша, но, посмотрев на Майкино лицо, покрытое мелкими капельками дождя, вдруг снисходительно сказал: — Ладно, иди уж сюда. Мне и в кузове будет неплохо...

Машина тронулась.

Андрюша с головой залез под брезент и чуть не задохнулся от пыли. Пришлось брезентом накрыть только плечи и грудь.

Дождь сек лицо. Волосы вмиг стали мокрые. Холодные струйки ползли за ворот белой рубахи, давно уже превратившейся в серую, и по телу забегали мурашки.

Исчез за сеткой дождя аэродром с одиноким силуэтом самолёта, исчез и маленький домик аэропорта, и потянулись поля, поля... Зелёная пшеница под ветром ходила волнами.

На булыжном шоссе машину бросало из стороны в сторону. Шофёр пытался объезжать рытвины и ухабы, но их было так много, что не успеешь миновать одну колдобину — колёса уже попадают в другую. Объезжая разрушенный мост, машина сползла в кювет и, натужно кряхтя, медленно продвигалась по коричневой жиже.

А взрослым дождь был нипочём, словно его и вовсе не было.

— Серьёзное у нас положение...— говорил парторг, обращаясь то к Семёну Петровичу, то к Ивану Васильевичу.— Подходит к концу восстановление теплоэлектростанции и монтаж слябинга, в цехе проката тонкого листа тоже идут дела неплохо, а вот с домной заговоздка. Кто говорит, что надо новую строить, а кто — старую восстанавливать.

— Я знаю обо всех проектах,— сказал Семён Петрович.— Обсудим их ещё раз, а главное — посмотрим домну. Козла, кажется, уже разделали?

— Разделали на днях. И досталось же нам крепко! Взрывами рвали чугун. Полторы тысячи тонн было! Редкий случай, но, в общем, хорошо вышло, чисто. Мы довольны.

— А как мартеновский цех? — спросил Иван Васильевич.

— Там печи уже кладутся. А всё было разворочено: и фундамент и корпус. Уж гитлеровцы постарались — завод подрывали по плану. Здесь у нас разных мин и бомб столько было понатыкано, что лучше и не ходить. И сейчас можно увидеть на опорных колоннах цехов буквы «F». Это по-немецки Feuer — огонь. Так они отмечали, куда нужно динамит подкладывать. Там одних сапёров сколько работало с миноискателями...

— Очистили?

— Очистили. А вот в одном из домов наши люди целый склад боеприпасов обнаружили. Отрыли заваленную землёй дверь, открыли её, а в подвале — артиллерийские снаряды, противотанковые мины, бомбы... Ну что делать? Подрывать на месте: этот «гостинец» так ухнет — все дома в округе снесёт. Решили обезвреживать. Взяли десять смельчаков и давай выносить всё это «хозяйство» на улицу. И вдруг, когда уже очистили половину подвала, один из сапёров пригласился. Где-то часы тикают. А сапёры уже знают: если часы рядом со снарядами тикают, лучше самим тикать отсюда...

— А почему? — спросил Андрюша.

— Такие часы — с подрывным устройством. Они отработают своё время — ударник ударит по капсулю-детонатору и... взрыв всего склада! И, кстати, такие склады мы обнаружили и под домной и под кауперами...

Андрюша слушал взрослых и чувствовал, что совсем не понимает их разговора о доменном производстве. Но о «подрывных» часах ему всё было понятно.

Андрюша имел представление о работе отца, знал, что домна — это такая печка, где из руды выплавляется чугун, что в мартеновском цехе из чугуна варится сталь. Но о каком-то «козле», которого взрывали, о слябинге слышал впервые. А расспросить обо всём этом отца сейчас, при чужих, ему было неудобно.

Завод находился далеко от Жигачёва, и сам город остался в стороне. Чтобы сократить путь, шофёр повёл машину в объезд, другой дорогой.

Когда машина, сбавив ход, проезжала через какое-то село с маленькими белыми домиками, окружёнными кустами сирени и низкими деревьями, впереди на шоссе показалась невысокая фигура босого мальчишки. Штаны у него были подвёрнуты до колен, мокрая незаправленная рубашка прилипала к телу. Он шёл, широко размахивая каким-то мешком, и то и дело подбивал ногой лужи.

Услышав гудок машины, он обернулся. Поравнявшись с ним, шофёр притормозил:

— Афоня, откуда топаешь?

— Со станции, — ответил мальчишка и поставил ногу на колесо. — Я с подсобного хозяйства еду.

Забравшись в кузов, он поздоровался со всеми и присел на корточки, держась руками за борт.

— Чего на подсобном делал? — обернувшись, спросил у него парторг.

— У тётки гостил, конюшню белили.

— И ты белил?

— А чего ж тут особенного? Я эту науку давно знаю. Выучился у тётки.

— А как учебный год закончил?

— Две троечки, а остальные четвёрочки.

— Ну-ну, смотри! — Парторг одобрительно похлопал Афоню по плечу.

Афоня был рыжий, курносый, с широким лбом, забрызганным крупными веснушками. Андрюше он понравился сразу.

— Садись ко мне, — сказал Андрюша, пододвинувшись на скамейке, — здесь лучше.

Афоня подсел, но накрыться брезентом отказался.

— Не на клею разведён, не расползусь, — сказал он и тихо спросил: — А у тебя курить есть?

— Я... я не курю, — оторопел Андрюша и осторожно посмотрел на отца: уж не слышал ли он этого разговора?

— Родителей боишься! — усмехнулся Афоня. — А ты откуда едешь?

— С аэродрома. Я с папой из Москвы прилетел.

— Из Москвы прилетел? Иди ты! — недоверчиво покосил Афоня.

— Честное пионерское! — ответил Андрюша.

— И где же ты там живёшь — на Красной площади?

— На Красной площади — там никто не живёт, — со знанием вопроса сообщил Андрюша. — Там Мавзоль стоит, Исторический музей, храм Василия Блаженного... А когда архитектор закончил строительство этого храма, говорят, ему царь глаза выколол. Взял иголку и выколол!

— Это за что же? — с волнением спросил Афоня.

— А чтобы он больше нигде такие красивые храмы не строил!

— А я бы взял этого царя за ноги, — вдруг сказал Афоня, — да и разбил бы ему башку о мостовую!.. А кто твой папан — усатый или носатый?

— Носатый, — ответил Андрюша, хотя ни разу не замечал, что у отца большой нос. — Он начальником строительства всего завода будет.

— Значит, старого сняли? — спросил Афоня и как бы про себя заметил: — И правильно. Может, дело теперь пойдёт быстрее. А твой папан-то ничего?

— Ничего, — ответил Андрюша. — Прекрасный человек... А ты что на «Жигачёвстали» делаешь?

— Это мой дом родной. А так-то я в шестой класс перешёл. Ты читал книжку «Сын полка»?

— Читал.

— Помнишь Ваньку Солнцева? Он сиротой остался, и я сирота после немцев. Но не думай, что я вообще несчастный. Я с тёткой живу, с отцовской сестрой. Она маляр у меня. Мастер — во! Первоклассный. К ней на практику из ФЗО присылают. Вот добрая: что ни попросишь — всё сделает! Сейчас она в командировку уехала на подсобное хозяйство завода, ну и я к ней на недельку погостить ездил. А больше жить не стал. Тут, на заводе, самое интересное начинается, а чтоб я в такую пору в деревне жил! Да ни за что! А худо ли мне? Тётка денег дала на столовку, сахару, сухарей.— Афоня похлопал рукой по своему мешку.— А что за девчонка в пионерском галстукe у шофёра сидит?

— Просто знакомая одна,— ответил Андрюша,— Майкой её зовут.

— А ты давно её знаешь?

— Давно. Вместе на самолёте летели. Она стихи умеет сочинять.

— Настоящие стихи?!

— Ну, хоть в журнал отдавай, честное слово! И про природу, и про жизнь...

— А в журналах тоже иногда муру печатают...— сплюнул за борт Афоня.— Начнут там разводить всякие переживания! А мне надо, чтобы там побольше разговору было и чтоб драки были и перестрелки. В общем, про войну и шпионов... Или как пионеры против фашистов дрались...

— А ты сам-то пионер?

— Нет. В пионеры идти я уже старый, а для комсомола, говорят, я ещё не созрел.

— А тебе сколько лет?

— Четырнадцать. Правда, сейчас ещё двенадцать, а вот через четыре месяца будет уже тринадцать. А потом-то что — четырнадцатый пойдёт? Ну вот и четырнадцать.

Андрюша удивлялся Афоне, его бойкому разговору, его уверенности и тому, как он ловко свои года вывел.

Автомашина подъехала к заводу.

Впереди, возвышаясь над корпусами цехов, стояла чёрная башня, похожая на гигантскую шахматную туру.

— Это домна — видишь, справа? — сказал Афоня, протягивая руку. — Ты на неё обязательно слазай. Оттуда весь завод — как с самолёта. А вот это — мартеновский цех, а там — прокатный стан. Видишь, где крыши нет?

— А где ты живёшь, отсюда видно?

— Не видно. Я за мартеновским цехом в трубе живу.

— Как — в трубе? — удивился Андрюша.

Над широкой крышей мартеновского цеха, похожего на самолётный ангар, торчал кончик трубы.

Андрюша почему-то решил, что Афоня живёт именно в этой трубе и каждый день забирается по крыше к себе на ночёвку.

— Вот в этой живёшь? — Андрюша указал пальцем на трубу. — А как же дождь тебя не мочит?

— Нет, не в этой. Моя труба на земле валяется. Но она тоже широкая. Тут у нас на заводе все дома разрушены — в палатках люди живут, в землянках. И я с тёткой землянку имею. Только чего мне летом там одному жить? Я взял её на время семейным отдал, пока им квартиру делают. Мне не жалко. А сам нашёл себе другое местечко. Приходи — понравится. Ко мне уж и милиционер заглядывал, прописку спрашивал... А я ему говорю: «А где мне прописку ставить — на лбу, что ли? Ведь у меня ещё паспорта нет». А он говорит: «У тебя должна быть домовая книга». Вот чудила! Какой же у меня дом — ни окон, ни дверей!

— А надо сделать окна, — посоветовал Андрюша.

— Двери ещё можно сделать, а насчёт окон — трудно. Попробуй-ка проруби окно в этой трубе — все зубила пообломаешь! Ничего, я и так проживу. Всё равно целый день по улице болтаюсь или на Днепре загораю.

Афоня постучал кулаком по кабинке, а когда машина остановилась, ловко спрыгнул на землю:

— Бывай здоров! Мне в столовку... А в общем, как устроишься, надо встретиться.

— Обязательно! — ответил Андрюша.

При въезде на территорию завода стояла деревянная

арка с красным полотнищем: «Мы возродим тебя, «Жигачёвсталь»!»

А ещё выше над этой аркой, одним концом опираясь на домну, вдруг проступила на небе новая арка — бледная разноцветная радуга.

Глава IV

ПИСЬМО

«Здравствуй, мама!

От тебя мы письмо получили. Папа занят и отвечать не может. Нам здесь хорошо, и ты за меня не бойся. В комнате у нас две кровати и репродуктор, в котором говорят на украинском языке. Я уже хорошо понимаю по-украински: увага — это значит внимание, цыбуля — это, оказывается, лук, а людина — человек. Как твоё здоровье? Папа послал тебе деньги. О тебе мы не скучаем, только ты поправляйся получше. Папа всё время думает про домну. Она покосилась от фашистов, и её надо выпрямлять. Арбузов здесь ещё нет, а черешня на базаре стоит дёшево. Тут у нас живёт одна девочка. Зовут её Майка Можжухина. Папа говорит, что она — талант. А мама у неё убита бомбой во время войны. А у папы её на щеке шрам. Ему чугун брызнул и чуть в глаз не попал. Посылаю тебе стихотворение, которое Майка сочинила в пять минут:

По учёбе не хромаю,
Тихо в классе я сижу.
Галок в небе не считаю,
А в тетрадь к себе гляжу.
Побываю за день всюду:
И в кино схожу, и в сад,
Дома вымою посуду,
А потом иду в отряд.

Как мы приехали в дом, она наварила лапши и позвала нас с папой в гости. Теперь я у неё всё время обедаю. Столовая отсюда далеко, а она сама позвала. Она всё равно для своего папы готовит. А я ей отдаю продукты.

А ещё я встретил рыжего Афоню. Он живёт в трубе. Она

повалена на землю, а Афоня там один ночует и ничего не боится. Он курит папиросы, и ему тётка ничего не говорит, а мне, он говорит, ещё курить рано. Да я и сам не буду. Я Афоню встретил, когда мы ехали на завод, а до сих пор его не видел. А мне хотелось бы с ним подружиться. Он рабочий человек. Сначала мне тут было скучно, а теперь — ничего. Я уже научился открывать консервы, потому что мы всё время едим консервы. Надо только посильнее животом наваливаться на консервный нож. Вот и всё.

Напиши, есть ли в море медузы и впечатление от курорта.

Мы тебя с папой горячо целуем. До побачення! (Это — до свиданья!)

Твой сын Андрей Марецкий».

Глава V

ПОИМКА „КУРОРТНИКА“

Уже целую неделю Андрюша и Майка собирались сходить на завод, который находился от их дома за три километра, но всё никак не могли выбрать время: то Майка по хозяйству была занята — ходила на рынок, стирала бельё, то Андрюша читал книжку или ему просто не хотелось куда-то тащиться по жаре.

Но вот сегодня за завтраком Майка прямо заявила, что хочет Андрюша или нет, а она обязательно пойдёт на завод.

— Так и пойдёшь без меня? — спросил Андрюша. — А вдруг кто тронет?

— Никто не тронет, — уверенно ответила Майка. — А если надо будет, и без защитника обойдусь.

Андрюша задумался: идти или нет? На заводе он всегда успеет побывать — это факт, но вот если Майка одна уйдёт — ему будет скучно. А потом, они всё делали вместе: и мыли полы (Андрюша таскал воду), и чистили картошку, и ходили в магазин. И уж раз всегда вместе, так и сегодня вместе.

И они пошли...

Андрюша очень любил у себя во дворе, в Москве, устраивать с ребятами разные атаки, бои с саблями и гранатами из бумажных кульков с песком. После этих боёв он всегда приходил домой разгорячённый и радостный. Это было очень интересно — фехтовать длинными саблями и протыкать картонный щит противника. А ещё можно было брать противника в плен: заломить ему руки и отвести под охраной в сарай.

Настоящую войну Андрюша никогда не видел, кроме как в кино. Да и в кино, когда ему было особенно страшно, он всегда уговаривал себя, что это-де кино и все артисты живы останутся.

А сегодня войну он увидел воочию, без деревянных сабель и картонных щитов.

Они шли мимо цехов с обрушенными крышами и скрюченными железными балками.

И кирпичи, и бетон, и железные балки — всё это было так перемешано, нагромождено друг на друга, что трудно было определить, откуда лучше всего начинать разборку.

Длинные цехи стояли, как скелеты, продуваемые насквозь горячим ветерком. Издали они казались заброшенными.

Но это только издали.

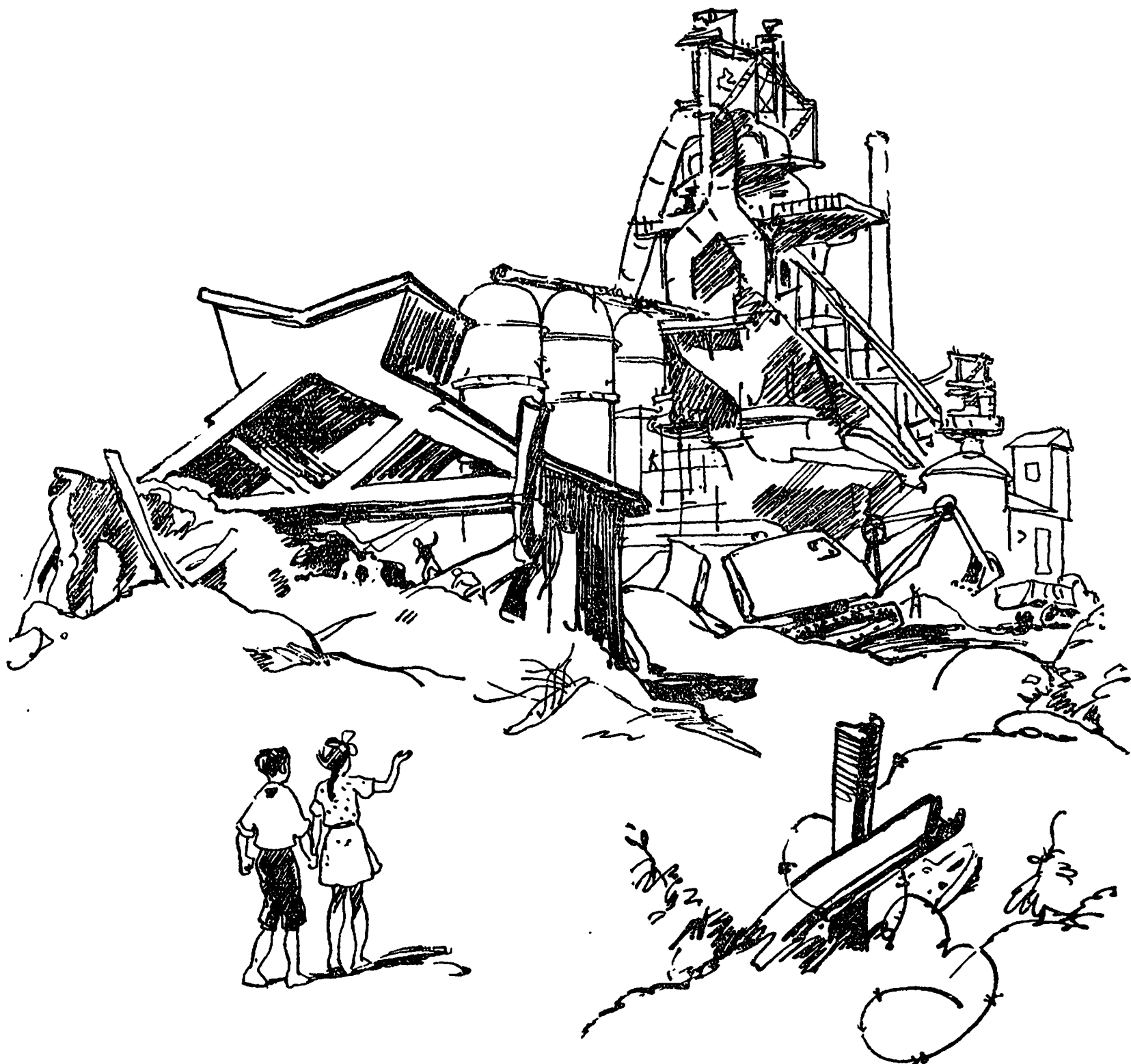
Снаружи и внутри кипела работа.

Тяжёлый экскаватор, как какое-то доисторическое животное, зубастой пастью вгрызался в землю, выбрасывал её и снова, угрюмо помахивая нижней челюстью, тянулся к земле.

В кабине экскаватора сидел молодой человек с чумазым лицом. Он ловко орудовал рычагами и педалями, ни на минуту не задерживая в воздухе пустого ковша.

Машина дико скрежетала, звенела, будто сопротивлялась человеку, но малейшее прикосновение руки к рычажкам — и она уже быстро поворачивалась вокруг себя или легко бороздила землю.

Вокруг грохочущих бетономешалок, похожих на огромные вертящиеся глобусы, густым облаком плавала цементная пыль, стояли мутные лужи воды.

А на расчищенных площадках уже устанавливались какие-то машины и станки.

Приподняв над землёй чугунную массивную деталь, чем-то напоминающую швейную машину, по цеху на гусеницах продвигался подъёмный кран.

Машинист этого крана, высунувшись из своей кабины, вложив два пальца в рот, свистел встречным рабочим — дескать, берегись! Кричать в таком шуме — всё равно никто не услышит.

И словно на фотографической пластинке, опущенной в проявитель, здесь можно было уже заметить, как постепенно проступали контуры новых огромных станков высотой с двухэтажный дом. Они не были ещё окончательно собраны: полированные валы и зубчатые колёса стояли по сто-

ронам железной дороги, электромоторы были упакованы в деревянные ящики. Но многие ящики были уже разбиты, а огромные валы положены на тележки и перевезены на своё место. Чувствовалось — ещё пройдёт немного времени, и все эти пока безжизненные детали соединятся в могучие станки и зашумят, завертятся...

Сотни рабочих катали по деревянным дорожкам тачки, таскали носилки, словно галки чернели на электрических мачтах и столбах.

И как они забирались без лестниц на столбы — просто удивительно! Подходит к столбу человек с какими-то крючками на ногах, и вдруг как по воздуху — раз-два-три! — и он уже наверху, белые ролики навинчивает.

А один рабочий крикнул Андрюше:

— Эй, малец, забирайся сюда — Москву видно!

То тут, то там тарахтели пневматические молотки, и люди, навалившиеся на них животом, тряслись вместе с ними как в лихорадке.

Куцые паровозы без тендеров тянули за собой длинные составы с кирпичом и железными балками. Автомобили-самосвалы, возившие песок, кружились вокруг цехов, будто в карусели. Не успеет один разгрузиться — глядишь, уже новый едет. И странно было видеть среди снующих рабочих, взлетающих к небу подъёмных кранов, среди облаков известковой пыли маленький зелёный холмик, обнесённый тонкой проволокой.

На деревянном столбике со звездой ещё проступали выцветшие буквы:

**Здесь похоронен сержант
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ ГРИЦАЙ,
строивший мартеновский цех,
работавший в мартеновском цехе
и погибший в бою за этот цех
14 октября 1943 года**

Андрюша удивился одному: почему не написано, что Грицай — Герой Советского Союза? Под таким холмиком обязательно должен был лежать Герой Советского Союза...

Андрюша даже себе представил, как шёл бой за этот мартеновский цех. Его оборонял Грицай с группой бойцов. Они прятались за станки и бросали в немцев гранаты, а немцы — их при наступлении было больше — подогнали к цеху тяжёлые танки и стали бить по нашим в упор. И вот все наши бойцы полегли, остался только Грицай. «Сдавайся!» — кричат ему немцы. А он и впрямь решил сдаваться. Вытащил из кармана белый платок и нацепил его на палку: дескать, сдаюсь. Немцы с автоматами подбегают к нему поближе, а он вышел из-за станка и как бросит в них гранату! Одну, другую... а третью... себе под ноги. Только так мог воевать этот Грицай!

А домна с покосившимся туловищем была уже рядом.

Справа от неё, как сказала Майка, стояли кауперы и пылеуловители — громадные цилиндры, связанные между собой мостиками и трубами. Они походили на гигантскую батарею парового отопления.

Майка устройство завода знала хорошо.

— А ты знаешь, для чего такие кауперы? — спросила она. — В них нагревают воздух и дуют в домну. Так она лучше горит. Понял?

— Что-то не очень... — ответил Андрюша.

— А ты уж так никогда-никогда и не расспрашивал папу про завод?

— Нет. Тут, говорят, надо физику и химию знать. А мы ещё не проходим в классе.

— Ну и что ж — я вот тоже не знаю ни физику, ни химию, а зато всё равно спрашиваю у папы. И теперь мне даже с любым инженером не страшно поговорить. Завод этот, конечно, большой, а если разобраться — в нём ничего сложного нет. Ты знаешь, что такое руда?

— Знаю, — ответил Андрюша, — полезное ископаемое. Например, железо в земле...

— Верно. Ну вот эту руду привозят на завод, а потом её вместе с углем засыпают в домну. Как слоёный пирог выходит. Сначала слой угля, потом слой руды, потом опять слой угля. А для того чтобы домна лучше горела, в неё дуют воздух. На теплоэлектростанции такая специальная

машина стоит — воздуходувка. Но вот если гнать воздух, которым мы дышим, так он сразу остудит домну, а поэтому его нагревают в кауперах. А в домне знаешь какая температура?

— Ну?

— Тысяча пятьсот градусов!

— Здорово! Небось руда сразу расплавляется?

— Не сразу, а часа через три-четыре,—ответила Майка.— Ну вот, из руды, значит, выплавляют чугун, а если надо варить сталь, так этот чугун, совсем жидкий, подвозят к мартеновской печи и, как воду, заливают туда. Он очень горячий, понимаешь?

— Понимаю,—ответил Андрюша.

— А вот тебе, пожалуйста, газопровод! — Майка указала на толстую трубу, поднятую над землёй высокими подпорками.— По нему идёт горячий газ из домны и в мартеновский и в другие цехи. Вот и вся механика. Ясно?

— Прекрасно.

— А ты тоже стал рифмами говорить! — засмеялась Майка.— Ясно — прекрасно... А ещё мне папа сказал, что «Жигачёвсталь» начали строить в 1930 году. Знаешь, здесь была только пустая степь и ни одного домика, а теперь на двенадцать километров цехи тянутся!

...День был жаркий. Над «Жигачёвсталью» висело голубое бездонное небо.

Это было южное небо — чистое и хрустальное. Тёмными бархатными ночами оно покрывалось миллионами звёзд, созвездий и туманностей, и все они дрожали и мигали, словно передавали на землю таинственные сигналы; а днём это небо было без единого облачка, без единой тучки. Только иногда проплывали с далёким гулом серебряные точки — самолёты,— вот и всё, что могло нарушить его спокойную летнюю красоту. На листьях акаций, на платиновой чешуе тополей лежала густая пыль, и не было ни ветерка, ни дуновения, чтобы сбросить её и встряхнуть поникшие листья.

Ослепительно белое солнце выжигало кое-где пробивавшиеся на территории завода клочки травы, быстро сушило лужи около бетономешалок.

От духоты и пыли першило в горле, очень хотелось пить.

Когда ребята подходили к домне, навстречу им попался какой-то белобрысый мальчишка в очках с металлической оправой. Левая дужка на очках отсутствовала. Вместо неё за ухо тянулась петелька из чёрного шнура.

Мальчишка шёл с большим ведром. В прозрачной воде плескалось солнце. Тащить ведро ему было тяжело, он перехватывал его то одной рукой, то другой.

— Эй, мальчик, заворачивай сюда! — крикнул Андрюша. — Дай напиться.

Тот поставил ведро на землю и, сплюнув сквозь зубы, юркими серыми глазами удивлённо взглянул на Андрюшу:

— А ты откуда такой выискался?

— Я? Здесь живу.

— Мы что-то таких здесь не видали.

— А теперь будете видеть...

— Ну что ж, очень приятно. Где изволите проживать?

— В доме инженерно-технических работников.

— А девчонка — твоя сестра?

— Нет... Ну, в общем, дай глоточек...

— Держи карман шире!

— Неужели жалко? — подошёл Андрюша к мальчику.

— У меня каждая кружка на учёте...

— Да мне немножко: полковника — и хватит, — добродушно сказал Андрюша и хотел было снять с ведра ковшик, но мальчишка оттолкнул его руку:

— Не трогай, ведь сказал тебе!

Андрюша разозлился: такой маленький, а ещё руку отталкивает!

— Ты что, получить хочешь? — наступая, спросил он. — Дай сюда, говорю, ковшик!

Мальчишка отошёл на шаг от ведра и беспомощно оглянулся: Андрюша был сильнее его.

Майка быстро подскочила к ведру, сняла с него ковшик и зачерпнула воды. Она пила жадно и даже нос намочила.

— Ух! — перевела она дыхание и снова зачерпнула. — Андрюша, на, бери. С этой жадиной разговаривать — от жары помрёшь!

— И не жадина! — обиделся мальчик. — Я рабочим воду несусь, а вы и так напьётесь.

— Каким рабочим? — удивлённо посмотрел на него Андрюша, отрываясь от ковшика.

— Всем. Здесь у нас водопровод не работает, из колодца воду берём. Не знаешь, что ли!

— Так бы сразу и говорил, — сбавляя тон, сказал Андрюша.

— А ты не бери на силу. Узнай сначала. А то видали мы таких...

Мальчик взял у Андрюши ковшик, с усилием поднял ведро и, весь изогнувшись, шагнул вперёд.

Андрюша растерянно посмотрел ему вслед...

На территории домны работы шли полным ходом. Она вся была заполнена рабочими.

Газосварщики в синих очках, держа в одной руке горелку с голубым языком огня, а в другой — кусок толстой проволоки, сваривали железные листы.

Вверху, на самой домне, на подвесных люльках качались клепальщики и огромными, похожими на пистолеты пневматическими молотками загоняли в домну стальные заклёпки.

Огнеупорщики обматывали трубы асбестом, обкладывали их кирпичами.

Здесь работали и женщины. Они ходили в мужских брюках.

Над раскалённой от солнца домной струился горячий воздух, витала ржавая пыль.

И вдруг Андрюше пришло в голову забраться на один из пылеуловителей. Кстати, на нём почему-то рабочих не было.

— Полезем, а? — предложил он Майке.

Майка взглянула на пылеуловитель:

— Нет, не полезу. Я устала.

— Эх ты, трусила! — сказал Андрюша.

— Не трусила, а устала, — повторила Майка. — И потом, я эти пылеуловители уже десять тысяч раз видела.

— А я никогда не видел.

— Ну и полезай один.

— А ты совсем нетоварищеский человек и нелюбопытная.

— Насчёт человека — это мы ещё посмотрим, кто товарищеский, а кто нет, — сказала Майка. — И ты такими обвинениями не бросайся! А любопытной Варваре в церкви нос оторвали...

Майка чем-то была рассержена. Это Андрюша почувствовал сразу. Может быть, потому, что он с тем мальчишкой грубо разговаривал...

Высокий пылеуловитель, похожий на гигантскую бутылку, со всех сторон окружали лестницы со ступеньками из тонких поржавевших прутьев.

Андрюша поднимался медленно. С высоты он заметил группу парней. Раньше увидеть он их не мог — они были по другую сторону пылеуловителя.

Ребята, человек десять, укладывали в штабеля кирпичи. Они брали кирпичи у железнодорожного полотна, где их было навалено видимо-невидимо.

Пять прямоугольных штабелей стояли уже уложенные, укладывался шестой.

Ребята носили кирпичи, как дрова, на согнутых руках. Работали они молча, не торопясь. Только изредка переговаривались:

— Васька, осторожней клади! Бьёшь ведь...

— Ух и жара!

От кирпичной пыли и лица и руки у них были розовыми, а волосы серыми — словно в муке.

«Ремесленники на практике», — решил Андрюша.

Пылеуловитель опоясывали площадки с поручнями. На площадках через большие, похожие на пароходные иллюминаторы отверстия можно было заглянуть в корпус пылеуловителя. Там было темно и гулко.

Хотелось плюнуть в темноту, но Андрюша не плюнул — крикнул:

— Я тут!

«Ятут... ятут...» — отозвалась темнота.

— Дам чугуны!

«Дамчугу... дамчугу...» — опять гулко раскатилось по бездонному колодцу.

— Разговаривает! — рассмеялся Андрюша и вдруг отшатнулся: какой-то чёрный комочек промелькнул мимо его лица. Из пылеуловителя вылетел стриж.

А завод, огромный, раскинувшийся на многие километры, лежал внизу неподвижный, разрушенный и, если бы не вспыхивающие дымки паровозов, не чёрные точки людей, казалось — мёртвый навсегда.

Вдали зеленели степи, вилась голубая лента Днепра. На реке еле различались баржи и пароходы.

Кругом было так хорошо и красиво, что Андрюше очень захотелось, чтобы и завод заработал снова. Вернее, это был бы уже не завод, а пароход под его командованием.

Андрюша гордо прошёлся по площадке — своему воображаемому капитанскому мостику — и пожалел, что с ним не полезла Майка, а то бы могла написать стихи про красивые виды.

И ещё жалко, что нету здесь Серёжки. Он бы смог перед всем классом засвидетельствовать, что Андрюша действительно лазил на домну. А что, интересно, делает сейчас Серёжка в Москве? Сидит дома или гуляет по улицам? Вот стояли бы они вдвоём на этой высоте и глядели на весь завод, и Андрюша не скучал бы без своего закадычного друга. Майка тоже неплохая девчонка, но разве можно на неё положиться? Не успел он поругаться с этим мальчишкой — она сразу разозлилась.

На земле, возле лестницы, его уже давно поджидали два незнакомых мальчика.

Один мальчик был высокий, с крупной угловатой головой, остриженной под машинку. Тёмные брови его сходились над переносицей. Он был в матросской тельняшке с обрезанными рукавами. Его штаны подхватывал широкий ремень с металлической пряжкой, на которой было выдавлено «РУ».

А другого Андрюша уже знал. Это у него он просил напиться, когда встретил его с ведром.

Маленький мальчишка держал руки на бёдрах и, сбро-

сив очки с носа — они остались висеть на шнурке на левом ухе, — пристально глядел на Андрюшу.

— Ты что там поделывал? — хмуро спросил высокий и медленно приподнял бровь, кивнув головой в сторону пылеуловителя.

Андрюша оглянулся. Майки нигде не было. Ему стало не по себе. Откуда эти ребята? Кто они такие?

— Просто так лазил, осматривал. А что?

— А ничего... — ответил мальчишка с очками на левом ухе. — Сейчас увидишь.

В это время из-за пылеуловителя появился ещё один мальчик. Он закричал:

— Витаха! Чего вы там связались с ним? Идите скорее сюда!

Высокий обернулся на зов, махнул рукой — дескать, сейчас приду — и опять посмотрел на Андрюшу:

— Ну, отвечай: чего тут шатаешься?

— Гуляю. Отдыхать сюда на лето приехал.

— Отдыхать на завод приехал?.. — удивлённо протянул Витаха и обратился к своему приятелю: — Это как понять, Миколка? В санаторий, что ли?

В его голосе слышалась издёвка.

— В санаторий... на пампушки, на галушки и на вареники с вишней. А украинского борща со свиным салом не желаете? — с подначкой сказал Миколка.

— Почему не желаю... можно попробовать, — не зная, что говорить, отвечал Андрюша.

— А кавуна?

— А что это такое? — спросил Андрюша.

— Кавун — это вроде кабана, бежит и хрюкает! — засмеялся Миколка. Потом обернулся к Витахе: — Ну что мы с ним будем робить?

— Учить... — сказал Витаха.

— С красным паровозом?

— Можно и паровоз пустить.

Миколка усмехнулся и вдруг, замахав руками, закричал:

— Эй, ребята, сюда! Здесь курортника поймали!

И сразу из-за пылеуловителя появились остальные мальчишки, таскавшие кирпичи.

Потные, загорелые, они вмиг плотной стеной окружили Андрюшу и с любопытством стали его разглядывать.

— А ну-ка, повтори при всех, зачем ты приехал на завод,— сказал Миколка усмехаясь.

— Не повторю,— тихо сказал Андрюша.

Миколка подошёл поближе — теперь его была сила — и сжал кулаки:

— Не повторишь? Ну?

— Отдыхать...

Ребята рассмеялись, и громче всех смеялся Миколка.

Если бы в этот момент не появилась Майка, Андрюше пришлось бы плохо.

Майка где-то ходила возле домны. Заметив Андрюшу и того белобрысого очкастого мальчишку, которого они чуть не побили, она почувствовала, что сейчас будет драка. Надо было выручать Андрюшу.

Она быстро вошла в круг ребят:

— Ну, чего вы наседаете? И не стыдно — двадцать на одного!

— Не стыдно, — ответил Миколка. — И тебе сейчас попадёт.

— А за что?

— Сама знаешь.

— За воду? Но мы ведь тебя не били...

— Бить не били, но ковш отняли.

— Подумаешь — ковш! Я тебе десять таких принесу. А если мы и виноваты перед тобой, то извиняемся. Вот и все дела!

Миколка не знал, что ей ответить. Вышло, что она права. Но он не мог просто так спустить Андрюшке свою обиду.

— Ладно, ты нам тут зубы не заговаривай разными извинениями... — начал он.

Но Майка его уже не слушала.

Потом она вдруг протянула Витахе руку:

— А ты, мальчик, здравствуй! Будем знакомы. Меня зовут Майка.

Она сразу поняла — то ли по росту, то ли по белой бляхе на поясе с двумя буквами «РУ», — что он здесь самый главный.

Витаха покраснел, часто заморгал длинными ресницами и, не глядя на Майку, быстро пожал ей руку.

— А теперь до свиданья! Мы бы ещё с вами поговорили, но нам пора обедать... Пойдём, Андрюша! — Майка сделала шаг.

— Ребята, чего же вы? А ведь она тоже на меня нападала! — растерянно сказал Миколка.

Но ребята уже расступились.

Андрюша уходил медленно, вразвалку. Он не чувствовал себя побеждённым. Но ему было стыдно перед Майкой. Она могла подумать, что он трус.

«Здравствуй, дорогой друг Серёжа!

Серёжа, как ты живёшь?

Летели мы здорово. Сначала светило солнце, а потом начались тучи. Рядом с нашим самолётом гремел гром и сверкали молнии. Все боялись, а я не боялся. А потом мы сделали три раза «мёртвую петлю» и полетели над облаками. И мне казалось, что мы летим над Северным полюсом. А на аэродроме нас встречал оркестр, и принесли цветы. Наш лётчик сказал речь. У него десять орденов.

Утром мы с папой пьём чай из кастрюли, а она пахнет супом. Электрочайник включать воспрещается — электростанция ещё не работает, а тока от дизельпоезда на всех не хватает. И читать нельзя при лампочках — очень болят глаза.

В нашем доме живут отовсюду: из Кузнецка, из Тагила, из Свердловска. Как мой папа сюда приехал, так всё на заводе пошло наоборот. Очень быстро. На мартеновском цехе торчал всего кончик трубы, а сейчас она наполовину готова.

А всё-таки лучше было бы, если бы я не уезжал. Здесь скучно. И чем заняться, никак не придумаю. Вот если бы мы тут с тобой жили, тогда бы уж повеселились! Здесь было много зайцев и лисиц. Они бегали в цехах, когда там росла трава. А сейчас там рабочие, а лисицы убежали. Я ходил их искать, но никак не нашёл. А то бы убил одну для живого уголка.

Я недавно лазил на домну. На ней очень интересно. А на Днепре я ещё не был. Не с кем пойти.

Серёжа, ловишь ли ты рыбу на даче?

А про гром и оркестр я тебе наврал для интереса.

Жду ответа. Я теперь уже могу говорить по-украински: кавун — это арбуз. Передай привет Галке.

Твой друг навсегда Андрей Марецкий».

У Семёна Петровича шёл приём. Рядом с ним за столом сидел Матвей Никитич.

За дверью кабинета стояла большая очередь рабочих, желавших лично поговорить с новым начальником.

Молодая работница-бетонщица в гулких деревянных башмаках и пыльной чёрной юбке — она, видимо, пришла прямо с работы, — робко опустив глаза, просила помощи. Она окончила семилетку и поступила в индустриальный техникум. Занятия там идут три раза в неделю. И вот, для того чтобы не опаздывать на лекции, она должна уходить с работы на час раньше. Мастер её не отпускает, а может быть, начальник разрешит?..

Вдруг Семён Петрович услышал разговор, который вёлся в приёмной сначала полущёпотом, а потом перешёл на громкие, раздражённые тона.

— Так что же, вы нас совсем не пустите? — спрашивал не то женский, не то мальчишеский голос.

— Не пущу! — категорически отвечала секретарь. — Я же вас сразу предупредила, что сегодня не удастся.

— Да мы же здесь три часа сидим! И не для себя идём, а для всех.

— Ну хорошо, я узнаю.

Вслед за этим в кабинет вошла Маруся:

— Семён Петрович! Тут к вам одна делегация.

Семён Петрович ещё не сказал ни слова, а за спиной Маруси уже показался какой-то мальчишка. На вид ему было лет тринадцать-четырнадцать. Он был в полосатой тельняшке, босой. Чёрные, сросшиеся на переносице брови придавали лицу немного строгое выражение.

— Вот те на! — вдруг изумлённо воскликнул парторг, приподнимаясь из-за стола. — Витаха!

— Я. Здравствуйте, Матвей Никитич!

В кабинет входил ещё один мальчик — белобрысый, в очках. Он нерешительно озирался. У него были большие голубые глаза. Под мышкой он держал старый парусиновый

портфель, на котором вместо плоского никелированного замочка был пришит обыкновенный ремешок.

— И Миколка? — удивился Матвей Никитич. — А за дверью ещё кто-нибудь есть?

— Нет, нас только двое, — ответил Витаха. — И мы к вам лишь на пять минут. Можно, а?

— Что ж с вами делать! — развёл руками Матвей Никитич. — Раз пришли — садитесь... Маруся, пододвиньте ребятам стулья... Это наши заводские пионеры, — пояснил он Семёну Петровичу. — Вот Витаха Грицай, сын нашего героя...

— Того, что строил мартеновский цех? — спросил Семён Петрович.

— Да. А этот — Миколка... Миколка, как тебя прозвали-то? — вдруг обратился Матвей Никитич к мальчику, державшему парусиновый портфель.

— Секретарь! — ухмыльнулся Витаха.

— Ах да, вспомнил! Секретарь. Про него, Семён Петрович, говорят, что он канцелярию любит. И ещё он — натуралист.

— Лягушатник, — сказал Витаха, — червяков копит.

— Чего ты врёшь? — обиделся Миколка и густо покраснел. — Я просто жуков собираю для коллекции.

— Ну, тише, тише, орлы! — сказал Матвей Никитич. — Вы же делегация. По какому делу-то пришли?

— Нам бумажку, Матвей Никитич, надо, — сказал Витаха, — чтобы нас не гоняли.

— Охранную грамоту, что ли? — удивился Семён Петрович.

— Разрешение от вас, — сказал Витаха и обернулся к приятелю: — Миколка, достань-ка!

«Секретарь» открыл портфель и, порывшись в каких-то книгах и блокнотах, развернул на столе небольшой план. Он был сделан на ватманском листе тушью, и по маленьким, аккуратным стрелочкам и по чёткому шрифту было видно, что чертил его человек, умеющий обращаться с рейсфедером и знающий масштабы.

— «Детская спортплощадка. Проект В. Грицай», — про-

чёл Матвей Никитич в нижнем правом углу чёрные буквы и, мельком взглянув на чертёж, сразу всё разобрал.

Это был настоящий стадион с футбольным полем, с турником, с волейбольной и баскетбольной площадками. Квадратик с точкой посередине изображал трибуну с мачтой. Вокруг футбольного поля тянулась беговая дорожка.

— Так...— сказал парторг.— Чертёж понятен. А кто вас гоняет и за что — непонятно.

— Гоняет комендант посёлка Потапов! — возмущённо сказал Витаха.— Вот человек — никак мозгами не шевелит! Все кругом работают, ну и я с мальчишками в каникулы тоже решил работать — на Ильинском пустыре спортплощадку строить,— а комендант кричит, будто ему земли мало...

— И сторож брёвен не даёт,— вставил Миколка.— А это основной материал.

— А где же вы хотите брать брёвна? — спросил Матвей Никитич.— На складе?

— Нам со склада не надо. Мы погоревший барак хотели разобрать.

— Так... так... Это что-то вроде Пионерстроя выходит,— задумчиво сказал Матвей Никитич. Потом поднял голову: — Слушайте, строители, а может быть, подождёте со строительством? Мы вот как управимся с домной, так вам и плотников настоящих дадим, и материал свежий отпустим. А сейчас кто же этим займётся? Ведь ни одного человека нет свободного.

— А мы сами,— сказал Витаха.

— Да что вы, Матвей Никитич! — подхватил Миколка.— Неужели мы без взрослых не справимся? Мы уже лодку сделали, планёр из фанеры построили...

— Ну-у... не знал, что вы такие мастера! — сказал Матвей Никитич.— Хочу им лучшего, а они говорят — сами. Впрочем, стройте. Так и быть, дадим вам разрешение. Ну, Витаха, а как твоя мама живёт?

— Спасибо, хорошо.

— Об отдельной квартире мечтаете?

— А кто о ней не мечтает! Всякому охота, чтоб лучше...

— Знаю, знаю. Вот мы тут поставили вашу семью на

очередь. Как примем первый дом, один из ордеров — вам. Так что уж потерпите...

— Есть терпеть! — ответил по-морскому Витаха. — У других ещё хуже с жильём.

— Это кого ты имеешь в виду? — улыбнулся парторг.

— А вот хотя бы стоит перед вами! — Витаха пальцем указал на Миколку.

— И ему дадим. Мы рабочий люд поддерживаем...

— Матвей Никитич, — вдруг засмуцавшись, сказал Витаха, — а вы заодно мне рекомендацию не напишете? Я в комсомол хочу вступить в ремесленном. Вы же меня давно знаете, отца знали...

— Рекомендацию хочешь? — переспросил Матвей Никитич задумчиво. — Гм!.. Это верно, что я давно знаю вашу семью. Настоящий человек был у тебя отец, иного слова нет. Ну что ж, за этим дело не станет. А может, поработаешь сначала? Посмотрим, как ты справишься.

— Он способный! — сказал Миколка. — В ремесленном на доске отличников висит. И будь я на вашем месте, я бы уж ему давно написал.

— Вот делегация! Уж как насядут, так держись! — засмеялся Матвей Никитич. — В общем, давайте так постановим: я утверждаю Витаху на строительстве спортплощадки главным руководителем. А когда площадка будет готова, тогда поговорим о рекомендации... Правильно я решил, Семён Петрович?

Вместо ответа Семён Петрович лукаво посмотрел на ребят и нажал на кнопку звонка, вделанного в стол. А когда вошла секретарь, сказал:

— Маруся, возьмите к себе ребят и составьте, какое им надо, разрешение. Я подпишу.

Глава VIII

НАЧАЛО

С тех пор как Семён Петрович лично осмотрел домну, день и ночь у него не выходила из головы мысль: как с ней быть? Корпус домны в основном не был повреждён. Правда,

в нём зияла огромная пробоина, но она могла быть заделана быстро.

Семёна Петровича беспокоило другое: как устранить наклон корпуса?

Может быть, разобрать эту домну и построить новую? Но как тогда быть со сроками? На постройку новой домны нужен год, а министр сказал, что первый выпуск чугуна должен быть не позже чем через два месяца.

Нелегко было Семёну Петровичу решить такую задачу. Тем более, что он столкнулся с этим впервые. Необходимо было найти простой выход, а в результате — тупик: думать о постройке новой домны нельзя и оставить домну с наклоном тоже не хотелось. Это скажется на ходе печи — её горении. Плавка будет маленькой.

Что же делать?..

Андрюша наблюдал за отцом. За последние дни отец стал странным. На вопросы отвечал невпопад, вместо сахара однажды насыпал себе в чай две ложки соли и, главное, не улыбнулся. Ночью он не мог долго заснуть, ворочался. Он похудел, а ещё зачем-то привык вертеть в пальцах какие-нибудь маленькие вещи: карандаш, монетку, спичечную коробку.

Отец обыкновенно просыпался чуть свет. Ходил на цыпочках по комнате, чтобы не разбудить Андрюшу, потом, взяв хлеб из шкафчика и всухомятку жуя его, садился за стол работать. Он всё время что-то считал на логарифмической линейке и полученные результаты записывал в серенькую тетрадку. Потом делал от руки какие-то чертежи.

Андрюша не раз, проснувшись спозаранок, видел, как отец, сидя за столом, то беззвучно шевелит губами, то подмигивает сам себе или похлопывает себя по шее.

Иногда, оторвавшись от своих расчётов, он садился на подоконник и глядел на вереницы рабочих, которые шли на завод в утреннюю смену.

По асфальтированному шоссе, обсаженному стройными тополями, двигались тысячи людей. Они шли быстрым шагом, и в одиночку и группами, весело переговариваясь, пересмеиваясь. Одеты они были по-разному: кто был в брезен-

товой тужурке, кто в галифе и выцветшей гимнастёрке, кто в деревянных башмаках, измазанных известью, кто просто босиком. Рядом с седым человеком, одетым в пропылённую, помятую спецовку, торопилась девушка в майке, подставляя горячему солнцу круглые загорелые плечи. Пожилые рабочие, надвинув на лоб промасленные кепки, шли степенно, попрыгивая трубками. Лихо неслись лошади с телегами, мчались грузовики. Некоторые из рабочих, сорвавшись с места, вдруг бежали за машинами. Грузовики, полные людей, летели на большой скорости, но вдруг — цоп! — и, глядишь, ещё новый человек повис на заднем борту.

Люди шли строить свой завод. И хотя они устали за вчерашний день и за короткую летнюю ночь им не пришлось как следует выспаться, они без заводского гудка шли на работу, улыбаясь утреннему солнцу, которое освещало впереди лёгкие, сквозные контуры их родного, пробуждающегося к жизни завода.

Ровно без пятнадцати восемь за отцом заезжала легковая машина «Победа». Машина была получена недавно. Не раз, похлопывая рукой по её глянцевой обтекаемой кабине, отец говорил Андрюше:

— Эх, хороша! Как пуля летит. Вот на что пойдёт наш тонкий лист!

Машина давала на дворе три длинных гудка, и отец, быстро засунув в портфель все свои бумаги, казалось, не выходил из комнаты, а выскакивал. Впрочем, это было понятно: как говорил отец, ему была дорогá каждая минута...

Он засиживался на работе далеко за полночь, а иногда и вовсе не приходил домой по суткам. У него на работе рядом с кабинетом была маленькая комнатка с кроватью. Там всё было как в гостинице. На столе — графин с водой, на спинке кровати — вафельное полотенце, на подоконнике — электроплитка. А рядом с кроватью возле изголовья на тумбочке стояли два телефона: один местный, а другой — правительственный, «вертушка», как его называл отец. По этому телефону можно было позвонить в Москву. Только снял трубку, а на другом конце провода уже говорят: «Москва слушает!» Андрюша не раз мечтал позвонить

по этому телефону Серёжке, но всё никак не решался спросить у папы разрешения.

Однажды на квартиру к Семёну Петровичу пришли парторг Матвей Никитич и Майкин отец. Семён Петрович пригласил их не случайно: он хотел с ними посоветоваться.

Он вскипятил в кастрюле чай, расставил на столе стаканы. Правда, стаканов всего было два, но так как взрослых было трое, то отец вымыл свой бритвенный стаканчик из красной пластмассы и поставил его перед собой. Он нарезал хлеб, колбасу и высыпал с ладошки в кастрюлю чайную заварку.

Чай вышел крепкий, пахучий.

Матвей Никитич, сделав первый глоток, чмокнул губами: — Ай да Семён Петрович — чаёк какой приготовил!

Он пил стакан за стаканом и начал утираться платком.

Иван Васильевич почти не дотрагивался до чая. Он сидел, широкоплечий, всё в той же вышитой косоворотке, в какой летел из Москвы, и задумчиво пощипывал усы.

Взрослые сначала говорили о новом разливочном кране, который устанавливался в мартеновском цехе, об испытании обжимных валов в цехе проката тонкого листа. Затем перешли на разные новости. Оказывается, о «Жигачёвстали» два дня назад писала «Правда». Стройка отставала.

— Да-а... — медленно произнёс Семён Петрович, устало проведя ладонью по лицу. — Мы отставать — отставали, но теперь с этим конец. У меня к вам вот какое дело... Я нашёл выход из этого положения. Первое: с домной...

Андрюша сидел на кровати и читал книжку. Услыхав, что отец нашёл какой-то выход, он насторожился.

Он вспомнил, что когда отец работал в Москве, то к нему за советом обращались самые разные люди. Он всегда за кого-то хлопотал, кого-то устраивал на работу, кому-то посылал свои деньги, вёл переписку со многими инженерами. А иногда эти инженеры приходили со своими чертежами прямо на дом и оставались ночевать на раскладушке.

«Тсс! Не шуми! — говорил по утрам отец Андрюше и кивал на спящего товарища. — Пять суток на поезде ехал. Пусть отдохнёт».

Так они и жили у отца по два-три дня. А когда уезжали, то долго в передней трясли отцу руку и говорили:

«Спасибо, Семён Петрович! Мы, знаете, очень мучились в конструкторском бюро, а вы сразу нашли решение этой проблемы».

«Ну, «сразу»! Я тут ни при чём. Вы сами это решение нашли,— отказывался отец.— Но если что опять требуется,— милости просим, приезжайте...»

Семён Петрович, отодвинув от себя бритвенный стаканчик, взял в руки карандаш.

— Нам предлагали,— сказал он,— для ликвидации наклона домны сделать осадку с одной стороны на опорные колонны или дать домне осесть. Так? Но это мы отвергли. Здесь риск. Вес домны — восемьсот тонн, и неизвестно, как она себя поведёт. Согласны?

Матвей Никитич и Иван Васильевич молча кивнули головой. Андрюша тоже кивнул, хотя о таких проектах ни разу не слышал. Он просто всегда и во всём был согласен с отцом.

— А я предлагаю вот что...— продолжал Семён Петрович.

Он быстро нарисовал на листке силуэт домны — шахматную туру с наклонённой верхней частью — и толстой жирной чертой разрезал её у основания.

Взрослые склонились над рисунком.

— Понимаете? — спросил Семён Петрович.— Мы разрежем стальной корпус домны автогеном, а потом наклонённую часть поднимем на домкратах.

Семён Петрович сделал новый чертёж. Верхняя часть домны уже была без наклона.

— Подождите, подождите...— тронул Можжухин за рукав Семёна Петровича.— Говорите, на домкратах поднимем?

— На домкратах.

— Но ведь этого нигде и никогда не было!

— А у нас будет. И знаете, сколько на подъём потребуется времени?

— Ну? — недоверчиво улыбнулся Иван Васильевич.

— Один день!

— Шутишь ты, Семён Петрович! Об этом ведь только мечтать можно! — привстал со стула Матвей Никитич и залпом выпил стакан. — Я ведь тоже инженер...

— Нет, не шучу... — Семён Петрович вынул из портфеля серенькую тетрадку, над которой частенько сидел по утрам, и спокойно похлопал по ней рукой: — Вот расчёты.

Андрюша смотрел на отца и тихо восторгался им.

Вид у отца был решительный. Он говорил так понятно и убедительно, что казалось, вот сейчас же взрослые вылезут из-за стола и пойдут поднимать домну.

За раскрытым окном стоял тёплый вечер. Неподалёку бухали взрывы. Тёмное небо бороздили прожекторы. Всюду вспыхивали ослепительные огни электросварки. Там будто рождались и гасли новые звёзды.

И вдруг Андрюша услышал долгий свист. Он выглянул в окно и ничего не увидел. Кругом была непроглядная тень.

Свист опять повторился — тихий, настойчивый, будто свистом человек кого-то подзывал к себе.

Андрюше стало любопытно: кто же это всё-таки там ходит? Он на цыпочках прошёл через комнату и, выскочив в коридор, побежал на улицу.

Возле дома стоял Афоня. Он держал под мышкой какой-то ящик.

— Это ты? Вот не ожидал! — обрадованно воскликнул Андрюша. — Как же ты меня нашёл?

— Я кого хочешь найду, — уверенно ответил Афоня. — Сообразительный. А книжечки почитать у тебя нет какой-нибудь?

— Книжечки? Есть, — сказал Андрюша. — Я привёз. Только, знаешь, я тебе завтра дам. Ладно? А то сейчас неохота в чемодане рыться.

— Ладно. Ну, а как живёшь-то?

— Ничего, спасибо.

— А девчонка как? Дома сейчас сидит?

— Дома.

— А знаешь чего? — вдруг тихо сказал Афоня. — Вы

одно дельце не поможете мне сегодня сделать, а? — Он хлопал ладонью по ящику. — Кирпичей надо набрать. Трубу себе отстраиваю, чтобы лучше жить было.

— Поможем! — охотно согласился Андрюша. — И Майка пойдёт, я знаю. Вон её окно, видишь — где свет горит. — И он закричал: — Майка, выходи! Пойдём за кирпичами!..

Тут Афоня зажал Андрюше рот рукой:

— Тихо! Не ори! За кирпичи по загровку дадут!

— А почему?

— Заводская собственность!

— Но ведь ты же на заводе живёшь!

— А это неважно. Они — для строительства, а я — для себя.

— Ну, я тогда пойду у отца спрошу...

— По благу хочешь устроить? — усмехнулся Афоня. — Ну давай, давай! Я не возражаю.

Андрюша взбежал на крыльцо дома. Но вдруг остановился: а сто́ит ли отца тревожить по такому пустяку? Люди делом занимаются, а он — кирпичи...

Через час Майка, Андрюша и Афоня подошли к широкой трубе, валявшейся на земле. Майка несла три кирпича. В ящике у Андрюши и Афони — они несли его вдвоём — их было штук десять.

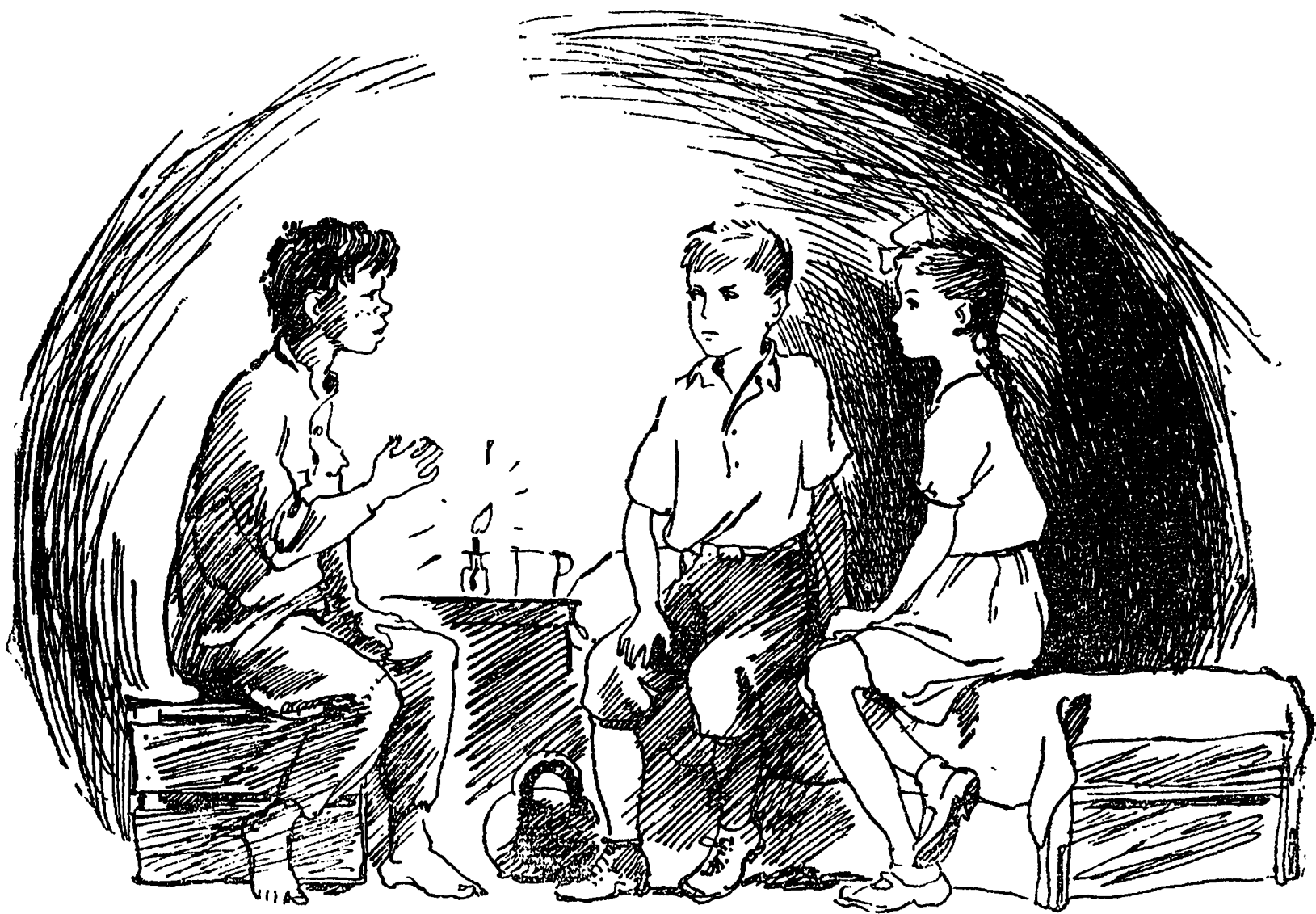
— Стоп! — сказал Афоня. — Вот моя хата. Складывай у входа!

В трубе было страшно. Почему-то казалось, что сюда вот-вот должна хлынуть вода...

Афоня громыхнул железной коробкой — и труба вдруг озарилась желтоватым светом карманного фонарика. Потом он нащупал на ящике маленькую коптилку и зажёл её.

Труба была широкая. Взрослый человек мог бы ходить не сгибаясь. Афоня перегородил её кирпичами, и она имела вход только с одной стороны.

Пол сначала был вогнутый, и ноги на нём косолапились, но потом Афоня выровнял его. Натаскал землю и накрыл её досками. Из двух ящиков была составлена кровать, на которой теперь лежали подушка и одеяло, из третьего — стол.

Новые кирпичи нужны были Афоне для того, чтобы у начала трубы выложить узкий вход и навесить на него двери.

Впоследствии он хотел свою комнату побелить, электрифицировать и даже предложить своей тётке переехать сюда.

— Не труба, а настоящая квартира! — восхитился Андрюша.

— Ну, до квартиры ещё далеко! — сказал Афоня. — Но мне и так хорошо. Ни забот, ни хлопот. А я считаю, что все дети так и должны жить — закаляться! Завидуете небось мне?

— Завидую, — по-честному сказал Андрюша.

— А хочешь — можешь переехать сюда. Поставим новую кровать и обеды сами на костре будем готовить — картошку печь.

— Но меня папа, наверное, не отпустит...

— А ты у него и не спрашивайся... Переезжай — и точка! Знаешь, как заживём! Скоро тут на бахчах кавуны

созреют, так в этой трубе у нас целый склад будет! — И Афоня подмигнул Андрюше.

— А что ж, сюда можно переехать, — сказала Майка. — Только на столе скатерти не хватает.

Андрюша и Майка уселись на кровать. И тут под ними что-то шарахнулось. Майка подскочила.

— Не бойся, — засмеялся Афоня, — не укусит!

Откинув на ящичке дощечку, он вытащил беленького кролика. Тот в ужасе отмахивался лапками.

— Хорошенький ты мой... — нежно погладила его Майка. — Перепугался!

— Ты что, для еды его? — спросил Андрюша, кивнув на кролика.

— Нет, — ответил Афоня, — просто так держу. Одному-то скучно. У меня и ужонок был. Смешной такой! Высунет морду из-за пазухи и язычком — раз-раз-раз! — молока просит. Уполз, чертяка...

Засунув кролика обратно в ящик, Афоня, не вставая с коленок, заглянул под стол и вытащил из-под него какую-то здоровую гирю.

— Вот, видали, что у меня ещё есть? — сказал он. — Ровно полпуда весит. Я её по утрам поднимаю. — И правой рукой он свободно выжал гирю два раза. — Могу и ещё.

— А дай-ка я! — загорелся Андрюша.

Он подхватил гирю, поднял её на плечо, но, как ни силился, выжать её не смог.

Майка тоже ухватила за гирю, но даже на плечо не смогла её поднять, только оторвала от пола.

— Мало каши ели, — определил Афоня. — Тут надо тренироваться. Я читал про одного человека, что когда он был маленький, то стал поднимать каждый день маленького бычка. Залезет к нему под пузо и поднимает. А потом, когда бычок стал здоровым быком, этот парень взвалил его на плечи и пронёс несколько шагов.

— Целого быка? — удивилась Майка.

— Да! А что? Я тоже хочу где-нибудь бычка достать. Он бы у меня тут пасся, а я бы его каждый день поднимал.

— А купить его нельзя? — спросил Андрюша.

— Я уже приценивался на базаре — дорогой! Это тебе не кролик.

Пихнув гирю под стол, он привычным движением свернул сигарку и прикурил от коптилки.

— Ну что у вас нового? — спросил он.

— Ничего, — сказала Майка, — живём потихоньку.

— А мой папа хочет домну поднимать, — сказал Андриюша.

— Значит, новую не будут строить? — удивился Афоня.

— Нет. Папа говорит, что и старая будет работать не хуже. Только надо её поднять.

— Это как — поднять?

— Наклон выправить. Домкратами её будут поднимать. Ну, представь себе — дерево напополам согнулось и загородило дорогу. А распиливать жалко. Вот его потихонечку и поднимают верёвками, пока оно опять ровно не встанет. Но дерево — лёгкое дело, а попробуй-ка домну, которая весит восемьсот тонн! Вот папа мой и мучается...

— Один?

— Ну что ты! Тут одному не под силу. Он предложил только проект, а теперь будут думать все инженеры. А если ему одному браться — совсем, наверное, с ума сойти можно. Он и так у меня ночью, как лунатик, не спит.

— Про него на заводе говорят, что он деловой дядька, — сказал Афоня. — Тут один повар плохие обеды готовил для рабочих, а твой папаша пришёл, попробовал суп и сразу перевёл этого повара в истопники. А поварихой простую хозяйку назначил. Теперь там такие порции выдают, что еле-еле обед съедаю. А ещё он сказал, чтобы баню и парикмахерскую в три дня построили...

— И построили? — спросила Майка.

— Конечно. Андриюшкиного папашу все слушаются.

Андриюше тоже захотелось сказать Афоне что-нибудь приятное, и он, взглянув на фотографию бородатого старика в шинели и с пистолетом, стоявшую на столе, спросил:

— А это твой отец?

— Ну, сказанул! — ответил Афоня. — Отец у меня молодой был. Это мой начальник, командир партизанского от-

ряда. Мы его Батей звали. Вот мужик толковый! Раз скажет — как отрубит! И попробуй только послушайся его — сразу на гауптвахту!

— А что это такое? — спросил Андрюша.

— Солдатская кутузка. Тюрьма. Снимают с твоей шапки звезду, пояс снимают, и садись на пять там или десять суток. Кормёжка три раза в день, а махорки не дают. А если не «строгача» получил — можно дрова пилить или какие-нибудь ямы для нужников копать...

— А ты в партизанах разве был? — удивилась Майка.

— А как же... в самом тылу врага. В разведке бывал, одного фрица чуть не уколошил, пулю в ногу имею. Вот пощупайте...

Афоня приподнял брючину на правой ноге и указал на коленку. Там действительно был шрам, а под шрамом — твёрдый бугор.

— Хотели мне её вырезать, но я не дал. Не мешает. Мне даже лучше с ней: как заболит — значит, к дождю... А ты воевал?

— Не пришлось, — смущённо ответил Андрюша. — Я с мамой в эвакуацию уехал.

— А у нас тут почти все ребята с немцами воевали, кто не успел от них убежать. Мы у них сначала тащили всё, что ни попадалось. Фонарик видели у меня? Это я у фрица... А потом стали в их машины кирпичи из-за угла кидать. Я одному ихнему шофёру всю рожу раскровенил. А видал бы ты, как они жителей расстреливали! Ох, страх прямо! Люди ещё живые в яме, а они их уже заваливают. Посмотрел я на это и сразу ушёл с Витахой в партизаны.

— С кем ушёл? — переспросил Андрюша. — С Витахой? А это не тот, который с ребятами по заводу ходит?

— Обстриженный, — вставила Майка.

— Во-во, — подтвердил Афоня, — в тельняшке такой. Раньше он мне другом был, а теперь мы по гроб жизни разошлись. Тут я среди мальчишек вроде бы как за коновода считался, и все меня слушались. Потом начался призыв в ремесленные училища. Витаха поступил на сварщика учиться, а я не пошёл. Там, говорят, как в армии дисципли-

ну надо, а я ещё погулять хочу... Ну вот, поступил Витаха в ремесленное училище, образования, значит, поднабрался, и стал он против меня ребят баламутить. Известное дело: получил фуражку с молоточками — самому охота командовать. Говорил, будто я организатор плохой и меня надо в шею гнать, будто толку с меня, как с козла молока, и я никакого хорошего дела не придумаю. В общем, личную обиду нанёс. А я разозлился, хотел было ему накостилять, а потом говорю: «Ладно, я плохой организатор, а посмотрим, какой ты будешь!» И я ушёл от мальчишек. Все ребята теперь на каникулах под Витахину дудку ходят, а я — держи карман шире! Я сам себе хозяин, без них проживу.

— А Витаха на меня тоже драться полез! — сказал Андрюша. — Я хожу себе по домне, никого не трогаю, а он — бац! — налетел. Жалко, тебя не было, а то вдвоём бы мы ему всыпали. Правда?

— А что ж смотреть! Конечно, всыпали бы, — кивнул головой Афоня. — Вот если он тебя в следующий раз тронет, так ты прямо ко мне иди. Тогда посмотрим, кто кого: они нас или мы их. Ладно? У нас союз с тобой будет.

— Давай! — согласился Андрюша. — И Майку надо к нам принять. Хочешь, Майка?

— Дружить, да? Хочу! — с радостью ответила Майка. — Всем ребятам очень нужно укреплять любовь и дружбу!

Афоня ахнул:

— Вот здорово! Как она умеет — а?! Вот никогда не думал, что живого поэта увижу! Ну, а ты вот сейчас ещё можешь чего-нибудь сочинить?

— Могу, — кивнула Майка. — А про чего хочешь?

— Ну, хоть бы про мою трубу!

Майка на минуту задумалась и вдруг сказала:

Попал Афоня в свою трубу,
Сиди и больше ни бу-бу!

Когда Андрюша вернулся домой, его отец, стоя в дверях комнаты, уже прощался с парторгом и Можжухиным.

— Где был? — строго спросил он, но Андрюша почувствовал, что строгость эта была нарочитой.

— С Майкой в шашки играл,— быстро нашёлся Андрюша.— Спать уже захотелось. А у вас как дела?

Взрослые весело переглянулись. А Семён Петрович, вдруг задорно рассмеявшись, подхватил Андрюшу под локти и высоко подкинул его к потолку.

Глава IX ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОСКИ

Витаха проснулся рано. Круглый будильник с никелированным звоночком показывал шесть. В полураскрытое окно, занавешенное марлей, смотрело солнце. Горячий лучик лежал на щеке матери. Она дышала ровно и спокойно. Морщинки на её лице не были уже такими глубокими, как вчера вечером.

Ей пора вставать, но Витаха всё медлит. Конечно, стоит ему только сказать: «Мама!» — и она сразу же проснётся, быстро оденется и возьмётся ещё до работы вытирать в комнате пыль, мыть посуду, оставшуюся после вчерашнего ужина, заправлять керосином примус. Но Витаха этого не хочет. Он разбудит её только минут за сорок до начала работы, чтобы она одно успела: одеться и позавтракать. Сейчас он встанет раньше её и вскипятит чай.

Мать чему-то улыбалась во сне, и на всём лице её лежала какая-то тихая радость.

Что она сейчас видит? Может быть, спять отца? Однажды она вот так улыбалась, а проснувшись, рассказала, что видела себя молодой и в свадебном платье. Они куда-то шли с отцом, а дорога была и не дорога, а светлый ручей, и по берегам росли красные цветы... Тогда у матери в глазах стояли слёзы.

В бараке начинался рабочий день. За тонкими деревянными перегородками, оклеенными газетами, раздавались детские голоса. Каменщик Полещук, видимо уже сидя за столом, строго говорил своему сыну Миколке:

— Ты почему вчера опять допоздна читал? Мать не слушаешься? И так очки носишь, совсем глаза сломаешь...

В коридоре хлопали двери, на дворе разжигались печурки.

Витаха пощупал мускулы на руках, протёр уголки глаз и, вскочив с постели, налил в чайник воду.

Когда мама проснулась, стол был уже накрыт. Мария Фёдоровна быстро позавтракала и натянула на себя спецовку, взяла кепку с синими очками. Она была газосварщицей.

— Виташка,— сказала она,— сготовишь себе сегодня макароны, они в шкафу лежат. А будешь селёдку есть, нарежь луку и маслом её залей.

Она шершавой ладонью погладила Витаху по щеке, улыбнулась — большой стал сын — и ушла.

Первым к Витахе заглянул Миколка.

— Витаха,— сказал он,— а меня мать сегодня с вами не отпускает.

— Это почему?

— Она мыть меня хочет. Что делать?

— А ты тикай от неё! Повертись немножко дома, а потом незаметно и махни через забор.

— Миколка!..— вдруг раздался на дворе протяжный женский голос.— Вода уже вскипела!..

— Во, опять кричит! — сказал Миколка.— Прямо спасенья нет!

Витаха выглянул в окно. Во дворе, стоя на кирпичах, грелся на костре бак с водой. Миколка подошёл к своей «бане», скидывая на ходу майку, и сел в корыто. Мать зачерпнула кружкой воду из бака и облила ему голову.

— Ой, горячо, горячо! — закричал Миколка и подскокил в корыте.

— Та сиди, чертяка! Не сваришься! — сказала мать и облила его холодной водой.

— Ой, холодно! — закричал Миколка.

Но мать, не обращая внимания на эти возгласы, стала намыливать сыну голову.

Миколка сидел под её руками уже тихий и покорный. Голова у него от белой пены будто вздулась. И вдруг Миколка завопил:

— Ой, мыло в глаз попало!

Он выскочил из корыта, вслепую пошёл к ведру с холодной водой и, зацепив за него ногой, опрокинул его. Мать ударила его мочалкой по спине.

В общем, минут через десять Миколка прибежал к Витахе весёлый и довольный.

— Видал, какую я комедию играл! — улыбнулся он. — Это чтобы она побыстрее...

Миколка принёс на промаслившейся газетке два больших блина, огромный, с кулак, кусок сахара и положил их на стол:

— Поешь-ка...

С ним был неразлучный парусиновый портфель, где лежало много разных бумажек: и приказы по отряду, и список членов, и деловые донесения.

Не прошло и получаса, как у Витахи собралось человек двенадцать.

Этот весёлый народ пришёл со всех окрестных улиц. Раньше ребята были предоставлены самим себе: слонялись без дела по посёлку, стреляли из рогаток по уцелевшим стёклам в разрушенных цехах. Но однажды Матвей Никитич поймал на заводе Миколку, который пытался разрядить найденную мину, и немедленно вызвал к себе Витаху. Вызвал как «старшего товарища» — воспитанника ремесленного училища.

«Слушай, — сказал он, — вот этот хлопец на твоей улице живёт?»

«На моей... Даже в моём бараке...»

«Так вот, я тебе объявляю строгий выговор. Ты что выпустил своих пионеров? Болтаются они чёрт знает где, стёкла в цехах бьют, с минами возятся. Ты как думаешь: занятия закончились и пионерской работе баста? — строго продолжал парторг, поглядывая то на Витаху, то на Миколку. — Что я тебе говорил о лагере?»

«Что мы, взрослые, поедем во вторую смену», — ответил Витаха.

«Да, поедете, и обязательно поедете. В самое напряжённое для завода время, когда у нас на учёте каждый человек,

каждый рубль, каждая машина, мы отправляем вас в лагерь, запланировали спортплощадку на третий квартал... А вы? Вместо того чтобы как-нибудь помочь заводу, бьёте стёкла! А завод-то чей? Это завод ваших отцов, ваш завод! Или он не дорог вам?»

«Нет, дорог», — тихо сказал Витаха.

«А если дорог, так что ты бездельничаешь? Можете уходить!»

Парторг был сердит не на шутку. Когда Миколка вышел из кабинета, он сказал Витахе:

«Ты понял меня? Вы должны найти себе хорошее дело...»

«Ясно», — ответил Витаха.

А через несколько дней у него появилась мысль самим строить спортплощадку...

На дворе, из маленького, крытого соломой сарайчика, Миколка вытащил фанерный ящик с молотками и клещами, пилу, топоры и роздал их ребятам. Теперь можно было выступить.

Первым делом по дороге к мартеновскому цеху Витаха завернул на теплоэлектростанцию. Он должен был позвонить Матвею Никитичу. Ребята поджидали на улице.

В машинном зале с белыми кафельными стенами и стеклянным потолком механики, осторожно разбивая ящики с надписью «Верх, не кантовать!», устанавливали в широком гнезде никелированные детали турбовоздуходувки.

По залу расхаживали электрики в синих комбинезонах. Они привинчивали на мраморных щитках десятки рубильников, выключателей и вольтметров.

Четырёхэтажные паровые котлы со всех сторон были облеплены людьми. Котлы нужно было пустить в ход прежде всего. В них вырабатывается пар, который крутит турбину воздуходувки, а та уже гонит воздух в домну.

Пробравшись между грудями каких-то старых машин, Витаха вошёл в пустой кабинет. Главный инженер ТЭЦ распоряжался на участках.

Витаха взял телефонную трубку:

— Коммутатор, дайте партбюро!

В трубке что-то оглушительно щёлкнуло, потом послышался мужской голос:

— Я вас слушаю.

— Матвей Никитич, здравствуйте! Это Грицай звонит. Мы уже, Матвей Никитич, напилили себе брёвен. Теперь нам машину надо — перевезти.

— Гм... машину? — не сразу ответил парторг. — Дело тут сложное. Сейчас знаешь сам, какая пора! А на какое время вам будет нужно?

— На один час.

— А управитесь?

— Конечно.

— Тогда вот что: машина будет вас ждать в пять часов вечера у въезда в завод. Я сейчас позвоню в гараж. Договорились?

— Договорились.

Барак, к которому подошли ребята, был разбит до основания. Торчали только его остов из обгорелых брёвен и печные трубы. Правда, внутри каким-то чудом уцелели две оштукатуренные и, вероятно, поэтому не сгоревшие деревянные перегородки. Их начали разбирать.

Витаха вбивал в щели лом и отворачивал доски. Они отрывались с трудом, похрустывали.

Ржавые гвозди скрипели и нехотя вылезали из чёрных своих гнёзд.

Витаха любил работать. Он не мыслил себе и дня, проведённого в ничегонеделании. По утрам, едва проснувшись, он уже составлял план на целый день и всегда стремился его выполнять. И, бывало, он очень сердился на себя, если какое-либо из назначенных дел приходилось переносить на завтра. Зимой после занятий в ремесленном училище он бежал домой, чтобы к приходу матери начистить и сварить картошки. Пообедав, он садился за свой маленький верстачок и начинал мастерить шкаф. По его замыслу шкаф должен быть одновременно и для белья и для посуды. Комната у Витахи была маленькая, пустая, и шкаф хотелось сделать компактным и нарядным. Шкаф мог быть простым: сколо-

тил каркас, закрыл одну его сторону фанерой — и точка! Но Витаху это не устраивало. Если уж делать, так делать как на мебельной фабрике! Даже лучше. Витаха не торопился. Где только можно было, он собирал сухие дубовые дощечки, любовно их обрабатывал и склеивал с уже готовыми частями. Шкаф постепенно становился «жилым». В нём уже стояли чашки и тарелки, а в платяном отделении висела мамина одежда — шерстяная юбка и кофточка. Но до окончательной сдачи шкафа в «эксплуатацию» ещё было далеко. Витаха хотел покрыть его коричневым лаком и отполировать.

Потом, после «ручного труда», Витаха уходил в красный уголок на соседнюю улицу. Здесь были журналы довоенного издания — «Вокруг света» и «Техника — молодежи». Они открывали перед Витахой новый мир: модели кораблей, радиоуправляемые самолеты, поршневые автомобили. У Витахи чесались руки сделать самому всё, о чём рассказывалось в журналах, но он не разбрасывался. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.

А в ремесленном училище он изучал физику, химию, свойства металлов, слесарное и токарное дело и другие предметы.

На ладонях у Витахи были мозоли — твёрдые, рабочие. И теперь, разбирая барак, он испытывал удовлетворение от того, что его рукам был послушен тяжёлый лом.

Миколка подпиливал обгорелые брёвна и стёсывал топором окаменевший нагар. За чёрным слоем медленно проступало белое тело дерева. Как натуралист, Миколка тут же проверял его — не трухлявое ли оно, не тронута ли грибом.

Другие ребята из оторванных досок выдёргивали гвозди и на кирпичках молотком выпрямляли их.

В соседнем разрушенном бараке размещался «склад». Там уже лежали заготовленные брёвна и доски.

Спилив толстое бревно, Миколка поволок его на склад.

Через пять минут Витаха услышал крик:

— Эй, ребята, давайте быстрее сюда!

Бросив лом, Витаха побежал к складу.

— Ты знаешь, — взволнованно сказал Миколка, — вчера мы досок десять сюда принесли, а сейчас посмотри: ни одной нет!

Витаха подскочил к покосившейся печке, под которой вчера сложили доски. Действительно, их там не было.

Витаха, прищурившись, посмотрел на Миколку:

— Ты для дома просил вчера две доски, мы тебе не дали — без нас взял?

— Хоть дом обыщите! — обиделся Миколка. — Раз не дали, значит, не дали. Как же я возьму общественные доски!

Чувствовалось, что он говорит искренне.

— Кто ж их стащил?.. — задумчиво сказал Витаха. — Мы работали, работали, а тут — фьють! — и всё насмарку!

— Ух, знал бы, кто это сделал, я бы ему!.. — запальчиво сказал Миколка. Потом предложил: — А может, в милицию заявить?

— Жди! Будут они тебе из-за каких-то деревяшек возиться! — махнул рукой Витаха. — А много их там лежало?

— Кажется, десять. Но я сейчас проверю...

Миколка побежал к первому барaku, принёс оттуда портфель и порылся в бумажках.

— Вот, — наконец сказал он и ткнул в белый листочек. — Бухгалтерия у меня точная. «Вчера добыто и сдано на склад для хранения пять целых толстых досок, три с отбитым краем и три тонкие».

— Одиннадцать, значит, было?

— Одиннадцать.

— Жалко!.. — вздохнул Витаха.

Ребята были огорчены пропажей.

Работали они ещё часа три, пока не проголодались. Потом, подхватив инструменты, двинулись по домам обедать.

Витаха шёл впереди. Его голову окутывал тюрбан из рубашки, а на плече лежала длинная доска. Она была тяжёлая и врезалась в кожу. Но Витаха её не снимал. Снимешь — ребята подумают, что устал.

Все шли молча. Говорить сейчас, в такую жару, — языки не ворочались. Болели руки и опалённые спины, мучила жажда.

Когда по заводской дороге проносились автомашины, они оставляли за собой непроглядную пылевую завесу.

Ребята обошли мартеновский цех, и вдруг кто-то сказал: — Стойте, посмотрите-ка налево!

Миколка повернул голову, взгляделся и зашептал:

— Курортник там! Ребята, помните курортника? С Афоней сдружился! И девчонка с ними!

Впереди, неподалёку от ребят, около своей трубы Афоня и Андрюша, стоя на коленях, что-то сколачивали. Они делали то ли какой-то прямоугольник, то ли маленький плот — трудно было разобрать. Майка, сидя рядом с ними, сбивала молотком какой-то ящик и пробовала его рукой — не шатается ли.

И вдруг Миколка воскликнул:

— Наши! Чтоб я вареником подавился, наши доски!..

— Трудятся... А сейчас за чужое получают!

Витаха тихо сказал ребятам: «Пошли!» — и направился к трубе.

Завидя их, Афоня и Андрюша поднялись с земли.

Витаха подошёл как ни в чём не бывало, наступил ногой на доски — это была дверь, которую Афоня хотел повесить на трубу, — и сказал:

— Где ты взял эти доски?

— А тебе какое дело? — ответил Афоня.

— Ты что, отвечать нормально не можешь?

— Чего с ним разговаривать! — Миколка стал рядом с Витахой. — Отнять доски, и дело с концом!

— Ты, бухгалтер, молчи... — процедил Афоня.

— Откуда у тебя эти доски? — повторил Витаха.

— Нашли, — сказал Андрюша. — Вон там, в разбитом доме. — Он указал рукой за мартеновский цех.

— Они сложенные были?

— Сложенные.

— Ну, так это и есть наши. Мы их для спортплощадки приготовили.

— Для чего, для чего? — насмешливо спросил Афоня. — Парк культуры строите?

— Для спортплощадки. — Витаха смотрел Афоне прямо

в глаза. Тёмные брови его сдвинулись над переносицей. — Ну, что скажешь?

— А мы не знали, что они ваши, — подошла к Витахе Майка. — Глядим — лежат, мы и взяли.

— Чего ты лезешь, куда не просят! — повернулся Афоня к Майке. — Мало ли что они скажут, а мы верить должны? Пускай вот докажут сначала!

— И докажем, — сказал Миколка. — Только чего тебе доказывать?

— А может быть, вам сам начальник на доски разрешение дал? — с ехидцей спросил Афоня.

— Смейся, смейся! — сказал Миколка. — Сейчас умоешься!

Он присел на корточки, положив на колени портфель, перелистал какие-то бумажки и вдруг прочёл:

— «Для строительства спортплощадки на Ильинском пустыре разрешить товарищу Грицаю разборку двух разбитых барачных помещений, расположенных за мартеновским цехом. Начальник треста «Жигачёвстрой» С. Марецкий».

— Кто, кто подписал? — побледнел Андрюша.

— Марецкий. Сам начальник! — гордо сказал Миколка. — Может, проверить хочешь? Не жалко.

Он поднёс к Андрюшиным глазам бумажку. Разрешение было отпечатано на машинке, и внизу действительно стояла подпись отца.

— Точная подпись? — чуть слышно спросила Майка.

— Точная.

— Афоня, надо отдать доски, — сказала Майка.

— А ты что за судья! — огрызнулся Афоня. — Ты их не таскала, тебе они не нужны, ну и тут не суйся! Это ещё как сказать, чьи доски!

Вид у Афоня воинственный: глаза внимательно следят за всеми, кулаки сжаты.

Майка посмотрела на Витаху. Он был совершенно спокоен. Мальчик тоже взглянул на Майку, и ей показалось, что он слегка-слегка одобрительно улыбнулся.

— Ты, Афоня, тьфу, а не человек! — презрительно сплюнул Витаха. — Значит, миром не отдашь?

— Нет.

— Ладно... Драться мы за них не будем. А захотели бы — сейчас бы ни досок, ни твоей трубы здесь не было. — Витаха посмотрел на Андрюшу: — Ты кто?

Андрюша не знал, как себя вести: то ли как Афона, то ли ответить по-настоящему.

— Человек, — уклончиво ответил он.

— А чего ты с ним связался?

— Он друг мне...

— Нашёл себе парочку! — ухмыльнулся Миколка. — Единоличника!

— Проваливай отсюда, очкарик! — сказал Афоня и подошёл к Миколке.

Тот попятился.

— Ну ты! Ты! Потихе! — Витаха плечом толкнул Афона. — Чего на рожон лезешь?

— А ты чего?! — Афоня тоже толкнул Витаху. — Или давно не зарабатывал?! А то живо разгону твою вшивую команду!

— Ой, разогнал один такой! — засмеялся Миколка. — Нас вон сколько, а ты один!

— И один справлюсь!

— А ну давай разгоняй! Посмотрим! — сказал Витаха.

Вдруг Афоня схватил с земли доску и погнался за Миколкой. Тот задал стрекача.

— А ну-ка, ребята! — вдруг скомандовал Витаха. — Схватить этих!

Витахины дружки в минуту поймали пытавшихся убежать Андрюшу и Майку и скрутили им руки.

— Афоня, на помощь! — завопил Андрюшка.

Но не успел Афоня подбежать к трубе — Витаха ловким рывком отнял у него доску и сбил его с ног.

— Ах, ты так! — закричал Афоня и хотел было схватить камень, но сзади на него надели ещё пятеро мальчишек, и Афоня под их тяжестью утихомирился.

— Ну, — победно спросил Витаха, — будешь ещё хорохориться?

— Ничего, мы тебе ещё покажем! — прохрипел Афоня.

— Ладно, отпустите его, — миролюбиво сказал Витаха. — И этих отпустите! — Он указал на Майку и Андрюшу.

Афоня, опустив глаза, поднялся с земли и стал отряхивать от пыли штаны.

Миколка подошёл к Витахе и тихо спросил:

— Доски забирать?

— А чёрт с ними! — махнул рукой Витаха.

— Но ведь они наши!

— Да ладно, пусть пользуется. Ведь уже дверь сколочена!

— А мы её ломаем! — настаивал Миколка. — Его надо проучить.

Майка стояла потупив глаза. Она не знала, что ей делать: то ли сказать, что Витаха хулиган и что он не должен был командовать «Схватить этих!», то ли сказать, что Афоня жулик и нужно немедленно отдать доски. Или, может быть, просто смолчать?

Она смолчала...

По дороге домой Миколка шепнул Витахе:

— А я знаю, почему ты не скомандовал отнимать доски.

— Ну? — покосился Витаха.

— Там девчонка была. Эта... как её... Майка. Она всё время на тебя смотрела. Я заметил...

И Миколка тихо засмеялся.

Глава X

ПРОКЛЯТАЯ ДЕСЯТКА

Июль был жаркий. Андрюша спал с раскрытыми окнами. В комнате сухо потрескивал паркетный пол. И особенно это неприятно было слышать среди ночи. Казалось, прохаживается кто-то невидимый.

Андрюша вставал рано. Вместе с отцом он ходил умываться на кухню и поливал ему из кружки на шею. Отец сладко крякал, разбрасывая вокруг себя хлопья мыльной пены, и просил не жалеть воды. Она была ледяная, из глубокого колодца. Потом он сам помогал сыну мыть уши, растирал ладонями ему мокрую спину.

После такого умывания Андрюша чувствовал себя бодрым и сильным.

За завтраком отец расспрашивал Андрюшу о том, что он читает, часто ли ходит на Днепр, просил писать маме письма и почти каждое утро ругал себя за то, что взял сына на завод.

— Всё-таки незачем было тебе сюда ехать, — говорил он. — У меня и так работы — прямо разрываюсь, а тут ещё о тебе заботиться надо. Вот напросился же ты, на мою беду! Работаешь и думаешь, что ты без присмотра, не поправляешься. Ох и попадёт же мне от мамы!

— Да что ты, пап, волнуешься за меня? — отвечал Андрюша. — Что я, маленький, что ли? Ведь сам же ты говорил, что эта самостоятельная жизнь мне на пользу.

— На пользу-то она на пользу, но всё-таки кто-то должен за тобой следить, кто-то должен тобой руководить...

— А если сам собой буду руководить?

— А ты считаешь, что тебе уже можно доверять?

— Можно.

Отец засмеялся:

— Конечно, я тебе и раньше доверял, но... всё равно, сколько ни говори, а я ругаю себя.

— И зря! — сказал Андрюша. — Ведь ты же меня обратно в Москву не повезёшь?

— А надо было бы... — засмеялся Семён Петрович. — Твоё счастье, что нет у меня сейчас времени тебя туда-сюда возить...

А однажды во время утреннего разговора он спросил:

— Слушай, Андрюша, ты с кем ещё дружишь, кроме Афони?

— С Майкой, — ответил Андрюша.

— Это само собой... А вот ты такого Витаху знаешь?

Андрюша поперхнулся хлебом:

— Знаю.

— Ну, как там у вас со спортплощадкой? Дело идёт?

И что должен был ответить Андрюша? Отец сказал, что он доверяет ему, и это было приятно слышать. Но вот если он сейчас скажет, что с Витахой, с тем Витахой, которому

было выдано специальное разрешение, они в ссоре, то вряд ли это понравится отцу. А что же говорить?

Андрюше вдруг стало жалко отца — у того действительно много всяких хлопот, за весь завод отвечает, не хотелось огорчать его.

— Да там уже столбы нужно ставить, — ответил он уклончиво.

Сказал и тут же понял, что сделал ошибку. Надо было открыто сказать.

— Правильно! — Отец ласково похлопал Андрюшу по плечу. — Взались — доводите до конца.

«Ничего, — успокоил себя Андрюша, — а я на самом деле пойду к Витахе, и тогда всё будет правда. Приду и скажу: «Давай, Витаха, помиримся. Мой отец про вас говорил, и я хочу быть с вами». Но как быть тогда с Афоней? Он ведь туда ни за что не пойдёт. А чем Афоня хуже Витахи? Он весёлый, выдумывает всегда что-нибудь, партизаном был. С ним никогда не скучно, у него всегда какие-то дела...»

Действительно, Андрюша с Афоней встречались почти каждый день. С ними бывала и Майка. Они гоняли вместо мяча консервную банку перед домом, лазили на крышу и спускались оттуда по самодельной верёвочной лестнице. Делали из газет парашюты и сбрасывали с крыш Андрюшину кепку.

Дни шли незаметно.

Но чаще всего ребята ходили на Днепр. Они все плавали хорошо, особенно Афоня. Он мог и на спинке, и на боку, и по-лягушечьи. Только под водой долго не сидел.

— Эх, если бы не курево, — говорил Афоня, тяжело дыша, — вы бы меня до обеда тут ждали, пока вынырну! Надо бросать, что ли...

На пляже ребята играли в ножики. Афонин ножик, тонкий и острый, нужно было так ловко бросить, чтобы он, перевернувшись в воздухе, обязательно воткнулся в песок. А завалится — бросает другой. Ножик бросали и с ладошки, и с подбородка, и с плеча, и с живота. С подбородка кидать было больно — лезвие врезалось в кожу, но Афоня делал это упражнение не морщась.

А для проигравшего в песок забивался колышек. Его нужно было вытягивать зубами. Этим делом частенько занималась Майка. Песок лез в нос и в рот, хрустел на зубах. Афоня и Андрюша смеялись: «А ну-ка, Майка, поешь ещё сахарного песочку!» Другая бы на её месте обижалась на ребят или запросила пощады, но Майка была упорной...

Однажды Афоня пришёл чрезвычайно довольный. В руках у него были пила и топор.

— Андрюшка, — сказал он, — одно дельце есть! Сейчас я иду к тебе — навстречу мне машина с дровами. Ехал тот шофёр Саша — помнишь, который вас с аэродрома вёз. «Поедем, говорит, одной тётке дрова отвезём». Ну, я сел. Отвезли дрова, а тётка ходит и ругается, что они длинные. А я взял и сказал, что мы их сможем перепилить. Пойдём, а? Заколотим!

— А чего мы заколачивать будем? — спросил Андрюша.

— Тю, не знаешь? Денежки!

— Деньги? — удивился Андрюша.

— А что ж, не даром же работать, — сказал Афоня.

— А Майка как? — сказал Андрюша. — Я ей печку обещал затопить. Она плюшки делает.

— Плюшки — по макушке! Она сама затопит, не барыня...

В доме на Синичкиной улице — белой мазанке с небольшим двориком, огороженным покосившимся плетнём, — ребят встретила пожилая женщина с худым лицом и длинными руками. Её звали тётя Фрося. Она была босая, в цветастой юбке. За юбку крепко держался четырёхлетний мальчуган на коротких, толстых ножках.

— Вот спасибо, что пришли! Вот спасибо! — сказала она. — А я уж думала, не придёте.

— Наше слово твёрдое, — сказал Афоня. — Где, тётка, козлы?

— А может, сначала позавтракаете?

— Делу время, а потехе час, — неизвестно почему с важностью сказал Афоня. — Эдак поешь — и работать не потянет. Мы лучше попозже.

Положив бревно на козлы, они принялись за работу.

Пила звенела в руках. Из-под её резцов струйками вылетали пахучие опилки. То к Андрюше, то к Афоне, то к Андрюше, то к Афоне...

Маленький толстоногий мальчик вертелся тут же. Он залезал под козлы, хватал горстями опилки и, посыпая себе голову, кричал:

— Дяди, дяди, посмотрите — дождь!

«Дядями называет», — улыбнулся Андрюша. Он и впрямь чувствовал себя взрослым дядей, который пришёл к родственникам помочь по хозяйству.

Во время отдыха мальчишка тихонько подкрался к Андрюше и насыпал ему за шиворот опилок. Андрюша хлопнул его ладонью по затылку. Мальчишка отошёл в сторону и всхлипнул:

— Чего дерёшься? Я же играю!

Андрюше стало совестно.

— С тобой уж и пошутить нельзя, — сказал он. — Ну ладно, давай помиримся.

Минуту спустя мальчик снова возился с опилками. Потом он поманил ребят в сарай.

— Там курица несётся, — указал он на тёмный угол под крышей. — И яйца уже лежат. Берите сколько хотите...

— Это дело. Яичком перекусить неплохо, — сказал Афоня и полез в гнездо. А вытащив три яйца, сказал: — Теперь надо всем чокнуться. У кого раньше всех лопнет яйцо, тот и помрёт раньше всех.

Первым лопнуло Афонино яйцо. Тогда он засмеялся:

— Всё это враки! Я никогда не помру!

Перепилив дрова, принялись за колку. Сырая берёза поддавалась плохо, но зато сосна разлеталась с одного удара.

Работал Андрюша с удовольствием.

Куча свежих поленьев увеличивалась. Наконец Афоня расколол последнюю берёзу и крикнул:

— Тётка, принимай работу!

Тётя Фрося была рада. Она попросила уложить дрова в сарайчик, а потом позвала в дом.

На столе дымились жирные щи из свежей капусты. В Андрюшиной тарелке плавал кусок мяса.

У Андрюши никогда не было такого аппетита, как в эту минуту. Он ел впервые свой трудовой хлеб.

Тётка подливала самой густоты.

— Уж и не знаю, чем вас отблагодарить! — говорила она. — Дров мне на месяц хватит. Муж-то мой, клепальщик, на грязь поехал в санаторию. Позвонок у него на войне перебит, столбом ходит. Ну, а я-то одна бы не смогла перепилить. Помучилась бы. А в следующий раз позову — придёте, хлопчики?

— Придём, — пообещал Андрюша. — Вы прямо ко мне заходите, как что потребуется. Я в доме инженеров живу.

Ему очень нравилась эта простая, гостеприимная тётка. И за один этот вкусный обед он готов был перепилить хоть ещё полную машину дров.

— А что, хлопчики, — вдруг поинтересовалась тётя Фрося, — вы не из тех ребят, что стадион строят? Говорят, у вас даже инженер есть какой-то молодой, из ремесленного. Это правда?

— Уж не Грицай ли? — спросил Афоня и, улыбаясь, добавил: — Грицай — наш самый хороший друг. Только ему до инженера ещё сто лет ждать. Там и без инженера обойдутся...

— Ты гляди какие! — с уважением произнесла тётя Фрося.

Покончив с едой, Афоня сказал:

— После обеда, по закону Архимеда, треба закурить, — и полез в карман за кисетом.

Он сидел на стуле довольный, усталый, в клубах дыма. Потом встал:

— Ну, тётя, до свиданья! Табачку-самосаду у вас не найдётся?

— Чего нет, того нет! — с сожалением сказала тётя Фрося. — Муж-то мой не курит.

— Жалко. Табак у меня кончился, — сказал Афоня. — Хотел бы я у вас тогда... — он замялся, — денег попросить. Не дадите?

— Денег?

— Нам немножко, — смутился Афоня.

— Да не надо! Зачем они? — покраснев, сказал Анд-рюша.

— Как — зачем? — удивлённо спросил Афоня. Он уже справился со своим смущением. — Это такая вещь, что везде пригодится.

— Ну и сколько же вам? — сказала тётя Фрося.

— Да сколько не жалко!

— Мне для вас, честное слово, и тыщи рублей не жалко, только вот скажите точно...

— Ну дайте четвертную — и достаточно.

— А это как понять — четвертная? — поинтересовался Андрюша.

— Двадцать пять рублей, — ответил Афоня.

— Двадцать пять, хлопчики, — это много. У меня у са-мой денег в обрез. Давайте чуток меньше.

Андрюша готов был провалиться сквозь землю при этом торге. Но Афоня был неумолим.

— Ну и сколько же тогда? — спросил он.

Тётя Фрося вынула из комода десять рублей и протя-нула их Афоне.

Держась за материнскую юбку, на ребят весело погляды-вал толстоногий малыш.

Выйдя за ворота, Андрюша раздражённо сказал:

— Афонька, и зачем ты у неё взял эту проклятую десят-ку? И не стыдно!

— Хм, стыдно! — ухмыльнулся Афоня. — Она же сама дала — не видел, что ли? Деньги за детский труд. Или об-ратно отнести?

— Но мы же бесплатно должны были сделать. У тётки, слышал, муж инвалид!

— Инвалид?.. — вдруг остановился Афоня. — Вот не со-образил... Ну да ладно, что поделаешь! Десятка — деньги небольшие. Сейчас на базар пойдём — и нет твоей десятки...

— Э-эх! — с сердцем сказал Андрюша. — А всё-таки зря мы так...

На поселковом базаре торговля шла бойко. Здесь было много рабочих, пришедших после дневной смены поесть че-го-нибудь свеженького. Они покупали себе хлеба, помидо-

ров, масла, колбасы и, усевшись в стороне от прилавков, торопливо принимались за еду. Ели они быстро, запивая молоком прямо из бутылки.

На длинных столах лежали горы снеди: зелёные огурцы, кочаны хрустящей капусты, варёные кукурузные початки, жирные шматки сала, белоснежный творог в эмалированных мисках, яйца, пышки, пирожки...

Афоня и Андрюша ходили мимо палаток с надписями: «Готовый одяг», «Продовольчи товары», «Овочі — фрукти», толкались в рядах.

Они пробовали у тёток с ложечек мёд, будто собирались купить его, брали из мешков по большой щепотке семечек на пробу — жареные ли, — приценивались к общипанным курицам.

Колхозницы торговали в белых косынках и передниках. А на некоторых были даже белые нарукавники.

Кругом было шумно: то тут, то там раздавались звуки баяна, ржали лошади.

Вспотевшие колхозники прямо с возов продавали мешки с овсом, жмых, сено, чечевицу.

— Табачок-крепачок, в нос шпыняет, с ног сшибает! — кричал какой-то старик, расхаживая по базару с ящиком махорки.

— Эй, Марьяна, здорово! — услышал Андрюша в молочном ряду сзади себя радостный возглас.

Он обернулся. На прилавок перед какой-то дородной женщиной с лоснящимся лицом облокотился измазанный в мазуте рабочий.

— Не узнаёшь, что ли? В прошлый выходной мы в вашем колхозе работали.

— Ах, помню! — улыбнулась Марьяна. — Як тут у вас дила? Як домба... чи, бишь, донба?

— Домна, а не домба, — засмеялся рабочий. — Всё перепутала... Скоро её, родную, поднимать будем. Хватит, отдохнула... А как там у вас в колхозе — от яблок, наверное, сучья ломаются?..

Они разговаривали долго. Андрюша уже два раза обошёл базар, а они всё говорили.

Чего тут только не увидишь, на базаре! Тут тебе и специальный ножик для чистки картошки, и зубо­врачебные стальные клещи, и пепельница с электрической зажигалкой, и старые, ржавые замки с полукилограммовыми ключами. На фанерном домике фотографа висят разные национальные костюмы: черкески с газырями и папахой, украинская вышитая рубаха с шароварами... В каком наряде захочешь сниматься, в таком тебя и снимут.

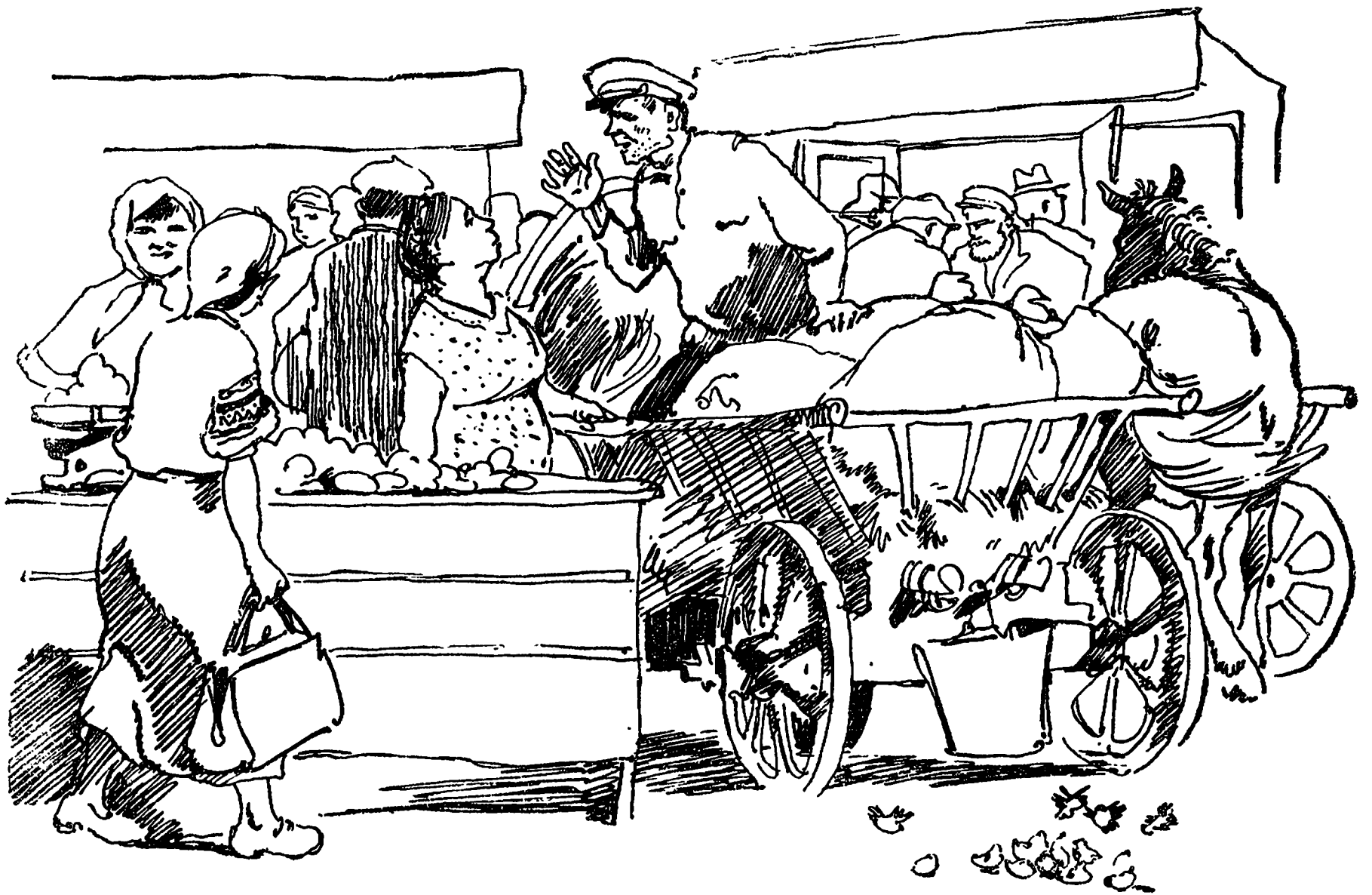
Ребята шныряли меж прилавков около часа, пока не купили себе три стакана тыквенных семечек и по два пирожка.

У Афони ещё оставалось два рубля.

— А знаешь, Андрюшка, — вдруг предложил он, — давай Майке купим какую-нибудь штучку, а? Подарок... от нас обоих. И ты ей отдашь.

— А почему это я? — сказал Андрюша. — Ты ведь сам сможешь.

— Я-то смогу... Только ты ведь с ней давно знаком, тебе удобнее. Отдашь?

— Отдам уж, отдам! — хитренько улыбнулся Андрюша. У него было уже хорошее настроение. — А где мы с тобой были, ей говорить?

— Не надо. Она, знаешь, с норовом. Ещё разозлится, что её не взяли.

Они подошли к палатке — на прилавке блестели разные заколки, гребешки, пуговицы — и купили брошку на платье.

Стеклянная звёздочка на солнце переливалась всеми цветами.

Глава XI ССОРА С МАЙКОЙ

Майка не понимала, куда делся Андрюша. Она стояла перед закрытой дверью с противнем в руках. На широком листе лежали матово-белые плюшки.

И всего лишь десять минут назад, когда она месила на

столе пышный, пахучий ком теста, а Андрюша в звонкой ступке толоч сахар, она попросила его затопить в кухне печку, и он согласился. А теперь его не было ни в коридоре, ни в комнате, ни в кухне. И печка была не затоплена.

Майка чуть не плакала. Она думала, что, пока сделает плюшки, на кухне будет уже жаркая духовка и она быстро разделается со своим печеньем. Но теперь всё затягивалось: надо печку затапливать самой.

«Андрюшка ни одной плюшки не получит,—думала Майка, стоя на четвереньках перед топкой и раздувая огонь.— Как сахар с корицей толочь — он первый, а как печку затопить — удрал. Куда же он пошёл?»

Но Майкина злость прошла сразу, как только она увидела на противне своё готовое изделие.

Плюшки вышли румяными, узорчатыми. Девочка взяла одну в руки, разломилась её, дымящуюся, и надкусила. Тёплый ноздреватый комочек растаял во рту.

«Вкусные получились! — подумала она.— Только нужно было в тесто побольше яиц положить».

Майка спрятала плюшки в сумку и пошла к отцу.

Иван Васильевич работал на домне. Но к нему Майка направилась не прямым путём, а окольным, через прокатный цех. Она надеялась встретить здесь Андрюшу. Вчера вечером вместе с Афоней они договаривались зайти сюда и достать для ночного факела баночку смолы.

В цехе, высоко под потолком, стекольщики, привязанные стальными тросами к балкам, стеклили крышу.

Горели костры, над которыми в котлах кипела смола. Какие-то люди в прокопчённой одежде обмакивали в кипящую смолу деревянные кубики и укладывали ими пол.

— Эй, девочка, берегись! — раздался окрик.

Майка от неожиданности присела. Над головой проплыла огромная плита. И в этот момент она наступила на чьи-то ноги, торчащие из-под чугунной станины.

— Ты что, не видишь? — закричал на неё перемазанный рабочий, высунув на свет голову.— Пятый раз наступают! Вывеску мне вешать, что ли?

— Извините, дядя,— попятилась Майка.— Не сердитесь!

— Да, есть у меня время на тебя сердиться! — снисходительно проворчал рабочий. — Ты только тут не мешайся. Видишь — горячка. Подай-ка лучше гаечный ключ, вон там лежит.

Майка подала ключ.

Вдоль просторного и светлого здания, длиной чуть ли не в километр, тянулся так называемый горячий рольганг — конвейер с тысячью маленьких роликов. По бокам рольганга лежали какие-то огромные махины, зубчатые колёса, полированные многотонные валы и стальные гайки, в дырку которых могли свободно пролезть два человека.

В конце цеха монтировался слябинг — гигантские ножницы для разрезки металла.

Майка медленно шла вдоль цеха.

Как много ещё оставалось тут сделать! Но уже, несмотря на кажущиеся неразбериху и беспорядок, можно было хорошо себе представить этот цех в день пуска горячего рольганга. Майка уже видела такой цех на одном из заводов Урала. Он вырабатывал в день больше десяти километров стального листа. Кругом чистота — ни соринки, ни пылинки, — и, кажется, совсем нет людей. Весь прокат управляется простым нажимом кнопок. Нажал одну кнопку — и из нагревательного колодца медленно вытягивается клещами раскалённый добела кусок стали — сляб. Тронул другую кнопку — со всех сторон его обжимают тяжёлые валы, и он делается длинным прямоугольником. Потом двухтонный слиток плывёт к слябингу. Гигантские ножницы, как масло, режут металл на равные плитки, и они, уже потемневшие, становятся похожими на шоколадные. Магнитный кран переносит их к новым нагревательным колодцам, а затем на рольганг. И тут начинается самое красивое. Раскалённая плитка летит, летит по рольгангу, приближаясь к валам, и вдруг — удар! Урчат валы, пропуская через себя сталь. И вот она, уже тонкая, малинового цвета, на ходу меняя окраску и увеличивая скорость, летит в пасть к следующим валам. Удар! Сталь совсем превращается в бумажный лист — его хоть рви руками. Но это только кажется... Она крепкая.

А потом стальная полоса, как курьерский поезд, вылетает на просторный приёмный рольганг и, попав в высокие фонтаны воды, затихает, чистая и гладкая.

Звенит звонок: идёт новый лист!

И вдали уже слышатся глухие удары...

Ни Андрюши, ни Афони нигде не было.

Отца на домне девочка нашла не сразу. Она думала его встретить на литейном дворе, а он, оказывается, как обер-мастер руководил кладкой горна — основной части печи, в которой перед выпуском кипит расплавленный чугун.

Поднявшись по железной лесенке до небольшого круглого отверстия — единственного входа в горн, — Майка заглянула в него.

Внизу, в полутёмном горне, словно в огромной бочке, горели электрические лампочки.

— Папа! — крикнула девочка. — Можно к тебе? Принимай гостей!

— Это кто? Майка? — услышала она голос отца, но его самого не увидела. — Ты подожди, сюда не лазай! Я сам к тебе приду!

«А чего ждать?» — подумала Майка и, взяв в зубы сумку с плюшками, вползла на четвереньках в отверстие.

Десять каменщиков выкладывали огнеупором стальные стены горна. Они бережно со всех сторон осматривали и ощупывали каждый кирпич, чтобы на нём не было никаких выщерблин, а затем, окунув в раствор, притирали его к толстой кладке.

За ними наблюдали три контролёра во главе с обер-мастером. У них в руках чернели стальные ножи — щупы — толщиной в миллиметр. Контролёры и отец беспрестанно ругались с каменщиками.

— И как кладёшь, бессовестный! — говорил отец и тыкал нож в шов между кирпичами. — Сколько раз говорил, чтоб зазор был в миллиметр, а ты?!

— Миллиметр и есть! — Каменщик своим щупом проверял зазор.

— Да где же есть, когда тут хоть в карете проезжай!

— Ох и дотошный ты, Иван Васильевич! Так нехорошо, этак нехорошо... Я уж на совесть кладу, а ты измучил прямо!

— Ты мучеником не прикидывайся, а клади, как велят. Чтоб ни одна капля чугуна не просочилась! Ведь полторы тысячи градусов здесь будет! Тебе-то что: выложил — и ушёл, а мне работать на печи. Ну, выдержит твоя кладка пять лет?

— Выдержит! — уверенно отвечал каменщик.

Майка дёрнула отца за рукав.

— Пап, а я здесь! — задорно улыбнулась она. — Я тебе плюшек принесла, твоих любимых. Будешь есть?

— Ах ты, хозяйка, плюшек принесла? Зачем же ты лезла сюда? А вдруг бы с лестницы упала?

Отец присел на кирпичи, обнял Майку. Она прижалась к нему и зашептала:

— Пап, а что ты с каменщиками ругаешься? Они плохие, да?

— Нет, они здорово кладут, точно, — тихо сказал отец. — Это я их для видимости ругаю. Надо, чтоб в кладке совсем комар носа не подточил. Тебе же в наследство домну делаю... Эй, Полещук! — добродушно крикнул он каменщику. — Иди сюда, перекусим!

Полещук, долговязый человек средних лет, заросший щетиной, подошёл, вытирая о фартук руки. Как-то смешно вытянув губы, он укусил плюшку и задвигал челюстями.

— Дочка? — кивнул он на Майку.

— Дочка, — ответил отец. — Лучше не надо! Я за её спиной, как в санатории живу...

Майка посидела немного у отца, а затем, чтобы не мешать взрослым, опять на четвереньках выбралась из горна.

Майка подходила к своему дому и вдруг увидела на крыльце Витаху и Миколку. Они о чём-то спорили и подталкивали друг друга к дверям.

Заметив девочку, они расступились и молча пропустили её в дом.

«К кому они пришли?» — заволновалась Майка.

Она быстро взбежала к себе на второй этаж, открыла комнату и кинулась к подоконнику. Он как раз находился над крыльцом.

— Ну, иди первый, — говорил Миколка.

— Нет, ты иди, — возражал Витаха. — У меня рубашка вот рваная...

— А может, совсем не пойдём? Вдруг на его мамашу нарвёмся?

— Идти надо. Только в какой он комнате живёт? И не у кого спросить!

— А ты чего же не спросил у этой девчонки? Она-то ведь твоя знакомая...

Витаха угрожающе посмотрел на Миколку:

— Не ехидничай...

Они вошли в дом. Через минуту Майка услышала в коридоре их робкий шёпот и шаги. Она схватила полотенце, перекинула его через плечо и, выйдя в коридор, прошла на кухню умываться. Майка заметила, что Витаха сделал какое-то движение к ней — видимо, хотел что-то сказать, но не сказал.

Девочка быстренько смочила водой руки и лицо и, вытираясь, вышла в коридор. Но и на этот раз ребята ничего не сказали.

«Вот трусы! — подумала Майка, входя в комнату. — И чего стесняются заговорить? Хоть бы поздоровались!»

Она подошла к зеркалу, заплела распустившиеся косички и связала их венком, потом, расправив на груди немного помятое голубенькое платьице, вышла в коридор. Терпение у неё лопнуло.

— Ребята, — сказала она, — чего вы здесь стоите? Вы к кому пришли?

— Нам Андрея надо, — сказал Витаха, глядя куда-то в потолок.

— Андрюшу? Его нет дома. Я сама его целый день ищу. А что?

— У нас дело до него есть, — замялся Витаха. — Разговор маленький. Они тут с Афоней наш авторитет подрывают среди населения.

Майка почти насильно затащила ребят к себе в комнату и усадила их на стулья.

И тут она узнала следующее: Афоня и Андрюша за пилку и колку дров самым постыдным образом взяли десятку с жены одного инвалида и сказали, что они самые хорошие Витахины приятели.

Рассказывая об этом происшествии, Витаха вскочил со стула и взволнованно заходил по комнате, шлёпая босыми ногами. Миколка с сосредоточенным лицом, как взрослый, стучал пальцем по столу.

— Твои товарищи нас опозорили! — сказал Витаха Майке.

— Вы всегда нам мешаете, — поддакивал Миколка. — Тогда доски стащили и не хотели отдавать, а сейчас десятку содрали в целях личного обогащения.

— Кто это «вы»? — нахмурилась Майка.

— Ну «кто, кто»... — сбавил тон Миколка. — Афонька и твой курортник!

— А почему он мой курортник?

— Потому что ты его сестра!

Майка засмеялась:

— Нашёл мне брата! Его фамилия Марецкий, а моя Можжухина.

— Он сын начальника строительства? — удивился Витаха. — Ты серьёзно?

— Честное пионерское, не вру! — Майка хотела дать это слово под салютом, но задержала руку: она была без галстука.

— Вот никогда не думал, что он такой! — сказал Витаха. — Да имей я отца-начальника, я б своими руками не только спортплощадку, а целый стадион построил! Как чего бы не хватало, я бы к отцу...

— Семён Петрович всё равно бы тебе не дал, — сказала Майка. — Он насчёт материалов строгий.

— Дал бы, если каждый день к нему приставать. Убедил бы его. Ты думаешь, я для себя стараюсь? Вот для таких, как Андрюшка! Вместо того чтобы болтаться где-то с Афоней — куда лучше, пришёл к себе на площадку и го-

най в футбол хоть до потери сознания. И все ребята тут вместе, и жить веселей будет.

— А вы поговорите об этом с Афоней,— сказала Майка.

— Не хочу. Афоня сам должен понять. Он парень башковитый. А сам не захочет к нам прийти — тем хуже для него. У него и у меня отцы погибли за завод, а что он делает для завода?..

— Ничего,— ответила Майка.

— И ты ничего не делаешь,— строго сказал Миколка.

— Да, это верно,— не спорила Майка.

— Ну, а какие выводы напрашиваются? — спросил Миколка.

— Это моё дело.

— А ты скажи!

— Да ладно к ней приставать! — одёрнул Витаха своего приятеля. — Не хочет говорить — и не надо. А мы Андрюшку за такие дела можем к пионерской ответственности привлечь.

— Правильно! — сказал Миколка. — Напишем в Москву — и дело с концом. Дескать, вы нам не того человека прислали, отзовите обратно и всыпьте ему! И всыпят!

— В общем, до свиданья,— сказал Витаха Майке.

— Живите богато... на те денежки,— добавил Миколка и вышел в коридор.

Ребята ушли. Они больше ни в чём не убеждали Майку. Она сама хорошо понимала, что натворили Афоня с Андрюшей.

«Какие у Витахи брови мохнатые! — думала Майка, лёжа в постели. — И лицо такое, как у лётчика. А рубашка на спине драная».

Ноги у Майки были как чужие. Сегодня она много ходила. Положив под локти подушку, она смотрела в раскрытое окно.

По шоссе, оглушительно лязгая гусеницами, прополз трактор. Он тянул за собой два прицепа на резиновых шинах.

Лёгкий ветерок внёс в комнату пожелтевший тополинный лист и бесшумно уложил его на подоконник.

«Осень скоро,— думала Майка.— Как лето быстро проходит! Ещё месяца полтора — и начнётся настоящий листопад. Надо уже сходить в школу записаться. Андрюша-то уедет, а мне жить на стройке».

И вдруг у девочки как-то само собой срифмовалось: стройка — койка.

Она представила себе прокатный цех, домну, много работающих людей, то есть всё то, что она видела сегодня, и тут же вообразила какого-то человека, который в грязной спецовке лежит на койке и покуривает.

Майка усмехнулась: «стройка — койка», а потом вдруг зашептала:

— Кругом в цехах работает народ... Подходит. Если ты пришёл на стройку... Если ты... И если ты хочешь помочь стройке... С утра... С утра...

Последние строки родились внезапно. Майка вскочила с постели и записала в тетрадку:

Кругом в цехах работает народ.
И, если ты хочешь помочь стройке,
С утра иди ты на завод,
А не лежи на койке.

Девочка прошлась по комнате и продекламировала стихи в полный голос. Они ей понравились. Нужно было продолжать.

В это время в комнату заглянул Андрюша.

— Майка,— радостно сказал он,— смотри, что я тебе принёс!

Он развернул бумажку, и стеклянная звёздочка радужно сверкнула.

— Это тебе от Афони и от меня!

— Ты откуда её взял? — хмуро спросила Майка.

— Купил,— сорвалось у Андрюши.

— На те десять рублей, которые вы выпросили у жены инвалида?

— Откуда ты знаешь?

— Знаю вот! Значит, на те десять рублей? Благородный поступок!

— А тебе какое дело, на какие деньги я купил? Я тебе дарю, и всё.

— А я не хочу от тебя такого подарка! У меня был Витаха, и он мне всё рассказал.

У Андрюши задрожали губы, и он сел на стул. «Вот, говорил я Афоне!»

— Зачем вы сказали, что вы Витахины приятели? — продолжала Майка. Лицо у неё было строгое. — Теперь вы не только себя, но и Витаху опозорили! Надо сейчас же отдать деньги.

— Нету больше денег, — тупо вертя в руках брошку, сказал Андрюша. — А Витаха что, хочет рассказать об этом папе?

— Нет, хуже, — сказала Майка, — он тебя выгонит из пионеров.

— А как же он выгонит? Я же не здесь учусь.

— Ну и что же? — ответила Майка. — Он напишет письмо в Москву, в твою школу, а там тебя обсудят и выгонят.

Андрюше стало страшно. Это походило на правду. Майка говорила какими-то железными словами. Нет, пионерский галстук для Андрюши был дорог. Отец — коммунист, а как же его выгонят из пионеров?

— И ты не могла заступиться за меня? — спросил он.

— А что я могла сказать, когда он на меня тоже наступал! И он был прав. Ты помнишь могилу около мартеновского цеха? Там написано, что похоронен Грицай...

— Ну?! — Андрюша вспомнил. Он даже вспомнил, что тогда удивлялся, почему Грицай не Герой Советского Союза.

— Оказывается, знаешь, кто это? Витахин отец. Он на заводе работал и погиб за него. А Витаха его дело продолжает, тоже трудится. Понял? А ты что с Афоней продолжаешь? Ты курортник! И правильно тебя так прозвали.

— Сама ты курортница! — разозлился Андрюша. — Чего ты меня воспитываешь! — И тут же ему подумалось: «И как это я не мог остановить Афону...»

— Ну и что же! Я была курортницей, а теперь не буду.

— А что сделаешь?

— К Витахе пойду!

— Ты ему уже сказала об этом?

— Сегодня не сказала, а скажу.

— Значит, с нами больше не дружишь?

— Нет.

— Ну и ладно, не заплачем. А ты знаешь кто? Ты предательница! И я у тебя больше не буду обедать.

Андрюша вскочил со стула и, не глядя на Майку, вышел в коридор. И, как ему ни жалко было, он бросил брошку на пол и ударил по ней ногой.

Стекло под ботинком хрустнуло.

Андрюша злился на самого себя.

Отпирая свою комнату, он обнаружил в замочной скважине телеграмму:

«Приехала Москву делаю ремонт квартиры целую своих детей.

Мама».

У Андрюши кольнуло под сердцем. Ему стало очень горько. Как плохо, что рядом с ним нет сейчас родной, любимой мамы!

Глава XII

ПИСЬМО

«Серёжа, что же ты не пишешь? Как проводишь лето? Я провожу хорошо. У нас уже яблоки продаются. Они, правда, ещё не совсем спелые, но вкусные. Говорят, в этом году урожай. Наш завод в выходные дни ездит по колхозам и помогает колхозникам. Я не поехал и жалею. Один мой приятель, Афоня, ездил и на корове катался.

Серёжа, ты, наверное, скучаешь в Перловке? А я не скучаю. Тут я дерусь с одними мальчишками. Они воображают из себя и хотят на меня заявление в школу написать. Чтоб из пионеров выгнать. Ты только об этом никому не говори. Я хочу с тобой посоветоваться. Могут ли они меня выгнать, когда не я, а Афоня взял у одной тётки десятку за работу?

Я думаю, не могут. Я же хороший ученик считаюсь, а от общественной работы не отговаривался.

Серёжа, я сам знаю, что пионер должен быть честным, и поэтому десятку я хочу отдать. А денег нет. С девчонками я дружить больше никогда не буду. Они все предательницы и воображают.

Твой друг Андрей».

Глава XIII НА РЫБАЛКЕ

В это утро клёв был отличным. Рыба словно сама просилась на крючок. Часа за два Афоня надёргал полное ведёрко бычков, жирных и увесистых.

Над тихим остекленевшим Днепром, над живописными берегами с буйной сочной зеленью носились ширококрылые чайки. Головки нырков торчали из воды, точно вопросительные знаки. Белый трёхэтажный пароход, освещённый солнцем, проплыл по течению, словно лебедь. Его палубы были пусты. Пассажиры ещё спали.

Афоня, спрыгнув с лодки, вышел на берег. Песок скрипел под ногами. Свежий воздух бодрил тело, и оно было лёгким и подвижным. Из-под замшелой коряги он вытащил всех своих рыб, нанизанных через жабры на тонкий прут, и взвесил их на руке.

После того как Андрюша рассказал Афоне о своём тяжёлом разговоре с Майкой и о том, что Витаха собирается его выгнать из пионеров, немедленно было решено вернуть тёте Фросе десять рублей.

Но как вернуть этот долг, когда в кармане ни копейки? Потом Афоня догадался: надо наловить рыбы.

— Значит, так,— сказал он,— пять бычков отнесём тётке, пятнадцать возьмём себе.

— А может, ей все отдать? — предложил Андрюша.

— Хочешь, отдадим все, но немножко попробуем сами,— согласился Афоня.— Зажигай костёр!

Андрюша встал на колени перед сухим хворостом и чир-

кнул спичкой. Ему в лицо сразу же пахнул горячий воздух. Прожорливое пламя накинулось на сучья и весело облизало алюминиевую кастрюлю, висевшую на палке над костром.

Глядя на то, как Афоня потрошит рыбу и чистит картошку, Андрюша вспомнил о Майке. Она так же быстро и ловко орудует ножом. Но из-под лезвия у неё летели не толстые срезки, а выползала длинная шкурка, тонкая и витиеватая.

Уже прошло несколько дней, как они поссорились. Андрюша часто встречается с Майкой в коридоре, но не произносит ни слова. И она тоже молчит. Проходит и даже не смотрит, будто он пустое место. А как Андрюше хочется сказать, что у него разорвались носки и что он очень соскучился по горячему супу! А потом, с Майкой всегда, всегда можно поговорить о чём хочешь, посоветоваться. А теперь вот живи и советуйся сам с собой.

Андрюша вначале думал, что ему без Майки будет даже лучше. Она, казалось, иногда мешала ему. Но чем дальше заходила ссора, тем сильнее хотелось помириться. С Майкой было как-то веселее, всегда хотелось выкинуть что-нибудь такое удивительное — например, сунуть себе в рот в темноте горящую спичку и показать девочке, как у него просвечивают щёки. А что сейчас вдвоём? Никакого интереса...

Уха вышла наваристая, жирная. Андрюша вслед за Афоней обсосал и рыбки головы, что делать раньше почему-то брезговал.

— Так, говоришь, Майка откололась теперь от нас?

Афоня, как китаец, тонкой палочкой накалывал в кастрюле картошку.

— Ага. Всё кончено,— сказал Андрюша.— Я ещё на аэродроме в Москве понял, что она финтифлюшка. Так и вышло.

Он держал в ладонях горячий рыбий хвост и общипывал с него белое мясо.

— А я по глазам вижу, ты того... переживаешь,— заметил Афоня.— Сердце-то ёкает?

— Нужна она мне очень! — покраснел Андрюша. — Вот уж ни капельки не ёкает!

— И мне она не нужна! А не знаешь, долго у неё сидел Витаха?

— Не знаю. Наверное, долго, раз он её уговорил к себе поступить.

— А ты тоже пойдёшь за Майкой?

— Я? Ни за что! Она меня ещё не знает — я твёрдый!

— Слушай, Андрюшка, — вдруг как-то грустно сказал Афоня, — вот почему у меня, кроме тебя, ещё ни разу не было настоящего кореша? Вот я хотел подружиться в школе, а не мог. Как услышу, кто хоть слово болтнёт против меня, так я прямо шишек и банок вешаю. Почему, а? Вот Миколка сказал, что я единоличник, а какой же я единоличник, когда в школе учусь?

— А правда, с чего это он сказал?

— Кто его знает... Со злости, наверное. Что я, обязан, например, строить эту спортплощадку? Нет! На кой она мне! У меня и так мускулы — на двоих хватит.

Андрюша взглянул на вздувшийся на Афониной руке бугор и сказал:

— Конечно, не обязан. И я не обязан, потому что всё равно уезжаю.

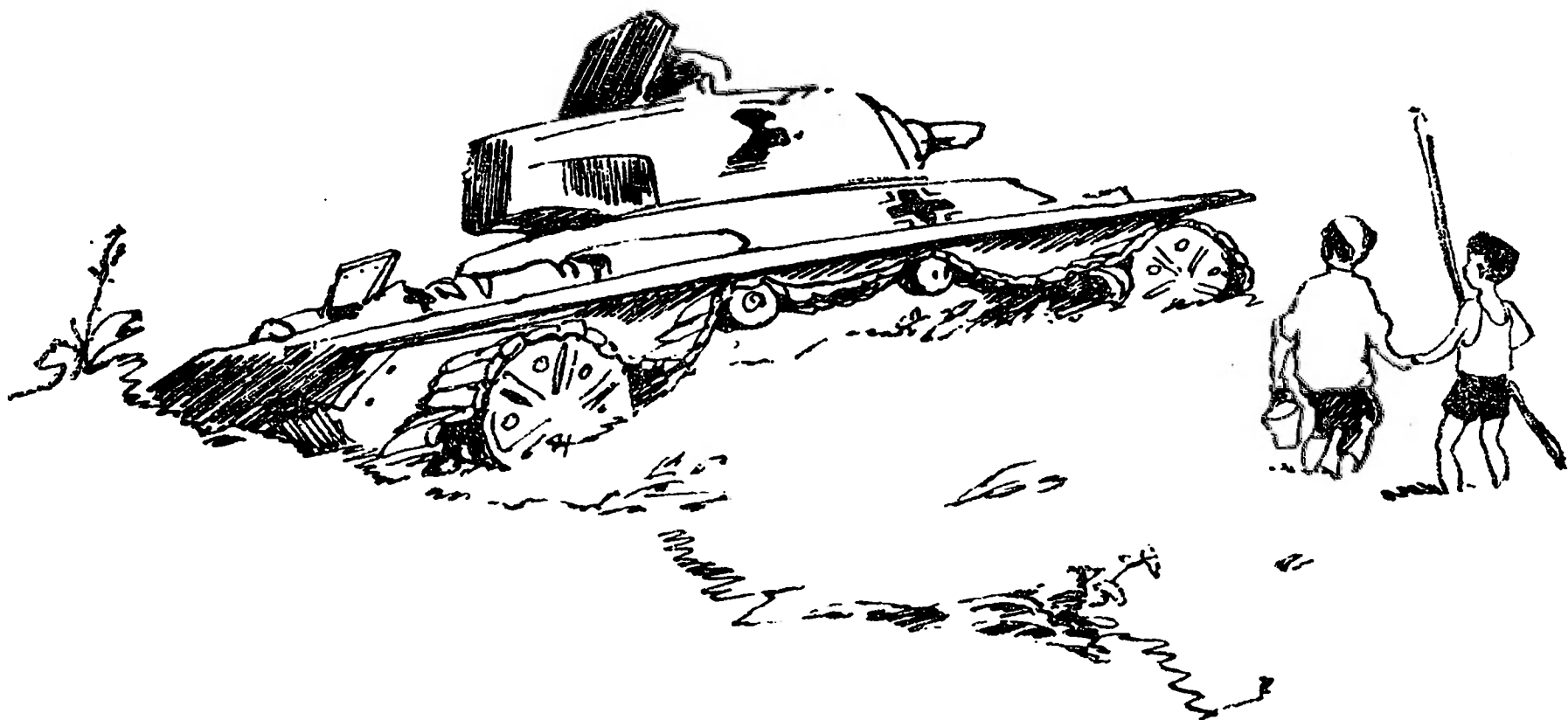
Вдруг Андрюша замолчал, ковырнул пальцем в песке.

— А кто же тогда обязан?.. Афоня, а как ты думаешь, что лучше: если они построят или если не построят?

— Пускай, конечно, делают... Кому-нибудь пригодится. Только меня не трогай. Я сам себе дел найду сколько хочешь. — Афоня весело подмигнул. — Уху варить, купаться... А вот скоро арбузы поспеют, тогда и спать не придётся. Тут по мосту машины идут тихо, а в кузовах — никого. Ну, вскакивай на борт, цоп за арбуз и тикай! Чем не жизнь? — И Афоня, развалившись на песке, погладил себя ладонью по животу. — Красота! — Он зажмурил глаза и прикрыл их рубашкой. С минуту молчал, потом спросил: — А ты танк настоящий видел?

— Видел.

— А залезал в него?

— Нет.

— Тогда пойдём...

За бугром (Андрюша не мог его раньше заметить) стоял самый настоящий фашистский танк.

На этой тяжёлой машине, с белым крестом на боку, подмявшей под себя землю, была оторвана пушка и разбита гусеница. В круглой башне чернела зубастая дырка. Люк был раскрыт. Внутри танка были приятная прохлада и полумрак. Белая краска в отделении водителей обгорела. Под одним из сидений валялся разорванный шлем танкиста с пробковыми обводами.

Ребята облазили танк вдоль и поперёк.

— А он тонн семьдесят весит? — спросил Андрюша у Афони, похлопывая ладонью по броне.

— Весит, наверное...

— Вот махина! А почти что новенький. Как ему наши-то влели! Чик! — и пушки нет.

Андрюша заглядывал и в пушку и лазил внутрь.

Потом ему захотелось по-настоящему испытать, как чувствуют себя танкисты в машине, и он крикнул:

— Эй, Афонька, захлопни крышку!

Афоня поднял тяжёлый люк, и тот с грохотом упал на башню. На голову Андрюше посыпалась ржавчина. В танке стало темно. Андрюша трогал какие-то рычаги, гля-

дел в смотровую щель. Впереди стояли ещё два подбитых танка.

Наконец ему надоело сидеть в машине, и он стал поднимать крышку, но она не поддавалась.

— Эй, Афоня, слезай с люка!

Но Афоня ответил с правого борта:

— Чего ты кричишь?

— Крышку открой!

Афоня вцепился руками в поржавевшую скобу на крышке, но она не поднялась.

— Заклинило! — крикнул он Андрюше. — Ты мне снизу помогай!

— Я помогаю... — растерянно сказал Андрюша. — Не получается...

У Андрюши вдруг запершило в горле. Неужели он отсюда не вылезет? Ему захотелось пить, и он попросил у Афона фляжку с водой. Но она не пролезала в пробоину.

— Афоня, как быть? — дрогнувшим голосом спросил Андрюша.

— Да не скули! Не пропадём! — сказал Афоня и соскочил с танка.

Андрюша поглядел в узкую смотровую щель, и ему стало не по себе.

Кругом, до самого горизонта, лежала волнистая, покрытая балками степь. Зелёная, но уже кое-где желтеющая, она была от края и до края исполосована пшеничными, кукурузными и подсолнуховыми полями. Суховей раскачивал подсолнухи, и они степенно кивали друг другу тяжёлыми головами. Вдали к бледно-голубому небу поднимался всё выше и выше бурый столб. Там двигался смерч.

— Сейчас откроем крышку! — услышал Андрюша голос Афона.

И действительно, с помощью рычага — длинного противотанкового ружья, найденного в обвалившемся окопчике, — Афоня вмиг приподнял крышку.

Андрюша вылез на свет и зажмурился.

— Спасибо! — счастливо сказал он. — Спас! Как на фронте...

Подхватив ведёрко с рыбой, ребята двинулись вдоль берега к заводу.

На Синичкиной улице, зайдя во двор знакомого дома и увидев сынишку тёти Фроси, Андрюша крикнул:

— Эй, пацан, матка дома?

— Нема её,— ответил тот.— За мной соседка глядела и тоже ушла.

— Ты вот что,— сказал Андрюша, протягивая Пашке ведёрко с бычками.— Как матка придёт, отдай ей эту рыбу. Скажешь, принесли долг.

— Ладно...

Когда мальчик подхватил ведёрко, Андрюша почувствовал, что у него немного отлегло от сердца. Теперь Витаха уже ничего не напишет в школу. А почему не напишет? Может написать! Теперь скажет, что Андрюша торговал рыбой,— и будет прав!

Тьфу, чёрт, опять эти тяжёлые мысли!

Глава XIV В ПУСТОЙ КВАРТИРЕ

В большом трёхэтажном доме соцгородка, за шесть километров от завода, Афонины друзья маляры белили потолки, красили стены и окна. Афоня познакомился с ними через тётку. Они около месяца проходили под её наблюдением практику, и Афоня за это время успел с ними сойтись.

Когда Афоня и Андрюша появились в длинном коридоре, они услышали песню. Высокому и чистому, чуть дрожащему голосу вторил мужской бас, сильный и красивый. Песня вылетала из последней по коридору комнаты:

Ты навик моя коха-ана,
Змерть одна ра-азлу-учить нас...

— Наташа с Толькой поют,— сказал Афоня.— Премию по самодеятельности получили. Их в киевский театр брали, а они не пошли.— И вдруг он закричал: — Эй, артисты, здорово!

Песня оборвалась.

— Привет молодому поколению!

Афоня ввёл Андрюшу к малярам и представил:

— Мой друг, товарищ из Москвы!

Молодой парень с забрызганным белой краской лицом — он был похож на припудренного артиста — кивнул Андрюше головой.

Высокая девушка с нежным розовым лицом, к которому очень шёл голубой платок, протянула Андрюше руку.

Андрюша знал: они лишь всего год назад окончили «ремесло», то есть ремесленное училище, и теперь уже работают мастерами.

— Ты чего пришёл?! — спросил Анатолий. — Опять, наверное, за краской — трубу расписывать?

— Я её давно уже покрасил охрой, — сказал Афоня. — Я просто так зашёл, навестить. Как живёте? Может, помочь в чём надо?

Анатолий и Наташа переглянулись. С таким предложением Афоня обращался к ним впервые. Он иногда просил у них в долг кисть, белила, олифу, но о помощи не заикался. А тут...

Анатолий подозрительно осмотрел Афонию:

— И по-настоящему будешь работать?

— По-настоящему. Только я не один, а вот с этим парнем. — Афоня обнял Андрюшу.

Анатолий не понимал одного: с чего это вдруг ребятам потребовалась работа?

Конечно, он мог им дать какое-нибудь поручение, тем более что в малярном деле Афоня уже разбирался, но ему было странно видеть двух мальчишек в этот солнечный день не на реке, а в строящемся доме, пустынном и пропахшем краской.

А дело было просто.

После ссоры с Майкой Андрюша тихо возненавидел Афонию. Только он во всём виноват. И это чувство у Андрюши не прошло даже после того, как они отдали вместе с Афоней свой долг — рыбу.

Андрюша чувствовал, что ждёт минуты, чтобы крепко

поругаться с Афоней, но, немного поостыв и поняв, что, поссорившись с Афоней, потеряет единственного друга, он задумался.

Вот, допрыгался! Сама Майка, человек, которому он так доверял, против него. И, главное, ничего не возразишь: она права. Все кругом работают: отец на заводе, Майка по дому, Витаха площадку строит, а он... ничего не делает.

Но что ему прикажете делать? На завод работать — маленьких не берут, к Витахе после всего происшедшего не пойдёшь... Как же тогда доказать, что ты не курортник?

И вдруг Андрюшу осенила замечательная мысль. Афоня как-то рассказывал, что у него есть друзья маляры, которые учились у тётки. Надо идти к малярам! Работа у них не тяжёлая, и Андрюша докажет, что он не какой-нибудь там белоручка, а тоже соображает, что сейчас надо всем работать.

Разговор с Афоней был короткий: хочет он или не хочет, а познакомить Андрюшу с малярами он должен.

Почувствовав решительность в тоне приятеля, Афоня не возражал. Он тут же оделся и пошёл в соцгородок.

Анатолий позволил ребятам поработать в третьей квартире.

Войдя в третью квартиру, Афоня деловито прошёлся по комнате и прищуренным глазом окинул потолок. На Афоне были рваная, вся в мелу, в масляной краске, военная гимнастёрка и выцветшие галифе, подвёрнутые у щиколоток.

Андрюша был в свежей белой рубашке и в коротких шерстяных штанах.

— Ты вот что,— предложил Афоня,— снимай свою рубашку и надевай мою гимнастёрку. Так лучше будет.

— А ты-то как — голый?

— Голый поработаю, а ты надевай, надевай!

Афоня быстро стянул с себя гимнастёрку и отдал товарищу.

Андрюша подошёл к раскрытой оконной раме — она была как тёмное зеркало — и взглянул на себя. Он одёрнул гимнастёрку, огляделся направо и налево. Ему показалось,

что он стал как-то сильнее, и захотелось, чтобы его сейчас увидела Майка.

— Ну, давай, Афоня, начнём,— сказал он.— Что будем делать?

Афоня сунул Андриюше решето и велел трясти его над ведром, а сам стал кидать в решето известь. Белая пыльца, словно облако, поднималась над ребятами. Просеянную известь, мягкую как мука, Афоня размешал в воде и всё это вылил в краскопульт.

Прибор для побелки — краскопульт — чем-то напоминал Андриюше парикмахерский пульверизатор. Правда, там парикмахер, опрыскивая одеколоном, давил грушу, а у этого большого «пульверизатора» сбоку торчал шофёрский насос. От краскопульта отходила резиновая трубка с дырчатым шариком на конце.

Пока Афоня прочищал провололочкой дырки, забитые краской, Андриюша прошёлся по квартире.

От шагов звенел воздух, и голос был гудящим, будто раздавался в пустой бочке.

Три комнаты соединялись между собой дверями. На кухне, вся забрызганная краской, стояла газовая плита с никелированными краниками.

В ванной комнате, словно глыба льда, лежала на боку белая ванна.

«Вот квартира будет — не хуже, чем в Москве! — подумал Андриюша.— И вид из окна — загляденье!»

Соцгородок утопал в зелени. Вокруг высоких жилых корпусов с лепными карнизами пестрели ковры из синих, белых, красных цветов. С балконов уже заселённых домов свисали длинные гирлянды зелёного вьюна. Вдоль центрального асфальтированного проспекта, будто гигантские подсолнухи, склонив головы, стояли серебристые фонари. А над пешеходными дорожками, образуя зелёные тоннели, сходились кронами могучие липы.

— Любуешься? — подошёл к окну Афоня.— Я тоже всегда люблюсь, как забираюсь повыше. Наш город такой красивый, что ему даже название не подберут. Называют просто — соцгородок.

Ребята принялись за дело. Афоня ходил с леечкой вдоль стен. Андрюша качал насос краскопульты. Из леечки с шипением вырывалась известь, и серые стены становились белыми, будто на них натягивали ещё мокрые, но чистые простыни.

Андрюша качал насос то медленно, с растяжкой, то вдруг включал себя на такую скорость, что сам едва стоял на ногах. Краскопульт раскачивался из стороны в сторону.

— Не рви насос, не рви,— сказал Афоня,— ведь механизм портишь! Ты старайся равномерно качать, а то устанешь быстро.

У Андрюши и впрямь начали болеть руки, спина, но он не подавал виду. Он впервые красил не какую-нибудь палочку, а самую настоящую квартиру!

Вскоре Андрюша прошёлся вразвалку по комнате и потрогал пальцем стену. Она кое-где уже просохла.

— А хороший мы слой положили? — спросил он у Афона и подумал о том, что это ещё вопрос, у кого ответственной работа: у него или у Витахи.

— Слой — что надо! — сказал Афоня.— Я если уж работаю, так не придерёшься!

Потом в другой комнате масляными белилами, тягучими, как сгущённое молоко, они покрывали оконные рамы.

Афоня медленно взад и вперёд водил кистью, и под рукой ложился гляцевитый, жирный слой. У Андрюши плохо получалось: в одном месте было наляпано, а в другом исполосовано.

— Ничего,— говорил Афоня,— у меня сначала тоже рука твёрдо не стояла, а теперь вот как, смотри!

— А ты давно на восстановлении?

— Как наши пришли... А что ты о восстановлении говоришь? Здесь же самое настоящее строительство. Видел, вчера новенькую завалочную машину привезли к мартену? А ты говоришь — восстановление! Кому старье нужно? Вот на кухне раньше газу не было, а теперь будет. Всё по-новому строим.

Афоня всегда, когда говорил о заводе, употреблял слова «мы» или «нам». Сначала Андрюша удивлялся, как этот

мальчик говорил: «Нам сейчас, главное, надо завод отстроить», но, поняв, что на «Жигачёвстали» все так говорят, начиная от уборщицы, которая работает в доме инженеров, и кончая отцом, удивляться перестал.

Вдруг Афоня, ловко соскочив с окна, мазнул краской Андрюшу по лицу и побежал в соседнюю комнату. Андрюша с кисточкой — за ним.

Ребята бегали друг за другом. Афоня был без рубашки, и Андрюша разукрасил ему спину. Но вот Афоня выскочил из комнаты в коридор и, захлопнув дверь, вцепился в ручку. Андрюша подёргал ручку. Потом решил притаиться у дверей. Ждать пришлось минут пять. Афоня почему-то не выходил — наверное, тоже выжидал за дверью.

Вдруг в коридоре слышались шаги. Андрюша насторожился и, только открылась дверь, мазнул кисточкой по протянутой руке:

— Осалил, осалил!

В комнату входил парторг, а за ним ещё какой-то человек. За спиной вошедших улыбался Афоня.

— Ты что здесь делаешь? — удивлённо спросил парторг, взглянув на Андрюшу, а потом на свою испачканную руку.

Андрюша засмеялся:

— Простите, Матвей Никитич! Мы тут с Афоней окна красим.

— Окна красите? Что же, Афоня, значит, спиной, а ты — лицом?

— Нет, это у нас обеденный перерыв был, в салочки играли, а окна мы уже выкрасили.

— А ну-ка, покажи!

Андрюша подвёл парторга к своему окну. Тот осмотрел его тщательно и сказал:

— Неплохо получилось. Ей-богу, неплохо!..

Потом он обратился к своему товарищу:

— Кого сюда поселим? У меня есть предложение: Грицай. Не возражаете? Квартира хорошая, много света. Эта семья заслуживает.

— Значит, как — Грицай? — переспросил товарищ. Он был худой, с бритой головой, в руках держал блокнот.

Парторг кивнул, и его товарищ что-то пометил в своём блокноте.

И только комиссия вышла из комнаты, Афоня шлёпнул кистью об пол:

— Баста! Поработали!

Андрюша опешил:

— Кончать?

— Кончать. Дураки мы, что ли, для Витахи квартиру отделывать!

Андрюша не знал, что сказать.

— Подожди... Только начали работать, а ты... «кончать». Это же квартира не Витахина, а заводская. Не всё ли равно, кого сюда поселят! Понимаешь?

— А нам нечего понимать. Только я тут больше не работаю. В другую квартиру пойду, а в этой не буду.

— А я не хочу в другую. И тебе не советую — пожалеешь...

— Это кто — я пожалею? Из-за Витахи-то?

Афоня потоптался, хотел ещё что-то сказать, но, не найдя слов, махнул рукой:

— В общем, я уйду. И ты уходи. Тебе Витаха ведь тоже насолил. Помнишь, как на домне они тебя чуть не отлупили?

— А я всё равно не пойду! — вдруг по складам произнёс Андрюша и снял с себя Афонину гимнастёрку.

— Что-о? Остаёшься?

— Остаюсь.

— А много ли без меня наработаешь, курортничек? — ядовито сказал Афоня.

— Обойдёмся как-нибудь. Анатолий поможет.

— Ну-ну, посмотрим. Только чихал я с пятого этажа на тебя и на твоего Витаху!

— А мы на тебя с шестого чихали! — запальчиво сказал Андрюша.

— Что сказал? Повтори! — Афоня подошёл к Андрюше и взмахнул рукой: — Как дам — из окошка вылетишь!

— А я не боюсь! И тебе как дам — сам из окошка кувыркнёшься!

Афоня схватил Андрюшу за грудь и притянул его к себе. Но Андрюша его с силой оттолкнул.

— Отойди, не лезь! — сказал он.

— Ах, и ты против меня?! — прошептал Афоня.

— Против! — твёрдо сказал Андрюша.

— А почему?

— Сам знаешь! И пошёл вон отсюда!

— А если не уйду?

— Я тебя выгоню!

Афоня опешил. Что произошло с Андрюшей? Он никогда так не говорил.

— Ладно! Посмотрим, кто к кому на коленках приползёт. Только я тебе этого никогда не прощу!

И Афоня, перекинув через плечо гимнастёрку, вразвалку вышел из квартиры.

Андрюша остался один. Он поднял с полу кисть и принялся за работу. Он видел в окно, как Афоня шёл по проспекту.

Под вечер, возвращаясь домой по шоссе, Андрюша обернулся на соцгородок и отыскал среди домов «свой». Он даже нашёл на пятом этаже и «своё» окно. На сером фоне дома оно ясно выделялось белыми переплётками.

Глава XV ПИОНЕРСТРОЙ

На Ильинском пустыре стояла разноголосица. Сегодня на работу вышел весь Витахин отряд.

К полудню со всех соседних улиц привалило ещё человек двадцать. Услышав, что на пустыре строится стадион, они пришли со своими ломами, лопатами, носилками и стали требовать работы.

На пустыре началась толкучка. Но выручил всех Миколка. Он организовал отдел кадров и, притащив откуда-то поломанный столик и табуретку, уселся в тени под тополем. Во-первых, он записал всех ребят, а во-вторых, против каждой фамилии пометил: «турниковая бригада», «качельная

бригада», «мачтовики», то есть бригада по рытью ямы для мачты.

Тут пошёл шум. Одному хотелось строить качели, а он попадал на турник; другой бы хотел рыть яму, а его послали с тачкой за песком на Днепр. Миколка чуть не дрался, когда, выдавая назначения, видел, что ему не подчиняются.

Но вскоре всё было улажено. Ребята дружно выравнивали пустырь, убирали с него мусор, выкорчёвывали пеньки и засыпали колдобины и выемки.

— Витаха! — кричали носильщики, таща мимо него землю. — Смотри, сколько несём!

— Витаха! — орали с другого конца пустыря, из качельной бригады. — Столбы без обжига будем врывать или обожжём?

А тот с одним из своих друзей ходил между ребятами и портновским сантиметром размечал волейбольную и баскетбольную площадки.

Вскоре на тачке с песком на пустырь въехал Миколка.

— Виташка! — возбуждённо заговорил он. — Вон там, за забором, она ходит. На Днепр ехали — она ходила и сейчас ходит.

— Кто ходит? — спросил Витаха, свёртывая в колёсико сантиметр.

Миколка указал на деревянный забор, стоящий за пустырем, и прошептал:

— Майка там!

— Чего ты врёшь?

— Честное слово! — горячо сказал Миколка. — Она за забором в сучок смотрит. Прогнать?

Витаха взгляделся в забор — он был довольно редкий — и действительно увидел за ним чью-то фигуру.

— Не надо, не прогоняй, — произнёс он. — И не гляди туда!

— Она, наверное, к нам хочет! — засиял Миколка. — Но мы её звать не будем. Пускай сама придёт.

— Правильно. А то подумает ещё что упрашиваем, — сказал Витаха и, заметив, что баскетбольная бригада поднимает на столбы щит, побежал к ней.

Миколка вскочил в тачку, как в легковой автомобиль, загудел губами и, сказав двум мальчишкам, которые сзади него держались за ручки: «Полный вперёд!» — помчался за Витахой.

«Главный инженер» осматривал его участок работы.

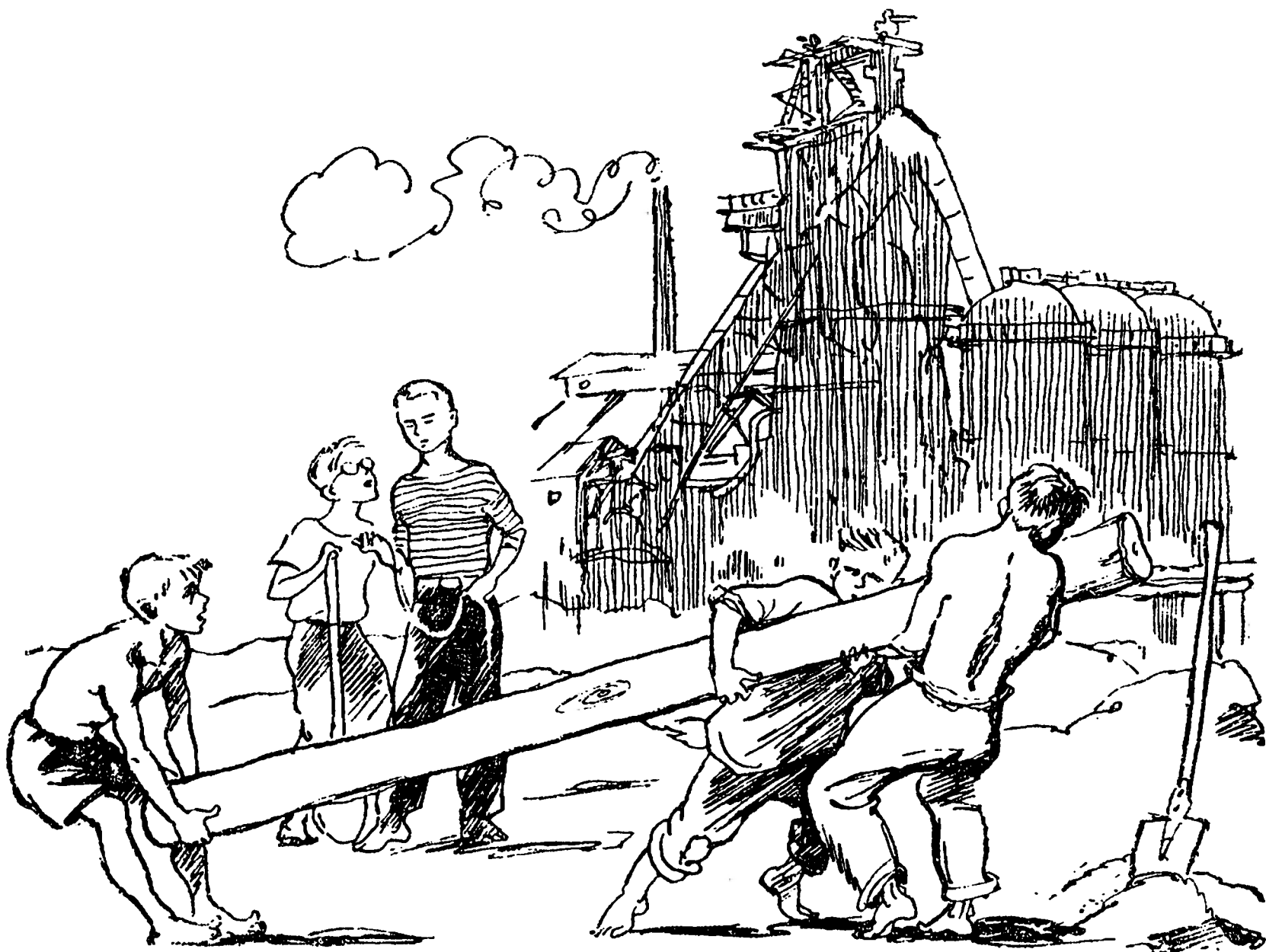
Сбитый из досок баскетбольный щит был тяжёлый. Вместо сетки на нём на крюке висело железное ведро без дна. Специального кольца нигде не нашлось.

Двое мальчишек, забравшись на столбы, осторожно подтягивали щит наверх. Миколка, ответственный за баскетбол, стоял между столбами и командовал:

— Потихоньку поднимайте. Так... Теперь можно укреплять... Сенька, осторожнее! Не хватайся за ведро — соскочит...

И вдруг, будто Миколка сглазил, ведро сорвалось. Ударив его по голове, оно шлёпнулось на землю.

Миколка молча схватился за макушку, обвёл подслеповатым страдальческим взглядом ребят и почему-то запрыгал на одной ноге.

— Ты, Миколка, побегай лучше! — предложил ему кто-то.

Но Миколка не обращал ни на кого внимания. Он усердно потирал шишку.

— Дай-ка посмотреть, — сказал ему Витаха и раздвинул пальцами льняные волосы.

Под ними уже набухал синяк. Витаха чуть дотронулся до него — Миколка присел.

— Больно! — сказал он. — Вот здорово навернуло! А сотрясения мозгов нет?

— Если б ты с третьего этажа упал, тогда дело другое, — успокоил Витаха. — А так — пройдёт.

— Ему топор надо к голове приложить! — посоветовал кто-то сзади Витахи.

Он обернулся и на секунду замер: перед ним стояла Майка.

— Как — топор? — спокойно спросил он.

— Топор холодный, это помогает. А рана у него не открытая? — Тут Майка решительно наклонила Миколкину

голову, чтобы лучше рассмотреть вскочившую шишку.— Нет, не открытая. Это хорошо: не будет заражения. Больного надо положить в тень и дать ему отдохнуть. Хватайте его, ребята!

— А ты чего нами командуешь? — вдруг выговорил Миколка.— Пришла без авторитета и командует.

— Миколка, молчи! — недовольно сказал Витаха и подхватил его под мышки.

С другой стороны Миколку поддерживала Майка. Они пошли под тополь.

— Строительство было не без жертв — так запишут в историю,— сказал кто-то из ребят.— Чем-то тяжёлым был ранен доблестный труженик Миколка. Но без смертельного исхода.

Миколку положили под тополем. По его словам, он чувствовал себя неважно. Но, видно, он не столько был ранен, сколько ему нравилось, что за ним все так ухаживают.

Как-то вышло само собой — все ребята развалились в тени рядом с Миколкой.

— А хорошая площадка получается! — жуя травинку и оглядывая пустырь, сказал Витаха.— Как вы думаете: недельки за две окончим?

— Окончим,— уверенно сказала Майка.

Миколка удивлённо посмотрел на неё, хотел было сказать что-то вроде: «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала»,— но, перехватив суровый Витахин взгляд, смолчал.

— Конечно, тут работы не так уж много,— рассудила Майка.— Ямы выкопать да столбы врыть. А вот если бы тут ещё скамеечки поставить, как на настоящем стадионе, тогда долго провозимся.

— А что? Давайте и взаправду вроем, а? — слабым голосом предложил Миколка.— А ещё можно будку для газированной воды построить.

— Ясно, можно,— поддержал его Витаха.— К нам тогда и взрослые будут приходить.

— И надписи в стихах тут можно повесить,— сказала Майка.— «Здесь гуляй и отдыхай, а про учёбу не забывай!»

— Это кто сочинил? — приподнялся на локте Миколка.

— Я.

— Врёшь?

— Ну вот, стану я обманывать! Я о чём хочу, про то и сочиняю.

— А про меня, например, можешь сочинить?

— Пожалуйста, только надо подумать!

Майка наморщила лоб, и все ребята замолчали.

Наконец Миколка сказал:

— Ага! Не выходит! У тебя ещё мозги не такие, как у взрослого!

— Тише ты! — строго сказал Витаха. — Я знаю, для поэтов самое главное — тишина.

— Написала! — вскочила Майка. — Слушайте! «Ты, Миколка, как иголка, языком ты колешь колко!»

— Вот здорово! — удивились все. — Эпиграмму сочинила!

И тут же мальчишки стали просить Майку написать про каждого стихи — про Петю, про Ваню, Колю и других. Майка на ходу начала придумывать рифмы, которые вызывали у ребят улыбки: «Ваня — баня», «Петя — плети», «Коля — кролик».

А потом она предложила ребятам самим подобрать для неё рифмы и дать пять минут на сочинение. Ребята закричали: «Печка — овечка! Мостик — хвостик! Баба — слабый!» Майка все рифмы запомнила и вдруг через пять минут прочла:

Дед Архип сидел на печке.
По дороге шла овечка,
У неё болтался хвостик.
Глядь, а на дороге мостик!
Этот мостик очень слабый —
Провалилась на нём баба.
И овца нырнула к рыбам!
А за рифмы вам — спасибо!

Все ребята завывали от восторга.

За пустырём раздалось урчание автомобиля, и над забором поднялся жёлтый столб пыли.

Через минуту на поле въехал зелёный «газик». Из него

вылез человек в полувоенном костюме. Он вытер платком потное лицо и огляделся.

— Ура, Матвей Никитич приехал! — воскликнул Витаха и двинулся навстречу парторгу.

Каждый старался подойти к нему поближе, пожать руку.

В кругу толкался и Миколка. Он уже совсем оправился.

— Здорово, пионерстрой, здорово! — улыбаясь, говорил Матвей Никитич, протягивая руки. — Ого, как вас здесь много... Майка, и ты здесь?

— Здесь! — важно сказала Майка.

— А где Андрюшка?

— Нет его.

— Вот пострел! Семён Петрович уже четыре дня дома не ночует, а ему хоть бы что! Совсем забыл про отца. Вы его как увидите, так гоните к отцу.

— Ладно, — сказала Майка и добавила: — А нам, Матвей Никитич, для баскетбола специальные кольца нужны. А где достать, не знаем.

— Баскетбольное кольцо? — переспросил Матвей Никитич. — Такое, с сеткой? Это мы сделаем. Я скажу в механическом цехе.

— А нам и сварочный аппарат нужен, — протиснулся вперёд Миколка. — У нас две трубы есть для железной мачты, свой сварщик имеется — вот Витаха, — а аппарата нет. Скажите, Матвей Никитич, что нам...

Миколку опять оттёрли. Он никак не мог снова подойти к Матвею Никитичу. Но потом, вскочив кому-то на плечи, крикнул:

— Матвей Никитич! Нам и долото нужно!

Матвей Никитич услышал и эту просьбу. И, так как её легко было выполнить, тут же настрочил записку в столярную мастерскую и дал ребятам свой «газик». За долотом с Миколкой хотели ехать человек двадцать, но в машине уместилось лишь восемь.

Матвей Никитич ходил по площадке и удивлялся тому, как хорошо её распланировали. Он пробовал раскачивать уже врытые волейбольные столбы, но они не поддавались.

— Прочно сделано! Молодцы! — поминутно говорил он. — И дружно так у вас получается. Настоящими коммунистами растёте!

— А как же! — сказал Витаха. — Нам сейчас что ни скажи, всё пойдём вместе делать.

— Матвей Никитич, а коммунизм скоро будет? — спросила Майка.

— А как же!.. Вы-то наверняка при коммунизме жить будете. Да и мы, старики, я думаю, доживём. Кругом уже люди новые, жизнь иная...

— А как это, Матвей Никитич, — люди новые? — спросила Майка. — Я тоже новая?

— Новая. И Миколка новый, и Витаха. Ведь вас и сравнить нельзя с каким-нибудь школьником из капиталистической страны. Вы на целых пять голов выше. А почему, знаете?

— Мы здоровее их, — сказал кто-то из ребят.

— Правильно. А ещё?

— Мы пионеры, а они нет, — ответила Майка.

— Правильно. Ну, а самое главное? — Матвей Никитич внимательно обвёл всех глазами. — У них, ребятки, с самого детства знаете какое прививается понятие о жизни? Когда ты будешь взрослым, либо ты будешь другого грабить, либо другой ограбит тебя. А мы... мы воспитываем вас так, чтобы вы и слова такого не знали — «грабёж». Вот, например, Майка: какая у тебя задача в жизни?

Майка застеснялась:

— Я... я хочу поэтом стать.

— Поэтом хочешь стать? — переспросил парторг. — А вот для чего?

— Буду такие стихи писать, чтобы все запоминали...

— Какая боевая! — улыбнулся Матвей Никитич. — Очень хорошее у тебя призвание. Пиши, пиши... И наш завод также опиши в стихах. Он во время войны столько вынес, что о нём надо целые поэмы писать. Знаешь... — Матвей Никитич снял белую фуражку и присел на траву, — в 1941 году фашисты вплотную подошли к заводу и хотели захватить его «тёпленьким», но наши рабочие с войсками

целых полтора месяца обороняли его. Потом немцы собирались снова пустить завод и привезли из Германии своих инженеров. Но и этот фокус им не удался. Мы всё вывезли. А директора этого завода — был такой генерал Фридрих фон Зуппенпифке — я вот этими своими руками в 1943 году на чердаке поймал. Сидит он в темноте и трясётся от страха. А я взял его за шиворот и тяну на свет. Он визжит как поросёнок, думает, что мы его сейчас убьём. Но я не стал о него руки марать — пускай сам народ его судит...

В это время на пустырь вернулся «газик». Миколка жонглировал в воздухе долотом.

— Ну, трудитесь на здоровье! — сказал Матвей Никитич, прощаясь. — А когда турник сделаете, дадите один разочек подтянуться?

— Дадим! — закричало несколько голосов.

«Газик» фыркнул и рванулся. На нём вместе с Матвеем Никитичем поехала кататься вторая партия ребят.

— Хороший человек! — глядя вслед машине, сказал Витаха.

— Очень хороший: кататься даёт! — поддержал его Миколка. — Я вот когда вырасту, тоже пойду на парторга учиться.

Глава XVI

ДРАГОЦЕННЫЕ МИЛЛИМЕТРЫ

В эти дни заводская многотиражная газета «Жигачёвский металлург» выходила под жирными заголовками:

ТОВАРИЩИ! ДО ПОДЪЁМА ДОМНЫ
ОСТАЛОСЬ 5 ДНЕЙ!

ТОВАРИЩИ! ДО ПОДЪЁМА ДОМНЫ
ОСТАЛОСЬ 3 ДНЯ!

Шли последние приготовления. От корпуса домны для её облегчения отсоединялись все трубы. Внутри металлического корпуса вставлялся железный паук-распорка, чтобы

домна не потеряла своей округлой формы. И, наконец, испытывался гидравлический подъёмник.

Домну решено было поднимать в воскресенье.

Эта работа, безусловно, была не секретной, но для того чтобы во время работы присутствовало поменьше «болельщиков» — а «болел» весь завод, — о предстоящем подъёме оповестили только самых необходимых людей.

В Министерство металлургической промышленности полетела телеграмма: «Обещаем дать чугуны в срок».

Работы на домне, как и на других участках, проводились по жёсткому графику. Отойти от графика — значило не выполнить своего обещания. Но этого никто не хотел. У рабочих даже был девиз в стихах:

Слово строителей — твёрдое слово.

Сказано: к сроку — к сроку готово!

...Афоня сидел на лестнице пылеуловителя, как раз напротив домны. Он поспел вовремя!

Когда он утром вылез из трубы и увидел, что к домне в воскресенье собирается — по одному, по два — народ, он сразу же подумал, что это всё неспроста. Он ещё был далёк от мысли, что именно сегодня будет подъём, но, прибежав за взрослыми к домне и взобравшись на пылеуловитель, он понял, что станет свидетелем необыкновенных событий.

Ещё только всё начиналось. Внизу, на земле, Семён Петрович, собрав вокруг себя рабочих и инженеров, размахивая рукой, давал последние наставления. Витахина мать, Мария Фёдоровна, в грязном комбинезоне, в поднятых на лоб синих очках и с газовой горелкой в руках, внимательно слушала его. Матвей Никитич, щуря глаза, оглядывал домну, будто прицеливался, откуда её лучше будет штурмовать. Майкин отец молча курил.

— Ну вот, — говорил Семён Петрович, — сегодняшней день решит всё. Будем работать сейчас без спешки. Правда, у нас всё учтено, но всё-таки, чтобы какая-нибудь мелочь не подвела, лучше не торопиться. Мы и так, вместо того чтобы год строить новую домну, в один день решаем всю проблему. Вопросы есть?

— Всё ясно — надо за дело! — улыбнулся инженер Матюшенко, долговязый молодой человек с длинными, как у женщины, волосами. — Эх, жалко, фотографа не позвали! День-то сегодня вроде как исторический — ведь впервые в мире домну поднимаем.

— Да бог с ним, с этим фотографом! — сказал Семён Петрович. — Дело не в нём. Вы, значит, товарищ Матюшенко, полезете внутрь домны и будете следить за маятником. А вы, Иван Васильевич, подготовьте на земле всё своё хозяйство.

— У меня всё готово, — кивнул головой Майкин отец.

Тут же, среди взрослых, Афоня, к своему удивлению, заметил и Витаху. Скрестив руки на груди, тот стоял с таким важным лицом, будто отвечал за весь подъём. Он был в брезентовой спецовке с засученными рукавами. На его поясе почему-то висели лоснящаяся маслёнка и пук ветоши.

Но вот Семён Петрович хлопнул Майкиного отца по плечу и первый полез на кольцевую площадку, опоясывающую домну. Она находилась на высоте четырёхэтажного дома. Инженер Матюшенко и Матвей Никитич через пробоину просунулись в тёмное нутро домны. И потом — ты гляди-ка! — за взрослыми на домну полез Витаха! Что он там будет делать?

Семён Петрович вынул из кармана мел и, обойдя по кольцевой площадке домну, провёл на уровне своего плеча широкую белую черту.

У Афони от волнения заколотилось сердце. Сейчас начнётся то, о чём говорил весь завод!

Это было ясно — в том месте, где идёт меловая черта, корпус домны должен быть разрезан, но не до конца. И получится, что после подъёма верхней части домны на месте разреза образуется большая щель. А эту щель закроют уже приготовленными стальными накладками, вроде заплат.

Мария Фёдоровна опустила на глаза очки, и под её рукой, вырываясь из газовой горелки, зашипело бледно-голубое пламя. Металл плавился под огнём, и оранжевые капельки стекали по домне. С Марией Фёдоровной работали ещё два газорезчика. Она, вероятно, была их бригадиром

и всё время что-то им говорила и показывала пальцем на меловую черту.

Работа шла очень медленно, потому что стальной корпус был толщиной в полтора сантиметра. Но Афоня никуда не уходил.

Самое интересное было впереди.

Наконец Мария Фёдоровна крикнула:

— Семён Петрович, корпус разрезан!

«Хорошо работают!» — подумал Афоня и почему-то с неприятным чувством и досадой на себя вспомнил, что этой вот Марии Фёдоровне Грицай он не захотел красить квартиру.

— Внимание! — сложив рупором ладони, скомандовал Семён Петрович. — Начинаем подъём!

Двое рабочих, взявшись за ручки, торчащие сбоку небольшого железного ящика, стали их крутить. Это был насос. Самая что ни на есть обыкновенная вода, пройдя через него, уже под сильным давлением устремилась по медным трубкам к подъёмникам — домкратам.

В насосе забулькала вода, и это бульканье было отчётливо слышно, потому что на домне вдруг наступила мёртвая тишина. Прекратились стуки, разговоры. Все начали вглядываться в гигантскую домну. Но она как стояла не шелохнувшись, так и продолжала стоять.

«Сорвалось! — подумал Афоня. — Не выпрямляется!»

У него по спине пробежал холодок.

Он ясно видел, как раздвигались домкраты, упираясь в верхнюю часть домны и сляясь её поднять, но домна стояла без движения. Только прогибалась стальная обшивка.

— Прекратить подъём! — крикнул Семён Петрович и быстро закурил. — Тут что-то держит...

Он снова проверил разрез, а затем вместе с двумя рабочими полез на самую верхушку домны, на колошник.

Пробыли они там минут пятнадцать, затем спустились.

Руки у Семёна Петровича были покрыты ржавой пылью.

— Там труба осела, ну и зацепилась за колошник. Мы отвели её. Теперь можно продолжать, — сказал он.

И снова завертелись ручки насоса.

Вдруг раздался голос Матвея Никитича — радостный, гулкий. Он кричал из нутра домны:

— Десять миллиметров!.. Двадцать миллиметров!.. Идёт, голубушка!

Афоня привстал на своей лестнице и увидел, что щель в разрезанном корпусе увеличилась.

Домкраты продолжали работать.

Витаха, заливая из маслѐнки масло в насос, любовно обтирал ветошью его крышку. Потом он вынул из кармана гаечный ключ и стал им что-то подвинчивать. Он работал старательно, со знанием дела. Иногда он обращался к рабочим, и те с серьёзными лицами что-то объясняли ему.

Афоне вдруг страшно захотелось встать на Витахино место. Он так же хорошо управился бы с маслѐнкой, как это выходило у Витахи. А может быть, даже у него и лучше бы вышло. А что плохого, собственно говоря, ему сделал Витаха?

Потом у Афони мелькнула мысль: а вдруг сейчас поломаются домкраты? Тогда всё дело завалится.

Но он зря волновался. В подъѐме всё было предусмотрено.

— Вбить клинья! — скомандовал Семѐн Петрович.

Раздался оглушительный металлический звон — это били кувалды, — и в образовавшемся зазоре показались чугунные клинья. Теперь уже корпус не мог осесть.

Семѐн Петрович посмотрел в зазор и крикнул:

— Ну как, парторг, обманем время?

— Обманем! — раздался гулкий голос.

Майкин отец стоял на земле возле подъѐмного крана и осматривал толстые стальные накладки, которыми он должен был заделывать брешь в домне. Сейчас их поднимут наверх и будут приваривать к корпусу.

Афоня хотел было сбегать за Андрюшей, чтобы он тоже посмотрел, как умеют в Жигачёве здорово работать, но, с сожалением вспомнив, что они поссорились, остался сидеть на пылеуловителе.

Беспрерывно стучали кувалды, загоняя клинья.

Когда зазор в корпусе стал похож на огромный чёрный

и беззубый рот, в нём показалась голова инженера Матюшенко:

— Семён Петрович! Отвес подошёл к математическому центру. Домна сейчас в вертикальном положении.

На кольцевую площадку вылез Матвей Никитич. Он молча обнял Семёна Петровича и поцеловал его. Потом потряс руки двум рабочим, которые крутили насос, и Марии Фёдоровне. Но, как показалось Афоне, больше всего Матвей Никитич тряс руку Витахе. Афоне стало завидно. Витаха почти ничего не делал — с какой-то маслёнкой возился, — а ему трясли больше всех.

«Вот немножко поработал — и уже почёт! — подумал Афоня. — А ты, как дурак, никакого уважения не имеешь».

Домна была выпрямлена!

Афоне хотелось танцевать, он чуть не съехал по ступенькам пылеуловителя и подбежал к Семёну Петровичу. Тот уже сидел на каком-то бесформенном куске бетона. Перед ним лежала раскрытая пачка «Казбека», и каждый, кто хотел, брал из неё папиросы.

Витаха, развалившись на земле, будто после тяжёлой работы, сладко потягивался. Он не видел Афоню.

К Семёну Петровичу подошёл парторг:

— Вы знаете, за сколько времени мы подняли домну?

— За сколько?

Матвей Никитич отвернул край рукава и поднёс к глазам Семёна Петровича часы.

Домна была поднята за пять с половиной часов.

Афоня даже не заметил, как пролетело это время, словно он сам был на кольцевой площадке и вместе со взрослыми поднимал домну.

Глава XVII

ДИСПЕТЧЕРСКИЙ РАПОРТ

Андрюша сидел у отца в кабинете и, потирая ладонью о ладонь, скучающе озирался.

Утром Майка знаками — Андрюша с ней не разговаривал — объяснила, что его вызывает к себе отец.

Кругом на стенах висели чертежи, диаграммы, какие-то фотографии. На одной была видна панорама довоенного завода с дымящей домной.

В кабинете были стол, диван и тумбочка с графином. А в углу стояли ещё два сдвинутых вместе письменных стола. На широкой общей крышке горели и мигали красные, зелёные, белые глазки. Лампочек было штук сто. И, глядя на них, казалось, что это не диспетчерский пульт, а макет освещённого города.

За пультом сидела смуглая девушка в наушниках. Перед ней на стойке висела серенькая коробочка микрофона, поодаль чернел диск репродуктора. Девушка то и дело трогала кнопки и рычажки включения и с кем-то вполголоса переговаривалась.

Отец что-то быстро писал. Изредка он бросал на Андрюшу взгляд, и по его лицу скользила лёгкая улыбка.

Сын сидел загорелый, обросший волосами — на шее хоть косички заплетай, — в безрукавке и трусах. Ботинки у него были стоптаны. Из правого ботинка выглядывал большой палец.

— Ну, сынок, что нового? — оторвавшись от бумаг, спросил Семён Петрович. — Ты что ж это меня совсем забыл — курьеров за тобой посылать приходится. Я позавчера тебя ждал, вчера волновался, а ты где-то там бегаешь и ни разу не заглянешь сюда... От мамы писем нет?

— Нет ещё.

Семён Петрович, видимо что-то вспомнив, опять склонился над бумагами и начал в них рыться.

— Так... А Майка хорошая повариха? Чем же она тебя угощает?

— Котлеты делает, блины как-то испекла...

Андрюша проглотил слюну. Он давно уже по-настоящему не обедал — с первым и вторым, — а сидел на хлебе, колбасе и картошке.

— Значит, ты сыт у меня?

— Сыт, — вздохнул Андрюша.

Вдруг секретарь Маруся, сидевшая за диспетчерским пультом, громко сказала:

— Семён Петрович, уже пять часов. Рапорт. Все на своих местах.

Отец посмотрел на ручные часы. Лицо его сразу изменилось. Из приветливого и добродушного оно сделалось сосредоточенным, строгим.

Он подошёл к микрофону. Девушка-оператор с карандашом и толстой тетрадью расположилась рядом — приготовилась записывать приказы.

— Внимание! — сказал в микрофон отец. — Первый участок — теплоэлектростанция, докладывайте!

Андрюша услышал, как в чёрном диске репродуктора кто-то откашлялся.

— За вчерашний и сегодняшний день мы смонтировали топку первого котла. Вопросов вообще нет, но нам недодали под мусор три автомашины.

— Гараж, слышите? — Отец покосился на Андрюшу и тихо сказал: — Понимаешь, как тут у меня устроено?

Андрюша, очень заинтересованный, кивнул головой. Вот, оказывается, о каком диспетчерском рапорте говорил раньше отец! Все строительные участки, которые находятся друг от друга за десять — двенадцать километров, соединены телефоном с отцом и каждый между собой. Они слышат друг друга, будто разговаривают в одной комнате. Как придумано!

— Слышу, — ответил гараж. — У меня шофёров не хватает.

— У вас у одного, что ли, людей не хватает? — строго спросил отец. — Я сам тут каждого человека выкраиваю. Когда пустим домну, тогда освободятся люди, а сейчас пока надо что-то придумать.

— Ладно, я придумаю. Посажу за руль механиков.

— Вот и договорились... Мартеновский цех, слушаю вас!

— Установка восьмидесятиметровой вытяжной трубы закончена! — с гордостью сказал репродуктор. — Продолжается кладка ванны.

Андрюша вспомнил: когда он приехал, над мартеновским цехом торчал всего лишь маленький кончик трубы, а теперь она была уже поднята на восемьдесят метров!

— Но у меня, Семён Петрович, скандал,— продолжал мартеновский цех,— кирпич кончается.

— Кирпичный завод, в чём дело?

— Я тут не виноват, Семён Петрович,— медленно ответил вкрадчивый голос.— Я им выдаю по графику, а они сами в день больше укладывают.

— В общем, раз они график обгоняют, им надо выдавать, как только потребуют. Понятно?

— Понятно.

— Семён Петрович, а Семён Петрович! — вдруг влез в разговор чей-то сипловатый голос.— Мне бы драночки...

— Кто это ещё? Подождите... Прокатный цех, инженер Сергеев, докладывайте, почему не выполнили график?

— Балок не было...— растерянно ответил репродуктор.

— Балок не было? — резко переспросил отец.— Ну что ж, хорошо. За срыв задания вы сняты с работы. Без вас обойдёмся, нам такие люди не нужны.

— Но почему же? Ведь я...

— Надо уметь добиваться балок. Прощайте. У меня нет времени с вами деликатничать. Вы уже в третий раз график сорвали. Ваше счастье, что не мартеновский цех — направление главного удара. А то бы — под суд за халатность!

Андрюша никогда не видел отца таким сердитым. «Ну и разозлился! — подумал он.— Даже с работы прогнал».

Ему почему-то стало жалко знакомого инженера в пенсне, который жил у них в доме. О его увольнении ведь услышали на всех участках.

— Железнодорожный цех! — продолжал перекличку отец.

— Вчера и сегодня на завод прибыло сто семьдесят вагонов с оборудованием и стройматериалами. Цемент — с Урала, стандартные дома — из Калинина, кабель — из Москвы, автомобили — из Горького, нефть — из Баку, лес — из Белоруссии, шпалы — из Архангельска, прокатное оборудование — из Краматорска. Вагоны разгружены без задержки. Правда, людей маловато было, но управились.

— Молодцы! — вдруг вырвалось из репродуктора.— Иваненко, зайдите сегодня в партком.

Это был голос Матвея Никитича. Андрюша узнал его сразу. Он тоже, оказывается, слушал рапорт.

— А насосы и стекло прибыли? — спросил отец.

— Нет.

— Тьфу! Вот горе мне с этими поставщиками — всё дело портят!

— Семён Петрович, а Семён Петрович! — опять влез в разговор сипловатый голос. — Мне бы драночки...

— Кто это мне мешает работать? — возмутился отец. — Вы почему без очереди лезете?

— Да дранки надо, Семён Петрович, — взмолился голос. — Работа стоит. Бисов сын Стеценко без ножа режет!

— Не лайся, — возразил кто-то, — сам ты такой!

— Вы что тут, ругаться собрались? — спросил Семён Петрович. — А то живо обоих выключу! Ждите очереди!.. Отдел кадров, ваше слово!

— Сегодня на стройку прибыло десять инженеров — молодых выпускников — и сто монтажников.

— Где вы их разместили?

— Пока что по баракам и землянкам, Семён Петрович. Хотим брезентовые палатки поставить. В них человека по три поместится.

— Ставьте... Центральный склад, выдайте палатки... Главный бухгалтер, подсчитали?

— За вчерашний день, Семён Петрович, произведено работ на один миллион сто тысяч рублей, — продребезжал в репродукторе старческий голос. — Сэкономлено пятьдесят тысяч рублей.

— Хорошо. Я вас выключаю... Ну, кто там дранки просил? — улыбнулся отец.

— Я, Федорчук.

— А, это ты, Федорчук! Что у тебя голос изменился?

— На реке, Семён Петрович, простыл после работы. Потный был. Мне бы дранки...

— Деревообделочный комбинат, что вы там Федорчука задерживаете? Для строительства жилых домов дранку дать немедленно! Никаких возражений!

Девушка-оператор записывала в тетрадку каждое доне-

сение с участков и каждое распоряжение начальника строительства.

Андрюша, сияя, смотрел на отца. Он никогда не думал, что на заводе в день совершается так много работ. И даже подсчитано: они стоят миллион рублей! Подумать только — один миллион! Андрюше было даже невдомёк, что отцу не хватает шофёров, инженеров, рабочих, что он давно ждёт насосы и стекло. Оказывается, что сейчас на заводе домна была направлением главного удара. Как на фронте! И, значит, отец был здесь главнокомандующим. Он принимал донесения с поля боя, снимал плохих начальников. И все его слушались, подчинялись. А он отдавал распоряжения не задумываясь, резко, строго, и это, вероятно, потому, что всё время смотрел на фотографию довоенного завода, дымящего, красивого. Это было очень здорово!

Диспетчерский рапорт заканчивался.

— Теплоэлектроцентраль,— снова позвал Семён Петрович,— а ну-ка, дайте трубку пионерам. Они сегодня звонили мне, когда меня не было.

И вдруг Андрюша услышал знакомый мальчишеский голос. «Витаха!» — догадался он.

— Семён Петрович, на спортплощадке установлены два волейбольных столба, начался монтаж турника и качелей. Нам не хватает железных скоб размером триста миллиметров. Потом, Семён Петрович, для того чтобы сварить из труб мачту, нам нужен сварочный аппарат.

— Я у них там был, Семён Петрович,— поддержал Витаху парторг.— Хорошая спортплощадка получается. Надо сделать ребятам.

— Сделаем,— сказал отец.— Механический цех, Чередниченко! К тебе придут дети, так ты их выслушай и помоги. Потом отрапортуешь.

— Есть!

— Витаха! — вдруг позвал парторг.— Ты у меня просил рекомендацию в комсомол. Можешь зайти, она уже лежит на столе.

— Рекомендацию дали... рекомендацию написали...— слышались в репродукторе детские голоса.

И Андрюша понял, что Витаха рапортовал не один: рядом с ним стояли ребята.

— Спасибо, Матвей Никитич! — секунду спустя ответил Витаха. — Но у нас ещё не закончилось строительство...

— Ничего, заходи, заходи. Я тебя досрочно рекомандую. Нам нужны такие люди, как ты.

Андрюша сидел и изумлялся. С Витахой разговаривали, как с большим, и всерьёз. И строительство спортплощадки, выходит, не какая-нибудь игра, а настоящее дело. А ведь Андрюша также мог бы рапортовать отцу. И все бы знали, что это говорит сын начальника, который тоже помогает заводу. А сейчас — что он мог сказать отцу? Выкрашено одно окно. Мало. Зря потерял время с Афоней! Майка хитрая, сразу туда пошла. А как хочется что-нибудь сделать!..

— У тебя всё, Витаха? — спросил отец.

— Всё. Только один вопросик личного порядка.

— Хорошо, сейчас отвечу... Товарищи, диспетчерский рапорт окончен. — Семён Петрович посмотрел на Марусю: — Отсоедините все участки... Я тебя слушаю, Витаха.

— А вы, Семён Петрович, сына своего нашли?

— Нашёл. Четыре дня не видел. Чего же вы в отряде так плохо за своими пионерами смотрите?

— А мы за ним совсем не смотрим, — тихо сказал Витаха. — Он не наш.

— Как не ваш? — Семён Петрович взглянул на сына. (У того был раскрыт рот. Он не дышал.) — Он же мне говорил, что работает у вас и очень доволен!

— Нет, он ни разу у нас не был.

Андрюша почувствовал, как весь вдруг ослабел. Он хотел что-то сказать в своё оправдание и не мог.

— Ни разу не был? — в изумлении спросил отец. — Гм... Впрочем, я сейчас это выясню... — Семён Петрович отодвинул от себя микрофон. — Андрюша, что это значит?

Андрюша не смотрел на него.

— Ты будешь мне отвечать?

— А что отвечать? — тихо спросил Андрюша.

— Ты вот с этими ребятами работал? — Отец показал пальцем на микрофон.

— Не-ет...

— А чем же ты тогда целыми днями занимался?

— Рыбу удил... гулял...

— В общем, шалтай-болтай — да?

— Да...

— Хорошо, — сказал отец. — Иди сейчас домой и ожидай меня, там поговорим.

Семён Петрович сжал рукой край стола и сосредоточенно посмотрел на Андрюшу. «Ну и попадёт мне от жены за то, что взял Андрюшку с собой! — подумал он. — Вот, не слежу за мальчонкой...»

За дверью Семёна Петровича ждали инженеры, рабочие, и у каждого были неотложные дела. Они вошли прямо скопом, окружили стол. А ещё кто-то крикнул из коридора:

— Семён Петрович, через десять минут совещание, нас уже ждут!

Андрюша вышел из кабинета и, совершенно обессиленный, плохо соображая, что произошло, поплёлся по коридору.

Глава XVIII ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

В эту тяжёлую для него минуту Андрюша остался совершенно один.

Он лежал на кровати и бессмысленно смотрел в одну точку. Он хотел бы сейчас заснуть, но сон не шёл к нему. Скоро приедет отец, и начнётся разговор.

Ох, что бы такое сделать, лишь бы не было этого разговора! Как стыдно!

Отец спросит: «Почему ты не строишь спортплощадку?»

Что ему ответишь? Ну что ему ответишь? «Я поссорился с Витахой и не хотел сходитьсь. А чтобы ты не волновался за меня, сказал, что я с ним». — «Ах, ты, значит, понимал, что Витаха делает полезное дело? Так почему же ты не пошёл всё-таки к нему? Ведь можно было забыть вашу мелкую ссору, правда?» — «Правда. Но мне помешал Афо-

ня». — «А где твоя пионерская сила воли? Ты должен был плюнуть на него. Ты не видел, куда он тебя тянет... Витаху к рапорту допустили, его в комсомол рекомендуют, а ты?»

Нет, как ни думай, а всюду отец был прав.

И действительно: ну почему нельзя было сразу пойти к Витахе? Понравилась Афолина труба? Что Афоня партизан? Да какой он партизан, когда все демобилизованные уже давно работают, а этот ходит и с толку всех сбивает!.. И правильно ребята сделали, что его из коноводов прогнали. Думали, что он герой, а потом раскусили его.

«И как это я не раскусил вовремя!»

И снова Андрюша ругал себя за свою ошибку. Но, как он себя ни ругал, всё же ему предстояло самое худшее — разговор с отцом. Андрюша мог бы выдержать всё-всё, только не это. Ведь отец так трудился, а Андрюша ему подорвал репутацию. Об этом уже, наверное, узнал весь трест: у начальника «Жигачёвстроя» в семье не всё в порядке. Отец ему доверял, а теперь... всё насмарку!

Андрюша ворочался на кровати.

За окнами уже ночь высыпала яркие звёзды. Откуда-то издали ветер принёс слова последних известий. Это, наверное, где-то в рабочем посёлке говорило радио.

Было уже около двенадцати часов. Теперь окончательно ясно, что отец сегодня не придёт. Разговора не будет, но он всё равно будет завтра.

Андрюша встал с кровати, зажёл свет, чтобы постелить на ночь постель, включил радио. Вся комната вдруг наполнилась звуками города.

В репродукторе раздавалось множество голосов, даже можно было разобрать отдельные слова, гудки автомашин — мягкие басы или тоненькие-тоненькие, будто кто-то дул в губную гармошку. Потом весь шум перекрыл мелодичный, медленный бой. Звуки сначала раскатились, словно на землю сбросили десяток звонких стальных балок, а затем раздалось торжественное:

Бам!.. Бам!.. Бам!..

«Москва!.. — вздохнув, подумал Андрюша. — Там мама, Серёжа, а я один...»

И вдруг его будто током прошибло.

Он взволнованно сел на постели. «А что, если...» — подумал он.

В голове всё уже складывалось независимо от сознания. И так всё просто выходило, что лучше и желать не нужно.

Андрюша вспомнил того маленького человека в шляпе и галстукe, который весь полёт из Москвы возле рта держал газетный кулёк, вспомнил, как он рассказывал, что летел однажды на самолёте бесплатно, и вдруг ясно представил план своих действий. Он летит бесплатно в Москву. Через четыре часа будет у мамы, и они вместе дают папе телеграмму. А там начнётся новая жизнь.

Андрюша сел за стол и написал:

«Дорогой папочка! (В этом месте Андрюше хотелось заплакать.) Я улетел в Москву. За меня не беспокойся. Я не хотел тебя обманывать, а всё так получилось из-за одной ошибки.

Андрей».

Андрюша сложил бумажку вчетверо и уже было собрался встать из-за стола, но снова вырвал из тетрадки листок и взял в руки карандаш:

«Майка, не считай меня курортником. Я всё время думал о тебе и о твоём поступке. Я виноват, но я тоже трудился — в соцгородке красил квартиру и окно. Если не веришь, спроси у Матвея Никитича. Когда я буду инженером, я хочу с тобой увидеться».

В старенький рюкзак — Серёжин подарок — Андрюша положил буханку чёрного хлеба, банку с кильками и ножик. В карман пиджака сунул спички и носовой платок.

Ещё было готово. Андрюша оглядел свою комнату и на цыпочках вышел в коридор. Здесь он подсунул под Майкину дверь свою записку.

Андрюша знал, что пассажирский самолёт вылетает из Жигачёва по утрам, и надо было торопиться.

До аэродрома было пятнадцать километров...

...Андрюша шёл долго. Шоссейный булыжник блестел под луной. В стороне от дороги, в степи, кричали какие-то птицы, раздавались пронзительные пiski. А невидимые сверчки — их были сотни — верещали так оглушительно, что казалось, будто по степи со свистками ходит батальон милиционеров.

Когда за спиной исчезли заводские огни, Андрюше стало страшновато. Ему показалось, что он один на всём земном шаре. Начало чудиться, что кто-то крадёт по кустам. Андрюша даже остановился на дороге: а не вернуться ли назад, пока не ушёл далеко? Но, вспомнив, как ему всегда говорил отец, что раз взялся за дело, так доводи до конца, он быстро пошёл вперёд и больше не оглядывался.

Через час он почувствовал, что устал. Он сошёл с дороги и, положив под голову рюкзак, лёг на землю.

Небо было бездонное и красивое. Иногда по нему скользили падающие звёзды. За ними тянулись огненные следы.

«А может, это воздушные корабли каких-нибудь марсиан? — подумал Андрюша. — Вот бы полететь вместе с ними!»

Летишь себе в пространство, а конца ему и нет. «К какой планете пристать? — спрашивает марсианин, почему-то очень похожий на Витаху. — Вон к той или к этой?» — «Давай к любой, — отвечает Андрюша. — Мне всё равно». А сам думает: «Ну и попадёт же теперь от отца! Куда я без спросу от него улечел...»

Андрюшу разбудило урчание первого утреннего автомобиля.

В степи начинался рассвет. Жёлтое пространство дымилось молочно-бледным туманом, будто огромное облако опустилось на землю.

Небо теперь уже было бледно-серым. На востоке розовел горизонт.

Андрюша пришёл на аэродром, когда самолёт, отправлявшийся на Москву, готовился к вылету.

Механики в синих комбинезонах возились около моторов, ходили по крыльям и через тряпочку наливали в баки бензин. Поодаль толпились пассажиры с чемоданами.

Вдруг Андрюша увидел, как из беленького домика аэропорта, где были буфет и радиорубка, вышел высокий человек в синем отутюженном костюме с голубым кантиком по воротничку. На нём была фуражка с лакированным козырьком, над которым золотились два крыла и пропеллер. Он шагал красиво и быстро, и во всём его облике, во всей походке было что-то знакомое.

— Дядя... — Андрюша догнал лётчика — и замер.

Это был тот самый лётчик, который привёз Андрюшу в Жигачёв.

— А вы не скажете, — продолжал Андрюша уже по инерции, — где найти мне главного лётчика?

— Командира экипажа? — Лётчик удивлённо оглядел Андрюшу. — А зачем?

— Вы знаете... я... — сказал Андрюша и почувствовал, как у него сдавило горло. — Мне надо в Москву... Я... голодный...

И, сам не зная почему, Андрюша горько расплакался. В этих слезах было всё: и то, что он не спал целую ночь, и то, что ему было жалко и себя и папу.

Лётчик взволновался. Он присел перед Андрюшей и, мягко взяв за подбородок, поднял его голову:

— Вот те на́ — мужчина, а разревелся, как в детском саду! Что же ты горючее зря тратишь? Ты что, отстал от поезда?

— Нет... то есть да...

— А как же ты отстал?

— Я на поезде гулял, а перрон дёрнулся и... и...

Андрюшины слёзы были искренними. Это лётчик видел. Но он также чувствовал и другое: мальчишка чего-то не договаривает. Вернее, совсем не умеет врать.

— А ты где живёшь-то: в Москве или в Жигачёве?

— Папа в Жигачёве, а мама в Москве. Я с мамой...

— А на какой улице в Москве живёшь?

— На площади Маяковского.

— Да ты же мой земляк! — вдруг воскликнул лётчик. — Я тоже на Маяковского живу. А ты в какую булочную ходишь: в ту, что на углу серого дома?

— Да...

— Вот интересно! И я оттуда хлеб беру. Ну, так и быть, летим! Я тебя и на своём автомобиле к маме подброшу. Как тебя зовут-то?

— Андрюша...

— А меня дядя Коля. Будем знакомы. Ну, полезай в самолёт.

Андрюша забрался по лесенке в кабину и прошёл за дядей Колей в пилотское отделение.

Лётчик усадил его рядом с собой на место второго пилота и стал осматривать приборы.

Андрюша сидел как зачарованный. И по бокам, и сверху, и снизу торчали какие-то рычажки, кнопки, лампочки, часы, приборы с дрожащими стрелками.

Андрюша потрогал штурвал. Он был похож на обыкновенный автомобильный руль, только верхняя часть его была срезана.

Дядю Колю кто-то окликнул с земли. Он выглянул из кабины в окошечко, кивнул головой и, сев опять на своё место, нажал на какой-то рычаг.

И вдруг на правом крыле заревел мотор. Потом включился левый мотор. Самолёт затрясся.

— Летим, да? — радостно прокричал Андрюша.

— Нет, я моторы слушаю, — ответил дядя Коля.

Остановив винты, он ещё минут пять проверял педали и штурвал, внимательно осматривая приборы. Потом посмотрел на Андрюшу.

— Слушай, паренёк, — просто сказал он. — Мне нетруд-

но тебя подкинуть в Москву, через четыре часа ты уже будешь пить чай у мамы, только знаешь — ты меня прости, конечно, но мне кажется, я вот за тобой наблюдал, — у тебя что-то дома произошло. Так или не так?

Андрюша испугался этих слов. Он подумал, что лётчик — гипнотизёр и всё уже узнал, пока он сидел в кабине. Но потом решил, что всё-таки дядя Коля не гипнотизёр. У него были голубые добрые глаза, а для гипнотизёра нужны чёрные и злые.

— Ты пионер? — Дядя Коля вдруг положил на Андрюшину коленку свою твёрдую руку.

— Пионер.

— А я — член партии. Ну вот, давай с тобой поговорим в открытую. Я же всё равно тебя беру. Что у тебя произошло?

Андрюша подумал, что дядя Коля, наверное, поймёт его, потому что все лётчики хорошие, и, как иногда бывает, что не рассказывается близкому человеку, то с облегчением повествуется совсем чужому, — он взял да и рассказал дяде Коле обо всём, обо всём. И про свою ссору с Майкой, и про спортплощадку, которая ему нравилась, и про домну, и про своего близкого друга Афоню.

Андрюша говорил сбивчиво, скороговоркой, перескакивая с одного эпизода на другой.

Наконец закончил. Он был возбуждён. Ему стало как-то легче.

— Да... — задумчиво сказал дядя Коля. — Паренёк-то ты уже взрослый, а посадка в Жигачёве у тебя неважнецкая была. Скапотировал. Что ж ты взял курс на Афоню — ведь по нему далеко не улетишь! Разве так надо жить? Ты гляди туда, куда все передовые люди смотрят — вот как, например, Витаха твой, — тогда уж никогда не ошибёшься. А набедокурил — вовремя исправляй свою ошибку. Понял? А то, что ты квартиру красил, это хорошо. Тебе ещё сколько остаётся жить-то на «Жигачёвстали»?

— Да с полмесяца будет...

— О-о! — вдруг воскликнул дядя Коля. — За эти полмесяца ещё столько можно дел перевернуть, что и Героя Со-

циалистического Труда могут дать... Ну, ты подожди здесь, а я пойду скажу, чтобы уже пассажиров сажали. Через пятнадцать минут вылетаем!

Лётчик вышел из машины и направился в домик, над которым плавала длинная матерчатая колбаса, надутая ветром.

Андрюша задумался. Через несколько часов он будет в Москве! Он увидит маму, Серёжку, будет спать на своей очень мягкой кровати. И мама его накормит любимым омлетом с колбасой и даст стакан сметаны. А потом он пойдёт в школу, встретит своих старых друзей и совсем-совсем забудет «Жигачёвсталь».

Нет, он, конечно, не совсем забудет Майку. Может быть, через месяц он ей пришлёт письмо. Может быть, они опять встретятся с Афоней — почему бы не позвать его в гости на Новый год? А впрочем, это очень хорошо, что Андрюша улетает. Хватит! Пожил! Неудачно, конечно, прожил это лето, но всё-таки узнал, что такое металлургический завод, узнал Украину.

«Ну, а может быть, и не стоит улетать?» — вздохнул Андрюша.

Он увидел в окошко лётчика, который вышел из домика и закурил папиросу. Потом он поднял голову вверх и улыбнулся. На утреннем небе не было ни единого облачка.

Глава XIX КОНЕЦ ТРУБЫ

Поздно вечером Афоня долго бродил под Андрюшиным окном, два раза поднимался на крыльцо дома и всё никак не решался пойти и сказать Андрюше, что он хочет с ним помириться. Он очень хотел мира, потому что такого друга, как Андрюша, у него никогда не было. Конечно, он был не прав, что бросил красить квартиру. Какое ему дело, кого туда поселят: Витаху Грицаю или Миколку-секретаря! Это, собственно, не им дают квартиры, а их родителям за хорошую работу. А Афоня сам уважает трудящихся.

Эх, покрасил бы он тогда без звука, раз Андрюшке при-спичило, и сейчас бы не был в ссоре! А теперь как быть? Конечно, Андрюшка не захочет мириться. И кто бы захотел после того, как курортником обозвали и сказали: «Как дам — в окошко вылетишь!» Обидно же всякому будет. А ведь как сказано было? Сгоряча. А раз сгоряча, так и обижаться нечего. Тут всё можно наговорить...

Афоня несколько раз хотел подняться к Андрюше на второй этаж и наконец, поняв, что он никогда не решится признать, что он не прав — гордость не позволяет, — пошёл к своей трубе. Здесь он вскипятил на костре кружечку горячей воды и, выпив её с куском сахара, лёг спать.

В ящике под Афоней шевелился кролик. Возле трубы кто-то скрёбся. Чьи-то маленькие коготки скоблили железо. Дверь была изрезана прямыми полосками просветов между плохо сколоченными досками. В трубе было как-то противно и неуютно.

«Вот дожил, — думал про себя Афоня, — опять один остался. И почему всё так получилось? Ведь никому ничего плохого не сделал, только с Витахой поцапался, а вышло — со всеми в ссоре. И почему в ссоре — непонятно!»

У Афони на глаза навернулись слёзы. Он увидел себя жалким, несчастным и отовсюду гонимым.

«И ведь, кажется, мальчишек не бью, а они прямо житья не дают — строй с ними! Друзей отнимают... И в школе, наверное, как начнут заниматься, приставать будут. А я, может быть, ещё лучше их могу работать. Вот возьму и уйду в ремесленное училище, тогда посмотрим!»

Афоня вдруг вспомнил подъём домны, Витаху с маслёнкой, вспомнил, как Матвей Никитич пожимал ему руку, и почувствовал сильнейшую зависть.

«Ему почёт — трудился. Наверное, ещё и за спортплощадку спасибо скажут — для всех старался. А я что? Для себя какую-то трубу отделывал, электрифицировать хотел, чтоб удобнее жить было. А к чему? Отделился только ото всех... И когда её только на опоры поднимать будут? Валется без присмотра, а, наверное, денег стоит. А может быть, сходить к Семёну Петровичу и сказать про трубу? Че-

го они про неё забыли? Скорей бы уж тётка приезжала!.. Всё-таки вдвоём будем. А что, если пойти в ремесленное училище? Вот приедет тётка, а я уже — тю-тю! — в ремесленном живу. Говорят, там хорошо, как у военных. Форма — раз, кормёжка бесплатная — два, в-третьих, ещё и деньги платят после практики. Окончу «ремесло», поработаю, потом в техникум пойду, а там и до инженера рукой подать. Вот придёт ко мне Витаха наниматься на работу, а я ему: «Что же, товарищ Грицай, я смогу вас принять, только вам уж тут не придётся командовать. Здесь уж, будьте любезны, меня слушайте...»

Вдруг Афоня услышал снаружи чьи-то шаги.

— Вот она лежит,— раздался сильный голос.

— Вижу. Сейчас покурим и начнём,— ответил тенорок.

«О чём это они?» — насторожился Афоня.

— Да-а... уж немножко нам осталось,— вздохнул сильный.— Поверишь, как в санатории лежал, аж думал — не вытерплю, так руки по делу чесались... Ну, ты кончай курить.

— Да погоди. Ей-богу, в третий раз сегодня закуриваю! Скоро, наверное, совсем разучусь дымить.

Два незнакомца прошлись вокруг трубы и вдруг по ней чем-то ударили. От звона Афоня сразу оглох.

— Эй, эй! Осторожней! — закричал он и, распахнув дверь, выскочил из трубы.

Он наткнулся на какого-то рабочего с фонарём и кувалдой в руке. Тот испуганно отшатнулся:

— Да кто это, мать родная?

— Я... я живу здесь...— сам испуганный, пробормотал Афоня.

— Фу-ты, чертяка тебя задери! Испугал как, аж воздуха нету! — передохнул тенор.

— А ты что делал в трубе? — подошёл сильный. Он был плечистый и низкорослый.

— Живу. Это моя хата.

— Хата? — переспросил тенор.— Да какая ж это хата! Без печки да без окон. В общем, собирайся. Мы сейчас тут расклёпывать будем.

— А я как? — спросил Афоня.

— А кто тебя сюда посадил, ты с того и спрашивай, — сказал сиплый, вскинув кувалду на плечо.

— Я сам въехал. Я вообще-то с тёткой живу.

— Придётся выезжать. Мы вот сегодня на ночь задание получили — расклепать.

— А где же мне ночевать?

— К тётке иди.

— Она у меня сейчас в деревне, а я в землянку пока других пустил.

— Да, Тимофей Сергеевич, а как же, правда, спать-то парнишке? — вдруг спросил сиплый. — Вот не предусмотрели мы его.

— Попался, — усмехнулся тенор. — Пускай к парторгу идёт. Он у нас квартиры распределяет.

— К Матвею Никитичу сейчас уже поздно. Спит, наверное, — сказал сиплый. — Ты вот что, парнишка, иди-ка на Синичкину улицу, найдёшь там мазанку, дом тридцать восемь, и спроси тётю Фросю. Она моя жена. Скажешь, что я тебя прислал. Поспишь до утра, а там — хоть на день оставайся, хоть новую хату ищи.

— Тётей Фросей её зовут? — переспросил Афоня и насторожился: «Мы там дрова пилили! Она!» — Ладно, — сказал он, — барахлишко только кое-какое возьму.

Он вытащил наружу свои вещи, оглядел трубу разок и вдруг что есть силы ударил по двери своей гирей. Доски с треском рассыпались...

В кабинет Матвея Никитича постучали.

— Войдите! — Парторг оторвался от газеты.

На пороге стоял Афоня. В правой руке он держал гирию, в левой — небольшой ящик, в котором что-то двигалось. Через плечо, как солдатская скатка, было перекинута одеяло.

— Афоня? Да ты, никак, в поход собрался?! — удивлённо сказал Матвей Никитич.

— Я к вам. — Афоня поставил гирию и ящик. — Я о жизни хочу поговорить. Меня только что из трубы выселили.

— И тебе негде ночевать?

— Почему — негде? Я в трубу-то только на лето переехал. Я про другое хочу спросить. Как вы думаете, меня сейчас примут в ремесленное училище?

— Поступить туда хочешь?

— Хочу.

— А школа как же?

— А я всё равно инженером стану. В школе буду ли учиться или в ремесленном.

— А может быть, подумаешь?

— Я уже подумал и твёрдо решил. Мне давно туда хотелось. Только не знаю, примут ли сейчас: ведь набора ещё нет.

— А мы можем узнать.— Матвей Никитич снял телефонную трубку: — Алло! Дайте ремесленное... Это кто? Григоренко? Здравствуй, Рубцов говорит. Ты чего домой не идёшь? Тут к тебе хочет один паренёк поступить — Афанасий Завьялов. Как там, найдётся у тебя место? Он партизан, бойкий мальчишка... Работать? Работать Афанасий Завьялов любит!.. Хорошо, спасибо. Я завтра его к тебе и пришлю. Ну, будь здоров! — Матвей Никитич щёлкнул Афоню по носу: — Всё в порядке! Ну, поговорили мы с тобой о жизни?..

В эту ночь Матвей Никитич уложил Афоню у себя в кабинете.

Глава XX

ОПОЗДАВШЕЕ СПАСЕНИЕ

Майка стояла с веником возле дверей, читала и перечитывала несколько раз найденную записку и ничего не понимала.

«Дорогой папочка! Я улетел в Москву. За меня не беспокойся. Я не хотел тебя обманывать, а всё так получилось из-за одной ошибки.

Андрей».

«Что за ерунда? — подумала Майка.— Шутит, что ли?»

Но всё-таки записка была необычайная. О каком обмене он тут пишет? Почему написал «папочка», а записка под её дверью?

Майка осторожно подошла к Андриюшиной комнате и заглянула в замочную скважину. Ключа внутри не было.

— Андриюша!

Никто не отозвался.

— Андриюша, открой! — уже громко сказала Майка и постучала.

В комнате было тихо.

Тогда она выбежала во двор и по пожарной лестнице, что стояла рядом с Андриюшиным окном, взобралась на второй этаж.

В комнате был беспорядок. Дверцы шкафа были раскрыты, на кровати лежала рассыпавшаяся стопка белья. На полу валялась Андриюшина тюбетейка. Записка, оказывается, была не шуточная.

Надо было что-то предпринимать. Но что?

Вчера вечером Андриюша топал по коридору, а сейчас его нет. Значит, он ушёл ночью. До аэродрома далеко. А на какие деньги он полетел? Ой, что будет, если об этом узнает Семён Петрович! Вот Андриюша дурак!

Майка живо спустилась с лестницы, минутку постояла в растерянности, а потом побежала к Витахе. Она понимала, что теперь дорогá каждая минута и надо действовать решительно. «Какой позор! Начитался разных книг и убежал. Нашёл время... погоди, будет тебе баня!»

Витаха, недавно вставший с постели, выслушал Майкин рассказ и отнёсся к Андриюшину побегу спокойно.

— Не может быть, чтобы он убежал! — сказал он, прочитав Андриюшину записку.— Это раньше бегали, а сейчас не бегают. Пугает тебя нарочно — и всё, а ты нюни распустила.

— Но я в комнату заглядывала. Его же нет там! Всё пусто!

— Неважно. Может быть, он под кроватью сидел или в трубе у Афони ночует.

— А зачем ему меня пугать?

— Помириться, может, хочет.

— Значит, не бояться? А то знаешь как бы мне не попало от Семёна Петровича. Скажет — не уследила.

— Конечно, не бойся. А для полного спокойствия, хочешь, ещё разок проверим комнату?

— Пойдём, Витаха...

По дороге они зашли к Миколке и взяли его с собой.

Ребята по очереди приложились к замочной скважине и снова с пожарной лестницы оглядели комнату.

— Наружный осмотр не даёт никаких подтверждений, — заявил Миколка. — Такое состояние квартиры могло быть и без удирания.

Но и у Витахи начало закрадываться подозрение.

— Майка, — спросил он, — а ключ от комнаты он прячет где-нибудь или с собой носит?

— В коридоре прячет.

— Надо вскрыть комнату...

— А если Семён Петрович узнает?

— Ну что ж, мы ведь не жулики.

— Акт! — вдруг обрадованно закричал Миколка. — Мы составим письменный акт: «Комиссия в составе таких-то произвела вскрытие. При вскрытии обнаружено...»

— Вот бумажная душа! — сказала Майка. — Что же, нам без акта не поверят?

Ей не терпелось заглянуть в Андрюшину комнату.

Под дверью она нашла ключ. Щёлкнул замок.

— Только ничего не трогайте руками, — предупредил всех Миколка. — При первом осмотре никогда не трогают.

Но Витаха сразу потянулся к лежавшей на столе аккуратно свёрнутой бумажке.

— «Майка, — вслух прочёл он, — не считай меня курортником. Я всё время думал о тебе и о твоём поступке. Я виноват...»

Он взял у Майки другую записку и, опять прочитав её, сказал:

— А курортник-то, кажется, взаправду убежал! Торопился и записки перепутал.

У Майки опустились руки:

— Что же делать?

— А какой ты, Майка, поступок совершила? — спросил Витаха.

— Не знаю. Я ничего не делала.

— Наверное, что к нам перешла! — гордо сказал Миколка. — А курортник тоже признаёт свою ошибку.

— Одну признал, а другую сделал, — сказал Витаха. — Значит, он пошёл на аэродром. А когда от нас самолёт улетает? Успеем мы? Быстрее в гараж!

Когда они подбежали к гаражу, из ворот, как на счастье, выезжал грузовик со знакомым шофёром Сашей. Он привозил на спортплощадку брёвна.

— Саша, курортник убежал! — выпалил одним духом Витаха. — Надо скорее ехать на аэродром!

— Какой курортник? — Саша остолбенело посмотрел на запыхавшихся ребят.

— Сын Семёна Петровича, — сказала Майка. — Помните, вы нас с аэродрома привозили?

— Это такой чернявенький? — спросил Саша. — Чего это его дёрнуло?

— Ой, мы не можем больше говорить! — воскликнула Майка. — В общем, надо спасать!

— Э-э, я так не поеду, — вдруг воспротивился Саша. — Что же, я буду тратить государственный бензин, а на что, и сам не знаю! Не поеду!

Пришлось ему наскоро всё объяснить.

Саша почесал затылок. Ему надо было ехать совсем в другую сторону.

— Ладно, садитесь. Закрутил ваш курортник карусель! — Он потрянул головой. — Спасать так спасать!

Машина выехала на шоссе.

От скорости ребят бросало из стороны в сторону, но они крепко держались друг за друга.

Ветер надул Миколкину рубаху, и он стал похож на горбуна. Ребята били по Миколкиному горбу и смеялись.

— Вперёд, за курортником! — кричал Витаха, простирая руку по направлению к аэродрому.

На полпути в небе послышался нарастающий гул.

Вдали низко над землёй шёл, набирая высоту, пассажирский самолёт. Он наискось разрезал воздух и лёг на курс. Он проплыл почти над самыми головами и оглушил своим рёвом. Были совершенно отчётливо видны его окошечки, красный номер «1256», серебристые круги его пропеллеров.

— Опоздали! — крикнула Майка, грозя самолёту кулаком. — Улетел! Вот история начинается!

Витаха постучал по кабине. Машина остановилась. Саша вылез на ступеньку.

— Эх, что ж вы раньше ко мне не прибежали! — укоризненно сказал он. — Мы бы его в два счёта сцапали!

И если минуту назад у всех было хорошее настроение, то теперь оно сразу испортилось.

— А может быть, поедем на аэродром? — предложил Миколка. — Зайдём в радиорубку ну и скажем, чтобы этот самолёт вернули.

— Кто тебя послушается! — безнадёжно сказала Майка. — Станут они из-за какого-то мальчишки целый самолёт возвращать!

— Станут, — уверенно сказал Миколка. — Надо обязательно заехать в радиорубку. — Там дадут телеграмму, и курортника на парашюте выбросят.

Майка засмеялась. Но Витаха сказал:

— Миколка прав! Надо ехать на аэродром. А вдруг он туда и не приходил?

Саша нажал на газ. Но теперь он уже не гнал машину: гнать было поздно.

Саша подъезжал к лётному полю и вдруг резко затормозил. По обочине шоссе, бодро размахивая руками, с рюкзаком на плече шёл Андрюша.

Внезапной встречей были ошеломлены все: и ребята, стоявшие в кузове, и Андрюша. Они смотрели друг на друга и не знали, что сказать.

— Бежал? — наконец поборола оцепенение Майка.

— Да.

— А куда?

— К вам.

— А дальше пешком пойдёшь или на автомобиле поедем?

Андрюша стоял в нерешительности.

— Полезай к нам, курор... — сказал Витаха и поправился: — Полезай, Андрей!

— Давай руку, — подошёл к борту Миколка, — а то с рюкзаком не заберёшься.

Андрюша молча протянул Миколке руку...

Саша подвёз ребят прямо к спортплощадке. И вот самое странное и удивительное было то, что они здесь застали Афоню. Зелёной масляной краской он красил качели. Турник был уже выкрашен. Заметив ребят, он воткнул в банку кисть, поднял с земли свою полупудовую гирию и пошёл им навстречу.

— Витаха! — сказал он. — Вот я сдаю свою гирию в фонд спортплощадки... И ещё мы с Андрюшкой дарим заводу танки. Мы их там на Днепре нашли. Пусть в переплавку пойдут!

А через несколько дней Мария Фёдоровна Грицай привезла на спортплощадку два синих сигарообразных баллона. Один был с кислородом, другой — с горячим газом ацетиленом.

Ребята помогли сгрузить эти баллоны с машины, а затем поднесли к ним две тонкие ржавые трубы, которые можно было сварить. Витаха притащил откуда-то железный блок с колёсиком.

— Ну, кто будет сваривать — ты или я? — спросила Мария Фёдоровна у сына, поднимая с земли горелку.

— Уж пускай Витаха делает, — робко сказал Андрюша. — Площадка-то детская...

— Значит, к своему строительству вы взрослых не допускаете? — улыбнулась Мария Фёдоровна.

— А Витаха сварит у нас не хуже, чем взрослый, — сказал Миколка. — Вы же сами знаете...

— По правде-то сказать, этим делом Семён Петрович

приказал мне самой заняться, но ладно, пускай Виташка варит.— Мария Фёдоровна сняла со лба очки и отдала их сыну.

Тот деловито протёр стёклышки, потом проверил соединение резиновых шлангов с баллонами, а затем открыл на горелке краник. Горелка оглушительно засвистела.

— У кого спички есть? — Витаха посмотрел на Афоню. Но тот похлопал себя по карманам и виновато развёл руками:

— Нема теперь, курить бросил!

Спички почему-то оказались у Миколки.

— Ты что это их носишь? — строго спросил Витаха.

— А я на всякий пожарный случай,— сказал Миколка.— Вот видишь — пригодились.

— А ну-ка, дыхни на меня!

Миколка дыхнул на Витаху. Витаха подозрительно повёл носом, а затем сказал:

— Нет, не курит...

От спички на конце горелки зашипело пламя. Его сначала почти не было видно, и Майка даже засомневалась — работает ли этот аппарат?

— Работает, работает,— успокоил Витаха.— Вот давай какой-нибудь предмет...

Афоня вынул из кармана медную проволочку:

— Это возьмёт?

Витаха только дотронулся концом горелки до проволочки — она в секунду сжалась, свернулась и стекла с железной трубы, на которую была положена.

Витаха спустил на глаза железные очки, взял в руку железный прут и, положив его на шов между двумя трубами, нацелил на него горелку.

Железный прут таял у всех на глазах. От него на трубе оставалась только витиеватая строчка. Теперь две трубы уже сливались в одну. Витаха работал молча, изредка только командуя:

— Поверните трубу!.. Поднесите ролик!..

Все ребята моментально исполняли его приказания.

Наконец мачта была сварена. Витаха погасил горелку и вытер пот с висков.

— А ну-ка, давайте посмотрим, какая вышина у неё получилась! — сказал он.

Мачта оказалась высокой. Не врытая ещё в землю, она качалась в ребячьих руках, и держать её было трудно. Но ребятам уже не хотелось бросать её на землю.

В эту минуту каждый ясно представлял себе день открытия спортплощадки и развевающийся над ней красный флаг.

«Здравствуй, Андрюша! Я твоё письмо уже давно получил, но ответить никак не мог. Всё время был занят. Тут в Перловке колхоз есть, и я, как приехал, сразу подружился с ребятами. Я тоже думал, что здесь скучно будет, а потом стал лошадей в ночное отводить... Одна меня так лягнула в бок, что я дышать перестал. А урожай поспел — я на комбайне ездил. Меня на собрании сам председатель похвалил. Я как дачник заработал два трудодня, а мог бы больше. Моя бабушка уже получила их: 5 кг картошки, 3 кг зерна, 6 кг капусты, 20 кг огурцов, 5 кг свёклы и 6 рублей 75 копеек деньгами.

Андрюша, я уже живу в Москве и ходил в школу. Она покрасилась и сушится. Через три дня уже первое сентября, и я никак не дождусь. А скоро ли ты приедешь? Вот, наверное, порасскажешь интересного! Как ты приедешь, мы устроим пионерский сбор, и ты поделишься своими воспоминаниями. Ладно?

Твой друг Сергей».

«Дорогой Серёжа!

Я очень сейчас тороплюсь, потому что бегу на домну. Сегодня мы пускаем чугун. Папа с ума сходит от радости, что мы всё закончили, и я тоже.

А я с ребятами спортплощадку строил, и про неё даже в «Пионерской правде» будет напечатано.

К нам приезжал из Москвы специальный журналист, чтобы нас описать. Он меня со всеми ребятами фотографировал: два раза на волейбольной площадке и один раз у флага.

Мы поставили себе сварную мачту с роликом на конце,

и у нас было открытие. А мачту сварил автогеном один мой хороший знакомый, сварщик.

На открытии парторг завода повис на турнике и покрутился раз десять «солнцем». Вот здоровый, если б ты его видел!

Моего папу министр оставил в Жигачёве, чтобы он дальше пускал прокатный цех, а я еду домой один в поезде. Папа дрожит за меня и хочет вызывать маму, а я не дрожу. А вообще мне папа теперь доверяет, потому что я ему рапортовал на диспетчерском рапорте. Я отвечал за строительство скамеек. А это дело очень трудное — построить на голом поле скамейки. Тут надо и брёвна врыть в землю, и гвозди доставать. А гвозди достал — надо где-то краску искать. Вот я и выкручивался.

Серёжа, хоть нам и надо учиться в школе, но мне не хочется уезжать с завода — у меня тут много хороших друзей.

Новость! Я думал, что шлак, который вытекает из домны, никому не нужен, но это моя ошибка. Оказывается, в шлаке есть сера — это чем лечат ревматизм. Сегодня мы с ребятами для опыта будем принимать ванну в новой шлаколечебнице. Вроде как на курорте.

Я приеду 31 августа. Встречайте с Галкой на Курском вокзале. Как приеду, так обязательно поделюсь воспоминаниями. Я правой рукой поднимаю гирю в полпуда.

Твой друг Андрей».

Глава XXIII ОГНЕННЫЙ РУЧЕЙ

Подъём корпуса домны — это был лишь один из этапов на подступах к чугуну. Для того чтобы задуть домну (то есть зажечь), нужно было закончить строительство ещё многих подсобных агрегатов. Требовалось смонтировать автоматический пульт управления, поднять эстакаду, по которой на самую верхушку домны, будто детские колясочки, забираются вагонетки — скипы с рудой и коксом.

Для отливки чугуна в формы собиралась разливочная машина. По внешнему виду машина напоминала движущуюся лестницу в метро. Но вместо ступенек у неё — ванночки.

Семён Петрович с утра до ночи находился на заводе. Основная работа уже подходила к завершению. Государственная приёмочная комиссия во главе со знаменитым академиком-металлургом теперь почти каждый день принимала готовые к работе объекты.

Вскоре внутри домны был выложен из брёвен и берёзовых дров специальный настил. Заработал скиповой подъёмник, и домна начала загружаться шихтой.

Семён Петрович в последний раз проверил все движущиеся части и позвонил на ТЭЦ, чтобы пустили воздуходувку. С замиранием сердца он увидел по приборам, как в уже нагретые мазутом кауперы ринулся воздух. Когда он нагрелся до 700 градусов, Семён Петрович, взволнованно оглядев присутствующих, скомандовал:

— Дать воздух в домну!

И сразу доменный цех наполнился рёвом. Раскалённый ураган свирепо накинулся на деревянный настил в домне и зажёг его со всех сторон.

Андрюша торопился. Приближался торжественный час — выпуск чугуна. Как ему ни трудно было, но он всё-таки выпросил у папы для своих друзей пять зелёных пригласительных билетов. На домну сегодня пускали только заслуженных людей.

По шоссе с песнями, с гармониками, празднично нарядные, двигались толпы рабочих со своими детьми и жёнами. Вдоль оживлённой дороги на столбах и заборах плескались лозунги, флаги, висели листовки:

Пламенный привет
строителям домны и ТЭЦ!

*Сегодня наша страна получает
первую плавку жигачёвского чугуна!*

СТРОИТЕЛИ И МОНТАЖНИКИ!

Родина ждёт от вас тонкий стальной лист
для автомобильной промышленности!

Все на митинг в честь пуска домны и ТЭЦ!

Андрюша знал: на митинге будет принят победный рапорт правительству, который от имени рабочих и служащих составили отец и Матвей Никитич.

Впереди на фоне бледно-голубого неба, вырываясь будто из вулкана, величаво плыли над домной огромные клубы жёлто-бурого дыма. Рождаясь, они были чёрными, постепенно превращались в коричневые, красные, оранжевые и напоследок светло-жёлтыми растаивали на горизонте.

У Андрюши радостно колотилось сердце. У него было такое чувство, как будто сегодня день его рождения.

Впрочем, такое же чувство было у всех!

Майка, Миколка, нарядные, чистенькие, в пионерских галстуках, и Афоня с Витахой, будто маленькие офицерики, оба в гимнастёрках с блестящими пуговицами, с серебряными бляхами на ремнях, с нетерпением ожидали Андрюшу у входа на домну.

Предъявив контролёру пригласительные билеты, ребята вошли в цех.

В огромном гудящем здании, переполненном гостями, они на секунду растерялись. Их встретила надпись: «Опасно! Газ! Уходи!» — а в нос ударил тошнотворный запах.

Но никто никуда не уходил, а, наоборот, все старались устроиться поудобнее. Десятка два фотографов и кинооператоров со своими треножниками рыскали где им только вздумается.

Стоял оглушительный шум от воздуха, вгоняемого в домну. К нему прибавился другой — пулемётный треск.

Майкин отец, в широкой войлочной шляпе, брезентовой тужурке и рукавицах, вводил уже в летку — отверстие для выпуска чугуна — отбойный молоток. Возле него стояли Семён Петрович, Матвей Никитич и ещё много каких-то важ-

ных людей — орденосцев, Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда.

И вдруг Майкин отец отскочил от летки. В ней заиграло солнышко, и из неё, рыская носиком, выползла огненная ящерица. Солнышко разгоралось всё больше и больше, и вдруг домна ахнула, как живая! Чугунные брызги, словно бенгальский огонь, полетели через цех.

— Ура! Ура! — закричали люди.

Оркестр заиграл Гимн Советского Союза.

Из домны забил сказочный ключ.

Извиваясь, озаряя ослепительным светом цех, жаркая, вся в клубках газа, огненная лава стремительно покатила в исполинские чаши ковшов.

Над заводом загудел тяжёлый гудок. Он начал с низкого тона, словно хотел приноровиться после четырёхлетнего молчания, а потом, вырвавшись на свободу, овладел всей территорией. Его услышали и в Жигачёве, и в соцгородке, и в колхозах за Днепром.

— Ура! Ура! — кричали люди.

Многие заплакали и стали друг с другом обниматься.

У Андрюши захватило дух. Он схватил Майку за руку. Он никогда не видел, чтобы плакали взрослые.

Огонь играл на глазах, на одежде и был обжигающ, но люди теснились к нему всё ближе и ближе, словно лучше хотели рассмотреть чудесное творение и окончательно убедиться в том, что этот огненный ручей — дело их рук.

1950 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ. Повесть

Удар сабли	5
Зойка	14
В дебрях Кара-Бумбы	21
Дела житейские	35
Да здравствуют пампушки!	42
Испытания	51
Легенда о любви	62
Костры наших душ	71
Лёшка и мохнатое	80
Корень женьшень	88

РАССКАЗЫ

Первый взлёт	95
Про Вову Тарелкина	101
Красные яблоки	106
Ванькин папа и всйна	109
Находка	115
Ответственный редактор	121
Бумажный голубь	125
Кутька	133
Лодочный мотор	144
Острое лезвие	152
Запал	159
Синий турман	169
Янтарный мундштук	179

Короткое замыкание	184
Записка	188
Золотая рыбка	193

ОГНЕННЫЙ РУЧЕЙ. Повесть

<i>Глава I.</i> Чрезвычайное сообщение	203
<i>Глава II.</i> В облаках	209
<i>Глава III.</i> Рыжий Афоня	221
<i>Глава IV.</i> Письмо	232
<i>Глава V.</i> Поимка «курортника»	233
<i>Глава VI.</i> Письмо	246
<i>Глава VII.</i> Делегация	247
<i>Глава VIII.</i> Начало	250
<i>Глава IX.</i> Общественные доски	262
<i>Глава X.</i> Проклятая десятка	272
<i>Глава XI.</i> Ссора с Майкой	281
<i>Глава XII.</i> Письмо	291
<i>Глава XIII.</i> На рыбалке	292
<i>Глава XIV.</i> В пустой квартире	297
<i>Глава XV.</i> Пионерстрой	304
<i>Глава XVI.</i> Драгоценные миллиметры	312
<i>Глава XVII.</i> Диспетчерский рапорт	317
<i>Глава XVIII.</i> Знакомое лицо	324
<i>Глава XIX.</i> Конец трубы	331
<i>Глава XX.</i> Опоздавшее спасение	335
<i>Глава XXI.</i> От Серёжи	343
<i>Глава XXII.</i> Письмо	—
<i>Глава XXIII.</i> Огненный ручей	344

К читателям

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Дик Иосиф Иванович

В ДЕБРЯХ КАРА-БУМБЫ

П о в е с т и и р а с с к а з ы

Ответственный редактор *Т. В. Жирова.*
Художественный редактор *А. В. Пацина.*
Технический редактор *И. П. Савенкова.*

Корректоры

Л. М. Короткина и Э. Л. Лофенфельд.

Сдано в набор 16/XII 1969 г. Подписано
к печати 25/III 1970 г. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 22. Уч.-изд. л. 18,19. Тираж 100 000
экз. ТП 1970 № 220. Цена 76 коп. на
бум. № 1. Ордена Трудового Красного
Знамени издательство «Детская литера-
тура» Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени фабрика «Детская кни-
га» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 5156.